

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ
ВОКРУГ СВЕТА
2001

ТУР

ХЕЙЕРДАЛ

Экспедиция
«Кон-Тики»

Азия

США

Чикаго

Нью-Йорк

Лос-Анджелес

Гавайские о-ва

Тихий океан

Атлантический океан

Африка

Экватор

Галапагосские о-ва

Экватор

Панама

Колумбия

Южная Америка

Перу

Лима

оз. Титикака

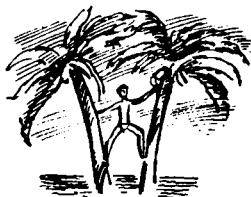
Полинезия

о. Пасхи

Борнео-Полинезия-Борнео

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

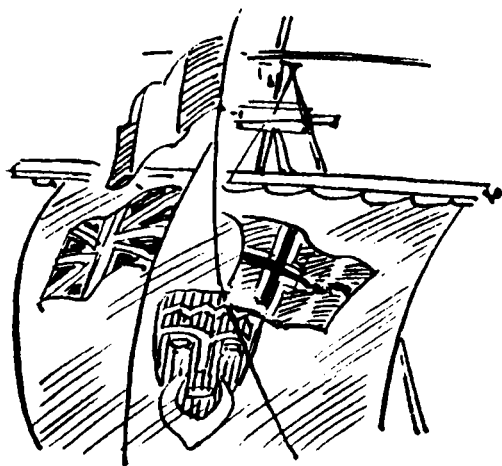
ВОКРУГ СВЕТА

В поисках рая

Экспедиция
«Кох-Мики»

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Перевод с норвежского
Л. Л. ЖДАНОВА

Москва
Армада-пресс
2001

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Нор)-44я5
X 35

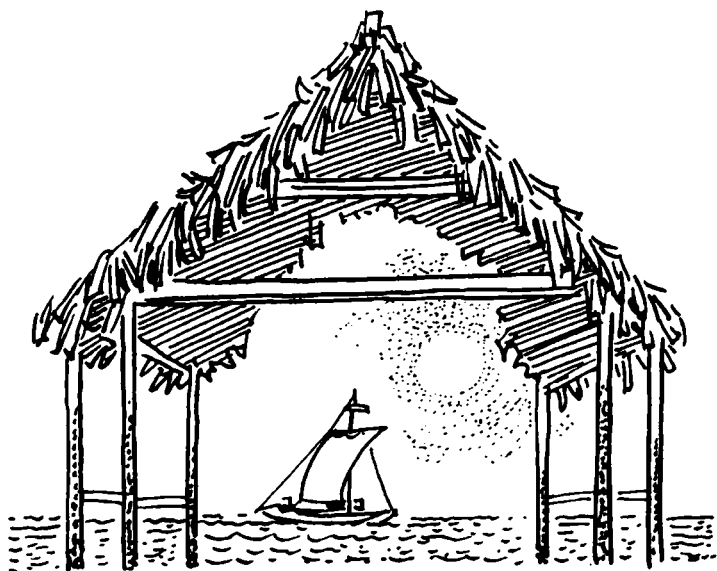
Серия основана в 1997 году

**Иллюстрации
В. Брагинского**

ISBN 5-309-00245-6

© Перевод, Жданов Л.Л., 1971
© Иллюстрации, Брагинский В.Э., 2001
© ООО «Дрофа», 2001
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2001

В поисках рая

К РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Книга «В поисках рая» написана за десять лет до книги об экспедиции «Кон-Тики». Она рассказывает о моих первых исследованиях в Тихом океане. Вышла она в Норвегии как раз перед Второй мировой войной и на другие языки не переводилась. Я провел год на полинезийском острове, пытаюсь жить, как жили первобытные люди, и не подозревал, что мои наблюдения и опыт заставят меня переключиться на совсем другую область науки и десять лет спустя я снова попаду в Полинезию уже на бальсовом плоту из Южной Америки.

Когда писалась эта книга, я был молодым студентом, но, хотя прошло три десятка лет, насыщенных событиями, особых перемен я не чувствую, только непрерывно растет запас знаний и воспоминаний. Один из самых полезных уроков, которые мне преподала жизнь, заключается в том, что человек остается человеком, будь он норвежец, полинезиец, американец, итальянец или русский, когда и где бы он ни жил — в каменном или атомном веке, под пальмами или у кромки ледника. Добро и зло, отвага и страх, ум и глупость не признают географических границ, они есть в каждом человеке. Все мы люди, об этом надо помнить и стремиться к дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству, чтобы человечество могло выжить на нашей маленькой планете, исправляя все, что было попорчено в веках из-за недостатка знаний и уважения к ближнему.

1971 г.

Тур Хейердал

Глава первая

В СОЛНЕЧНУЮ СТРАНУ

Бегство от цивилизации. — Таити: первое знакомство с заветным краем. — Папезте — полинезийский Марсель. — У вождя Терицерао. — Мы становимся полинезийцами.

В тысячный раз склонились мы над пятнистой картой Южных морей. В тысячный раз пристально вглядывались в океанские просторы, надеясь высмотреть точку, которая нас устроит. Одну нетронутую точку среди тысячи рифов и островков! Точку, которую мир еще не заметил, крохотное пристанище, где можно укрыться от железной хватки цивилизации.

Но... заманчивые точки одну за другой, одну за другой перечеркивали маленькие крестики. Долой, не годится! Об этом говорили и объемистые труды, и краткие очерки...

Раротонга — крестик: вдоль всего побережья проходит шоссе.

Мореа — крестик: отели, туристы...

Мотане — крестик: нет питьевой воды.

Хутугу — крестик: нет плодовых деревьев.

Крестик тут (военно-морская база), крестик там (остров мал и густо населен). И вот уже весь лист испещрен крестиками — словно карта звездного неба. И такой же бесполезный для нас...

Чтобы жить, как наши предки, добывая себе пищу голыми руками, требовались совсем особые условия: цветущий край и полное безлюдье. Но все плодородные земли заняты людьми. А там, где нет населения, без помощи цивилизации не обойдешься. Вот почему материка — страна за страной, область за областью — сплошь покрылись крестиками. И теперь настала очередь островного мира Южных морей. Со всех сторон в него вторгались крестики, и кольцо смыкалось все уже...

У самого экватора, где красными стрелами мчится по карте пассат, раскинулись тринадцать островов Маркизского архипелага. Тринадцать крестиков... И когда на карте не осталось ни одной не зачеркнутой точки, сюда, к этим удивительным островам, потянулся ластик.

Нуку-Хива, Хива-Оа, Фату-Хива. Это главные, самые большие. Фату-Хива — живописнейший, благодатнейший остров Южных морей! Мы готовы были без конца читать о нем, разглядывать заманчивые картинки.

Некогда на Маркизских островах было сто тысяч жителей. Теперь осталось две тысячи, да и то часть из них — белые пришельцы. Полинезийцы вымирают с ужасающей быстротой...

А Фату-Хива — благодатнейший остров Южных морей!

Девяносто восемь тысяч исчезли — значит, место есть... Неужели среди древних развалин не найдется уединенного уголка, неужели нет клочка земли, куда не проникли болезни, где не привилась цивилизация и в заброшенных, одичавших садах зреет множество плодов?

Хорошо бы найти необитаемую долину, или маленькое горное плато, или живописный уголок на берегу. Соорудить себе жилье из ветвей и листьев. Добывать пропитание в лесу. Питаться плодами, яйцами, рыбой. Кругом — природа. Пальмы и кустарники. Птицы и звери. Солнце и дождь.

Там мы могли бы осуществить эксперимент: вернуться в дебри. Расстаться с современностью, с цивилизацией, с культурой. Сделать прыжок на тысячи лет назад. Познать образ жизни первобытного человека. Познать истинную жизнь во всей ее простоте и полноте.

Возможно ли это? Теоретически — да. Но что нам теория, мы хотим проверить это на деле! Попробовать, сможем ли мы двое, мужчина и женщина, жить так, как жили наши далекие предки. Сможем ли совершенно отречься от своей нынешней искусственной жизни и во всем, да, во всем обходиться собственными силами, совершенно не пользуясь достижениями цивилизации, всецело упоывая на природу.

Заманчивый Фату-Хива... Уединенный скалистый островок. Богатый солнцем, фруктами, пресной водой. Почти безлюдный. А белых и вовсе нет. Мы обвели Фату-Хиву жирным кружком.

С моря на город полз зимний туман...

Вот как получилось, что мы в морозное рождественское утро, провожаемые леденящим ветром, отбыли в свадебное путешествие на остров Фату-Хива.

И вот почему спустя месяц мы были в числе путешественников, толпившихся у поручней «Комиссара Рамеля». Сто загорелых пассажиров из девятнадцати стран — и у всех одна цель, одна заветная мечта: найти солнечный рай среди пальм. Писатели и правительственные чиновники, художники и искатели приключений, коммерсанты и обыкновенные туристы — все смотрели в одну сторону, охваченные радостным ожиданием. Там впереди, за голубой океанской равниной, за вечно недостижимым горизонтом, — там впереди был Таити, жемчужина Южных морей!

Уже над водой, словно ажурная тень на тропическом небе, легкими призрачными контурами взметнулись зубчатые вершины. Нельзя сказать, чтобы мы впервые видели эту картину. Она была нам знакома по фотографиям, кинофильмам, книгам, журналам. Но теперь мы сами путешествуем! Теперь все настоящее! Лицо гладил ласко-

вый океанский бриз — соленый, согретый солнцем. Впервые за несколько недель в воздухе парили птицы. От носа корабля серебристыми струйками разлетались крылатые рыбки.

Всеми чувствами, всем существом мы впитывали впечатления...

Корабль подходил к Таити.

После долгого плавания впервые повеяло духом земли. Прежде пахло только морской солью и распаренной палубой — теперь пассат принес еле ощутимый, живой, теплый запах почвы и редкостных растений.

Казалось, остров постепенно всплывает над водой. Величественный, устремленный ввысь, вонзающий в небо острые пики... Голубые разломы, тонкие шпили, а под ними весенняя зелень холмов и пригорков. Еще ниже к берегу сползал темно-зеленый лес, разбегаясь пальмовыми рошицами, которые придавали острову неповторимый облик. А в море, поодаль от берега, протянулся живой коралловый барьер. Здесь блестящие голубые валы разбивались вдребезги, рассыпаясь хлопьями белоснежной пены, и, уже обессиленные, скользили к берегу, под пальмы.

Чарующее, неизъяснимо прекрасное зрелище, превосходящее все, что может себе представить человеческий разум...

Так вот они какие, острова Южных морей! Рай, прославленный и воспетый несчетное множество раз! Но никто не сумел передать все его очарование, потому что его нужно видеть, слышать, осязать самому.. Мы стояли у поручней как замороженные. Стар и млад. Только команда оставалась невозмутимой. Нам здесь все казалось удивительным, необыкновенным. А морякам было не впервой, и они не спеша принаряжались к встрече со старыми знакомыми — вахинами¹.

За время плавания мы разучили таитянскую песню и теперь приготовились дружно спеть ее, как только покажутся встречающие нас пироги. Нам хотелось сразу показать, что мы не какие-нибудь цивилизованные сверхчело-

¹ В а х и н а — женщина, жена.

веки, а простые, свободные, счастливые люди — такие же, как местные жители, что мы способны понять островитян, восхищаться ими и их привольной жизнью в солнечном краю.

Ревели буруны. Корабль вошел в проход в коралловом рифе. Вот они, совсем близко, — невиданные травы, поразительные деревья с исполинскими листьями... Сказка... Кроны шелестят, каждый лист трепещет, запах — словно в оранжерее. Просто не верится, что скоро мы будем бродить по этому лесу!

Медленно огибаем мыс, на котором раскинулся порт Папеезе — столица и узел коммуникаций французских владений в Тихом океане. Корабль остановился. Сейчас, сейчас к нам со всех сторон ринется рой лодок, а в них — украшенные цветами смуглые люди. Мы не могли больше сдержаться, и грянула, понеслась под пальмы песня, старинный гимн Таити: «Э мауруу а вау!» («Я счастлив!»)

Если бы вдруг к нам на палубу попал простой конторский служащий из Европы, он принял бы нас за сумасшедших. Пожилой тучный композитор-американец с деревянной ногой запевал, грациозно танцуя вдоль борта. Цивилизованные люди? Только не мы! Мы — дети дикой природы, как те, которые вот-вот поднимутся с лодок к нам на корабль!

И вот появилась лодка. Одна-единственная. Моторная.

В ней, стоя навытяжку, руки по швам — белые мундиры. Мы слегка пали духом, но продолжали кричать, махать руками и петь. Никакого впечатления. Лишь один из мундиров поднес руку к фуражке, приветствуя. Лодка пристала к борту, встречающие поднялись на палубу. Два пальца у козырька, непроницаемое лицо... Паспорта, документы... Бумаги, печати, снова бумаги. Таможенный досмотр. И вот корабль степенно подходит к причалу. Толпы людей, пестрые зонтики, парижские моды, белые брюки с безупречной складкой, соломенные шляпки, яркие галстуки...

Мы было совсем приуныли, но тут деревянная нога опять стукнула о палубу, и мы, улыбаясь и размахивая руками, снова грянули дорогой нашему сердцу гимн. Встре-

чающие вежливо похлопали и один за другим стали подниматься по сходням. Смуглые щеки женщин покрывали румяна, полные накрашенные губы сжимали сигареты. И однако это они, знаменитые таитянские вахины, у каждой за ухом цветок.

Опытным взглядом красавицы оценивали приезжих мужчин. Последнее, что я видел, сбегая вместе с Лив на берег, — это как они выводили из камбуза нашего улыбающегося кока, обвешанного цветами и фруктами.

Что ж, Таити по-прежнему край женщин.

А на корабле весело гремел джаз. Чуть не плачущая англичанка и два улыбающихся таможенника сидели около патефона, прокручивая одну за другой пятьдесят пластинок. Местные правила предписывали проверять все пластинки — как бы кто не ввез враждебную политическую пропаганду...

«Татт-таттаратт-угу», — рвалось из недр патефона.

На пристани кипела жизнь. Носильщики и шоферы осаждали пестро одетых туристов, привезших горы багажа. Смуглые красавицы льнули к морякам. Раскосые торговцы расхваливали свой товар. Правительственные чиновники радостно обнимали друг друга. И всюду толкались островитяне, рассчитывая на сделку.

Плакали дети, гудели автомобили, а из нагретого солнцем железного сарая плыл сладкий, жирный запах. Там в тяжелых мешках лежала копра. Главный источник доходов Южных морей.

Путь к торговле и богатству!

Путь, уводящий прочь от дружбы и счастья...

Утром следующего дня мы стояли на набережной под сенью манговых деревьев. Огромный черный корабль с живой белой бахромой пассажиров и матросов вдоль всех палуб покидал порт. Вот он медленно скользит мимо крохотного зеленого островка в лагуне. Потом выходит за риф и исчезает в голубом просторе.

У самого горизонта мы заметили на фоне неба зубчатые горы Моореа; их силуэт напоминает разрушенную крепость. Моореа — ближайший сосед Таити. Маленький мирок, исторгнутый из пучины за тысячи миль от материков.

Растаял дымок «Комиссара». Все, назад пути нет. Сидим на клочке земли в океане. Ни кают, ни официантов. Теперь надо как-то самим добираться до далекого Маркизского архипелага.

В лагуне плавали удивительные яркие рыбки. Вот красная как кровь. А вот желтая, в черную полоску. Им посчастливилось: далеко не все виды смогли выжить здесь, в сточных водах Папезте.

В лагуне, притягивая наш взгляд, мягко покачивались на длинных валах белые шхуны... Надпись на корме: «Теореора». Это она доставит нас на Маркизские острова. Дикий архипелаг далеко на севере, не тронутый цивилизацией. Когда она выйдет в море? Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Или через месяц. Один лишь капитан, старик Брандер, знает точно. А ему и в Папезте хорошо.

Вместе с потоком людей мы свернули на главную улицу. Женщины звонко смеялись, слезы расставания давно высохли; Папезте — город радости. Звонкие велосипеды и набитые туристами автомашины сновали по асфальту меж низеньких дощатых лавчонок, заваленных товаром. Хрип граммофонов, скрип тележек с мороженым... Крикливые плакаты на китайском, французском, полинезийском языках; куда ни глянь — у всех только самое лучшее! И смуглые островитяне не пропускали ни одной двери, отдавая всю свою копру до последнего кусочка.

В этом-то хаосе мы и встретили Ларсена. Соотечественник, норвежец, Ларсен из Мосса! В соломенной шляпе и полосатых шортах. Ушедший на пенсию учитель.

Мы подружились и в тот же вечер были в гостях у его приятелей, в долине Фаутау, неподалеку от города. Опустилась тропическая ночь, по-зимнему черная и по-летнему теплая. Мы сидели за столом на обращенной к лесу террасе; вокруг коптящей керосиновой лампы на столе плясали тени пяти огромных пивных кружек. Полоска света дотянулась до стены. К освещенному пятну крадучись подбирались ящерки, чтобы молниеносно схватить какое-нибудь крылатое существо и тотчас укрыться с добычей в темный уголок.

Вот показался косматый паук, здоровенный, отвратительный, как кошмар. Вот что-то, шурша, вырвалось из

мрака, метнулось к лампе, к стене, к нам, опять к лампе. Тощий кот вскочил на стол и схватил трепещущий комочек. Ночная бабочка исчезла в утробе кота. Тараканы и ящерики испуганно бросились наутек.

Где-то в безмолвной ночи родился шелест листьев: с гор подул прохладный ночной ветерок. Нам с Лив все казалось сказочным. Густой черный лес с огромными глянцевыми листьями стоял перед нами глухой стеной, над которой на фоне звездного неба, венчая стройные высокие стволы, качались взъерошенные кроны кокосовых пальм. Южный Крест. Незнакомые звезды. Лежащий на боку лунный серп.

На лужайке перед домом выстроились какие-то тропические растения. Я различил большие гроздья бананов. А вот черные силуэты плодов хлебного дерева. Многие плоды были мне вообще неизвестны. Удивительный край! Вот эти длинные ветки, совсем рядом, протянулись от кофейного дерева! В саду тут и там посажены цветы. Поразительные цветы! А какой воздух! Теплый, дышащий плодородием.

Кто-то закудахтал на дереве. Куры — дикие куры, объяснил Ларсен. И рассказал, что они нередко несутся прямо на террасе. Хотя вообще-то яйца найти трудно: их уничтожают крысы.

Наши новые друзья — Ларсен, швед Калле Свенсон и англичанин Чарли Хеллиген — были старожилками на острове. Калле Свенсон заведовал складом фирмы «Дональд», самой крупной торговой компании в колониях. Чудесный парень. Женится на островитянке с Туамоту, умной приветливой женщине, настоящей красавице. Трое детей появились на свет в маленьком домике в долине Фаутау.

— Ну как, нравится вам Таити? — полюбопытствовал Свенсон, вылавливая из пива кузнечика.

— Природа... — мечтательно произнес я. — В жизни не представлял себе, что на свете есть такое чудесное место.

Свенсон утрюмо поглядел на пальмы, кланяющиеся ночному ветру.

— Одной красотой не проживешь, — сказал он. — И будто в Швеции не красиво!

— Не так, как здесь, — возразил я. — Конечно, после стольких лет вдали от родины она вам кажется прекраснее. Вы уже привыкли к чудесам здешнего края. А мы только что вырвались из объятий зимы, нам легче сравнивать.

Я перечислил все недостатки своего отечества, расписал удивительные красоты Таити. Хотелось, чтобы он понял, как ему хорошо, осознал, что живет в краю, о котором все мечтают: Южные моря, земной рай.

Но Свенсон твердо стоял на своем. Его тянуло домой. Да-да, он хотел бы уехать с женой и детьми в родную Швецию. Здешние нравы погубят детей. Мне не удастся его переубедить.

— Вы только что приехали, — говорил он. — Подождите, через месяц вы меня поймете. Сейчас вы ослеплены, как все новички. Не обольщайтесь: вы не найдете на Таити утерянный рай.

Остальные засмеялись. Меня озадачило их единодушие.

Хеллиген оторвался от кружки. Маленький скромный молчаливый англичанин решился что-то сказать.

— Рай обретает тот, — спокойно произнес он, — кто возвращается на родину.

Он прожил на Таити двадцать лет.

— А вы где родились? — удивленно спросил я.

Он родился в Лондоне. В Лондоне!

— Эх, как вспомнишь Норвегию! — вырвалось у Ларсена. — Один крыжовник чего стоит.

Я оторопел. Крыжовник. Кругом такое обилие тропических плодов, а он — крыжовник. Я показал на деревья и кустарники, усыпанные фруктами, цветами. Но Ларсен фыркнул с таким презрением, что чуть не потушил лампу. Хеллиген вовремя прикрыл ее рукой.

— Разве можно это сравнить с крыжовником! Только представить себе: стоишь в саду и, не сходя с места, ешь крыжовник сколько влезет!..

Лицо учителя Ларсена сияло. Не успел я его перебить, как он уже принялся расписывать прелести серого хлеба с козьим сыром, свежего молока и киселя из морошки. Со сливками.

— Но ведь вы не первый раз на Таити, — вставил я наконец. — Зачем вы сюда вернулись, если вам тут не нравится?

— Молодой человек, — ответил Ларсен. — Тогда Таити был совсем другим. Всего четыре года назад на белых смотрели снизу вверх. А сейчас островитяне только смеются над нами и прохаживаются на наш счет. Я понимаю их язык и слышу, какими замечаниями нас провожают. До чего же нынешние избалованы, как нос дерут, а все эти восторженные туристы и хвалебная реклама. Рай!.. Этот рай у меня уже вот где сидит. Кто ни придет сюда, непременно должен потом написать книгу. А чтобы ее покупали, непременно нужно про рай вернуть. Кто станет читать, если напишешь, как есть на самом деле? Да никто. Людям подавай романтику и красоты. Кому нужны железные сараи и битые бутылки?.. О таком не пишут. Вот и стараются, изображают Таити таким, каким он был в каменном веке, когда туземцы бегали в лесу, прикрытые лишь фиговыми листочками, пели и плясали вокруг костра. Ввозят из Франции укулеле, а из Америки лубяные юбки, которых здесь раньше никогда не было. Сочиняют полинезийские мелодии, учат островитян играть на укулеле и плясать в юбочках перед кинокамерой — надо же что-то на экране показать. И люди смотрят, хлопают в ладоши и восхищаются: ах, до чего же там все примитивно! Вот именно: Таити должен прикидываться примитивным. Чтобы не иссяк поток туристов. Чтобы книги нравились читателям. Чтобы все билеты на сеанс были проданы. И чтобы белый человек не чувствовал вины за все то, что здесь натворил. Я вот когда-нибудь выпущу книгу тут, на острове. На полинезийском языке. Книгу о рае Северного моря, такую же правдивую, как все ее сестры, болтающие о Южных морях. Опишу Норвегию: не страна — мечта, там викинги сидят на льдинах и высекают огонь из камня, а женщины в медвежьих шкурах отплясывают халлинг¹ и рожают детенышей с лыжами на ногах.

¹ Х а л л и н г — норвежский народный танец. (Примеч. пер.)

Ларсен остановился, чтобы перевести дух, и налил всем еще домашнего пива. Я взглянул на Лив, которая не могла оторвать глаз от леса, от этой колышущейся стены волшебных растений. Неужели правы наши друзья?! Неужели здесь, где такая чудная природа, все тлен и гниль?! Нет. Уж во всяком случае не на Маркизских островах!

Мы поделились с друзьями нашими планами. Свенсон рассмеялся.

— С первой же шхуной вернетесь, — предсказал он. — Мрачные острова эти Маркизы. Дикие горы, узкие долины, населения почти не осталось. Конечно, зрелище внушительное, и растительность богаче, чем тут, но мало кто выдерживает тамошнее уединение. Народ на Маркизах куда утрюмее здешнего. Ведь они еще не так давно были людоедами.

Никто из наших друзей сам не бывал на Маркизских островах. Но все они слышали об их пышной растительности и уединенности. Видно, там и впрямь дикий край. Что-то особенное...

— А есть у вас нужное снаряжение? — спросил Свенсон.

— Снаряжения, — ответил я, — никакого нет. И не надо. Будем карабкаться на деревья за плодами, будем ловить рыбу в море — как островитяне. Правда, я везу банки и препараты для зоологических коллекций...

Бурное оживление.

Учитель Ларсен похлопал меня по плечу.

— Молодой человек, — сказал он. — У вас не совсем верное представление о Южных морях. Ступайте-ка к лавочнику да купите себе примус. А заодно кастрюлю, сковороду и ящик консервов. Кроме того, запаситесь мешком муки, рисом и сахаром. Не забудьте хороший фонарь, не говоря уже об одежде и противомоскитной сетке.

— А плед для защиты от ночного холода? — вступил Свенсон. — И топор, пилу, гвозди. Если только вы не думаете снимать квартиру у островитян.

— Помните, вы не в обетованной земле, — объяснил Ларсен. — Жареные поросята в рот сами не прилетят, тут нужна сковородка, нож, спички, наконец бидон керосина. В лесу сырые дрова.

— Лекарства! — подхватил Свенсон. — Бинты, йод, салол.

— У меня есть отличное средство от нарывов, — заверил нас Ларсен.

— Нарывов? — переспросил я.

— Ну да, нарывов, — продолжал Ларсен. — У меня был друг, и однажды у него вскочил нарыв...

— Ипохондрик ты, — ответил я. — Это что же, возвращаться к природе, волоча за собой целый воз?

И все-таки, идя вечером к себе в отель, мы с Лив заколебались.

— Ладно, возьмем топор, — сказал я.

— И кастрюлю, — добавила Лив. — Что ни говори, они бывалые люди, знают больше нас.

— Как только научимся обходиться без всего этого, отдадим кому-нибудь, — продолжал я.

— Правильно! — подхватила Лив. — Назад ни шагу!

— И вообще, прежде чем уединиться, не худо бы немного освоиться с образом жизни островитян. А что, не поехать ли нам пока в глубь острова и снять там домик?

— Шхуна уйдет, — возразила Лив.

— Это еще не скоро будет, и ведь можно попросить капитана, чтобы он нас вовремя известил. Здесь же всюду ходит автобус.

Вернувшись в отель, мы никак не могли уснуть. Тысячи мыслей и впечатлений роились в голове, тысячи комаров пищали над сеткой.

Что-то готовит нам будущее?

Я критически взглянул на объявление на стене: «Запрещается входить в отель в набедренной повязке. Не разрешается приводить в номер уличных женщин».

Из окна на стену падал луч света. Я проследил за ним глазами — в небе над лагуной плыл месяц. Под окном в теплом ночном воздухе благоухали цветы. Маленькие искрящиеся волны тихо плескались у берега. Издали, оттуда, где протянулись рифы, сливаясь с шорохом листвы, доносилась песня Южных морей — неумолчный гул бурунов. Пустынные улицы притихли.

Пальмы, луна — идиллия!..

За обеденным столом вождь Териероо-а-Териеро-оитераи, повелитель семнадцати вождей Таити, занимал вдвоем со своей супругой целую скамейку. С достоинством, не торопясь, он уписывал многочисленные блюда, великолепно обходясь без ложки и вилки. Жареная свинина и ананасы, сырая рыба и раки, бананы и цыплята, устрицы и плоды хлебного дерева, крабы и дыня, манго и папайя — нет, не счесть всего того, что он поглощал. И мы, как могли, старались не отставать.

Супруги были лучшей рекламой местной кухне. Улыбающийся, плечистый, могучий Териероо весил добрых сто двадцать пять килограммов, и его добродушная жена нисколько ему не уступала. Скамейку напротив занимали миловидные дети вождя; они робко поглядывали на нас из-за горы снеди. Их меню состояло из кофе, плодов хлебного дерева и таитянского кокосового соуса, и ели они бесподобно, явно мечтая достичь комплекции отца. Общественный вес знатного таитянца прямо пропорционален его телесному весу. Наши хозяева были на высоте, достойные потомки исконных полинезийцев: настроение неизменно отличное, всегда веселые и склонные к шутке, завтрашний день их не тревожит.

Вождь Териероо откровенно гордился своим объемом.

— Вот смотрите, как надо есть суп, — сказал он, погружая в тарелку пятерню.

Его широкая ладонь и впрямь был отличным черпаком...

Притихшие ребяташки восхищенно глядели на отца. Широко улыбаясь, вождь объяснил нам, что у ложки и вилки противный вкус. К тому же с ложки суп попадает на язык, а это неправильно. Вот когда пьешь из горсти, суп ласкает нёбо и отдает весь свой аромат.

Я последовал примеру гурмана Териероо и одобрительно кивнул. Лив новый способ дался труднее, но и она постепенно освоилась.

Услышав, что мы собираемся на Маркизские острова, Териероо загорелся.

— Эх, будь я помоложе, отправился бы с вами! — воскликнул он.

И мы не сомневались, что он бы это сделал. Маркизский архипелаг — сказочный край, говорил вождь. Сам он никогда там не бывал, но многие его знакомые, живущие здесь же, в долине Папену, плавали на Маркизы и рассказывают чудеса про эти острова. С каждой кокосовой пальмы там за один урожай собирают по сто орехов, а фруктов в маркизских долинах — тьма-тьмушая. Особенно на Фату-Хиве, самом южном острове архипелага.

Там не надо, как на Таити, лазить в горы за апельсинами, они растут внизу. Даже красный горный банан феи (любимое блюдо вождя) растет в долинах. А на Таити только самые искусные скалолазы могут добыть феи. Собирают, потом продают на рынке в Папезте.

А еще на Фату-Хиве нет бурых крыс, не надо для спасения орехов обивать жестью стволы кокосовых пальм. А как там все дешево! Нас, конечно, встретят подарками, будут и верховая лошадь, и целые связки кур.

Там нет автомашин, от которых только пыль и вонь. Нет москитов, нет лавочников.

— Да, там куда лучше, чем на Таити... — вздохнул вождь. — А ведь прежде и здесь было так. Прямо в долине росли феи и много других редкостных бананов. Теперь, если и посадишь, все равно не растут. Едва поднимутся над землей, как их губит болезнь. Болезни, автомашины, лавочников — вот что принесли нам на Таити новые времена. Просто спасения нет.

Териероо гордится своим островом и своим народом. Он может часами рассказывать про старину. Но он знает, что старому Таити пришел конец, и не любит новую культуру. Старается, насколько это в его силах, противостоять ее вторжению. Да только цивилизация сильнее. Цивилизация гофрированного железа...

Вождь не мог нам сказать, сдает ли кто-нибудь домик. Но он пригласил нас пожить у него, пока не выяснится вопрос со шхуной. Его дом — наш дом. Нет, нет, никаких возражений!

Что ж, стол великолепный! Вот только эта сырая рыба, так обильно политая растительным маслом...

— Ешь побольше плодов хлебного дерева, — посоветовал вождь Лив, — будешь здоровая и толстая.

— У тебя много детей? — спросила мадам Териероо.

— Нет, — ответила Лив, — мы только что поженились.

Мадам запричитала: замужем — и ни одного ребенка, вот беда-то!

— Ну да и у меня их не так уж много, — утешила она Лив. — Поэтому мы усыновили еще двадцать восемь человек.

— Двадцать девять, — поправил ее вождь.

Супруга вождя сердито шлепнула черного поросенка, который истово чесал спину о мои изъеденные комарами ноги — к нашему обоюдному удовольствию. Поросенок взвизгнул и метнулся к двери, изогнув хвостик задорным крючком. У вождя Териероо достаточно домашних животных, и они повадками ничуть не отличаются от своих сородичей в других концах света.

Если курица, вскочив на стол, примется клевать дорогое сердцу вождя феи, он взревет так, что кажется — сейчас усы отлетят, и грохнет кулаком по столу. Куры, кошки, собаки, поросята в панике удирают за дверь. А через несколько минут они уже опять тут, у стола, и все тихо-мирно.

Бедняжка Лив никак не могла осилить какой-то фрукт, напоминающий вкусом жареные калоши.

— А вот это что? — спросил я, показывая на бугристый плод в дальнем конце стола.

— Тапо-тапо, — ответил вождь; пока он смотрел в ту сторону, «калоша» исчезла в пасти свиньи, которая просительно глядела на Лив, положив на стол свое рыло-штепсель.

Мы не ленились расспрашивать. Что, да как, да почему.. И супруги терпеливо все разъясняли, твердо убежденные, что в Норвегии растет только картофель и лед.

— Вуаля, — сказала мадам Териероо, подавая нам щербатую чашку. — Это называется кофе, вкусно, пейте на здоровье.

Набив желудки до отказа, супруги плюхнулись на пол, на циновку из листьев пандануса, и тотчас уснули.

А мы побрели в сад и устроились отдыхать в тени мангового дерева. Умаялись...

Так один за другим проходили наши дни в долине Папену. Счастливые дни.

Вождь заключил, что наше неведение слишком велико, необходимо нас просветить. Он стал моим учителем, его жена — наставницей Лив. Я должен был научиться добывать пищу, Лив — готовить ее. Добывание пищи сводилось в основном к лазанью по деревьям.

Вождь выбрал для урока невысокую кокосовую пальму возле дома. Вся семья вместе с домашними животными собралась вокруг нас, снедаемая любопытством. Я обнял ствол и, вспомнив детство, вскарабкался на метр-другой. Но когда я хотел спуститься, то почувствовал, что ствол, состоящий из колец с острыми краями, меня не пускает. Что делать? Висеть на пальме или, нежно обняв ее, ехать вниз?

Зрители покатывались со смеху. Я беспомощно болтался над их головами. А, была не была! Куры бросились врассыпную — бабах! — и я сижу на земле, весь в кровотокающих ссадинах.

Бурное ликование. Мадам Териероо, трясясь от хохота, обняла ближайшее дерево, чтобы показать, как лазают европейцы. К несчастью для нее, это был банан¹, и тучная женщина в обнимку с хрупким стволом плюхнулась наземь.

Вождь едва не задохнулся от смеха.

Много дней спустя, когда ссадины зажили, я решил сделать новую попытку взобраться на пальму. Вождь велел одному из своих отпрысков показать мне, как это делается. Сам Териероо, некогда первый богатырь на острове, был теперь слишком стар и толст.

Мальчуган обхватил ствол руками, уперся в него пятками, выгнул спину дугой и пошел — нет, взбежал, как обезьяна, до самой макушки!

¹ У банана ложный ствол. Банан — многолетняя трава, от толстого корневища отходят листья с влагалищем, которые, облекая друг друга, и образуют ложный ствол.

На этот раз у меня получилось лучше. Мало-помалу я добрался до огромных листьев, среди которых большими гроздьями висели орехи. Я попытался сорвать один орех, но он был словно привязан стальной проволокой. Вдруг в кроне что-то загудело, и на меня бросилась тысяча бесов. Миг — и я опять сижу на земле. Правда, на этот раз без единой ссадины: научился лазить на полинезийский лад!

— Ты почему так быстро спустился? — спросила Лив.

— Манупатиа, — объяснил вождь, — жалящая птица.

Увы, корабли доставили сюда также и осу...

— Будь осторожен наверху, — поучал меня Териероо. — В кронах часто прячутся ядовитые тысяченожки — огромные, длиной с твою ладонь. Они жалят куда злее, чем осы. Но уж лучше пусть ужалит, чем от страха выпустить из рук ствол! Укус можно вылечить луком или лимонным соком.

После скоростного спуска я обнаружил, что ноготь на большом пальце ноги посинел и отстал. Вождь вызвался врачевать меня. Ноготь нужно совсем оторвать, чтобы новый рос правильно, заключил он. Я сел на пол террасы и задрал ногу кверху. Вождь Териероо уцепился за ноготь и дернул его, вложив в этот рывок все свои сто двадцать пять килограммов. Сияя, он показал мне оторванный ноготь. Кровь капала на пол; вождь стер ее ваткой, той же ваткой прочистил ранку. Потом обдал мой палец кипятком — операция окончена.

На кухне под навесом супруга вождя и Лив что-то размешивали в огромном котле: шел урок домоводства, только плиту заменял каменный очаг посреди земляного пола. Разведут костер, камни накалятся, и на них, погасив огонь, можно жарить и печь.

Вот и сейчас между камнями торчали свертки из листьев, в которых лежало какое-то невиданное тесто, а Лив и мадам сновали вокруг очага, среди кошек и кур, размахивая прутиками, пальмовыми листьями и здоровенными секачами.

Предоставив женщинам заниматься своим делом, мы с вождем пошли потолковать о переменах, которые несут с собой новые времена. В углу террасы стоял рабочий

стол; когда местные жители приходили к вождю со своими ходатайствами, он принимал их, возвышаясь над горами старых бумаг, писем, календарей и соломенных шляп, рядом с которыми можно было найти пузырьки с лекарствами, вату, жестяные коробки, треснувшую чашку, зонт, крахмальный воротничок...

Дом Териероо, наполовину закрытый цветущим и благоухающим кустарником, стоял близко от дороги. Не отрываясь от работы, вождь мог видеть проходящих. Он приветственно махал прохожим, обменивался с ними шутками. «Заходите, пообедаем!» — кричал он. «Спасибо, уже», — отвечали они, шагая дальше. Прежний гостеприимный обычай теперь стал просто вежливой фразой. Это уже не приглашение, а приветствие, вроде нашего «здравствуйте».

То и дело мимо проносились автомобили, битком набитые горластыми туристами, которые наслаждались природой, так сказать, на ходу. Мы успевали заметить только тропический шлем, блеск очков и фотоаппаратов, нередко — украшенную цветами вахину с сигаретой в зубах и мандолиной. Миг — и нету, скрылись в вихре пыли и выхлопных газов. Счастливые обладатели путевки в рай спешили до ночи вернуться в Папэте.

Дни складывались в недели, а мы все жили в долине Папену. Никаких вестей с маленькой шхуны, которая должна была доставить нас на уединенные острова под экватором. Мы лазили по горам среди зарослей папоротника, купались в бурных речках под сенью пальм. Вместе с вождем ходили в лес за плодами, гуляли на солнечном морском берегу.

Как раз напротив устья долины Папену в барьерном рифе есть проход, и прибой здесь с рокотом обрушивается на берег. Словно грохочет обвал — это галька перекачивается в такт набегающим волнам. А по верху галечного вала, накаленного лучами солнца, разбросаны великолепные изделия самой природы. Вперемежку с плавником, прелыми водорослями, камушками лежит множество раковин, одни — переливающиеся всеми цветами радуги, другие — выбеленные солнцем и морем. Лежат кораллы, пестрые губки, высушенные морские животные, скорлупа кокосовых орехов.

Когда нам становилось невмочь на жарком берегу, мы забирались под дерево, пробивали дырку в зеленом кокосовом орехе и пили кокосовое молоко, самый чудесный в мире освежающий напиток. Ну чем не рай?

Вот вверху на шоссе, окаймляющем весь остров, загремела телега. Возница дудит в огромную раковину — подходите за хлебом! Чудный хлеб — кислый, с печеными мухами...

Очень нужно! Над нами тянулись к небу пальмы, а на них — огромные орехи. Сытная и здоровая пища, вкусная и дешевая.

Но на Таити теперь не едят кокосовых орехов. Их вывозят тысячами тонн в виде сушеной копры.

Издали доносился голос раковины.

Теперь едят хлеб...

Вождь Териероо-а-Териерооитераи ревностно соблюдал старые обычаи.

Однажды он созвал гостей на большой пир. Резали свиней, собирали плоды хлебного дерева. Таитянский пир. По какому поводу? Вождь решил нас усыновить! Нам предстояло стать детьми Таити, получить полинезийские имена. Плели гирлянды из цветов; кур и поросят выставили за дверь. Какие имена для нас придумали? Во всяком случае, попроще наших норвежских имен. Ведь это же невозможно произнести — «Лив» и «Тур». Язык сломаешь.

И вот мы, одетые в наши лучшие наряды, увешанные цветами, восседаем за столом. Начинаются крестины.

Я взглянул на супругу вождя, которая сидела в углу, воздавая должное соусу. Ее благозвучное имя Фауфау Таахитуэ означало: «Некрасивая. Ноги большие, как океан».

Сам вождь сидел рядом с ней, улыбаясь во весь рот. Крестники, то есть я вместе со своей женой, занимали почетное место во главе стола. Широкополая соломенная шляпа все время съезжала Лив на лоб, и она, ничего не видя, без конца совала себе в рот жареные «калоши». Тропический шлем сочли неподходящим для столь торжественного случая. Но и совсем без головного убора тоже нельзя.

Вот почему на голову Лив нахлобучили огромную шляпу жены вождя, украшенную пустыми раковинами. Стоило Лив сдвинуть головной убор набекрень, как «Ноги большие, как океан» тотчас подбегала к ней и поправляла шляпу. И бедняжка опять тянула с блюда «калошу».

Рядом со мной, облаченный в пиджак и шорты, почесывая икры пальцами босой ноги, сидел священник. Дальше — нарядные вахины и смуглые богатыри. Украшенный цветами и зеленью стол ломился под тяжестью огромных блюд.

Мы ели и пили. Здесь царила полная свобода. Разрешалось есть суп пригоршнями и класть ноги на стол, посыпать свинину сахарным песком и вылавливать цыплят из чая. За еду благодарили тоже по-своему; сразу было видно, что все наелись до отвала!

Все чокнулись с нами свежими кокосовыми орехами. Так произошло крещение.

Под яркозвездным небом Таити плавно качались пальмы. Луна испестрила серебристыми бликами огромные блестящие листья. При ее свете можно было даже различить гроздь бананов. Небо было совершенно чистое. И мы получили имя: господин и госпожа Чистое Небо.

Сытые и веселые гости расходились по своим домикам в красивой долине. Отныне мы были для них «свои». И у нас наконец-то появилось приличное имя: Тераи Матеата Тане¹ и Вахине.

¹ Тане — мужчина.

Глава вторая

НА КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВАХ ТУАМОТУ

Шхуна — переносчик культуры. — На Такапоту. — Главная достопримечательность кораллового островка. — Лов рыбы в «аквариуме».

Парусная шхуна «Тереора», приписанная к Таити, выходила из лагуны порта Папезте. Серые стены лавчонок и красные черепичные крыши так называемых отелей постепенно скрылись за пальмами. Могучий голос великого океана, неустанно штурмующего риф, наконец-то заглушил хриплые автомобильные сирены и пронзительные велосипедные звонки.

Мы снова качаемся в открытом море. Идем вдоль заветного острова Таити, края мечты, жемчужины Южных морей. Вдоль маленького южноморского рая, который манит взор пышным зеленым убором и кажущейся дикостью, а на деле весь источен извращенной культурой.

Прощай, Таити. Теперь наш путь лежит на Фату-Хиву, цель наших стремлений. Папезте, последний форпост цивилизации, позади, утонул в темно-зеленой гуще тропического леса. А вот и весь Таити отодвинулся к горизонту, погрузился в океан, исчез.

Валы игриво швыряли маленькую шхуну. Мы отыскали себе местечко на палубе среди полинезийцев. Компания была веселая: тучные мамыши и голосистая ребятня, седые деды и пылкие вахины. Звуки укулеле, горнов и труб; корзины с курами, рыбой, бананами; запах копры, брильянтина и океана; мешки, ящики, телята, поросята... И горы фруктов. А в центре всего этого — мы.

Нашими спутниками были уроженцы коралловых островов архипелага Туамоту. Они ездили на Таити «в город» и теперь возвращались домой. А двое направлялись на Маркизский архипелаг.

Единственным кроме нас европейцем был старик капитан Брандер, добродушный седой морской волк, некогда закончивший колледж в Англии. Он получил превосходное образование и знал Европу не хуже, чем Таити. Уже много лет он курсировал между живописными островами Южных морей, попивая виски, водил свою шхуну и нигде не сходил на берег, за исключением Папезте, где был его дом. Капитан Брандер презирал цивилизацию, и однако он помогал распространять ее на островах. Он был в плену очарования этого края, но никогда не сходил на берег, чтобы насладиться его природой. Удивительный человек, великолепно знающий Южные моря и то, какая судьба ждет этот край, он понимал, что полинезийцы уже вкусили «благ культуры» и теперь никто не сможет остановить цепной реакции, даже старый капитан Брандер. Он сразу пришелся нам по душе.

«Тереора» была торговым судном. Брандер занимал должность капитана-судоводителя; деловой стороной заведовал таитянский коммерсант Теодор, человек могучего телосложения, смекалистый и приветливый. Он носил

титул суперкарго¹, обожал деньги и обладал незаурядными коммерческими способностями. Шхуна скупала на островах копру, причем островитяне, получив за свой товар деньги, тотчас шли на судно, чтобы истратить их на покупки. В итоге шхуна выручала двойную прибыль.

— Нелепо, но они сами так хотят! — говорил капитан Брандер. — На что им, этим чудакам, трехколесный велосипед, швейная машина, белье, лосось в масле? Ни к чему, ей-богу, ни к чему. Но каждому хочется переплюнуть соседа — дескать, у меня есть стул, а ты сидишь на полу. И сосед тоже спешит купить стул, а в придачу еще что-нибудь, чего нет у его приятеля... Запросы растут, а с ними и расходы. Чтобы добыть денег, без которых они вполне могли бы обойтись, островитяне занимаются неприятной работой — заготовкой копры. На каждом острове множество пальм, с них круглый год сыплются спелые орехи. Пальмы, так сказать, несут золотые яйца для владельца участка. Одни обогащаются, другие остаются бедняками; правда, голодать и нищенствовать никому не приходится. Есть среди островитян миллионеры, если их доходы перевести на французские франки. И все состояние тратится на гофрированное железо и оконное стекло. Везти приходится издалека, доставка очень дорогая. Вот у нас в Европе говорят: «Купаться в шампанском». Здесь роскошь — умываться с мылом. Да они в нем и не нуждаются. У них есть кокосовое масло и морская вода. Сотни лет обходились без мыла, и кожа у них — лучшая в мире. Так нет, подавай им мыло! И это еще самая разумная из покупок. Зайдешь в дом — стоит кафельная печь. Без дымохода, без трубы, хозяин даже сам не знает, как с ней обращаться. Зачем она ему? Здесь тепло круглый год. И стоит эта печь — из самой Европы! — на радость хозяину. Покосилась, заржавела, зато соседи завидуют. Зачем мы торгуем такими вещами?.. А не мы, так другие привезут, лишь бы брали...

¹ С у п е р к а р г о — лицо, ведающее грузом на судне; обычно он второй помощник капитана.

День за днем плыла наша скорлупка по вечно беспокойному океану. Совсем недавно мы лихо пересекали его из края в край указательным пальцем. Теперь измеряем безбрежные просторы днями.

Спали мы на крыше маленькой каюты, под звездным небом, на свежем воздухе. На ночь привязывались веревками, потому что, когда шхуна врезалась в волну, нас могло смыть. Внизу, под палубой, для воздуха места не было — все заняли товары и кашляющие пассажиры.

...Плывем, качаясь, сквозь густую тьму. Рядом, играя на укулеле и напевая, лежат молодые вахины. Им по душе нехитрые мелодии Южных морей, джаз их не привлекает. Как чудесно звучат их маленькие укулеле, переноса нас в полинезийскую старину, придавая особое очарование ласковым, теплым ночам.

Лежа на спине, мы слушаем, слушаем... Верхушка мачты, словно маятник, качается среди тропических созвездий. Небольшой фонарь бросает красноватый свет на закутаные фигуры вокруг нас. Кто спит, кто поет. Хорошо видно энергичное лицо рулевого. Брандер отдал необходимые распоряжения и ушел спать. Руль в надежных руках таитянского парня. Удары волн о борта... Плеск воды... Треньканье укулеле... В каюте — кашель, стоны страдающих морской болезнью...

Вперед, только вперед, курсом на Такапоту!

И вот однажды утром...

Солнце, вынырнув из Тихого океана, озарило белые паруса шхуны. Блестящими стайками вспархивали, уходя от нас, летучие рыбки. Погруженный в приятную полудрему, я наслаждался удивительными красками неба на востоке. Вдруг кто-то толкнул меня в бок, еще кто-то наступил на ногу. Земля!

Да, вот он, во всем великолепии утренних красок, первый коралловый островок! Не высокий и скалистый, как Таити, а словно стая чаек качается на воде. Собственно, самый остров еще и не видно, появилась лишь цепочка пальмовых крон. Ближе, ближе — и вот уже засверкал в солнечных лучах белоснежный пляж.

Едва «Тереора» бросила якорь, как на берегу собрался народ. Мы пробились на шлюпке через кипящие буруны и пошли к суше вброд. До чего же теплая вода!

— Иа ора на! Иа ора на! — понеслось со всех сторон.

Мы отвечали тем же: «Иа ора на!» Словом «здравствуйте» исчерпывалось все наше знание местного языка. А здесь, в отличие от Таити, никто не говорил по-французски.

Толпа смуглых островитян увлекла нас к хижинам, приютившимся под деревьями. И вот мы сидим на лавке, окруженные восторженными зрителями. Не каждый день остров Такапоту в архипелаге Туамоту посещали европейцы.

Было очевидно, что им не терпится побеседовать с нами.

— Иа ора на! — робко произнес я еще раз.

— Иа ора на! — радостно ответили островитяне.

Мой словарный запас кончился. Но что-то надо говорить!

— Таити.

— Ай-ай! Оиа хамаи Тахиди, — радостно подхватили они.

Снова заминка. Я поглядел на небо, поглядел на островитян, которые ждали следующей реплики. Потом бесильно усмехнулся. В ответ грянул такой дружный хохот, что мы чуть не свалились с лавки. Смех затих, опять выжидательная тишина.

— Маркизы, — заговорил я. — Маркизы, Таити, Европа, Гавайи...

В следующий миг завязалась такая оживленная беседа, что в общем гаме мы преспокойно перешли на родной норвежский язык.

А затем мы окончательно опростоволосились. Из толпы островитян выскользнула вахина и предложила нам вскрытый кокосовый орех. Изнывая от тропической жары, мы жадно прильнули к нему и с наслаждением проглотили содержимое. Ух ты, как здорово!

О ужас! Площадка вокруг нас вдруг опустела, через секунду на землю посыпались с пальм орехи. Каждый —

каждый! — нес нам орехи: пейте! На Такапоту не принято отвергать дары. И мы пили, пили, пили...

Часом позже, окруженные полинезийцами, мы брели в глубь чаши. Они поторапливали нас жестами, им явно не терпелось показать что-то из ряда вон выходящее. Остров — как блин, сухой, раскаленный солнцем, но красивый! С пальм скатывались огромные крабы и мигом исчезали в море. Крабы — «пальмовые воры», они карабкаются на деревья и крадут кокосовые орехи!

Под ногами хрустели раковины и кораллы. Мы не могли наглядеться на местные чудеса. Но вот мы у цели, а островитяне, сидя, указывают нам на свой главный аттракцион. Мы взглянули, и... нас охватило беспокойство, успело ли кокосовое молоко перевариться в наших желудках. Перед нами между пальмами стоял потрепанный автомобиль. Впереди торчала заводная ручка.

Нас вежливо усадили в автомашину, и она запрыгала по орехам и раковинам. Прыг-трах, трах-прыг, прыг-трах... Следом мчались ребятишки. Мы миновали две пальмы, свернули за угол бамбукового сарая, проехали вдоль курятника, обогнули хлебное дерево и вернулись к старту. Экскурсия окончена, шофер востребовал мзду, можно пешком возвращаться на «Тереору». Таитянин, владелец маршрутного такси, которое ходило вокруг хлебного дерева, жил на Такапоту как король.

На «Тереоре» плата взималась не за километры, а за дни. К тому же Теодор был страстный рыболов. Стоило ему увидеть на горизонте остров, как он тотчас правил туда, чтобы порыбачить у берега. Вот почему однажды ночь застала нас в лагуне острова Такароа. Луна еще не вышла из-за пальм, но мы спустили на воду шлюпку и сели в нее, захватив керосиновый фонарь. Предстояла охота на акул.

Отойдя от шхуны, бросили якорь. По поверхности моря разбежались искры. Мы стояли возле самого рифа в том месте, где море соединялось с лагуной. Вверху — Южный Крест, внизу — черный как смоль силуэт острова с яркими пятнами костров: местные жители рыбачили с острогой. Издали глухо доносился рокот бурунов.

Глаза, привыкнув, различали на берегу очертания разбитого корабля. Среди гибких пальм удивительно прямо торчали четыре мачты. Неподдельная романтика Южных морей!

Когда я закинул удочку, на дне лодки уже бились две огромные рыбины — ярко-красная и светло-голубая. Наши смуглые товарищи знали свое дело. А сам начальник экспедиции замер, держа леску из стальной проволоки. Он подстерегал акулу. Лив сидела как на иголках.

Клюет. Да еще как! Что-то я вытяну из этого черного аквариума? Мелькнуло зеленое, голубое... Рыба с клювом! Рыба-попугай! И дальше — что ни рыба, то новость. Одна была сплошь покрыта длинными шипами. У другой голова как бы сливалась с хвостовым плавником.

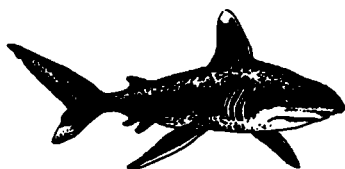
Ого! Мы даже подскочили — старик тянул леску, напрягая все свои силы. Акула! Мы бросили свои удочки и вооружились топорами. Вот что-то забилося у самой поверхности. Фонарь сюда!.. Показалась маленькая уродливая голова. Ну и чучело! Полинезийцы вскрикнули и поспешно потравили леску. Потом, взяв в руки копья, снова стали ее выбирать. Опять эта странная голова! И при свете вышедшей из-за пальм луны разыгралось удивительное представление: рыбаки кричали, кололи копьями...

Наконец мертвое чудище, исколотое копьями, изрубленное топорами, скользит через борт в лодку. Голова... голова... А где же тело? И мы узнали, что это не акула, а огромная мурена. Самый опасный обитатель Южных морей лежал комом бурого студня у наших ног. В разинутой пасти торчали острые как бритва зубы, способные одним махом перекусить руку человека. Мурена попадается редко, и это единственная морская тварь, которой островитяне по-настоящему боятся. Акулы? Мы видели, как полинезийцы купаются по соседству с ними.

Лов продолжался. Рыба все прибывала, попалась даже маленькая акула. Вдруг мы снова подскочили от воинственного крика. Вот теперь дело серьезное! Лодка, скрипя, накренилась; под смуглой кожей старика играли тугие

мышцы... А в черной воде мелькало что-то белое — брюхо огромной рыбины. Вода бурлила под страшными ударами — вот она, вот она, зверюга! А вот уже с другой стороны! Смотри, Лив, с другой стороны! Будто грохнул выстрел — на борт обрушился удар акульего хвоста. Да, вот это рыбалка!.. Лодка качалась среди фонтана брызг. В голову акулы вонзился топор. Рраз!.. два!.. три... Удары о борт прекратились.

Простись, акула, с Тихим океаном.

Глава третья

УЕДИНЕННЫЕ ОСТРОВКИ

*Древнее царство каннибалов. — Где высаживаться? — Одни на
незнакомом берегу. — Сын швейцарца и полинезийки. —
Омоа — райская долина. — Дикий сад. — Мы расчищаем участ-
ток в лесу. — Бамбуковая хижина готова!*

Экватор рядом, и «Тереора» спешит, спешит к цели, подгоняемая свежим пассатом. Уже целую неделю мы видим только пустынный океан, только волны и небо...

Но вот рано утром из-за горизонта вместе с солнцем вынырнули наконец долгожданные острова. Из воды торчали крутые неприступные вершины. Могучие валы, испуленно рочоча, обрушивались на нежданное препятствие.

Не очень-то гостеприимно выглядят острова издали... Будто развалины гигантских замков, а облака, цепляющиеся за вершины, — словно дым. Внушительное зрелище. И красивое.

Остров появился и ушел за горизонт, но на смену ему показывается следующий. Голубая океанская гладь отделяет их друг от друга, а у берега вода зеленая, как трава: ее окрашивает планктон, который питается тем, что смывают с берега волны. Зеленое пастбище притягивает косяки рыбы, преследуемые неутомными дельфинами.

Птицы стаями сопровождали шхуну и пикировали на рыбу, соблазненную нашими удочками.

Мы подошли вплотную к берегу и с первого же взгляда убедились, что в самом деле попали в благодатнейший уголок Южных морей. По склонам долин, глубоко врезаемых в горный массив, взбирались вверх такие пышные леса, такие роскошные пальмы и деревья, что лучшая оранжерея мира показалась бы жалкой рядом с ними.

Словно лепешки исполинского мха, лес облепил вершины. Оттуда он по уступам и расщелинам скатывался вниз, расстилаясь в долине густым ковром зеленых куполов и вееров. Казалось, именно эта зелень окрасила воду. Зелень на суше, зелень в море... Но горы были красные, а небо голубое, как океан.

Не одна лишь тропическая жара создала эти плавучие оранжереи. В глубине островов к самому небу вздымались пики, которые перехватывали тучи и выжимали из них дождь. Быстрыми ручьями и речушками дождевая вода бежала по скалам, через лес и долины в зеленый океан. Время сильно источило рыхлые горные породы. Глубокие пещеры, подземные реки, причудливые скульптуры, острые шпили превращали каждый остров в сказочное царство. В этом царстве нам жить! Сойдем на берег и углубимся в таинственный лес, а «Тереора» устремится дальше...

Лежа на животе, вооруженные биноклем, мы попытались проникнуть взглядом в чашу, которая будет нашим домом. Красиво, урюмо, пустынно... Безлюдье, тайны на каждом шагу...

Брандер посматривал на нас, замороженных невиданным зрелищем. Перед лицом могучей безмолвной природы мы чувствовали себя очень маленькими. И не могли глаз оторвать.

— До чего же мрачно, — произнес капитан Брандер. — Эти дебри, эти горы — они так давят на человека. Возвращайтесь-ка вы с нами.

Но теперь, когда мы достигли цели, разве можно было нас отговорить!

Брандер клялся, что мы еще пожалеем, когда останемся одни. Местные жители, немногие, которые еще уцелели, такие же угрюмые, как эти долины. Европейцев на Фату-Хиве нет. И нет никаких надежд покинуть остров, пока через месяц или два не вернется шхуна. Горы и море отрежут нас от всего света.

Но Брандеру пришлось уступить. Мы твердо стояли на своем. Поворачивать — поздно. Сдаваться — рано.

Мы потратили целую неделю на то, чтобы обойти весь архипелаг. Осмотрели все острова и удостоверились, что дома, изучая карту, листая справочники и пыльные тома, сделали удачный выбор.

Итак, перед нами Фату-Хива, самый красивый и живописный из островов Маркизского архипелага.

— Где вас ссадить? — спросил Брандер, показывая на дикий берег.

— У вас есть карта? — вопросом ответил я.

Карта нашлась, но на ней были показаны только контуры Фату-Хивы.

— Что ж, давайте осмотримся, — предложил Брандер и велел править вдоль берега.

Отвесные скалы обрывались в пучину, отороченные внизу кипящим прибоем. Но кое-где стена расступалась, и мы видели уходящие в глубь острова райские долины. Плывая по темно-зеленой оборке Фату-Хивы, мы ощутили дыхание дебрей.

Брандер и Теодор стояли у поручней, расспрашивая полинезийца, местного жителя. Сами они, хотя много лет и плавали в этих водах, видели остров лишь с моря... Нужно подыскать долину, где мы можем поселиться. Первое требование — питьевая вода.

Вот среди гор раскинулась красивая широкая долина. У входа в нее над лесом высятся могучие изваяния, выполненные самой природой. Вдоль галечного пляжа вы-

строились хижины, крытые пальмовыми листьями. Стоят сарайчики для лодок местных жителей.

— Ханававе, — объяснил Брандер. — Вдоволь питьевой воды в речке, изобилие фруктов. В деревне — полсотни жителей.

Лив загорелась. Она хотела тотчас сойти на берег. Но Брандер покачал головой.

— Нездоровый климат, — сказал он. — Страшная сырость, влажный воздух, в деревне всякие болезни. Еще заразитесь. Слоновая болезнь здесь — истинное бедствие.

Ханававе замкнула свои исполинские каменные ворота, а мы продолжали путь вдоль обрывистого берега. Одно за другим сменялись тесные ущелья и расщелины, до краев наполненные зеленью. Но ни воды, ни места для жилья... Ага, вот чудесный бережок, густой лес!

— Аоз теван, — объявил островитянин.

Нет питьевой воды.

И опять долины меж высоких круч. В одной нет воды, в другой так темно и тесно, что невозможно жить.

А вот тут и красиво, и питьевая вода есть! Исполнение нашей мечты? Увы, и в эту долину — она называлась Ханауи — проникла слоновая болезнь. Два искалеченных ею старика — вот и все население Ханауи.

Последняя долина, Омоа. Широкая, просторная, тянется до самого сердца острова. Красиво — залюбуешься! Вдоволь фруктов, достаточно питьевой воды. Наряду с Ханававе это единственная на Фату-Хиве большая долина. Но в деревушке у самого моря — люди, около сотни островитян... Правда, выше в долине никто не живет.

«Тереора» бросила якорь в заливе, обрамленном скалами и зелеными холмами. Вгрызаясь в горный массив, извиваясь среди острых шпилей и утесов, Омоа упиралась своим верховьем в отвесную кручу, на которую лес уже не мог взобраться. Дно долины покрывали густые, пышные заросли.

— Здесь либо нигде, — сказал Брандер, указывая на долину Омоа. — Вы все посмотрели, выбирайте. Может, вернетесь?

Брандер нарисовал на бумаге план острова. Очертаниями Фату-Хива напоминает бобовое зерно. Капитан провел черту с севера на юг и объяснил, что на этой линии остров сечет крутой хребет, который отделяет восточную часть от западной. Западное побережье мы видели — это подветренная сторона, здесь пышная растительность. Восточное побережье не стоит и осматривать. Оно засушливое, почти безводное, почва неплодородная. Там все долины безлюдные, и корабли давно туда не заходят. На шлюпке не высадишься — сильный ветер, сумасшедший прибой. Неоткуда ждать помощи, некому подать сигнал, будете словно в могиле.

— Охотно заберу вас на обратном пути! — крикнул нам вслед Брандер, когда мы спустились в пляшущую на волнах шлюпку.

Никогда не забуду особое чувство, которое я испытывал, ступив на берег.. Вот уже шлюпка прорвалась обратно через бушующий прибой и вернулась к «Тереоре». Мы видели, как нам машут, прощаясь, капитан Брандер и другие. Якорь поднят, белые паруса летят к горизонту. Крохотная точка скрылась вдали, а мы все глядим, глядим... Наконец обернулись к долине, к пальмам. Здесь будет наш новый дом.

Одни на неведомом берегу. Назад пути нет. Не знаем края, не знаем народа, не знаем языка... Стоим каждый со своим чемоданчиком и думаем: что дальше?

И мы пошли к лесу. Настроение было отличное, мы всем своим существом предвкушали жизнь, полную приключений. Жаркое солнце, щебет птиц, благоухающие цветы. Мы взглянули на кроны пальм. Голод нам не грозит — вон сколько кокосовых орехов!

Под пальмами, пристально нас изучая, стояли смуглые островитяне. Стояли молча. И смотрели. Несколько человек в набедренных повязках, на остальных — рваная одежда.

Сморщенная старуха заговорила первой. Какая певучая речь, сплошные гласные! Совсем не похоже на таянский язык. Мы пожалы плечами и засмеялись. Ста-

руха покати́лась со смеху. Кто умеет смеяться, сумеет и объяснить́ся!

Набравшись храбрости, женщина подошла к Лив, облизнула свой длинный, тощий указательный палец и провела им по ее лицу. Лив от страха онемела, а старуха покрутила палец перед глазами и широко улыбнулась: белый цвет оказался естественным!

Позднее мы узнали, что я не вызвал у них никаких сомнений, а вот Лив они приняли за переодетую таитянку в белом гриме. На Фату-Хиве считали, что в Европе вовсе нет женщин. Ведь сколько ни приходило шхун, на них было полно белых мужчин — и ни одной женщины. Всегда белые мужчины шли к смуглым вахинам, и никогда к смуглым островитянам не приходили белые женщины!

Ночь выдалась кошмарная. Нам пришлось спать в лачуге из листового железа, было жарко и душно, как в печи. Лачуга принадлежала метису — сыну швейцарца и полинезийки. Его звали Вилли Греле, он был местным аристократом и отлично зарабатывал на копре. Покойный отец Вилли дружил с Полем Гогеном¹, который жил на соседнем островке Хива-Оа и там же похоронен. Вилли безупречно владел французским языком; впрочем, говорил он очень мало, будь то по-французски или по-полинезийски. Жил замкнуто, на коренных островитян смотрел свысока и редко покидал остров.

Как ни любил Вилли Греле деньги, он старался быть честным. Островитяне с почтением относились к его богатству. В подвале у Вилли был своего рода «магазин», где он выдавал товары в обмен на копру. Какие товары? Спички, рубахи, муку, рис, сахар. Выбор небогатый, да и этих запасов хватало ненадолго. «Магазин» открывался только на закате, когда хозяин приходил домой с работы. Он трудился не покладая рук, заготавливал копру и был к тому же рыным охотником; остров знал как свои пять пальцев.

Вечером мы при свете керосиновой лампы долго обсуждали свои планы. Вилли смотрел на нас как на дико-

¹ См.: Д а н и е л ь с с о н Б. Гоген в Полинезии. М., 1969. (Примеч. ред.)

винных зверей, но совет все же дал. В верхней части долины Омоа, говорил он, в сердце острова, куда редко заходят местные жители и где леса изобилуют фруктами, находится именно то, что нам нужно.

Под железной крышей, наглухо отгороженные от всякой романтики, мы всю ночь промечтали о вольной природе, которая нас окружала. Эх, заживем на свободе! Сколько увлекательного нас ждет, сколько неведомого!

Вообще доступ белым на остров был закрыт. Судам разрешалось стоять на якоре в заливе не больше двадцати четырех часов. Не знаю уж, как это получилось, но французское правительство выдало нам разрешение на въезд и известило об этом местного вождя...

Глухой рокот прибоя поминутно напоминал нам, что мы находимся на уединенном островке. В Тихом океане...

Пестрые пичуги пели ликующий гимн солнцу, когда мы утром следующего дня зашагали вверх по долине. Мы шли по старой заросшей тропе, уводящей прочь от деревни. Нам хотелось найти пристанище в глуши, подальше от населения, от заразных болезней. На ходу мы помахали островитянам, которые купались в мутной речке. Из этого же потока они брали воду для питья. Никто не говорил им, что такое инфекция.

Выше деревни речка была чистой и прозрачной. Протопанная в рыхлой красной почве тропа переходила с берега на берег по большим камням. Если рай существует, то здесь для него самое подходящее место... Пальмы, журчащий ручей. Сюда бы еще густую траву и цветочный ковер, к которым я привык в Норвегии! Но под сенью пальм и других невиданных растений для травы не хватало света. Лес, цветущая долина, горы — чудо как хороши. А внизу ничто не радует глаза. Папоротник, сгнившие стволы и лишь местами длинные космы жидкой травы, бессильной прикрыть землю.

Зато как поднимешь голову — не наглядишься! Деревья и пальмы вечно зелены. Одни цветут, на других появляется завязь, а на третьих уже созрели плоды. Склоны долины заняты дикими зарослями, а на дне ее — сплошной сад. Вот огромный ярко-зеленый стебель банана с

растопыренными кверху толстыми листьями. Одиноко свисает банановая гроздь; недозрелая, она выглядит художочной, бледной, но зато как поспеет, станет желтой, пышной, с причудливым цветком внизу.

У бананов различный вкус, некоторые напоминают землянику. Мы насчитали семь видов. Одни плоды длинные, с руку, — их варят или жарят, другие — совсем маленькие, почти круглые. Скажу слово о феи — редком горном банане. В этой долине он рос в изобилии. Его красивые грозди не свисают вниз, а торчат над стеблем. Феи варят, он очень питательный и вкусный.

Выше всех вздымался твердый, прочный ствол кокосовой пальмы; к самому небу он вознес косматую крону с множеством крупных, тяжелых орехов.

Более скромно и привычно выглядит апельсиновое дерево. Его ветви покрыты небольшими листьями, среди которых гроздьями и поодиночке пристроились плоды, мелкая зеленая кислятина и огромные желтые шары, превосходящие сочностью и ароматом все, что мы когда-либо ели дома. Вот еще деревца, поменьше, на них лимоны...

Попадалось и хлебное дерево, напоминающее дуб с исполинскими листьями. На его ветвях висели тяжелые зеленые плоды величиной с голову ребенка. Плоды хлебного дерева пекут; вкусом они напоминают одновременно картошку и свежий хлеб.

А вот манговое дерево. Густая широкая крона пестрит красными, желтыми и зелеными плодами разной величины — есть с яйцо, есть с кулак. Если снять кожуру, видна сочная оранжевая волокнистая мякоть, которая облекает большую косточку. Сок приятный, освежающий, с привкусом хвои.

Тонкий прямой ствол, вверху огромные листья на длинных черешках — это папайя. Ее плоды, напоминающие видом дыню, свисали вниз между черешками. Нагни гибкий ствол и собирай.

Между пальмами и плодовыми деревьями — заросли кофейного кустарника с красивыми красными ягодами, внутри ягод — кофейное зерно. Ваниль причудливо обвивала пальмовые стволы, соперничая с растением, которое

мы назвали воздушным картофелем, потому что его плоды, висящие на длинных нитях, в самом деле напоминали картофель! Много было незнакомых нам сказочных растений, но кое-что мы узнавали. Уроки вождя Териероо на Таити не прошли даром.

Некогда долина была возделанным садом, теперь она заброшена, и плодовые деревья растут неухоженные, вперемежку с дикорастущими. Всюду попадаются старые развалины, покрытые мхами и папоротником. Когда-то здесь жили тысячи людей. Полвека назад оставалось всего семьсот. А ныне последние фатухивцы, ровным счетом сто человек, покинув долину, струдились в деревушке на берегу. И там, где, бывало, людям не хватало пищи, теперь гниет множество плодов.

Пройдя далеко вверх по долине, мы расстались с речкой и поднялись по склону к опушке леса. Здесь из земли, прикрытый огромными листьями, бил единственный родник. И здесь же кончалась тропа; дальше она совсем заросла.

С нами шел Иоане, родственник Вилли; он рассказал, что когда-то в этом месте был дворец короля.

Прабабушка Иоане была последней местной королевой, перед тем как остров аннексировала Франция. От нее ему досталась в наследство эта часть долины. Хотя людей мало, на острове нет такого клочка земли, который не принадлежал бы кому-нибудь. Вся площадь разделена и передается по наследству, и горе тому, кто стащит банан на чужом участке. Если поймут на краже, доложат вождю...

Дебри поглотили площадку, на которой в прошлом стоял дворец. Пришлось прорубать себе путь в зарослях. На каждом шагу мы проваливались в выложенные камнем ямы, закрытые сверху сплетением ветвей и тугих корней. Ни один луч солнца не проникал сквозь густые кроны в это царство комаров и мокриц. Зато превосходная родниковая вода, изобилие плодов и полное уединение; до ближайшего дома — четыре километра. Да и стал бы разве король выбирать себе плохой участок?!

Иоане назначил очень умеренную арендную плату. Мы получили право расчищать участок, строить на нем и со-

бирать плоды сколько влезет. Налог, который надлежало уплачивать вождю, был символическим.

...Солнце зашло, мы одни в лесу. Лив впервые в жизни сама испекла на углях плоды хлебного дерева. Поужинав, мы забрались в свою маленькую палатку, которую поставили под сенью исполинских листьев. И только комары портили всю идиллию.

В эту первую ночь нам многое казалось загадочным. Кто это кричит таким противным голосом, прыгая по палатке? То заквывает лягушкой, то щелкает рябчиком. Кто-то затеял возню в лесу поодаль. Дикие свиньи? Выше по склону как будто ухает филин, а вот совсем рядом кот замыкал...

Вдруг мы услышали чьи-то шаги, зашуршали листья, хрустнула веточка. Остановился. Опять идет! Возле самой палатки замер. Мы слушали с колотящимся сердцем.

Кто бы это мог красться в лесу среди ночи, кто сейчас подстерегает нас возле палатки? Воображение рисовало нам злобного островитянина с копьем в руке. Или с большим камнем. У полинезийцев нет никаких причин любить белых, к тому же обитатели Фату-Хивы еще недавно были людоедами...

У нас не было никакого оружия. Я заорал и выскочил из палатки наружу. Не знаю, кто сильнее перетрусил — я или одурело глядевший на меня бродячий пес. Во всяком случае, песик молнией метнулся в кусты и бросился наутек вниз по склону; мы его больше ни разу не видели.

Но и после этого не затихло. Вдруг отчетливо слышались ружейные выстрелы. Мы вышли из палатки. Странно... Людей нет, стрелять некому! Загадка решилась быстро: ночной ветерок ворошил кроны пальм, и время от времени с огромной высоты срывались вниз бомбы джунглей — кокосовые орехи. Пришлось отодвинуть палатку подальше от опасных соседей.

Незнакомые звуки, незнакомые запахи... А взглянешь вверх — в небе чужие звезды и непривычно опрокинутый лунный серп. Новая жизнь началась!..

Над горами Тауауохо поднялось солнце, а у нас царил сумрак. Лесной полог был настолько густым, что не пропускал ни света, ни ветра, который разогнал бы комаров.

Надо немедля расчищать участок и строить такой дом, чтобы туда не могли проникнуть летающие и ползающие твари!

На завтрак я принес бананов, а Лив испекла на углях какие-то орехи. Запили все водой из каменного бассейна самой королевы. Здорово! Даже полчища комаров не могли испортить наше великолепное настроение.

И мы приступили к расчистке. Длинный нож подсекал сочные банановые стволы, словно зеленый лук. Один ствол за другим валился наземь. Как-то даже не по себе — будто мы громим чей-то сад. Лив выдергивала ваниль, папоротник, воздушный картофель, кофейные кусты. Мало-помалу в древние королевские уголья проникали солнце и воздух.

На крутом склоне нашему взгляду предстали пять мощенных камнем плоских площадок. В стенку возле родника мы воткнули бамбук, и вода побежала из него, совсем как в старину, когда повелительница людоедов после завтрака освежала в бассейне свои могучие тела.

По мере того как редели деревья, открывался чудесный вид. Пальмовая долина, речушка, колышущиеся листья-великаны, могучий папоротник — все оттенки зелени! Через долину — каменная стена, кручи, остроконечные пи-

ки... Вдоль края пропасти мелькали белые точки: дикие козы паслись на горных лугах. Подножие обрыва окаймляли заросли бамбука. Мы видели всю долину до самого устья, но море листвы закрывало от нас деревню и океан.

Расчищая участок, мы нашли среди каменной кладки древние орудия из камня и раковин и треснувшую деревянную миску. Обнаружили большое каменное кресло, с которого удобно было обозревать площадку, и гладкое каменное ложе, из щелей которого росли пальмочки. Мы не стали их трогать, не потревожили и наиболее редкостные плодовые деревья, и великолепный куст с алыми цветами.

Через три дня место для жилья было расчищено. Настала пора на развалинах древнего дворца строить свою лачугу. Сперва мы хотели ограничиться шалашом из ветвей и листьев, но из этого ничего не получилось. Пришел Иоане, принес наши чемоданы, которые мы оставили на хранение у Вилли Греле. В них была одежда и различные предметы, припасенные нами для долгого плавания. Теперь нужда в них миновала, но Вилли не решался держать наше имущество у себя. Мы объяснили Иоане, что шалаш из листьев тоже не лучшая камера хранения. Он отчаянно затряс головой и, мешая маркизские, таитянские и французские слова, помогая себе жестами, категорически заявил, что не разрешит нам строить такое жилище. Листья завянут, и сквозь крышу будет хлестать дождь, дикие лошади проломают стены, а комары, муравьи и огромные тысячножки окончательно нас доконают.

Что мы знали о местных условиях? А Иоане родился здесь. Иоане сказал, что надо строить дом из бамбука. Старый плут полюбился нам с первого взгляда. Он так убедительно говорил, этот чудак, который гордился своим родством с королевой и бродил по лесу босиком, в соломенной шляпе и белых шортах. И всегда-то он улыбался, отчего все его лицо бороздили мелкие морщинки.

Мы от души поблагодарили Иоане за совет, тем более что он вызвался для помощи нам привести жену и четверых товарищей.

И закипела работа, развернулось строительство на полинезийский лад. Двое мужчин, словно обезьяны, караб-

кались на пальмы и срубали листья трехметровой длины. Две женщины, сидя на корточках, плели из листьев «черепицу».

Остов дома собрали из круглых стволов, затем настелили крышу. Все части скрепили между собой прочным лубом дерева борао.

Дом подведен под крышу — это уже событие! И мы устроили пир, угощаясь ананасами. Следующий этап — пол, его мы сделали из жердей. Для стен принесли с гор огромные связки молодого темно-зеленого бамбука. Тонкие стволы расплющивали камнем и сплетали вместе. Одна стена готова! С веселым криком и гамом установили ее на место и прочно закрепили. Затем поставили вторую стену, получился зеленый туннель.

Теперь Иоане сколотил нары, на которые тоже пошли круглые жерди. Лежишь словно на бильярдных шарах!..

В стене, обращенной к долине, вырезали два отверстия, а вырезанные куски укрепили петлями из бычьей кожи. Пожалуйста — дверь и окно! Потом появились торцовые стены, в каждой — по окну. Осталось застелить пол бамбуковыми прутьями, и вот готов наш дом — сплошная зелень, чудо ботаники!

Одно плохо: на Фату-Хиве явно не знали, что такое симметрия. Перекос на полметра нисколько не смущал строителей. У нас-то был задуман дом размером два на четыре метра... Ладно, не будем придирааться!

Но высоту нар я все-таки проверял рулеткой. И поспешил опустить конец на двадцать один сантиметр. Не тут-то было: Иоане покачал головой и сделал по-старому. Свой глаз верней!

На строительство ушло немало времени: бригада не спешила. С утра они отправлялись в лес за бамбуком и пропадали. Когда я шел за ними, то обнаруживал, что строители спят крепким сном за валом из апельсиновой кожуры.

— Не кончим сегодня — завтра снова придем, — утешал нас Иоане.

Он был человек слова. Сказал, что придет, и приходил — три недели подряд! Мы решили, что не стоит их

подгонять. Лучше не портить отношения. Попробуй топни ногой, изобрази «белого господина» — на всю жизнь врагом станешь. Полинезиец считает себя ничуть не хуже белого и если берется сделать работу, то исключительно ради дружбы.

И когда строительство наконец завершилось, мы от души поблагодарили наших друзей и постарались щедро вознаградить их. Кухню построили сами, тут же возле дома. Под навесом из пальмовых листьев, положенных на высокие столбы, сложили очаг из двух больших камней.

Глава четвертая

В БАМБУКОВОЙ ХИЖИНЕ НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ КАННИБАЛОВ

Знахарь поневоле. — Подарок за подарок. — Первобытная жизнь в джунглях. — Не голоден и не сыт. — Мы обретаем друзей. — Берег с белыми камнями.

В первый же день, сидя в гостях у Вилли Греле, мы составили список самых нужных слов. Узнав от нас, как это все будет по-французски, Вилли перевел каждое слово на маркизский язык. И, поселившись в джунглях, мы вечерами зубрили наш словарик. Станный язык, совсем не похож на таитянский... На Таити, здороваясь, говорят «иа ора на». Здесь — «каоха». Даже в пределах Маркизского архипелага на каждом острове свои особенности. На Фату-Хиве, например, любят глотать согласные:

Аоэ — нет.	Эуа — два.
Озо — я.	Оаи — кто.

Оиа — он. Эуа — дождь.
Ауа — они. Оау и Оауиа — имена.
Оэ — ты.

«Некрасивый» по-маркизски «аоэхаканахау». «Семнадцать с половиной франков» — столько мы заплатили строителям — «этоутемонизуатевалодисо». И если из человека, точно бусины, сыплются такие слова, понять его не так-то просто.

Надо было видеть восторг островитян, когда мы пытались говорить на их языке. Они хохотали до икоты. Мы путали гласные, и слова получали совсем иной смысл.

В эти первые дни я, сам того не ожидая, дебютировал в роли волшебника. Помимо досок и рифленого железа, консервированной лососины и спичек, эмалированных тазов, тушеной говядины и нижнего белья, доставленных на остров «Тереорой», островитяне мало что знали из благ цивилизации. Вот почему зрители с восхищением смотрели, как я превратил маленький сверток в непромокаемый дом (палатку), где вполне можно было спать. А когда я открыл чемодан, со всех сторон потянулись любопытные носы. В бинокль фатухивцы совсем близко увидели пики по ту сторону долины, и «очки, которые приносят горы», пришлись им очень по душе. Микроскоп превратил насосавшегося кровью комара в такое чудовище, что мадам Иоане визжала от ужаса. Вогнутое зеркало для бритья заменило целый комедийный фильм: они подносили его вплотную к своим плоским носам и смеялись как безумные. Компас и мерная лента, которая сама выскакивала из коробки, тоже пользовались большим успехом. А застежка «молния» могла соперничать с эстрадным обозрением.

Прослышав о моем колдовстве, из деревни пришел длинный верзила с опухшей щекой. Зуб... Бедняга скривился, согнулся от боли, на него нельзя было глядеть без улыбки. И его товарищи покатывались со смеху. Когда он стал умолять меня вылечить его, я понял, что все ждут чуда.

Как раз в эту секунду я топил в эфире какого-то редкого кузнечика. Эфир... Честное слово, я где-то слы-

шал, что он помогает от зубной боли. Верзила раскрыл огромную пасть с редкими зубами, публика затаила дыхание, и я сунул пациенту в рот ватку, смоченную эфиром. Минута напряженного ожидания...

Пациент, изобразив на лице нечто невообразимое, жевал вату.

— Дыши носом, — приказал я.

Если это сойдет хорошо, мне сам черт не страшен!

Моя рука невольно поднялась поправить несуществующий воротник.

Бедняга скривился еще больше — не понять, от боли или от блаженства.

— Выплюнь! — завопил я, увидев, что у него как-то странно дрожат колени.

Несуществующий воротник еще сильнее сдавил мне горло.

Он вытащил ватку и смиренно ждал следующего распоряжения.

— Дыши глубже, — велел я.

Верзила задышал так, что дух распространился по всей поляне; зрители восхищенно ахнули.

— Ватку на зуб! — распорядился я.

Похоже, он и не такое может выдержать.

Пациент послушался. Что вы думаете — лечение помогло! И с того дня долговязый Тиоти был нашим искренним, вернейшим другом.

Островитяне не скупались на дары. Куры, петухи, рыба, свинина сыпались на нас как из рога изобилия. Каждый день кто-нибудь поднимался вверх по долине, чтобы осчастливить нас. Мы были в отчаянии от этих подношений. Бамбуковая хижина заполнялась съестным от пола до потолка, и ведь отказаться нельзя. Зато когда наступала ночь, мы незаметно уносили лакомства в лес и зарывали в землю под большим камнем. Пусть лучше там гниют. Скормить их было некому, паршивый дикий пес боялся к нам близко подойти.

Однажды щедрость островитян объяснилась. Мы слышали, что здесь положено благодарить подарком за по-

дарок. Пришел наш черед... Правда, у нас не было ни кур, ни рыбы — зато пригодилось содержимое чемоданов. И когда все, от бритвенного прибора до юбок и мерной ленты, переменяло владельцев, хождение по долине Омоа прекратилось. Нас наконец-то оставили в покое.

Счастливые дни! Нам было очень хорошо в нашем бамбуковом жилище. Никакие обои не могут соперничать с бамбуком! Зеленые клеточки плетеных стен сменились золотисто-желтыми, да и на потолке зеленые и коричневые клетки образовали самые затейливые узоры. Комнату украшали чудесные черепаховые панцири и цветочные вазы из бамбука, окна смотрели на долину, которая казалась нам экзотическим садом...

Из мебели у нас кроме нар были две табуретки, связанные из жердей, и такой же столик. Тарелками нам служили огромные перламутровые раковины, отливающие всеми цветами радуги, чашки мы сделали из скорлупы кокосового ореха. Лив никак не хотела есть тем способом, которому нас учил Териероо, и мы обзавелись бамбуковыми ложками. Пальмовые листья были нашим матрасом — вот только тепла от них мало. Да-да, едва наступала ночь, как температура резко менялась. С гор дул холодный ветер, и мы кутались в пледы, которыми пользовались в плавании.

А поверх пледов на нас густо сидели комары. Те самые, которые распространяют слоновую болезнь. Не дневные комарики, а другие, которые прилетают и жалят ночью. Пришлось нам купить у Вилли противомоскитную сетку. Мы затянули ею окна, а тем, что осталось, укрывались сами. Теперь нам самая ядовитая сколопендра была не страшна! И как мы сладко спали!..

Будильником служила нам маркизская кукушка; на Фату-Хиве ее называли «ку-ку». Других часов у нас не было — и не надо! Солнце круглый год восходит здесь почти точно в шесть утра и заходит в шесть вечера, и кукушка ни разу нас не подвела. Мы просыпались от ее хриплого монотонного крика, выглядывали в окно над нарами и видели, как она порхает по хлебному дереву, пестрая и яркая, словно попугай.

По сигналу кукушки начинался ежедневный утренний концерт. На пальмах восхитительными трелями заливались желтые певчие птицы. Их привлекла наша расчищенная площадка: здесь они отлично видели насекомых, копошащихся на земле.

Лучшее время суток эти утренние часы, когда воздух освежает последнее дыхание ночного ветерка и птицы поют-заливаются, а первые лучи солнца уже ласкают пальмовые кроны, расцветчивают золотыми бликами бамбуковый пол. Во всей природе бодрость и ясность; и мы тоже ощущали прилив свежих сил.

Позже, по мере того как солнце все выше поднимается над горизонтом, отдавая свое тепло тропическому лесу, человеком овладевает какая-то истома. Палящего зноя нет — восточный пассат прилежно проветривал нашу обитель. Не в жаре дело, а в том, что воздух словно густеет и давит на вас, выжимая всю энергию.

Дослушав утренний концерт, мы соскакивали с нар и подставляли тело струям из родника королевы. Часто заставали врасплох красивую дикую кошку, которая лакала чистую воду. Из-под самых ног с тропы во все стороны улепетывали разноцветные ящерицы. Завтрак висел на ветвях хлебного дерева, заменявшего нам кладовку. Это были бананы и другие собранные нами плоды. Поев, я отправлялся в лес за хлебом насущным.

Наш домик находился в самой плодородной части долины. Лес здесь состоял из бананов с примесью других растений. Всюду — созревающие плоды; спелые тотчас падали на землю, становясь добычей жучков, муравьев и червяков. Нужно было найти и собрать не совсем зрелые фрукты. В нашей солнечной кладовке они быстро дозревали.

Редко на стебле висели целые бананы. Увидишь желтый плод, сорвешь его — оказывается, одна лишь кожура осталась. Ловкие крысы опережали нас, им помогали ящерицы и банановая мушка. Но мы не огорчались, плодов в лесу было вдоволь.

Лив дома стряпала под кухонным навесом, а я, надев пеструю набедренную повязку и вооружившись здоровен-

ным ножом в ножнах из бычьей кожи, шел на добычу. Идешь под солнцем, загораешь... Привыкнув ходить босиком, я наслаждался прикосновением мягкой земли, теплых камней, прохладного ила в ручье. Ветки и листья гладят нагое тело, душе привольно — полное слияние с природой. А как обостряется внимание, когда не подошва ботинка, а босая нога ступает то на камень, то на палки. Двигаешься гибче, свободнее и чувствуешь себя бодрее, когда тело не облачено в одежду, а обдувается свежим ветром.

Я рыскал взглядом по кронам и собирал нужные нам фрукты. Одни складывал в плетеную корзину, другие вешал на палку, которую нес на плече. Кокосовых орехов всегда было сколько угодно на земле вокруг дома, но за апельсинами и другими фруктами приходилось идти в лес. У нас очень скоро прошла охота лазить по апельсиновым деревьям — слишком уж много на них шипов. Куда удобнее, стоя внизу, сбивать плоды длинной жердью с крючком на конце.

Своеобразно происходил сбор бананов. Мы не карабкались за гроздьями. Удар секачом — и пальма валится наземь. Пусть даже она в разрезе диаметром с тарелку, все равно стебель настолько мягкий, что достаточно ударить один раз — и хватай гроздь, пока не упала и не разбилась.

Поначалу этот способ казался нам варварским, но мы скоро поняли, что это не страшно. Все равно банан за свою жизнь плодоносит один раз. А оставшийся пенек, напоминающий в разрезе луковицу, тотчас начинает расти. Внутренние кольца вытягиваются вверх воронкой, что ни день, то выше. Через две недели стебель уже в рост человека, и из его верхушки во все стороны протягиваются широкие листья. Меньше чем через год банан снова плодоносит!

Кое-где от речушки тянулись маленькие каналы, которые вели к обложенным камнями болотцам — древним посадкам таро. Большие листья этого растения образовали сплошной ковер. Мы варили клубни таро и ели их вместо картофеля. Кругом росли ананасы и сахарный тростник, стебли которого вкусом напоминали леденцы, но ничуть не портили зубов.

Нагрузившись всевозможной зеленью, я спускался к речушке, потом шел вдоль нее по тропке к нашему дому. В здешних дебрях не было змей — они не смогли перебраться на эти острова. Не было у нас и скорпионов. Вообще-то скорпионы ухитрились проникнуть с судами на архипелаг, но дальше галечного берега они не пошли. Единственной ядовитой тварью, которой нам приходилось остерегаться, была огромная, длиной с ладонь, желтая тысяченожка. Укус тысяченожки не смертелен, но мы все-таки старались не наступать на нее.

А дома Лив, окутанная клубами дыма, стряпала обед. Таро и феи очищены, на углях лежат испеченные плоды хлебного дерева. На третье задуман сюрприз: вся в копоти и слезах, искусно орудуя двумя мокрыми палочками, Лив пекла прямо на огне чудесное печенье.

— Попробуй! — Она подала мне ореховую скорлупу, в которой лежали какие-то угольки. — Жаль только, пригорело сверху.

— Ничего, — ответил я, — зато внутри сырое...

Нет, что ни говори, Лив великолепный повар, она к любой трапезе умела приготовить лакомые блюда по рецептам каменного века.

Так прошла неделя, другая, третья. Однажды мы встали из-за обеденного стола голодные. Живот набит, как барабан, на столе лежат плоды хлебного дерева, таро и бананы, с которыми мы не справились. Не потому, что невкусно, просто больше не можем съесть. И все-таки мы ощущали голод!

Вечером к нам долго не шел сон.

— Послушай, Лив, — сказал я, — копченая лососина.

— Жаркое, — отозвалась она. — Свиная отбивная с кислой капустой.

— Н-да, — сказал я. — А как насчет рябчика с подливкой? Что?!

— Бифштекс, — спокойно ответила она.

Победа осталась за ней...

На следующую ночь мне приснился обед из трех блюд. Я еще не успел облизать последнюю тарелку, когда подала голос кукушка.

Надо что-то предпринять. Не дожидаясь завтрака, я сунул за пояс секач и зашагал вниз по склону. Щebetали птички, куковала кукушка... В долине речка мурлыкала свою вечно новую песенку. Присмотревшись, я вошел в воду и нагнулся, всматриваясь в дно. Внимание! Из-под камней рывками выползли какие-то неуклюжие черные твари. Они медленно приближались, выпучив глаза, точно загипнотизированные видом моего носа. Один цапнул мне колено своей длинной жесткой клешней. Но я стерпел, потому что одновременно второй подкрался к моей руке. Ущипнул ладонь... Рванувшись вперед так, что брызги полетели, я сжал пальцы в кулак. Куда там! Не так-то просто, оказывается, поймать рака!

Когда рябь улеглась, на пестром дне не было видно ни одного. Впрочем, они скоро появились опять — и снова я опростоволосился. Так повторилось несколько раз, пока большим ракам игра не надоела, и только мелюзга продолжала меня дразнить. Я пошел вверх по речушке, по дороге спугнул нескольких здоровенных раков, которые окружили разбитый кокосовый орех. Вдруг меня осенило: надо сделать ловушку, положить для приманки орех... Несколько попыток, и я наконец восторжествовал!

Держа в руке первого добытого мною рака, я чуть не плясал от радости. И когда солнце возвестило полдень, я пришел домой с целой охапкой завернутых в большие листья чудесных раков. То-то было ликование! Никогда не забуду наш пир — вареные раки и жареные плоды хлебного дерева. Сперва мы насладились нежным мясом. Потом долго грызли клешни и панцирь, запивая лимонным соком, и наконец-то ощутили блаженную сытость... Существенное пополнение нашего меню!

Мы придумывали все более хитрые ловушки и стали ловить на кокосовый орех не только раков, но даже каких-то рыбешек.

И жизнь в бамбуковой хижине снова казалась нам прекрасной.

Как-то раз, когда я плескался в речушке, добывая раков, из-за высоких стеблей папоротника вдруг появился островитянин. Он был настолько поглощен своим делом, что даже не заметил меня. В одной руке у него была миска из высушенной тыквы, в другой — тонкое двухметровое копьё с металлическим наконечником.

Он разжевал кусочек кокосового ореха и выплюнул кашицу в речушку. Течение понесло ореховые крошки под камни. Вдруг копьё молниеносно нырнуло — и тотчас вынырнуло, извлекая из воды трепещущего рака.

«Вот оно что...» — подумал я, вставая. Миска была полна раков, пронзенных острым копьём.

— Каоха! — крикнул я островитянину.

— Бонжур, месье, — учтиво ответил он по-французски и протянул руку для приветствия, поклонившись до самой земли.

Это был местный священник. Я спросил, не его ли звать Пакееее, и, услышав утвердительный ответ, увлек священника к своей хижине, где вручил ему письмо на полинезийском языке. Оно было написано Териероо, таитянским вождем, который велел мне передать письмо Пакееее, если доведется его встретить. Дело в том, что Пакееее учился на Таити читать и писать, чтобы стать священником; там он и познакомился с вождем.

Териероо очень вежливо просил его потеплее принять меня и Лив. Мол, мы приемные дети таитянского вождя, да к тому же еще и настоящие протестанты. И Пакеее постарался добросовестно выполнить просьбу своего друга.

Трое суток, с утра до вечера, длилось пиршество у священника. Хозяева резали скот, ловили рыбу, собирали плоды; на кухне беспрерывно суетились женщины и дети, и сквозь ее бамбуковые стены непрестанно сочился дым. Стол был накрыт для священника, нас и звонаря; вахины и дети ели, сидя на полу. Представляете себе, сколько было радости, когда оказалось, что звонарь не кто иной, как Тиоти, тот самый, у которого зуб болел!

Но праздник был только для протестантов, и местные католики толпились за изгородью, глядя, как мы уписывали свинину и курятину. В жизни не видал более унылых физиономий.

— А что, много протестантов на Фату-Хиве? — вежливо начал я застольную беседу.

Священник вытерся простыней, которая заменяла скатерть, подумал и начал считать по пальцам.

— Нет, — заговорил он наконец, — к сожалению, католиков больше. Все отец Викторин виноват: когда объезжал острова, щедро платил рисом и сахаром тем, кто переходил в его веру.

— А все-таки сколько же протестантов? — домогался я. Священник опять посчитал.

— Один умер, — сказал он. — Выходит, остаются двое — я и звонарь.

Он смущенно улыбнулся и добавил:

— Был еще один, но он переехал на Таити.

На третий день мы просто не могли больше есть. После обеда звонарь Тиоти откуда-то достал огромную, больше локтя длиной, раковину, вышел на дорогу и трижды громко протрубил в нее. Потом вернулся к столу. Долгий антракт — затем он повторил свой номер. Еще антракт, и еще один концерт на раковине. После третьего выступления священник торжественно объявил, что они со звонарем идут в церковь, ведь сегодня воскресенье.

По каким-то неведомым соображениям нас в церковь не пригласили, зато нагрузили остатками угощения, чтобы мы их унесли домой.

Рядом с дощатым домом священника стояла бамбуковая лачуга без окон, крытая пальмовыми листьями. Это и была церковь протестантов. А поодаль мы увидели католический собор: дощатые стены выкрашены белой краской, крышу из рифленого железа венчает шпиль... Н-да, пожалуй, на Фату-Хиве и впрямь почетнее быть католиком.

Мы зашагали вверх по долине, а священник и звонарь отправились в свой бамбуковый сарай.

Кроме снеди, священник одарил нас всевозможными редкостями. Меня больше всего поразил коралл причудливой формы. Когда мы плыли вдоль побережья Фату-Хивы, я не видел ни одного рифа; значит, если верить науке, кораллов здесь быть не должно. Но белый как снег коралл был найден на Фату-Хиве!

И однажды рано утром мы вместе со звонарем и его женой, очень приветливой, добродушной женщиной, отправились в дальний поход. Нас обещали провести туда, где есть кораллы, на пустынный берег с красивой белой галькой, который островитяне называли Тахаоа.

Нелегкий это был путь! По узкому бережку, по обвалившимся сверху каменным глыбам; справа бесновался океан, слева к небу вздымались грозные красноватые скалы. Здесь что ни день — камнепады, особенно после дождя.

На такой тропе не развернешься... Могучие океанские валы обрушивались на остров, и каскады воды кипели и пенились среди глыб, по которым мы шагали. Глыбы сменились узким карнизом из застывшей лавы. Стали попадаться всевозможные гроты и пещеры. Мы шли по изваянным природой мостикам, заглядывая в шахты и провалы, на дне которых плескалась вода. В одном месте что-то гудело и рокотало прямо в толще скалы у нас под ногами, а из расщелины возле тропы через одинаковые промежутки времени вырывался фонтан.

Не слишком приятный маршрут, но Тиоти чувствовал себя уверенно. Он смело прыгал с одного острого камня

на другой. Этот человек мог бы, наверное, плясать босиком на битом стекле.

Путь занял не один час; наконец мы, обогнув большую скалу, соскочили на красный пляж. Тахаоа...

На километр с лишним протянулась полоса ослепительно белого песка и белоснежных глыб. Ее окаймляли отвесные скалы, вдоль подножия которых росли пальмы и зеленела трава.

Странное чувство наполнило мою душу, когда я ступил на этот загадочный берег. Все блестит, переливается на солнце. Редкие на Маркизских островах участки плоского берега в устьях долин обычно сложены очень мелким лавовым песком угольно-черного цвета. Передо мной простиралось нагромождение коралловых глыб, и песок был тоже смесью кораллов с миллионами перемолотых в порошок ракушек.

Далеко в море протянулась лагуна — точно цепочка прудов, окаймленных пестрыми, красными, желтыми и зелеными рифами. Могучие волны разбивались вдребезги о баррикаду, которая пропускала только тихие струйки, постоянно освежающие воду в прудах.

Какой замечательный аквариум! По краю природной чаши — множество раковин и моллюсков, а в толще воды буквально кипит жизнь. Дно выстилал ковер всех цветов радуги: водоросли и непрестанно колеблющиеся морские анемоны. Полчища плавающих и ползающих тварей... Стайками сновали пятнистые рыбки — одни совсем круглые, другие тонкие, как нитка. Удивительное разнообразие видов и изобилие красок. Красные рыбки старались держаться над красными пятнами дна — так их труднее обнаружить. Ведь из океана нередко приплывают рыбы покрупнее, и тогда малышам приходится несладко... Большие преследуют маленьких, а самым крохотным — с монетку — вообще лучше не высовываться. Увидят злую морду морского утря или клешню грозного краба и юркнут в чашу игл черного морского ежа. Малютки великолепно знали, что здесь они защищены острыми подвижными штыками. Даже самый опасный враг остерегался

морского ежа. Наткнешься — игла обломится, и ядовитое острие с закорючками прочно застрянет в ранке.

Своеобразное общество: ползают, бегают, снуют, кишат, переливаются разными цветами... Мы готовы были без конца лежать на рифе и наблюдать эти картины.

Вдруг нас окликнул Тиоти: пора обедать. Он стоял на внешнем рифе, подняв над головой длинное копые. Вот уверенной рукой метнул его в воду, и на острие забились рыба, расцвеченная красными и зелеными пятнами.

Мадам Тиоти уже облюбовала «стол»; мы уселись вокруг одной из белых глыб на берегу. Тиоти достал из кармана два лимона и выдавил сок в ямку на камне. Затем длинным ножом изрубил на мелкие кусочки отчаянно бьющуюся рыбу. Эти кусочки его жена размяла в лимонном соке. Блюдо готово! Сам звонарь уже уписывал за обе щеки. Я выловил пальцем скользкий кусочек и добросовестно заработал челюстями. Как-никак мы не первый раз ели сырую рыбу на Фату-Хиве... Бедняжка Лив бросила свою порцию в воду: может, еще оживет?

Следующее блюдо. Мадам Тиоти заблаговременно собрала на берегу несколько больших улиток. Теперь она расколола раковины камнем, точно орехи, потерла улиток о коралл и сполоснула в море. Прошу! Я стал есть, стараясь думать об устрицах. Но еще более неожиданным оказалось третье блюдо: каждый получил по морскому ежу!

— Ешьте, ешьте, — приговаривал Тиоти. — Это не ядовитые.

Словно подушки для иголок и до чего же колючие... Чтобы такое переварить, нужен желудок из чертовой кожи! Я осторожно тронул чудовище, поглядывая на звонаря. А он спокойно взял ежа за самые длинные иглы и сильно стукнул о камень. Шлеп! Внутри было нечто весенне-зеленое с красными комочками. Звонарь извлек пальцем содержимое и вкусно причмокнул.

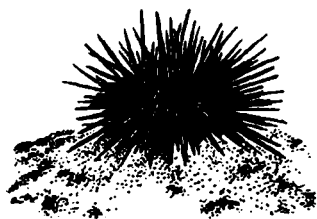
Лив положила свою порцию на песок и сказала:

— Кш, пошел прочь!

Но морской еж не очень-то прыток, он не тронулся с места. Зажмурившись, я разбил своего ежа о камень и

сделал глоток, твердя себе, что ем суп из саго и смородинное желе...

А нас ждало еще и четвертое блюдо! Оно судорожно извивалось между камнями, не теряя надежды на спасение. Мне всегда становилось тошно от одного вида этих скользких «морских сосисок». Я как-то вяло попытался представить себе норвежские копченые колбаски, но этот номер не прошел!..

Глава пятая

НЕТ ЖИЗНИ ПОЛИНЕЗИЙЦАМ В КРАЮ ИЗОБИЛИЯ...

Наскальные рисунки в джунглях Фату-Хивы. — Эпидемия на острове. — Сокровища и привидения. Неведомый враг. — Мы бежим в горную глушь. — Опасная встреча на узкой дорожке. — Возвращение в долину. — Отец Викторин.

Чокк! Чокк! Чокк!

Секач врубался в стволы и сучья, расчищая нам путь в зарослях. Впереди шли трое смуглых островитян, за ними — Лив и я.

Все выше и выше — и чем выше, тем тяжелее идти. Душно, мы обливаемся потом. Над крутыми склонами горы Тауауохо повисли грозные тучи. Там наверху почти непрерывно льет дождь. Каким бы синим и чистым ни было небо над океаном, вершина неизменно кутается в косматое облако.

Что за склоны!.. То головокружительные обрывы, то такие густые джунгли, что никаким топором невозможно проложить себе дорогу к вершине. Негде поставить ногу: на земле бурелом и валежник, сплошное переплетение ветвей и гниющих стволов.

Но мы и не собирались покорять вершину Тауауохо. Мы отправились в лес посмотреть удивительную рыбу, обнаруженную там островитянами. Совершенно необычную рыбу — каменную!

В чаще была прогалина, где среди древних развалин издавна росли кокосовые пальмы. Здесь мы устроили привал. Наши друзья легко вскарабкались вверх по пятидесятиметровым стволам и сбросили оттуда зеленые орехи. Взяв себе по ореху, мы срубили секачом макушку у скорлупы и жадно выпили содержимое.

Вдруг по лесу прошел ветерок — такой всегда предшествует тропическому ливню. Птицы заметались в поисках укрытия, и хлынул дождь. Мы вооружились вместо зонтов огромными листьями. То количество воды, которое у нас в Норвегии льется с неба несколько дней, здесь обрушивается за несколько минут. Вот уже солнце вынырнуло из-за туч, через долину перекинулась радуга.

Идем дальше через мокрые заросли. Вскоре мы очутились на косогоре, который спускался к ручью. Здесь лес был реже. Исполинское дерево, упав, смело все на своем пути. Наши друзья объяснили, что это было священное дерево, его здесь посадили очень давно. Возле самого ствола, почти скрытые кофейными кустами, лежали две мощные каменные плиты. Полинезийцы взволнованно указали на боковую грань самой большой из них.

— Оэ ита на те коа? (Видишь каменную рыбу?)

В самом деле, на мшистой поверхности камня было видно высеченное изображение удивительной рыбы, от головы до мощного хвостового плавника — два метра. Рыбу окружали таинственные рисунки. Несомненно, в древности все это носило некий магический смысл. Верхняя грань плиты была почти совсем гладкая, если не считать нескольких желобков, которых я сразу и не заметил. В чем же все-таки дело?..

Я попросил своих спутников расчистить заросли и скрыть дерн. Показалась еще одна огромная плита, испещренная странными знаками. Полинезийцы всполошились и стали испуганно шептаться. Мы очистили камень от мусора, и нашему взору предстали новые рисунки.

Примитивные изображения мужчин и женщин, непонятные линии... Островитяне смотрели на них с благоговением.

— Тики, — забормотали они, — менуи тики.

Из тьмы веков вышли на свет древние боги.

Лес примолк после дождя. Над зеленым сводом прямо в небо, точно нож, вонзался красноватый лавовый шпиль. Казалось, он охраняет древние тайны каменных плит и чутко следит за тем, что мы делаем. У наших ног, словно заколдованные солнечным светом, окаменели в пляске причудливые фигуры. Много столетий пляшут они, с той самой поры, когда на Маркизских островах господствовала таинственная культура, созданная загадочным народом, о котором наука ничего не знает. Откуда пришли эти люди, кто они?.. Толстые стены и террасы из огромных камней — вот все, что осталось от тех времен. Народ, живший здесь, был родственен тем людям, которые некогда воздвигли удивительные статуи на острове Пасхи. Этот загадочный народ давно истреблен. Его оттеснили в горы и убили воинственные полинезийцы, которые приплыли на Маркизские острова лет семьсот назад. Но и происхождение полинезийцев, немногочисленные потомки которых дожили до наших дней, тоже нерешенная загадка. Мы не знаем, откуда они явились, из каких мест начали покорение необозримого океана на утлых челнах.

У этих полинезийцев — лучших в мире мореходов — есть что-то общее с древними викингами. Но пока что их исконная родина неизвестна. Их собственные легенды о происхождении народа неясны. Эти люди очень необычным способом увековечивали свои родословные: сплетали веревочки из кокосовой пеньки, обозначая каждое поколение узелком. У каждого рода была своя родословная. Европейцы еще застали этот обычай и, считая узелки,

пришли к выводу, что предки островитян заняли эти земли около семисот лет назад.

Мы смотрели на каменные плиты, словно исписанные неведомым шифром. Впервые в этих местах были открыты наскальные изображения. Тщательно приглядевшись, мы увидели среди них не только человеческие фигуры, но и рыб, черепах, магические маски, большие, широко раскрытые глаза.

Некоторые рисунки остались непонятными для нас. Что это: тысяченожки, раки или длинные ладьи с веслами? Кое-что было стерто временем. И какое же тут множество изображений!

Рядом в зарослях мы нашли каменную платформу, окаймленную стеной, на которой были высечены огромные глаза. Может быть, это развалины древнего храма?

Вечерело. Островитяне торопились домой, мы отпустили их, вознаградив за помощь. Косые лучи еще освещали грани каменных плит, придавая гротескным фигурам особую рельефность.

Когда над лесом взошла луна, мы уже лежали на своих бамбуковых нарах. Спать не хотелось. Мы думали о безжизненных изображениях, которые исполняют свой танец при свете луны... Думали о вымершем народе, который некогда владел островами — от Маркизского архипелага до Пасхи. И что-то подсказывало нам, что можно найти еще немало скрытых следов древней культуры в глухих дебрях Фату-Хивы — острова, забытого наукой.

Лежа на спине каждый в своей заводи, мы уписывали апельсины. Огромные листья, свисающие над рекой, защищали нас от жгучих лучей полуденного солнца. Кругом был мир пышной тропической зелени. Высоко-высоко в небе косматые кроны венчали замшелые стволы кокосовых пальм. Солнечные лучи переливались на белом оперении двух диких голубей, которым ветер никак не давал сесть на кроны.

Мы наслаждались прохладой в журчащем горном потоке. Приметив на воде плывущие из чаши борао желтые

цветки, спорили, какой из них быстрее доплывет. И собирали к обеду крадущихся раков, которых привлекли в заводи наши белые ноги.

Бодрость после купания и упоение жизнью в чудесном пальмовом лесу переполняли душу, когда мы, выйдя на берег, пошли домой, в нашу бамбуковую лачугу. По дороге мы выдернули из земли несколько клубней таро: гарнир к ракам.

Неожиданно на тропе показался всадник. Он ехал в лес за плодами хлебного дерева, а заодно прихватил для нас из деревни кусок свинины, который завернул в большие листья. Почти две недели мы не видели людей. Всадник выглядел очень скверно, и нас пронизал холодок, когда он спросил — не дошла ли и сюда чума? Оказалось, что шхуна «Моана», зайдя за копрой в соседнюю долину Ханававе, принесла на остров болезнь. Теперь там все хворают, и в долине Омоа тоже. Многие умерли, сам он только на днях выздоровел...

— Сюда болезнь позже придет, вы на отшибе живете. — Бледный островитянин улыбнулся нам и причмокнул, подгоняя лошадь вверх по тропе.

Мы глядели на свои руки, на завернутое в листья мясо... Вот тебе и тропический рай! Эпидемия. Скоро и до нас доберется.

Обед никак не хотел лезть в глотку.

День проходил за днем, мы ждали чумы. И она явилась. Мы приготовились к самому худшему. Но все ограничилось болью в горле (у меня) и расстройством желудка (у Лив). Лив поминутно бегала в пальмовую рощицу поодаль. А затем «чума» и вовсе прошла. Мы смеялись: подумаешь, легкий грипп, только и всего!

Но вот однажды к нам в дверь постучался наш друг, звонарь Тиоти. Он был очень бледен, сильно кашлял, глаза блестели от жара. Мы не узнали долговязого весельчака.

— Месье не мог бы спуститься, сфотографировать последнего сына Тиоти? Их всех унесла чума.

Понурившись, он побрел впереди меня вниз по долине.

В деревне дела были совсем плохи. Всюду резали сви-ней: чуть ли не в каждой хижине шли поминки. Настро-ение у всех было мрачное.

Врачей на острове не было, и некуда ехать за по-мощью. Никто не рассказывал фатухивцам о микробах и вирусах, и они мало заботились о чистоте. С болью в сердце входил я в темные лачуги, где рядом со здоровыми лежали, кашляя, умирающие.

Белые сбывают островитянам самые скверные товары, прививают им свои худшие пороки, а хорошие стороны европейской культуры сюда не доходят. Полинезийцы обречены на гибель. У них не было иммунитета против болезней, которые сюда завезли европейцы. В этом белых трудно винить. Теперь иммунитет выработался — зато нет знаний, которые помогали бы бороться с болезнями. В этом виноваты белые.

Если бы мы жили так, как островитяне, мы бы очень скоро все повымирили. Большинство из них поражено болезнями, которые нас бы тотчас скосили. Но острови-тяне привычны к ним с детства. Для них болезнь — нечто неизбежное. Лишь когда ко всему еще добавится грипп или пьянство, организм не выдерживает. Вот почему лег-кий грипп на этих островах — та же чума.

Старик Иоане трудился без передышки. Он был мест-ным столяром и гробовщиком. Когда болезнь валила с ног кого-нибудь из его односельчан, Иоане приходил к нему в дом и прямо у постели больного сколачивал гроб. Говорите про полинезийцев, что хотите, но смерти они не боятся. Для них смерть — возможность встретиться с предками, очевидцами славного прошлого острова, уви-деть своих умерших друзей.

При жизни островитяне никогда не обувались. Даже на званый обед, когда полагалось надевать соломенную шляпу, шорты и пиджак, они приходили босиком. Воз-можно, дело в том, что у них очень широкие ступни. Но после смерти, когда тесная обувь уже не страшна, их обу-вали в чистые белые тапочки. На тот свет покойника со-проводжали гармонь, колода карт и прочие земные пред-

меты. Хоть они и считали себя католиками, старая вера в то, что после смерти предстоит путешествие в страну предков — Гавайки, сохранилась. То-то будет весело — сыграть на гармошке для древних людоедов!

Между тем наша жизнь в бамбуковой лачуге текла по-старому. Беспечные дни помогли быстро забыть трагедию в деревне. То ласково светило солнце, то дождь барабанил по крыше нашего дома. Луна выходила в ночной обход, играя бликами на лаково-черных листьях заколдованного леса...

После первого знакомства с таинственными каменными плитами мы увлеклись поисками следов древности. До нас дошел слух об удивительных находках, которые островитяне сделали в делях. Будто бы в гротах и в тайниках среди развалин лежали старинные изделия искусства. Большинство островитян безумно боялось этих памятников старины. Собственность мертвых охранялась страшными заклинаниями, и когда фатухивцы что-нибудь находили, они нередко разбивали находку вдребезги и выбрасывали осколки в море, чтобы утопить злых духов. Так гибли предметы огромной ценности, навсегда исчезали важнейшие ключи к познанию прошлого.

Нам удалось договориться с некоторыми островитянами посмелее и купить у них коллекцию древних изделий; в том числе такие предметы, о которых думали, что они давно исчезли. Причудливые изображения богов из черного и красного камня, всевозможных видов и размера. Резные деревянные чаши, украшенные орнаментом, фигурами, инкрустацией из зубов и человеческой кости. Подлинно художественные изделия людей каменного века, у которых из инструментов были лишь каменные топоры, ракушки да крысиные зубы.

Вот изящные серьги из человеческой кости: цепочка крохотных древних богов во всевозможных позах, выполненных с мельчайшими деталями. Такие серьги обычно находили внутри черепов.

А однажды нам рассказали про старое святилище на горе, возвышающейся у самого моря. Мы тотчас отправи-

лись туда. Но чтобы попасть на узкую тропку, которая вела к святилищу, нужно было сперва пройти через деревню, а там, как только смекнули, куда мы собрались, следом за нами отрядили лазутчика.

Мы поднимались по раскаленной солнцем скале, любуясь голубой гладью океана, которая простиралась в бесконечность, сливаясь с небосводом. Одолев подъем, очутились на большом плато с редкими пальмами. Островитянин следовал за нами по пятам. Он особенно настоужился, когда мы подошли к старым стенам.

Стены были сложены из красных кубических глыб. На некоторых глыбах высечены боги, которые угрожающе подняли вверх руки. Заглянув за стены, мы невольно вздрогнули: не земле, скаля зубы, лежало множество черепов... Я поднял один череп. Какие чудесные зубы были в прошлом у островитян! Тотчас наш смуглый спутник оказался рядом со мной. Он ревниво следил за тем, чтобы мы не унесли ни одного черепа, ни одного зуба.

Наша находка представляла собой величайшую научную ценность. Ученому-специалисту эти старые черепа рассказали бы очень много. Я принес с собой мешок, но было как-то неловко собирать экспонаты на глазах у недоверчивого островитянина. А он следил за каждым нашим шагом, каждым движением.

Мы посоветовались на норвежском языке и придумали выход. На Фату-Хиве мужчина — человек, женщина — всего лишь женщина. Она готовит пищу и рождает детей, только это оправдывает ее существование.

Я пошел вдоль плато, Лив осталась. Все в порядке: лазутчик шагал за мной, не обращая никакого внимания на Лив. Я свернул в заросли — он тоже. Я поднимал палочки и камни, внимательно их разглядывал, и лазутчик подозрительно наблюдал за моими действиями. А Лив не теряла времени, и, когда я вернулся к развалинам со своим назойливым спутником, мешок был набит битком. Сторож не сказал ни слова и с явным облегчением проводил нас вниз, в долину.

Когда мы были уже у самой деревни, неожиданно, как это бывает в тропиках, спустился мрак. Мы шли со своей

таинственной ношей, стараясь выглядеть непринужденно. Вдруг возле последнего дома нас окликнули:

— Хемаи каикаи!

Тахиапитиани, местная красавица, приглашала нас зайти перекусить.

— Она просто из вежливости, — тихо объяснил я Лив. — Это, как на Таити, обычная приветственная фраза.

— Венез манжер! — повторила островитянка на ломаном французском языке.

Кажется, всерьез приглашает...

Нас это ничуть не соблазнило, мы знали, что в ее доме много больных. Но отказаться — значит испортить отношения. Мы подчинились и, как только поднялись на террасу, где она сидела с мужем, поняли, что это все-таки была лишь вежливая фраза. Однако теперь было поздно отступать, и они предложили нам отведать их пищи.

Осторожно опустив на землю мешок, мы сели на корточках подле большой деревянной миски. Здесь, под сенью деревьев, было еще темнее. Слабая керосиновая лампа еле-еле освещала содержимое двух мисок. В одной лежала сырая несвежая рыба, обильно политая кокосо-

вым соусом, из другой пахло поипои — древним национальным блюдом маркизцев. Поипои — перебродившие плоды хлебного дерева, выдержанные в земле в обертке из больших листьев. Их достают из ямы, толкут каменным пестом и добавляют немного свежих плодов. Получается густое кислое тесто, которое пальцами отправляют в рот.

Это блюдо — память о тех временах, когда Маркизский архипелаг был перенаселен и приходилось заготавливать пищу впрок, на случай неурожая. Уже столько поколений ело поипои, что островитяне просто не могут без него жить. Оно неперенный спутник любой трапезы. У нас тяжелое кислое тесто вызывало содрогание. Но ведь мы почти что сами напросились.

Ни тарелок, ни вилок, угощайтесь пальцами из общей миски, вперегонки с хозяевами и ребятишками.

Темнота выгнчала нас: мы только делали вид, что ели. Огромные тараканы, которые бегали по террасе, щекоча нам ноги, подъедали всё, что мы незаметно выбрасывали.

Несколько тощих псов недоверчиво обнюхивали наш мешок.

Им дали облизать посуду, когда кончился ужин, и по кругу пошло ведро с питьевой водой, из которого перед тем лакали собаки. Но вот наконец этот кошмар позади... Нас коробило при мысли о том, в какой обстановке здесь растут дети.

За едой не было сказано ни слова, но, когда все поели и детей уложили спать на пандусовой циновке, Тахиаптитани начала беседу. Мы любовались красивыми чертами лица и телосложения хозяйки и хозяина.

— Вео — хороший охотник, — сказала она, кивая в сторону мужа. — Вео хорошо знает остров.

И она вполголоса — чтобы никто чужой не услышал! — поведала нам удивительную историю. В пустынной долине по названию Ханахоуа, на противоположном, труднодоступном конце острова, есть в скалах пять больших пещер. Вео удалось подняться к двум из них. Вход преграждали деревянные идолы, но Вео разглядел за ни-

ми в пещерах всевозможные орудия, украшения, изображения богов. Входить он не стал, потому что склепы охраняются табу — запретом предков.

Вео не трус, он согласен показать нам это место. Но долина Ханахоуа ограждена неприступными горами, туда можно попасть только с моря. А прибор там такой, что на обычной лодке не подойти. Однажды правительственная шхуна пыталась приблизиться к острову с той стороны — ее чуть не разбило о скалы, и пришлось отступить.

Лишь большие мореходные пироги могут справиться с тамошним прибором. А таких пирог на всем острове только три. Если мы сумеем одолжить лодку и нанять четырех сильных гребцов, Вео покажет путь к пещерным тайникам.

Было уже поздно, когда мы неохотно прервали разговор о сокровищах и побрели с нашей ношей вверх по долине. Придя домой, мы высыпали черепа под нары — единственный тайник во всей лачуге.

Прямо на следующий день мы начали готовить поход за кладами. Капитаном назначили звонаря, подобрали команду, лодку. Оставалось дожидаться благоприятного ветра.

Однажды Лив разбудила меня среди ночи и шепотом сказала, что в комнате кто-то есть. Я лежал на краю нар и при свете луны хорошо видел, что наша лачуга пуста.

— Я слышала какой-то шум, — настаивала Лив.

Я успокоил ее — дескать, это ворочаются людоелы под нашей кроватью — и закрыл глаза.

Но тут мы оба вздрогнули. В самом деле шум и в самом деле — под нарами! Мы заглянули под кровать. И усомнились в своем рассудке...

Три черепа кивали и качались, постукивая челюстями. Никакой живой людоед не придумал бы более дьявольской пляски! Мы оцепенели.

Вдруг Лив взвизгнула; в тот же миг через всю комнату метнулась черная тень и юркнула в щель в стене.

Маленькая безобидная крыса, которая пробралась сквозь затылочное отверстие в один из черепов, была виновницей переполоха!

Казалось, заколдованные лунным волшебством деревья колыхались от смеха, глядя на нас...

А через несколько дней примчался верхом молодой парнишка и сообщил, что в заливе бросила якорь «Тереора».

Старик Брандер пригласил нас отобедать — и очень удивился, узнав, что мы не собираемся уезжать. На одном из коралловых атоллов на юге кто-то рассказывал ему, что нас поразила слоновая болезнь и мы ждем не дождемся, когда придет корабль. А мы, выходит, в полном здравии и довольны своей жизнью! Брандер был от души рад за нас.

Среди пассажиров шхуны оказался французский художник Алло. Он делал зарисовки райского края и его обитателей. Мы сразу узнали Алло — он был вместе с нами на борту «Комиссара Рамеля». Теперь он сошел на берег, чтобы посмотреть на наш домик, но тотчас удрал обратно на шхуну, боясь, как бы комары не привили ему какую-нибудь заразу. Тщательно вымывшись с головы до ног, художник принялся натирать каждую ссадину и царапину мазями собственного приготовления.

— Здешние острова — ад, сплошные бациллы, — бурчал он. — При первом удобном случае уносите отсюда ноги.

И Алло сел в удобный шезлонг делать новые зарисовки обетованной земли.

Настала пора «Тереоре» уходить. На какой-то миг мы словно ощутили беспокойное дыхание большого мира. Когда-то еще она придет опять...

Под вечер на нашу дворцовую площадь пришел звонарь. В руке у него было несколько рыб. Если возобновилась рыбная ловля, значит, море успокоилось!

И пока Лив стряпала праздничный обед, я стал расспрашивать Тиоти, когда же состоится поход. Звонарь долго отмалчивался, только все время ерзал и почесывал себе спину. Что же такое стряслось? В конце концов мне удалось выжать из него, что с «Тереорой» на остров прибыл отец Викторин, французский католический священник. Он уже много лет объезжал острова, печась о своей пастве, и сейчас на время поселился в деревне Омоа.

Обнаружив, что в джунглях живут двое белых, которые к тому же подружились со священником-протестантом, отец Викторин воспылил к нам непримиримой ненавистью. Он столько трудов потратил, обратил в истинную веру всех местных жителей, не считая двоих, а теперь его достижения под угрозой! Узнав, что белые — протестанты, фатухивцы, чего доброго, переменят веру! Отец Викторин хорошо помнил, что произошло на острове Такароа. Там было триста католиков, но стоило явиться миссионеру-мормону, как двести девяносто восемь островитян стали мормонами, и остался один католик и один протестант, на каждого из которых приходилось по огромной церкви. На тихоокеанских островах борьба за души смуглых жителей велась не на жизнь, а на смерть... Побеждал более щедрый священник, который строил самую роскошную церковь для того, чтобы щегольнуть там своими лучшими нарядами. Явиться к богослужению без шляпы здесь неприлично. Праздничная обстановка, пение — все это делает храм Божий единственным увеселительным заведением на острове.

В первой же своей проповеди отец Викторин ополчился против нас. Дескать, мы протестанты, басурманы. Дескать, не грех и соврать нам, обмануть нас, сделать все, чтобы отравить нам жизнь. Никаких подарков давать не надо, а зайдет речь о покупке чего-нибудь — драть с нас втридорога. И складывать товар возле дома, ни в коем случае не переступать порога нашей лачуги. Он уговаривал прихожан следить за каждым нашим шагом: неспроста мы поселились одни в джунглях, наверное, задумали что-то недоброе...

Островитяне выходили из церкви в отличном настроении. Можно ли придумать более легкий и приятный способ заработать путевку в царство небесное!

— Вот так же он все эти годы преследует меня и Пакеекее, — объяснил звонарь. — Стоит ему явиться на остров, как всю деревню восстанавливает против нас. Земляки разговаривать с нами не хотят. Ничего, скоро уедет, и они позабудут его наказания...

Мы были вне себя. Меня так и подмывало пойти в деревню и вздуть этого негодяя в черной сутане. В этой глуши у нас вдруг появился серьезный враг: белый, которого мы до тех пор и в глаза не видели! Какая несправедливость. Будто мы покушались хоть на одну из его душ...

А звонарь Тиоти уже рассказывал про больного слоновой болезнью Хаии, который разбавил мочой апельсиновый сок и послал его протестантскому священнику, надеясь его заразить; рассказывал, как про Пакееее сочиняли грязные небылицы, чтобы на него донесли правительству, как с ним проделывали самые подлые шутки. Мы оторопели: что-то нас ждет?..

Поход за кладами сорвался. Католики отказались грести, а два протестанта, Лив и я, не могли одни управиться с мореходной лодкой. К тому же за день пользования ею с меня запросили столько, что за эти деньги на Таити можно было купить себе лодку в полную собственность.

Всю ночь длилось наше совещание, и на рассвете мы, захватив рюкзаки, покинули свой домик. Решили походить по горам, пока в деревне не утихнут страсти. Звонарь не изменил дружбе. Он привел нам двух лошадей — свою и священника; на одну мы навьючили орехи, фрукты, котелок, палатку, плед и несколько банок тушеной говядины, полученных на «Тереоре».

Путь на тропу, ведущую в горы, лежал через деревню. Из многих домов поглядеть на нас вышли католики. Они уже не приветствовали нас обычным «каоха», а с презрительным видом о чем-то перешептывались между собой. Вот и дом отца Викторина. Хозяин в это время спал.

Наконец наш караван ступил на тропу, извивающуюся вдоль склона над бухтой. Впереди верхом ехала Лив, за ней шли я и звонарь; приемный сынишка священника Пахо вел навьюченную лошадь. Чем выше мы поднимались, тем лучше становилось настроение. Мы смеялись над этими негодьями, которые думали нас сломить.

Вот и солнце вышло из-за гор. Дул легкий свежий ветерок, внизу простерся могучий океан... Тропа, петляя, карабкалась все вверх и вверх, достигла гребня и продол-

жала подниматься вдоль него. Природа здесь была совсем дикая. Крутой склон отвесно обрывался в долину; поглядишь вниз — голова кружится. Где-то на противоположном склоне должна быть наша лачуга... Вот она, под пальмами, которые с высоты кажутся не больше цветочного венчика!

Начались горные луга. Самый воздух говорил о том, как мы высоко забрались. Нам столько рассказывали об этой части острова, которая никем не изучена и не нанесена на карты, а в специальной литературе почему-то названа пустыней. Иногда островитяне брали копья и отправлялись сюда на охоту с собаками, но холод быстро прогонял их обратно в долину. К кому из фатухивцев мы ни обращались, каждый по-своему описывал виденное. Теперь я понял, в чем дело: местность и в самом деле была удивительная. Ничего похожего на пустыню — напротив, такое разнообразие, такая красота, о которой я и не мечтал. Острые пики и шпили чередовались с круглыми макушками и плоскими площадками. Непроходимые дебри сменялись обширными лугами, луга — редколесьем и всякими причудливыми растениями. Мы наконец-то увидели цветы, почувствовали чудесное благоухание, которого нам так недоставало в сырой пальмовой долине. В листве копошились звонкоголосые птицы, над цветами порхали изумительные бабочки, летали разноцветные жучки.

Тут — пропасть до самого дна долины или берега моря, там — воткнувшиеся в небо пики... Мы были на высоте примерно тысячи метров. Здесь никто не жил — слишком холодно для полинезийцев. Нам горный климат казался идеальным, мы словно очнулись от вечной дремы, которая угнетала нас в долине.

Впереди раскинулся обширный луг с сухим папоротником и кустами гуайявы, усыпанными плодами, из-за которых маленькие птицы сражались с осами. Гуайява напоминает желтое яблоко, а ее сердцевина — вроде огромной малины. Необычный плод сразу пришелся нам по вкусу. А вообще здешние горные леса, несмотря на

пышную растительность, бедны плодовыми деревьями. Можно увидеть кокосовую пальму или банан, но их очень мало. Иногда возле тропы нам попадались огромные манговые деревья.

Наши смуглые друзья жаловались, что зябнут. Дескать, им тут конец придет — еще никто не отважился ночевать так высоко в горах. Тогда мы рассказали про нашу страну, где вода от мороза делается как камень, а дождь, замерзая, превращается в белый песок. Рассказали, как мы без лодки ходили по морю и спали в шалашах, которые делали из замороженного дождя. Они рты разевали, слушая такие басни. На Фату-Хиве тепло круглый год...

Пахо шел последним, стуча зубами от холода и покачиваясь со смеху от наших выдумок. Чудесный парнишка — крепкий, стройный, славное тело. Ему всего двенадцать лет, и такого озорника свет еще не видал. Загнет какие-нибудь плутни и хохочет на весь лес, словно Пан. Или мчится верхом с Тарзаньими воплями. Мало кто из взрослых умел так быстро забраться вверх по стволу кокосовой пальмы, и никто проворнее его не бил копьём рыбу с острых камней в заливе. Этот живой, подвижный как ртуть бесенок мог и соврать и смошенничать, но все равно он нам нравился.

Мы шагали по тропе сквозь заросли папоротника, грызя гуайявы. Вдруг Пахо выпустил из рук повод вьючной лошади и помчался вниз по склону. В жизни не видел такого отчаянного бега: два шага — огромный прыжок, два шага — прыжок. Миг — и исчез за гребнем.

Мы решили было, что парень свихнулся, но тут снизу донесся дикий крик и визг, а затем Пахо вынырнул из-за гребня, держа в руках какое-то бешено отбивающееся существо. Мы не сразу разглядели, что это такое, но и без того можно было догадаться, что способен так визжать только поросенок! Да-да, мальчуган поймал руками дикого поросенка! И теперь они словно старались перевизжать друг друга. Вот Пахо пробивается сквозь высокий, по грудь, папоротник, одной рукой держа звереныша, а другой сжимая его морду, чтобы не отхватил пальцы.

И тут мы увидели такое, что я не скоро забуду. Куда там приключенческий фильм! В папоротнике мелькнула черная спина дикой свиньи с взъерошенной щетиной, а с другой стороны мчалась вторая! Точно два паровоза неслись прямо на мальчишку, который стиснул в объятиях визжащего поросенка.

Мы вскрикнули от страха, предупреждая Пахо об опасности. И когда первый зверь был совсем близко, мальчишка, издав пронзительный боевой клич, тигром отскочил в сторону. Еще прыжок, еще, но беспокойную добычу он не отпускал. Каким-то чудом Пахо увернулся от преследования и доставил нам свой трофей!

Под градом камней свиньи отступили. Но когда звонарь накинул на шею поросенку лубяную веревку, звереныш щелкнул зубами, вырвался и улизнул в заросли. Пришлось силой удерживать Пахо, чтобы он не ринулся вдогонку.

Наконец мы пришли к горному источнику — маленькой ямке с водой в пещере Теумукеукеу. Разбили лагерь, а наши друзья, сев на лошадей, галопом помчались вниз.

И вот мы одни, а вокруг самый красивый ландшафт, какой нам приходилось видеть до сих пор на тихоокеанских островах. Под сенью дерева, покрытого кроваво-красными цветками, мы сделали себе ложе из папоротника. Рядом стеной стоял лес с неведомыми растениями. Впереди полого спускался луг, дальше открывался вид на плато и горы Ханававе. Стемнело, мы разожгли костер, чтобы вскипятить чай — сухие апельсиновые листья. Я перевернул большой камень; под ним вокруг кучки белых яиц извивалась огромная ядовитая тысячножка. И этот рай не без змей...

Стало и впрямь холодновато. Мы завернулись в пледы и уснули.

Чудесное это было время. В горах мы дышали чистым, свежим воздухом. Простор и воля, никаких комаров, никакой заразы. Только красивые растения и дикие животные, потомки одичавшего домашнего скота.

Когда во времена парусного флота на остров впервые приплыли белые, островитяне знали из домашних живот-

ных одну лишь свинью. С кораблей доставили на берег другие виды, но полинезийцы считали всех их разновидностями свиньи! Лошадь назвали «свинья, которая быстро бежит по дороге», коза стала называться «свинья с зубами на голове». Новые «свиньи» размножались так же быстро, как старые. Люди вымирали, долина за долиной становились необитаемыми, а скот, уйдя в горы, отлично там прижился. Вот откуда на острове появилась дичь.

Множество диких лошадей, ослов и других животных паслось на горных лугах. Горе тому, кто встретит стаю диких собак! Большие и маленькие псы всевозможной масти с воем и лаем гонятся за перепуганными козами и овцами; они справляются даже с телятами. А если одна из собак погибнет от грозных клыков дикого кабана, вся стая с воем набрасывается на убитую.

Дикие кошки лазают по деревьям, грабя гнезда, или охотятся за крысами и дикими курами среди развалин в долине. Птенцы и птицы — добыча кошек, а яйца остаются крысам, которые тоже умеют лазить по деревьям. Поэтому количество птиц здесь резко сокращается. Многие ранее известные виды почти вымерли, иных уже нет совсем. Морским птицам достается не так. Они гнездятся на голых утесах или отвесных стенах, куда крысам не пробраться.

Одичавшие твари внесли немалое своеобразие в местную фауну...

Островитяне ловят лубяными арканами длинноногих диких жеребят. Позже нам не раз доводилось верхом на объезженных конях подниматься на высокогорные плато. Отличные кони — сильные, надежные.

Часто тропы вились вдоль головокружительных пропастей, на дне которых торчали острые камни. У нас невольно сосало под ложечкой, когда кони трусили по самому краю тропы, небрежно пощипывая свисающую вниз травку. Уздечкой служила веревка, обвязанная вокруг лошадиной морды. Если мы натягивали ее, пытаясь увести лошадь от края тропы, животное только становилось на дыбы и затевало такую пляску, что мы поспешно

уступали. Впрочем, мы быстро прониклись доверием к этим жителям гор. Бывало, едешь ночью, в кромешном мраке по горным карнизам — и никогда лошадь не оступится. Нам рассказывали лишь об одном случае, когда островитянин вместе с конем сорвался в пропасть. Но в тот раз тропа была сырой и скользкой после дождя.

Кстати, мы тоже однажды попали в переделку на краю бездны и сильно перепугались. Мы шли по горному карнизу, Лив — впереди, я — за ней, ведя на поводу Туивету, обезжженного дикого жеребца, сильного и не очень-то послушного. Карниз был не больше полуметра шириной. Справа в долину Ханававе обрывалась пропасть, слева вздымалась отвесная стена. Робко прижимаясь к скале, мы любовались замечательным видом. Вдруг впереди показались три дикие лошади: могучий жеребец, кобыла и жеребенок с курчавой гривой. Кобыла и жеребенок повернули обратно, а жеребец остался прикрывать отступление.

Звонко заржав, Туивета мотнул головой и рванулся было навстречу чужаку, который подходил все ближе. Я дернул повод, тогда Туивета встал на дыбы, силясь вырвать веревку у меня из рук. Я крикнул Лив, чтобы она прижалась плотнее к стенке, и сам сделал то же. Туивета опять бросился вперед, и жеребцы встретились в нескольких шагах от нас. Несколько секунд они, дрожа от напряжения, стояли голова к голове, точно мерялись силами. И началось... Они кусались, брыкались, ржали, вставали на дыбы. Каждый миг мы ждали, что один из них полетит кувырком с обрыва, как это бывало у нас на глазах с дикими козами, спасающимися от собак. Но жеребцы твердо стояли на ногах. Только вьюк взлетел в воздух и исчез в пропасти. Пледы застряли в расщелине, все остальное пропало безвозвратно.

Победил в поединке Туивета. Дождавшись, пока кобыла и жеребенок уйдут достаточно далеко, чужак отступил, сохраняя гордый вид. Теперь Туивета спокойно позволил поймать себя. Он был доволен победой, и только пропажа вьюка смущала его.

...После каждой такой вылазки в горы мы крайне неохотно возвращались в долину. Вверху было так хорошо и вольготно! Но запасы продовольствия ограничивали нас. Плодовых деревьев в горах почти не было, и охотиться нам было не с чем.

Направляясь домой из первого похода, мы чувствовали прилив новых сил. Оцепенение, которое так долго владело нами, прошло, и даже долина казалась уже не такой душной. Католики встретили нас любопытными взглядами. Пока мы жили в горах, они подсылали к нам лазутчиков — проверить, не затеваем ли мы каких-нибудь козней против них. Мы показали лазутчикам банку с зоологическими образцами, и нас оставили в покое.

Твердым шагом мы направились напрямик к дому патера, решив познакомиться с нашим врагом и объяснить ему, что мы не конкурирующие проповедники.

Сразу за большой церковью католиков стояли два домика с террасами. Один домик пустовал; прежде, когда на острове еще было много жителей и он не считался захолустьем, в нем жил французский управитель с жандармами. Рядом с домом валялся старый барабан — когда-то старик Иоане бил в него, извещая о появлении шхуны в бухте. Где ты, бывшее величие...

Мы подошли к террасе второго домика. Там, окруженный ребятишками, сидел человек в черной сутане. Он обучал детей азбуке. Родители не могли этого сделать, так как они сами были неграмотны. Увидев нас, человек в сутане встал. Мы поднялись по ступенькам и оказались лицом к лицу с отцом Викторином. Его маленькая, шуплая фигурка тонула в просторной сутане. Он учтиво предложил нам сесть. Мы сели.

Патер был весь сплошная улыбка, его любезность не знала границ. Казалось, он не чувствует к нам никакой вражды — если бы не колючие глаза, которые так плохо согласовывались с улыбкой, со всем его обликом. Эти глаза ненавидели нас.

Мы затеяли светскую беседу. О том о сем, о нас самих. Очень тонко патер отвел разговор от острых вопросов. Но

мы все-таки воспользовались случаем и дали ему понять, что коллекционируем представителей фауны, а не человеческие души.

Отец Викторин рассказал нам о себе. Тридцать три долгих года, с тех пор как его прислали сюда из Франции, он в одиночестве путешествует по островам Маркизского архипелага. Живет вместе с полинезийцами в их грязных лачугах, ест их пищу, сидит у ложа больных и умирающих. У него нет ни единого друга: он не смог завоевать расположения островитян. Нет никаких развлечений. Природа во всех ее проявлениях для него не существовала. Жизнь большого мира шла своим чередом, жизнь архипелага — своим. Одиноким, заброшенным, отверженным, он видел смысл своего бытия в одном: сделать из островитян католиков, всех записать в приходские книги! Хоть именем овладеть, если не удастся завоевать душу!..

Словно одержимый филателист, панически боящийся потерять хоть одну марку из своей коллекции.

Что ж, его можно было понять. Неудивительно, что он прибегал к любым средствам, чтобы достичь своей цели. И отец Викторин не скрывал своей жгучей ревности к нам. Нас двое. Мы молоды. Он один и стар, и ему нечего вспомнить, потому что жизнь потрачена впустую.

Мы молча пошли домой.

Глава шестая

МЫ НАРУШАЕМ ТАБУ

На лодке вдоль побережья. — Страшный склеп. — Тайна «Большого камня». — Быть беде. — На гребне волны. — «Ночная вода» принимает гостей.

С большим трудом наша лодчонка пробивалась через длинные валы, катившие к берегу. Утреннее солнце ласково освещало дикий пейзаж, над океанским простором веяло свежестью: ее нес пассат.

На корме, обняв гроздь бананов, лежала Лив. Она слушала, как мы с Тиоти обсуждаем план нашей поездки. За кладами в Ханахоуа?.. Нет, сорвалось, и все из-за Викторина. Для рыбной ловли долбленка Тиоти еще годилась, но с наветренной стороны острова лучше на ней не появляться. А направлялись мы в долину Ханававе, решили исследовать участок леса, объявленный запретным. Один из великих шаманов прошлого наложил табу на эти заросли, и с тех пор никто не смел туда заходить. Большинство табу

давно утратили свою силу, но этот запрет еще действовал, как и тот, который охранял вход в склепы Ханахоуа. Всяческие ужасы, а то и смерть грозили нарушителю. Протестант Тиоти очень красочно все это расписывал. Он не сомневался в том, что древние людоеды знали с бесами.

Гребем и гребем, вверх и вниз по волнам, и берегу нет конца. Долина за долиной скользили мимо. Забытые, обезлюдевшие. Высоко на склонах паслись пятнистые козы; из-под пальм смотрел на лодку шетинистый кабан. Посмотрел и опять принялся уписывать падалицу под хлебным деревом. Кто сказал, что долина необитаема? Вон сколько домашних животных! Только люди вымирают.

Но вот наконец горы раздались, и нашему взору предстала долина Ханававе. Полно, не мираж ли это?.. Стройные пальмы, острые пики. Красные скалы и зеленые заросли. Выветривание изваяло на склонах гор причудливых троллей и других исполинских чудовищ. Немудрено, что здесь родились суеверия... Будто заколдованный мир, огороженный неприступными грядями. В глубине долины мы увидели отверстие в горе, сквозь которое просвечивало небо. Само время прогрызло туннель в вершине. Через этот проход когда-то прорывались в Ханававе воинственные людоеды из Ханахоуа. Они лазили по горам не хуже коз и высекали в камне узенькие тропки. Но с тех пор тропы осыпались, и теперь к туннелю, который носил замысловатое название Техавахиненао, не пройти. Так что с той стороны в Ханахоуа не попадешь.

Мы не захватили ничего съестного, и до того, как высадиться на берег, надо было обеспечить себя пищей. В глубине бухты резвились серебристые рыбки. Тиоти встал в лодке и с силой метнул копье с плоским наконечником. Описав дугу, оно опустилось прямо в рыбью стаю, и торчащее из воды древко красноречиво говорило о том, что цель поражена.

И вот мы идем через деревушку. Полсотни островитян — все, что осталось от могучего племени в долине Ханававе, где некогда правили три короля: один — в верховьях, у гор, второй — в средней части долины, третий —

на берегу. Все трое враждовали с обитателями Ханахоуа, и в лесу до сих пор можно увидеть каменные вышки, с которых караульные наблюдали за туннелем в горе. А когда враг вел себя смирно, три короля воевали между собой. Смерть угрожала каждому, кто переступал границу соседа. Из верхней части долины никто не смел спускаться к берегу, ловить рыбу, а жителям побережья нельзя было подниматься вверх за плодами.

Мы ступили на узкую тропку. Впереди, насвистывая, шагал долговязый Тиоти; у него на плече лежала острая палка, на которую был нанизан плод хлебного дерева. Мы без усталости уписывали апельсины. Чудесные плоды — сочные, ароматные. Но апельсиновый рай Ханававе явно никого не соблазнял... Выйдя из него, мы очутились в густых зарослях. Тропа извивалась между кустарниками и древними каменными изгородями.

Тиоти перестал свистеть. Мы приближались к заколдованному лесу. Наш проводник нерешительно предложил сделать привал. Чудесный запах дыма и печеных плодов хлебного дерева распространился меж стволов. Рыбу изжарили на угольях.

Закусив, повели речь о табу. Тиоти его не боялся. Он звонарь, протестант, ему никакая чертовщина не страшна. Людоеды, табу — это все с бесами связано. Он легко может доказать это. И Тиоти рассказал про один случай.

Последнего великого шамана-кудесника — он еще был жив, когда на Фату-Хиве появились белые, — звали Тукопана. Он прославился на все Маркизские острова своим колдовством. Перед смертью Тукопана призвал короля и весь свой народ и показал им двух идолов из белоснежного камня — одного побольше, другого поменьше. Кудесник возвестил, что его душа вселится в большого каменного бога, который будет носить имя Тукопана. В маленького божка вселится душа его любимой покойной дочери. Все будущие поколения должны поклоняться этим идолам.

Тукопана умер. Каменные изваяния поставили среди сотен оскаленных черепов на площадке у моря — на той самой площадке, на которой мы однажды побывали.

А лет двадцать назад на Маркизские острова прибыл французский губернатор. Он услышал историю про Тукопану и его дочь, и ему очень захотелось присвоить редкостные статуи с Фату-Хивы. Губернатор силой заставил четырех полинезийцев отнести тяжелых идолов на его шхуну и увез изваяния в деревню на Хива-Оа, где был его дом. Тукопану и его дочь поставили у въезда на участок губернатора. Жители Хива-Оа сильно перепугались.

Вскоре над Маркизским архипелагом разразился страшный ураган. День за днем хлестал проливной дождь. Огромный поток сорвался с гор и понесся вниз по долине. Он валил деревья и пальмы, мчась прямо к усадьбе губернатора. Дом его был разбит в щепки, а когда наводнение кончилось, Тукопана и его дочь словно провалились сквозь землю. И по сей день продолжают поиски этих каменных изваяний. Но тщетно...

Новый дом губернатора построили подальше от старого участка.

Мы все еще были под впечатлением рассказа, когда пересекли журчащий ручей и нырнули в лес, охраняемый табу. Темно и сыро, густые заросли манго — словом, дебри как дебри. Почему на них наложен запрет?

Вдруг перед нами выросла высокая, в рост человека, замшелая стена. От волнения у меня пробежал холодок по спине. Стена была сложена из больших обтесанных камней. Я осторожно взобрался на нее. Лив и звонарь последовали моему примеру, и мы очутились на площадке, сделанной из тщательно пригнанных друг к другу тяжелых камней. Густые кроны почти не пропускали света, было темно и мрачно.

Я старался понять, как могли древние люди доставить сюда такие огромные плиты и сложить из них стену?.. Вдруг раздался громкий возглас Тиоти: он что-то обнаружил!

Мы подошли к нему. Две большие красные плиты были приставлены друг к другу наподобие скатов крыши. Дёрн и корни закрывали поверхность камней, но когда мы их расчистили, то увидели высеченные на плитах

древние рисунки, странные фигуры. Боги или дьяволы?.. Во всяком случае, нечто гротескное. Одни размышляли, подперев рукой подбородок, другие стояли, сложив руки накрест, третьи вскинули руки вверх. Какие большие торчащие уши — на человека и не похоже! Среди бесовских созданий было причудливое двойное изображение: на одном цоколе две совершенно одинаковые фигуры.

На второй плите были высечены три пляшущих большеглазых существа с отвислыми ушами; одна рука на бедре, другая изогнута над головой. Они четко выделялись на кроваво-красном камне. А рядом с ними вычерчен какой-то геометрический орнамент.

Неожиданный ливень вынудил нас поспешно укрыться под широкими листьями. А когда мы вернулись на старое место, то заметили еще одну плиту, приставленную сбоку к двум первым. Промежуток между плитами в другом конце был тщательно заложен камнями. Мы осторожно разобрали преграду и увидели за ней черное отверстие. Тут что-то есть...

Лив даже ахнула от возбуждения. Я осторожно спустил в отверстие ноги. Это было уже слишком для звонаря.

— Будь у тебя большой фонарь, ты бы мог выгнать оттуда бесов, — сказал он.

А так как у нас фонаря не было, Тиоти предпочел отойти в сторонку.

Проход был очень узкий, но я поднял кверху руки, втиснулся в него и очутился в крошечной тьме. Ощупывая сырую холодную стену, сделал шаг-другой, потом решил зажечь спичку. Чиркнул, но она тут же погасла. Мелькнул кружок света на гладком влажном камне, и опять — мрак.

Еще одна спичка, еще... Гаснут! Я присел на корточки, заслонил коробок рукой и чиркнул снова. Опять впустую. Но то, что я успел заметить, когда на миг вспыхнул свет, заставило меня вздрогнуть: череп! Даже в темноте я мысленно видел его. Достаяю спичку, чиркаю — не тем концом. Следующая спичка загорелась. Да тут целый скелет простерт на земле! Пожелтевшие кости наполовину ушли

в почву. Наверное, какой-нибудь древний король или могущественный кудесник нашел здесь последнее пристанище...

Замысловатые фигуры на крыше склепа явно были призваны отгонять злых духов. А так как самые злые «духи» на тихоокеанских островах — белые люди, я поспешил выбраться из склепа на волю. Спи спокойно, старина...

Сразу за каменной платформой поднималась гора Мотунуи — «Большой камень». Она торчала над лесом, будто «чертов палец». Ветры и дожди отполировали скалу, и лишь несколько косматых деревьев ухитрились зацепиться на крохотных выступах, свесив вниз длинные-длинные корни. Вот по этим-то корням мы полезли вверх — Тиоти, его друг Фаи и я. Как ни спорила Лив, мы ее оставили в долине. Тут и мужчине-то взобраться не просто! Цепляясь руками и ногами, помогая друг другу, мы карабкались по тугим корням.

Большой камень подался под моим коленом и запрыгал вниз. Провожая его взглядом, я прямо под собой увидел широкополую шляпу звонаря.

— Берегись! — завопил я и в ужасе зажмурился.

Теперь конец Тиоти... Не смея еще раз посмотреть вниз, я слабым голосом спросил, обращаясь в пространство, что произошло.

— Камень разбился о голову Тиоти, — донесся снизу спокойный ответ.

Говорил Тиоти. Значит, сумел увернуться!

Узкий карниз пересек отвесный склон. Фаи вскарабкался на него первый — и хотел тут же вернуться: скелеты! Мы увидели целую пещеру, полную старых деревянных коробов, в которых лежали черепа и кости, обернутые в лоскуты белой тапы. Тапу делали, обрабатывая колотушками кору дерева эуте; теперь это дерево исчезло.

Со свода пещеры свисали длинные косы, сплетенные из черных как смоль человеческих волос. А за деревянными коробами, которые выдолбили в мощных стволах каменными орудиями и обожгли изнутри, стоял ящик, сколоченный из досок. В нем лежал скелет в европейской

одежде с пуговицами. Неприятное зрелище: уж не моряк ли попал когда-то в лапы прожорливых людоедов?..

Храбрый Фаи уже начал спускаться, когда я услышал его вопль:

— Она может упади! О-о! Тогда меня тюрьма сади!

Мы заглянули в пропасть. Лив преспокойно карабкалась вверх по корню! Миг — и она уже на карнизе!

Когда мы наконец спустились в долину, я облегченно вздохнул. А наши смуглые друзья были в полном смятении. Нарушено табу! Теперь не миновать кары!.. Быть беде. Фаи и Тиоти настолько верили этому, что в самом деле следовало ждать какого-нибудь промаха.

На следующий день мы простились с долиной и стали спускаться на воду нашу лодку. Надо сказать, что это далеко не просто. Могучие океанские валы, рокоча и пенясь, один за другим набегают на берег и с ревом обрушиваются на гальку. Только полинезийцы умеют покорять эту бурную стихию. Они обычно долго стоят на берегу, ожидая «подходящей» волны. Что это за «подходящая» волна, нам так и не удалось уяснить. Может быть, она чуть пониже других? И чуть подальше оторвалась от следующего вала?

Итак, мы стоим, ожидая «подходящей» волны. Стоим на безопасном расстоянии от прибоя, лодку держим в руках, готовые в нужный миг бежать с ней в воду. Внимание, обрушилась ожидаемая волна! Мы ринулись в пенный хаос, прыгнули в лодку и лихорадочно заработали веслами, чтобы подальше отойти от берега, пока нас не накрыло следующим исполинским валом.

Несколько сильных гребков, и мы очутились на гребне, который взметнулся вверх и стремительно понесся к берегу, курчавясь грозной пеной... И тут оказалось, что звонарь, пребывая в расстроенных чувствах, забыл воткнуть затычку в днище! Из дыры фонтаном била вода! Я выпустил весло и зажал дыру ладонью, а звонарь отчаянно греб, силясь вырвать лодчонку из объятий волны. Пирогоа уже наполовину заполнена водой... Нам еле-еле удалось пробиться за полосу прибоя. Тиоти принялся вычерпывать воду своей шляпой, Лив — скорлупой кокосового

ореха, а я поспешил законопатить отверстие кокосовой пенькой. Опасность миновала...

Океан плавно покачивает наше суденышко, мы идем вдоль берега, где стоят чередой пышные пальмы. Нет, возвращаться домой рано, у нас задумано пройти еще дальше. На северной оконечности острова есть безлюдная долина — Таиокаи. Нас манила туда Ваи По («Ночная вода») таинственное подземное озеро, о котором не слышал до нас ни один белый. Этому озеру посвящено старинное предание, герои которого, Капири и Кеакеа, заходили в пещеру и видели теряющийся во мраке водоем...

Вверх-вниз, вверх-вниз по изрытой волнами поверхности океана. Смуглый белозубый Фаи не отстает, хотя его лодчонка еще меньше нашей. Она нам пригодится на таинственном озере.

Можно подумать, что долины кончились: сплошь отвесные стены, острые пики и шпильки. Глубина такая, что прибоя нет, волны покорно лижут камень. Мы подошли вплотную к скалам.

Стаи красных, серых, зеленых и черных крабов замесались по каменной стене, ныряя в ямки и расщелины. Но от копья Тиоти не уйти! Попадались большие гроты — такие большие, что в дождь там могли бы укрыться несколько лодок. Вода — кристальная, а рыбы — как в садке. Сновали огромные рыбины всех цветов радуги, дно испестрили маленькие кораллы и актинии. У поверхности воды, укрывшись в ямки, высовывали свои грозные клешни омары. Не такие, как у нас в Норвегии, а полутораметровые богатыри с узловатым колючим панцирем, расписанным яркими узорами. Непревзойденные красавицы здешних вод.

Но всего удивительнее была рыба, которая умела ходить по суше. Величиной с палец, черная, большеголовая, она скользила с волной к скале, подпрыгивала, приклеивалась к камню и начинала скакать так, словно боялась, как бы ее не замочило! Нагуляется вдоволь и ныряет в воду, но ненадолго. Вот она уже спешит к берегу с очередной волной.

На закате мы добрались до Таиокаи. Подойти к берегу так же трудно, как уйти от него, нужно опять-таки подстеречь «подходящую» волну. Обычно Тиоти великолепно с этим справлялся, но сегодня у него все не ладилось.

Лодчонка Фаи уже проскочила через прибой, когда звонарь наконец облюбывал себе волну. Благодаря балансиру полинезийские лодки чрезвычайно устойчивы. Они могут опрокинуться, лишь если балансир высоко подбросит или утопит волной. А для этого требуется немалое усилие. Но мы слишком рано оседлали гребень. Балансир взлетел вверх, лодка опрокинулась, и вот уже мы барахтаемся в воде, лихорадочно цепляясь за днище. Могучий вал вышвырнул нас на берег.

— Табу, — первым делом вымолвил звонарь, когда мы, избитые, наглотавшиеся соленой воды, поднялись на ноги.

Но ведь все обошлось благополучно! И лодка как будто цела.

В подступивших к самой воде зарослях мы развели костер и устроили привал, чтобы обсушиться и осмотреть свои ссадины. Потом свернулись в клубок, намереваясь поспать.

В жизни не проводил более беспокойной ночи! Оказалось, что на этом берегу обитают тысячи раков-отшельников. Всю ночь напролет они бродили туда и обратно, таская за собой свои краденые раковины, некоторые величиной с детскую ладонь. Самые нахальные упорно пытались протиснуться под нами или карабкались через нас, причем щипали и кусали без всякой жалости. И когда рассвело, наше терпение лопнуло, мы решительно стряхнули с себя всех мучителей. Они обиженно спрятались в свои домики.

Тиоти, Лив и я стали искать на берегу что-либо съедобное на завтрак, а Фаи, захватив веревку из луба борао и большой нож, пошел в лес. Вернулся он с большой ношей апельсинов и плодов хлебного дерева. Кроме этого, мы зажарили несколько съедобных улиток прямо в их раковинах.

А затем отправились на разведку. Некогда в Таиокаи было многочисленное население. Но злой рок преследует эти острова. Целый горный гребень обрушился и засыпал

долину вместе с хижинами и людьми. От сотрясения родилась могучая волна, которая прошла не один десяток километров по океану. И по сей день Таюкаи окружают страшные, крутые обрывы. Большая часть долины завалены глыбами, лишь кое-где можно увидеть остатки древних стен; сверху гигантская осыпь поросла кустарником.

Неприятное место... Ночью мы то и дело слышали грохот камнепадов.

У подножия горы Фаи отыскал вход в грот. Широкая расселина уходила во мрак. Согнувшись, мы нырнули туда и пошли вниз по камням. Вдруг в темноте, озаренный светом из трещины позади нас, засветился белый песчаный бережок. Над головами нависал тяжелый свод, неровный, волнистый, словно окаменевшее море. Здесь все казалось таким огромным... Белый песок омывала кристально чистая вода подземного озера, которое терялось в непроницаемой тьме. Ваи По — «Ночная вода»... Наши друзья были поражены не меньше нас: такие большие гроты на здешних островах редкость.

Тиоти и Фаи принесли в грот маленькую лодку и благоговейно спустили ее на воду. Лив и я, взяв керосиновый фонарь, отправились путешествовать в таинственный мрак. Казалось, в гроте звенит колокольчик. Из тьмы доносились чистые мелодичные звуки. Кликк-клакк-клякк-клякк-кликк... Волны от лодки разбегались по зеркальной глади и извлекали чудную музыку из невидимых каменных стен. Призрачный свет из входа падал на Фаи и Тиоти; они сидели на корточках на берегу тихо как мышки. Несколько серебристых полосок протянулись по синей воде, смешиваясь с красными и желтыми бликами от нашего фонаря.

Красота грота произвела на нас незабываемое впечатление.

Но вот за черным выступом исчезли Фаи и звонарь и пропали все краски. Теперь со всех сторон нас окружал плотный мрак и огонек фонаря казался таким крохотным, беспомощным... Напоследок наши друзья успели еще крикнуть нам что-то про табу и про морских чудовищ.

Мы гребли не спеша, и лодка скользила медленно-медленно. Лучше быть осторожным: еще попадешь в какое-нибудь течение. Да мало ли что может случиться.

Звон колокольчиков прекратился, теперь было слышно только, как падают камни со свода. Мы зачерпнули воды и отпили глоток. Холодная, удивительно вкусная вода, чуть солоноватая. А ведь мы, наверное, были ниже уровня моря.

Лив взяла заложенный за ухо цветок тиаре и бросила в озеро. Цветок замер на месте: на воде совершенно не было течения. Идем на лодке все дальше, дальше... Когда же кончится грот? Вдруг мы больно стукнулись обо что-то головами. Свод опустился совсем низко. Пригнулись, но и это не помогло; вскоре нос лодки уперся в скалу.

Однако «Ночная вода» простиралась под скалой еще дальше.

Предание рассказывает, что где-то здесь, если нырнуть, можно найти скрытое отверстие. Широкий ход ведет в другую пещеру, которая расположена выше и не затоплена водой. Будто бы там, пока обвал не погубил жителей Таиокаи, жил шаман здешнего племени. И будто бы скелет

шамана и по сей день сидит в каменном кресле у алтаря в подземном святилище. Мы не решились проверить.

Когда мы выбрались на волю, наши смуглые друзья озабоченно глядели на небо. Тиоти почесал затылок. Плохо дело. Конец хорошей погоде. Теперь опасно выходить в море на пироге. Увы, погожие дни редки на Фату-Хиве.

Надо было спешить. Мы побежали к лодке и снесли ее к воде. Нам стоило немалых усилий прорваться через бушующий прибой. А теперь — назад, к долине Омоа, к нашей бамбуковой хижине, скорее, пока шторм еще только начинается.

Мы отошли подальше от берега, а Фаи вел свою лодчонку так близко к скалам, что ее швыряло то в одну, то в другую сторону. Валы стали еще выше и круче прежнего. И хотя мы побросали за борт все наши запасы фруктов, казалось, нас вот-вот захлестнет.

Был уже вечер, когда мы опять поравнялись с Ханававе. Солнце нырнуло в океан, оставив в небе красочное зарево. Потом и оно погасло, наступила ночь. Тьма-тьмущая, хоть глаз выколи.

Водная равнина становилась все более пересеченной. Мы то скользили вниз по крутому склону, то с трудом карабкались вверх, то скатывались наискосок в пропасть. Приятного мало... Ничего не видно, вдруг откуда-то из мрака на тебя обрушивается стена холодной воды. Давай вычерпывай! А через минуту лодка опять почти полна. И так все время. Мы вычерпывали воду словно заведенные. Потому что если уровень воды в лодке сравняется с уровнем океана, будет совсем плохо! Нет, долбленка-то не потонет, на этот счет Тиоти нас успокоил — знай гребь, пока голова над водой торчит! А вот акулы... Они бы, возможно, и не стали нападать на нас, но после рыбной ловли в лодке остались следы крови, а кровь акулы чуют издалека. Стоит, например, сорваться в море раненому козлу — они тут как тут. Если бросить за борт рыбы внутренности — тотчас налетят. Самые крупные из них были втрое длиннее нашей лодчонки. Маркизские акулы вообще известны своей величиной.

Ох какая это была долгая ночь! Кромешный мрак, пляшущая на волнах лодка...

Наконец мы подошли к долине Омоа. Издали заметили свет в хижинах; кроме того, Пакееее, ожидая нас, развел между пальмами огромный костер.

Идем к берегу, от которого нас отделяет громогласно ревущий прибой. По-прежнему тьма, только колышется пламя на берегу и мечутся, подбрасывая хворост в костер, полуголые фигуры.

Мы ждали команды звонаря.

— Пошел.

Нас подхватил несущийся к берегу вал. Выше, выше... Вокруг все кипело, бурлило. С огромной высоты мы вместе с волной упали на гальку. Тотчас сильные руки извлекли нас из грохочущей воды и отнесли к костру. С благополучным возвращением!

— Кончилась хорошая погода, — вздохнула Лив.

— Да, счастливо отделались, — подхватил я, выходя на нашу тропу.

— Табу, — буркнул нам вслед Тиоти.

Глава седьмая

ЗА КУЛИСАМИ ПАЛЬМ

Нарывы и болезнь «фе-фе». — С факелами за летучими рыбами. — Пленники в собственной лачуге. — Наши лесные приятели. — Дети рая. — Тяжелые дни. — Отец Викторин бежит с острова. — Прощай, бамбуковая хижина. — На шлюпке в открытый океан. — Высадка на берег Хива-Оа.

Наступила пора путешествий. Мы бродили по горам, забирались в дебри, а в хорошую погоду несколько раз ходили на лодке в Ханававе. Здесь нас манила пещера на отвесном склоне, вход в которую, наполовину заложённый камнями, был виден с моря. Но пробраться в нее снизу нам не удалось, а сверху пути вообще не было.

В прошлом племена Ханававе и Омоа постоянно враждовали и вооруженные стычки между ними были в порядке вещей. Воины шли за советом к своему шаману, и тот в состоянии одержимости, стуча подвешенными к

поясу черепами, плясал и выкрикивал бессвязные фразы. Все, что он говорил, толковалось как наказ высших сил.

Однажды шаман омоанцев предупредил, что люди из Ханававе идут на Омоа войной. Несколько человек поднялись в пещеру, и, когда внизу показались лодки врага, они из засады сбросили на них тяжелые обломки скал. Надежная баррикада защищала храбрецов от копий и камней. Но вышло так, что они потом не смогли выбраться из пещеры и остались там навсегда. Так рассказывают островитяне...

Да, мы не смогли проникнуть в пещеру, зато нашли много интересного в горах и в дебрях. Наскальные изображения, захоронения в чаще леса... А в верхней части долины Ханававе, на безлесном гребне, покрытом травой в рост человека, были культовые сооружения из кроваво-красного камня. Мы наткнулись на них, пробираясь в траве по тропам, вытоптаным дикими свиньями.

На остром гребне — высокие платформы и стены из обтесанного красного камня. Здесь же стояли идолы метровой высоты, у ног которых лежали грозные каменные топоры для обезглавливания людей. Наши проводники и не подозревали о существовании этого памятника старины.

Но недолго пришлось нам бродить по горам и по долам. Болезненные нарывы и язвы на икрах приковали нас к дому. Они появились уже давно, но до сих пор мы не считались с ними. Теперь стало совсем худо. У Лив было три нарыва почти с ладонь, у меня появилось много болячек на шиколотках и икрах. Стоило замочить ноги в море, как они вздувались, словно шары. А в лесу от непрерывных дождей все размокло, и мы ходили по колено в грязи.

Поэтому мы предпочли отсиживаться в бамбуковой хижине и промывать болячки горячей водой. Как-то к нам пришел Тиоти, принес свежей рыбы. Он заверял нас, что от болезни «фе-фе» можно излечиться за одну неделю, нужно только применить верное лекарство, и отправился в лес за лепестками желтых цветов борао. Из них мы сварили густое зелье, которым и смазали болячки. Да, прав был Ларсен из Мосса, когда предостерегал нас...

Зелье вытянуло гной, но остались незаживающие язвочки.

Мы бинтовали ноги пальмовыми листьями и сидели дома, выходя только за плодами. Лишь иногда мы позволяли себе развлечься. Как-то нас позвали на совершенно необычную рыбную ловлю. Такой потехи я еще никогда не видывал!

Пужинав у Пакееее, мы дождались темноты и пошли на берег. Море было настроено миролюбиво. Позади нас качались черные пальмовые кроны, над головой сверкало звездное небо. Спустили на воду две лодки: в одну сели Пакееее и Лив, в другую — звонарь, Пахо и я. На носу лежали трехметровые связки теиты. Из связанных вместе тонких сухих стеблей этой травы получались великолепные факелы. Выйдя в залив, мы их зажгли.

Трескучее пламя рассыпало искры в ночном воздухе, прочертило световые дорожки на воде. У лаково-черной поверхности кишели какие-то мальки, но нас они не занимали. Мы пошли вдоль крутого берега в сторону Тахаоа. Беспokoйное пламя причудливо освещало наши лодки, во мраке вверху хрипло кричали гнездящиеся на скалах морские птицы.

Вдруг появились летучие рыбы. Будто сверкающие снаряды вырывались из тьмы и, пролетев мимо нас, погружались в немую пучину. Их-то мы и будем ловить! Не удочкой и не острогой: хватать руками прямо на лету.

Что тут было... Трескучие факелы делали свое дело: множество рыб со всех сторон летело на свет. Они неслись, точно стрелы, пущенные хорошим луком: только и слышно было, как они ударяются о борта.

— Глаза берегите! — крикнул звонарь.

Уместное предупреждение — блестящие стрелы пронесились возле самой головы.

Тиоти размахивал в воздухе сачком на длинной палке. Есть! Одна рыба шлепнулась из сачка на дно лодки. Отсюда она уже не могла взлететь. Летучая рыба — словно планер: чтобы подняться в воздух, ей нужен разгон, и она набирает скорость в воде.

Я поднял пленницу. Длинной с локоть, спина черная, брюхо белое, на боках серебристо-голубые полосы. Длинные пятнистые «крылья», громадные, словно шары, черные глаза.

Еще одна! Вот это да! Вдруг я увидел рыбу, которая летела прямо на меня. Удар в живот, и я повалился с банки на дно. Пахо тоже чуть не упал — от смеха. Прямое попадание! Ничего, зато теперь у нас уже три рыбы. С другой лодки тоже доносился хохот; видно, и там кому-то досталось!

А рыбы все летели; казалось, озорные мальчишки затеяли игру в снежки. Все освещенное пространство вокруг лодок пронизывали блестящие снаряды. У звонаря от меткого попадания слетела с головы шляпа. Мы хохотали и размахивали руками, хватая рыб в воздухе и воде, приседали и извивались, мокрые от брызг и шлепков. Тиоти, как мог, защищался своим сачком.

Когда от факелов остались одни хвостики, мы надели их на палки, чтобы горели до конца. Но вот, шипя, погасли в воде последние искры, и тотчас рыбы гонки прекратились. Снова кругом только сияние звезд да хриплые крики птиц...

У наших ног лежало тридцать пять рыб. Большинство из них сами влетели в лодку. Богатый улов! Но звонарю все было мало. Мы вернулись в бухту и забросили удочку, наживив летучей рыбой. Теперь Тиоти хотел добыть пяток као-као. Вскоре к нашему улову прибавились четыре здоровенные рыбины с рылом, напоминающим длинный клюв. Но пятая заставляла себя ждать. Я чуть не заснул.

Сильный стук веслом о борт заставил меня встрепенуться. Поймал? Нет, не клюет. Снова потянулось ожидание. Вдруг Тиоти опять взял весло и принялся стучать, так что гул пошел над водой.

— Зачем ты так делаешь? — не удержался я.

— Рыбу бужу, — объяснил звонарь.

Шла неделя, другая, третья, а «фе-фе» все не унималась. Напротив: язвы увеличивались, и боль порой была такая, что мы не могли встать с постели.

Ели что придется. Дождь лил не переставая, почва в лесу превратилась в сплошную жидкую грязь, воздух насытился испарениями. Сырость была страшная. Наша хижина покрылась плесенью, нары стали гнить. Кругом стояли лужи, и комары размножались в невероятных количествах. Вот для кого здесь был рай!

Комарье тучами окружало хижину. А ветер помогал им проникать даже сквозь сетку на окнах. С утра до вечера мы их давили, обеспечивая работой полчища крохотных мурашей, которые убирали с пола комариные трупы. Казалось, все насекомые дебрей ищут спасения в нашей хижине! Всюду, всюду что-нибудь копошилось. Даже в постели завелись муравьи. Три семьи облюбовали наше ложе из листьев.

Чтобы не шлепать босиком по грязи, мы купили в «магазине» Вилли тапочки; они были такого размера, что пришлось их привязывать к ногам. Однажды утром Лив побрела за водой к роднику; вдруг я услышал дикий вопль. Огромный — чуть ли не с мышью! — косматый паук забрался к ней в тапочку и основательно укусил ее за ногу. Хорошо еще, что укус оказался неопасным.

А затем началось самое худшее... Из дыр в стенах сыпалась мелкая, как мука, белая пыль. Она ложилась на пол, собиралась в лепешки на стенах, роилась в воздухе. От нее нигде не было спасения. Ляжешь спать, а наутро тебя словно снегом занесло. Мы дышали пылью, глотали пыль...

Иоане и его друзья все-таки подвели нас. Ведь они должны были знать, что на зеленый, молодой бамбук нападает жучок. Только желтый бамбук, да еще вымоченный неделю в соленой воде, годится для постройки. Видно, островитяне не верили, что мы задержимся здесь надолго.

А пыль все летела и сыпалась, сыпалась и летела. Что ни день — генеральная уборка. Но толку мало. Кончилась бамбуковая идиллия. Ее уничтожили пыль и комарье, пауки и плесень.

Правда, было у нас одно утешение — Пото. На маркизском диалекте «пото» — «кот». Наш Пото был чудесным полудиким котом. Полосатая шубка, пушистый

хвост, мягкая похода хищника... Он пришел к нам, надеясь поохотиться на мышей и ящериц. Из окна мы хорошо видели, как он в первый раз крался к нашей кухне. Внимательно все обнюхал, подобрал крошки от кокосового ореха, еще что-то.

На каменном столике стояли в ореховой скорлупе густые сливки, которые мы готовили сами. Лив натирала теркой кокосовый орех, кашу заворачивала в кокосовую пеньку и выжимала жирный сок. Он играл немалую роль в нашем домашнем хозяйстве и вполне заменял настоящие сливки.

Вскочив на стол, Пото сунул мордочку в скорлупу. За всю свою кошачью жизнь он не пробовал такой вкусной еды! Вылизав миску начисто, кот аккуратно умылся лапками и игриво покатался по камню. И, видно, услышал какой-то шум из хижины, так как в следующий миг его уже не было.

Но назавтра Пото явился снова и смело прыгнул на стол, где его ожидали сливки. С тех пор он стал навещать к нам каждый день.

Как только Лив садилась тереть орех, из леса выходил Пото. Любопытный кот не мог надивиться на странное двуногое создание. Он ложился на каменную ограду и смотрел оттуда на Лив. Но мало-помалу дикарь становился все более ручным и наконец до того осмелел, что стал подкрадываться за кокосовой массой к ногам Лив. Однако тут стали ревновать наши единственные домашние животные — две молодые курицы, которые всегда расхаживали с таким важным видом, словно воображали себя петухами, и поминутно схватывались между собой так, что только перья летели. Когда Пото посягнул на крошки, которые драчуны считали своим достоянием, ему пришлось отступить. Казалось, в лес катится пушистый мяч, преследуемый по пятам разгневанными птицами.

Чтобы умиротворить девиц, мы раздобыли в деревне петушка. Но когда мы поставили отважного рыцаря на землю между двумя «вахинами», юный красавец встретил далеко не любезный прием. Они задали ему такую взбуч-

ку, что он еле унес ноги в лес, где появление петуха очень обрадовало диких собак... А наши отнюдь не женственные куры, выпятив грудь, вышагивали по двору, чрезвычайно гордые своей победой. Этак они скоро даже нам перестанут дорогу уступать!

Они неслись, но явно стыдились этого. Чтобы найти яйцо, нам приходилось обыскивать чуть ли не весь лес. Найдешь, а оно уже протухло. Но мы все им прощали; все-таки хоть какая-то компания!..

Бывало, только удивись — что это на дворе пусто, как уже из лесу или из-за каменной стены бесшумно крадется Пото, а откуда-то сверху, громко хлопая крыльями, летят воинственные подружки.

У Пото был закадычный друг, которого мы называли Леонардом. Леонард был примерно того же возраста, только порыжее и более робкий. Пото каждый день приводил друга к нашему участку и преспокойно шагал через двор к кухонному навесу. Оттуда он оглядывался на Леонарда, как бы зовя его, но тот боязливо жался к ограде. Как ни заманивал Пото приятеля, рыжий дальше стены не шел, предпочитая издали смотреть, как Пото с наслаждением уписывает вкусное угощение — разумеется, если в это время не было поблизости кур.

И еще один приятель завелся у нас — ящерица Гарибальдус. Большой, с новорожденного котенка, он лихо расправлялся с насекомыми, не отступая даже перед коварной тысяченожкой. Нельзя сказать, чтобы Гарибальдус охотился бесшумно: он топал по стенам так, что источенный жуками бамбук жалобно скрипел и посыпал нас пылью. А когда мы ложились спать, Гарибальдус устраивал на потолке целый концерт: пищал, шипел, квакал.

Родители явно не приучили его к чистоплотности — с потолка нет-нет да летели вниз лепешечки, и почему-то всегда на мою голову! По-моему, он это делал нарочно. Сколько бы я ни менялся местами с Лив, это меня не спасало. А стоило мне ударить кулаком по столу и пригрозить, что я сейчас посажу безобразника в формалин, как Гарибальдус, весело хохоча, исчезал в какой-нибудь щели в потолке.

Пока мы никуда не ходили, привязанные к дому болезнью, у нас не было другой компании. С четвероногими и пернатыми друзьями были связаны все события нашей однообразной жизни; островитяне неделями не появлялись в долине. В листве деревьев обитали птахи, а по соседству с нашим участком ходила дикая лошадь с жеребенком, но они были уж очень робкие. А однажды к нам во двор забрели крабы! Мы даже поймали несколько штук. Вдали от моря, в сердце острова! Для меня это было полной новостью.

Были у нас и враги. Самые страшные из них — комары. Комары и отец Викторин. Мы прятали ноги в мешки, кутались в пледы — все равно кожа была бугристой от жгучих укусов. Порой нами овладевал садизм. Мы давали комарам как следует напиться крови. Раздувшись, словно шары, они летели, сытые, довольные, к окну. Но теперь ячея сетки не пропускала их! И мы расправлялись с кровопийцами...

Часто за окном гудела целая туча комарья. Стоило приставить к сетке палец, как они, вытянув свои хоботки, тысячами бросались на добычу. Подразнив их всласть, мы хватили какого-нибудь мучителя за хоботок и втаскивали внутрь. Вот бы отца Викторина так...

Нередко боль в ногах вынуждала нас лежать. Иногда мы все-таки, прихрамывая, выходили на добычу в лес. Но вдруг обнаружилось, что с фруктами дело плохо! Все плодоносящие бананы срублены, на хлебном дереве — ни одного плода. Ох как нам хотелось есть! И какая же была радость, когда звонарь приносил рыбу! Только тот, кто голодал, поймет нас. Обычно человек в цивилизованном обществе настоящего голода не знает, он жалуется на голод перед обедом, когда его одолевает аппетит. Для него еда уже не то неземное наслаждение, каким она, наверно, была в прошлом.

Меч-рыба... С каким удовольствием мы ее ели! Конечно, можно приготовить дорогое, изысканное блюдо. Безусловно, будет вкусно. Но и только. Тот, кто по-настоящему голоден, стряпает проще, а получается блюдо, о каком лакомки могут только мечтать. Трапеза изголодавшегося — сплошное блаженство и счастье.

Неожиданно выяснилось, куда исчезают все плоды. Как-то рано утром, еще до рассвета, мы увидели в лесу целый отряд вахин и молодых парней во главе с нашим старым приятелем Иоане! В мешках и просто охапками они тащили плоды, за которые мы честно уплатили вперед. И ведь им эти плоды были совсем не нужны. Это делалось нарочно. Они обобрали даже кокосовые пальмы возле самой хижины. Порядком разозленный, я догнал отряд Иоане возле реки, где они грузили мешки на лошадей. Неплохо поживились.

— Иоане, — сказал я, — ведь эти плоды мои.

— Аоэ¹, — беззастенчиво солгал Иоане. — Я собрал их на соседнем участке.

Мы оба были настроены одинаково воинственно. Но спорить бесполезно. Против меня будет все племя во главе с вождем.

А еще через несколько дней я застал Иоане, когда он слезал с кокосовой пальмы возле нашего дома. Я бросился к нему. Он зло посмотрел на меня.

— Это наш участок, — сказал я.

— А пальма моя! — крикнул Иоане.

— Мы заплатили за пользование участком и за фрукты.

— За фрукты платили, за орехи — нет.

— Нет, уплачено за все, и за орехи. Мы не можем жить без орехов. И ведь фрукты тоже все исчезли.

Я с трудом сдерживал себя.

— Кокос — не еда, кокос — мои деньги! — завопил он.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы Иоане не ушел, буркнув, что я могу забрать оставшиеся орехи.

Что делать... Мы не дома. Придет судно — можем послать жалобу. Но через сколько месяцев ее рассмотрят? Через сколько лет пришлют решение? К тому же островитяне будут настаивать на своем, и попробуй установи, кто прав. Всем известно, что белые грабят полинезийцев; так что лучше помалкивать... Но ведь орехи нам необходимы, это наша главная пища!

¹ Нет.

Жизнь в джунглях становилась невыносимой. Без конца хлестал ливень, куда-то пропали все раки, полчища комаров безжалостно преследовали нас. Их развелось столько, что островитяне не могли работать в долине, не могли заготавливать копру. Скорее бы явился корабль, который мог бы забрать нас из этого ада и доставить туда, где есть врач, способный справиться с нашими язвами!

Нам рассказали, что одна женщина в деревне наступила на рыбью кость. Ранка быстро разрослась, и заражение распространилось на всю ступню. Пришлось ей потом на Таити отнимать ногу.

Как мы ждали корабля!.. И однажды поздно вечером, когда мы сели ужинать, издали донесся гудок парохода. Там за лесом, в океане — пароход! В ту ночь нам было не до сна. Задолго до рассвета мы достали нашу самую лучшую одежду, от которой давно успели отвыкнуть.

Я даже опешил, когда взглянул в зеркальце, чтобы завязать галстук: он исчез под косматой дикарской бородой. Волосы длинными прядями падали на плечи. Лив-то что, ее только красили длинные волосы. Ну да не важно! Хотя смешно, конечно, с непривычки. Сами виноваты, отдали свои бритвы и ножницы.

Обернув ноги мешками для защиты от грязи, мы зашлепали вниз по долине. Не доходя до деревни, мешки сняли и ступили на главную улицу во всем параде. Фатухивцы ахнули.

Но что это? Синяя гладь океана, белые гребни волн — и никаких пароходов! Ничего!

Пакееее рассказал, что ночью он видел огни, но пароход прошел мимо... Он тоже приуныл. Этому мученику веры, которого преследовали все соплеменники, приходилось несладко. Соседи переносили его межевые камни, устраивали ему всяческие козни. Только что вождь оштрафовал священника за кражу феи. Это Пакееее-то, который не то что украсть, даже солгать не способен! Я рассказал ему, как Иоане воровал наши фрукты и уверял, что они собраны на соседнем участке.

— Се на бьен¹, — ответил Пакееее, — соседний участок — мой!

Еще одну неприятную новость сообщил нам звонарь. Сын Иоане Хаии, страдающий слоновой болезнью (да-да, тот самый, который подмешивал мочу в апельсиновый сок, посылаемый священнику), поймал на берегу скорпиониху с детенышами и заготовил для нас полную коробку этих тварей. Так что нужно быть начеку...

Положение в деревне было бедственное. Местные жители всецело зависели от поставок риса и муки, а подвалы Вилли давно опустели. «Тереора» привезла очень мало продуктов. В Ханававе тоже голодают, туда ходила лодка, чтобы узнать, как дела. И там ждут парохода...

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и, когда прошло три месяца без каких-либо перемен, мы решили, что все ясно. Последние новости о том, что происходит в мире, были шестимесячной давности. Тогда шла война в Испании. И в Китае. Видно, теперь началась мировая бойня. От островитян мы слышали, что во время Первой мировой войны они годами были оторваны от внешнего мира. Никто не заходил за копррой. Тогда на Фату-Хиве даже не знали о том, что был разрушен Папезте.

¹ Вот это здорово (фр.).

На четвертый месяц тщетных ожиданий в деревне стало совсем скверно. И особенно отвратительно чувствовал себя отец Викторин. Он решил любой ценой покинуть Фату-Хиву.

До ближайшего острова больше ста километров пути по бурному океану. А самым крупным судном на Фату-Хиве была старая разохшаяся шлюпка, которая лежала под навесом на берегу. Она принадлежала Вилли Греле, но он давно забросил ее и решил купить себе новую лодку.

По приказу отца Викторина фатухивцы законопатили щели в шлюпке, вывели ее через прибой и поставили на якорь в бухте, чтобы разбухли доски. Затем они срубили в лесу несколько тонких деревьев для мачты и оснастили ее огромным парусом — на наш взгляд, слишком большим для такой скорлупки.

Океан избороздили буйные валы, дул сильный ветер — правда, в нужном направлении, на север, к ближайшим от Фату-Хивы островам Хива-Оа и Тахуата.

И однажды утром — оно было таким же хмурым, как и многие предыдущие, — отец Викторин решился. Вместе с командой гребцов он вышел на подлатанной шлюпке в океан. Нельзя было не воздать должное его отваге. Огромные волны швыряли лодку вверх-вниз, она то и дело исчезала за водяной горой, нам казалось — навсегда. Но всякий раз ее выносил вверх гребень очередной волны. Вот белый парус затерялся вдали. Мы долго стояли на берегу, волнуясь за смельчаков.

Отец Викторин хотел остаться на Хива-Оа, главном острове архипелага, а его спутники должны вернуться с рисом, мукой, сахаром. Вернутся ли?.. Наконец через неделю наблюдатель на берегу сообщил, что видит шлюпку.

Могучие волны легко вынесли ее на берег. Команда была совершенно измотана. Им пришлось работать веслами всю дорогу до Фату-Хивы. Мачта сломалась, из днища вышибло доску, и, пока длилась починка, они немало потрудились, вычерпывая воду. Отца Викторина доставили благополучно, но из продуктов раздобыли только небольшой мешок муки.

Путешественники добрались до своих жилищ и заснули как убитые. Но мы успели выяснить, что никакой войны нет, виноваты спекулянты копррой.

Положение становилось отчаянным. Суда не появлялись.

А тут еще стало ясно, что наши ноги под угрозой ампутации. Даже островитяне не могли смотреть на них без ужаса. После того как патер уехал, большинство фатухивцев восстановили с нами добрые отношения. Вилли, честный католик, долго не знал, как себя вести, но теперь и он всячески старался нам помочь.

И вот мы созвали совет. Выбора не оставалось: надо отправляться в путь. Вилли и еще несколько человек решили плыть за мукой и рисом и согласились взять нас с собой. Хижину пока можно запереть.

Но как уберечь наши коллекции от разграбления? С собой мы можем взять только чемодан с одеждой, а черепа, идолов и древние изделия придется оставить. Может быть, еще раз выступить в роли фокусника? Я позвал к себе в гости несколько фатухивцев и дал им понюхать формалин. Они расчихались, запрыгали, зажимая нос, а я объявил, что это смертельный яд, им будет облит весь пол хижины. Жидкость, которая убивала даже тысяченожку, произвела на них сильнейшее впечатление. Тысяченожку! Ведь ее хоть режь на куски, хоть топи — все равно оживет. А эта жидкость ее умерщвляла! Для большей убедительности я, прежде чем поливать пол, заткнул себе ватой ноздри и завязал глаза. Потом пулей выскочил наружу и захлопнул дверь. Через несколько минут весь дом заполнят смертоносные испарения!..

Простившись со своим первым жильем, провожаемые тучей комаров, мы зашагали вниз по долине, уверенные, что наши коллекции хранятся надежно, как в сейфе.

Эту ночь мы провели у Вилли. Ни одного комарика! Мы уже успели забыть, что такое спокойные ночи... Точно всю жизнь прожили в этом лесу.

Под утро нас разбудил собачий лай. Одновременно из лесу вынырнуло несколько фонарей: это собиралась команда. Сегодня выходим в море. Как-то погода? По тем-

ному небу мчались тучи. Значит, в океане сильное волнение. Подождем немного...

Было холодновато; поставили чай, чтобы согреться и разогнать сон. Странно было сидеть в окружении старых недругов. Ни звоняря, ни Пакееее, зато вместе с нами пил чай Иоане. Он беспокойно поглядывал на небо: накрапывал дождь.

Как сильно прибором грохочет! Никогда еще мы не слышали такого рева. От холода и страха по телу бегали мурашки.

Кажется, светает? Да, утро теснит ночь. Вилли встал и распорядился: «Хаман!»¹

Итак, в путь. Приступаем к безумному предприятию. Но ждать на острове еще хуже. Мы вереницей спустились на берег, а тут оглушительный рев прибора вытеснил из головы все сомнения и колебания. Умелые гребцы отвезли нас на пироге к шлюпке и вернулись за другими пассажирами. Вот уже и последний заход сделан, а на берегу, отчаянно размахивая руками, стоит кто-то. Это полукитаец из Ханававе, он тоже пресытился Фату-Хивой. Но у нас больше нет мест, а он притащил все свое имущество, да к тому же захватил свинью и несколько кур! И смешно и жалко человека, так ему хотелось плыть с нами. Но шлюпка и без того перегружена, борта чуть-чуть выдаются над водой. По правде говоря, нам с Лив вся эта затея вообще казалась безрассудной. А впрочем, ведь прошлый рейс прошел благополучно...

Под банками лежали запасы бананов, на носу стоял бидон с пресной водой. Если все будет хорошо, мы при таком ветре за день доберемся до цели. Правда, у нас нет ни карты, ни компаса, но достаточно с самого начала взять верный курс и идти прямо, пока из-за горизонта не появятся горы Хива-Оа. Вот если опустится туман, тогда мы пропади: не заметим, как окажемся за пределами архипелага.

Перегруженная лодка угрожающе кренилась. Фатухивцы еще раз проверили направление ветра. Все в порядке: пассат дул нам в спину.

¹ Пошли!

Нас было одиннадцать. Роль капитана исполнял старик Иоане; он сидел на корме, держа рулевое весло, облаченный в свое обычное одеяние — соломенную шляпу, белые шорты и майку. Рядом с ним на чемоданах и мешках примостились Вилли, Лив и я. Впереди сидели гребцы: энергичные лица, закаленная обветренная кожа, смуглые торсы, тугие мышцы. На тот случай, если не выдержат доски в днище, приготовлены молоток и гвозди.

Иоане ждал, улыбаясь волнам и ветру. Казалось, он высечен из камня.

Пора... Иоане встал, обнажил голову, перекрестил грудь и лоб. Гребцы, суровые, торжественные, опустили головы; Иоане медленно прочел молитву на родном языке. Затем все еще раз перекрестились — церемония окончена.

В следующую минуту в шлюпке словно разразился ураган. Иоане командовал, размахивая руками, матросы кричали, прыгали через банки. Мигом выбрали якорь, подняли парус. Дикая суматоха — как только шлюпка не перевернулась! Все будто обезумели. Даже обычно спокойный Вилли что-то вопил, отдавая распоряжения.

И вот мы птицей летим по волнам. Фатухивцы сияли от радости. Кровь предков забурлила в их жилах. Иоане крепко держал руль, вызываяще задрав щетинистый подбородок.

Эх и мчались мы! Поневоле кровь закипит у сонных сынов дебрей. Если бы можно было весь путь пройти под прикрытием Фату-Хивы! Но скоро нас начнет трепать всерьез. В открытом море волнение будет сильнее.

И действительно: исчезли вдали зубчатые скалы острова, и мы встретились с океаном лицом к лицу. Могучие пенящиеся валы горой выростали над нами, но шлюпка легко взмывала на них в тучах брызг. Вот смотрим сверху в глубокую серо-зеленую долину, а вот мы уже внизу, зажатые между исполинскими валами. Да, тут туго пришлось бы и не такой скорлупке, как наша.

Мы не знали, что одновременно с нами боролась со штормом «Тереора». Волны обрушились на палубу шхуны, ворвались в кают-компанию и все переломали. А крохотное суденышко с Фату-Хивы уверенно справля-

лось с бушующей стихией, мы стремительно перелетали с гребня на гребень.

Иоане был отличным рулевым. Оскалив зубы в застывшей улыбке, он пристально следил за волнами и умело вел лодку на гребень. Если же нас накрывало и шлюпка скрипела по всем швам, он только еще крепче вцеплялся в руль, не сводя глаз со следующей волны. Его окатывало водой, соль ела ему глаза, но он ни на миг не выпустил из рук руля. Великолепный кормчий!

Двое гребцов помоложе скорчились на дне шлюпки. Товарищи безжалостно высмеивали моряков, которые поддались морской болезни. На раздувшиеся ноги Лив было страшно глядеть: бинты сорвало и унесло за борт. Она лежала без сознания на мешке, и я удерживал ее изо всех сил, когда нас захлестывало.

Иногда вся шлюпка погружалась в морскую пену, и казалось, что мы вот-вот пойдем ко дну. Но лодка вырывалась из могучих объятий океана, отдав ему лишь несколько фруктов из наших запасов. Вычерпывать, живо! Ни секунды передышки. Много раз мне чудилось, что настал конец: когда мы неслись вдоль водяной стены, которая вздымалась все выше, выше и вдруг рушилась прямо на нас!.. Или когда мы с безумной скоростью перелетали через гребень и скатывались в ложбину между волнами, так что весь корпус лодки скрипел, врезаясь в бушующие каскады! Шлюпка и ее команда буквально творили чудеса.

Но как бы высоко мы ни взлетали на могучих валах, с гребней не было видно земли. Фату-Хива давно исчез, следующий остров еще не появился. Однако Иоане не сомневался, что мы идем верно.

Я плохо помню эти часы. То хлестал дождь, то жгло слепящее солнце... Голые смуглые спины чернели на глазах; у нас с Лив обжигаемая морской солью и лучами солнца кожа вздулась пузырями. Хорошо еще, что волосы отросли, иначе нам не миновать бы солнечного удара. Помню, вокруг нас в ложбине плясали, фыркая, черные дельфины. В следующий миг лодку подбросило вверх, и мы потеряли их из виду.

Уже день в разгаре, а нашему плаванию не видно конца. Вдруг я сквозь полудремоту услышал голос Иоане:

— Мотане!

Перемена курса. Матросы, которые до тех пор вяло следили за тем, чтобы волны не поломали рею, сразу засуетились.

Мотане... Необитаемый скалистый островок севернее Фату-Хивы. Он нам очень нужен, чтобы проверить курс. Мы должны пройти западнее него.

При виде этой темной глыбы на севере стало как-то веселее на душе. Пусть нас по-прежнему швыряет во все стороны и окатывает водой с головы до ног — впереди земля! А вот левее Мотане из мглы проступили зеленые полосы долин на фоне гор, словно непрестанно отступающий мираж, — это Тахуата. Нам еще плыть и плыть до него: горы видно издалека.

Между Мотане и Тахуатой вдалеке из океана длинной серо-зеленой полосой вынырнул Хива-Оа. Я крикнул Лив, что показался наш остров. Она ничего не расслышала.

Самое опасное было впереди. В проливе между южной оконечностью Хива-Оа и Тахуатой проходит сильное океанское течение, здесь особенно большие волны. Наши гребцы хорошо это знали. Встревоженный Вилли посоветовался с Иоане. Но другого пути все равно не было. Будем, насколько возможно, прижиматься вправо...

Мы полным ходом мчались к бушующей полосе. Иоане сидел как наэлектризованный, напрягся, точно зверь перед прыжком.

Сейчас все зависело от него.

Крупнейшая на Хива-Оа долина называется Атуона. Тут находится столица архипелага, в которой обитают двести — триста жителей. Когда-то в Атуоне жил губернатор Маркизских островов; это здесь исчезли статуи Тукопаны и его дочери.

В долине разбросаны дощатые лачуги, но за пальмами их незаметно с моря. Издали видны только лес и горы, полумесяцем окаймляющие широкую долину. Здесь прожил последние годы своей жизни художник Гоген. Его могила расположена на высоком пригорке.

На Маркизском архипелаге почти нет белых. На Нуку-Хиве их двое — администратор и один миссионер; все остальные — жандарм Триффе, телеграфист Бельвас и владелец небольшой лавки мистер Боб — живут на Хива-Оа. Еще на Хива-Оа есть миссионерский пункт, где обитают священники и две монашенки-католички. И наконец, здесь живет норвежец Генри Ли; в глухом уголке он устроил плантацию. Остальные жители архипелага полинезийцы и метисы.

Островитянину, никогда не бывавшему на Таити, Атуона — кучка деревянных домиков и заброшенная резиденция губернатора — кажется большим городом, верхом красоты, царством небесным.

Мы увидели столицу, когда солнце уже заходило.

Промокшие насквозь, смертельно усталые, мы вспоминали кошмарный путь среди неукротимых исполинских валов...

Идем к берегу, четко звучат слова команды, черные от загара гребцы убирают парус и мачту. Цель трудного плавания достигнута, но напряжение еще не оставило нас. Рано чувствовать себя в безопасности. Идти к берегу с наветренной стороны — дело серьезное.

Гребцы взяли за весла. Далеко в море протянулась отмель, и волны с оглушительным ревом обрушились на нее. Сегодня они докатывались до самого леса. Несколько островитян стояло на берегу, любясь игрой могучей стихии.

Лив очнулась, но глаза ее безумно смотрели на пенный хаос. Гребцы внимательно слушали команду Иоане. Парни, которых свалила морская болезнь, получили одно весло на двоих — теперь нужна каждая пара рук.

Решительно идем к кромке прибоя, но сзади нас вырастает грозный вал, и приходится отступить, лихорадочно работая веслами. Точно мячик, шлюпка взлетает в воздух. Пронесло... Можно опять вперед.

Иоане — лицо как у разъяренного демона — срывающимся голосом выкрикивал команды. Гребцы ловили каждое его слово. Он был весь внимание и энергия. Только его воля и опыт могли нас спасти.

Вот она, нужная волна! Иоане командует:

— Навались, навались!

И гребцы, стиснув зубы, сверкая глазами, навалились так, что весла затрещали.

Через всю полосу прибоя стремительно нес шлюпку бурлящий гребень. Мы судорожно держались за борта. Вдруг двое парней выпустили свое весло.

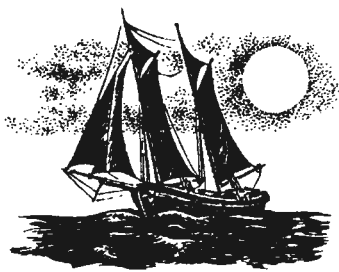
Иоане взревел от ярости. Вилли в прыжке пролетел мимо нас и схватил весло; парни лежали плашмя на груди фруктов.

Но Вилли опоздал. Шлюпка уже развернулась боком к волне, и Иоане ничего не мог сделать. Бросив весла, гребцы вскочили на ноги и прыгнули за борт. Я схватил Лив и тоже нырнул в воду. Вилли — за нами. Нас подхватил бушующий водоворот.

Опомнился я, когда ощутил под ногами песок, и тотчас побежал вместе с Лив к берегу, спасаясь от неумолимо надвигающейся с моря новой, отливающей стеклянным блеском стены. Нас тормозила, отступая, предыдущая волна, но мы вырвались из ее цепких объятий и упали на траву.

А наши спутники облепили шлюпку, которую швыряло прибоем. Любой ценой надо спасти ее! Они поминутно исчезали в жидкой лавине, но лодку не выпускали. Плывя больше под водой, чем по воде, вытащили на берег все мешки и чемоданы, а затем привели и шлюпку!

На всякий случай мы отнесли наше имущество подалее в лес. Весла, фрукты и прочие мелочи волны потом сами выбросят на берег. Мы добрались до Хива-Оа.

Глава восьмая

НА ХИВА-ОА

Бездомные в деревне Атуона. — Через горы в Пуамау. — Исполнинские боги в дебрях. — Культовая площадка и неприступный замок. — Мауриури — привидение Южных морей. — Охота на кур. — Удивительные судьбы. — Хананапа — долина смерти. — Комитет заседает.

С берега в пальмовую рощу вела поросшая травой дорожка. Сперва мы увидели домик телеграфиста, потом, возле самой дороги, футбольное поле, правда не очень-то ровное, но все-таки цивилизация! И островитяне здесь выглядели более элегантно, чем наши фатухивские друзья. Шляпа набекрень, в уголке рта небрежно болтается сигарета — сразу видно, что сюда часто наведываются увеселительные яхты.

Местные жители смотрели на нас критически. Они уже успели раскусить белых и делили их на три категории: мундиры, требующие почтения, туристы — предмет

их насмешек — и заготовщики копры, к которым здесь относились безо всякого уважения.

Мундир олицетворял правительство, власть. Власть, которая издает законы и отправляет островитян в тюрьму на Таити...

Турист, по их понятиям, живое воплощение глупости. Он тратит жизнь на то, чтобы слоняться по белу свету и бросать деньги на ветер. За старого, потрескавшегося каменного божка он отдаст не только кучу денег, но даже шляпу и костюм!

А сколько глупых вопросов он задает! Турист не видит разницы между феи и другими бананами; годовалый ребенок толковее его. Ни дома, ни красивые наряды островитян его не привлекают; сойдя на берег, он тотчас устремляется в лес — дескать, вот где красота!

Но турист хоть миллионер. Не то что заготовщики копры. Эти тоже белые, но совершенно нищие. Правда, голова у них варит лучше, и они не донимают людей вопросами. И в кокосовых пальмах знают толк не хуже островитян, и лихо пьют кокосовое вино. Но они приезжают не сорить деньгами, а выкачивать их. Туристы и правительство смотрят на них свысока, как на людей более низкого сорта. Словом, какие-то странные люди...

Поскольку мы прибыли на скромном туземном суденышке и сошли на берег в такую дрянную погоду, нас встретили с холодком. А когда мы, одетые в мокрое тряпье, устало побрели по дорожке, местные жители вынесли окончательный приговор: это белые самого низшего разряда.

Точно так же оценил нас жандарм Триффе, когда мы вместе с Вилли и Иоане постучали в дверь его конторы. Ибо белый, который всю свою жизнь провел в одиночестве среди полинезийцев, перенимает их взгляд на вещи.

Тощий человек в пробковом шлеме смерил нас мутным взглядом. Не вынимая из кармана правой руки, протянул левую Лив для приветствия. Затем повернулся к нам спиной и пригласил Вилли и Иоане переночевать у него, если им некуда пойти. На нас он больше не глядел. Что ж, вид у нас и впрямь был не особенно представительный.

Пошли дальше...

В дальнем конце деревни мы отыскивали лавку мистера Боба; просто Боба, и все, или Попе по-местному. Он встретил нас в дверях — толстый, улыбающийся. Короткие штаны, волосатые ноги, разрисованные татуировкой руки. Наколотый на руке голубоватый якорек отлично сочетался со всем его обликом: сразу видно бывшего моряка, который осел на суше.

Но и здесь для нас не было места. Мистер Боб сообщил, что у него поселились два фотографа, больше некуда. И исчез в доме, пробурчав что-то насчет несносной погоды. В самом деле, шел дождь...

Только теперь до нас дошло, что мы в чем-то провинились. Жить дикарем не комильфо. Нас и здесь окружал мир, основанный на борьбе за преуспевание. Мы бросили вызов здешним белым тем, что не считались с правилами приличия. Задели их гордость, самодовольное убеждение, что они не отстают от времени, живут не в каком-нибудь глухом захолустье.

Мимо прошли наши гребцы. Их приютили в католической миссии.

Вилли был родственником местного вождя и устроился у него.

Вспомнив совет Пакееее, мы отыскивали дом протестантского священника. Грязный, темный барак на отшибе был, может быть, попросторнее большинства здешних лачуг, но ничуть не уютнее. Все, кто исповедовал веру священника-протестанта, могли поселиться в его барачке.

Навстречу нам вышел улыбающийся босой священник в черном пиджаке и полинезийской юбочке. Он пригласил нас присоединиться к пастве. Помню страшно фальшивое псалмопение, калейдоскоп странных лиц, затем мы повалились на только что освободившуюся кровать и уснули.

Когда мы проснулись, был ясный день. Сквозь разбитое окно лучи солнца падали на кучу кофе, рассыпанного для сушки на полу. За стеной кто-то стонал и кашлял.

Лив стиснула зубы. Нет, здесь оставаться невозможно.

Мы достали из «непромокаемого» чемодана нашу лучшую одежду. Она слиплась от морской воды. Ничего! Зато будем хоть немного похожи на туристов!

Лив в шелковом платье и туфлях на высоких каблуках, я в костюме и шляпе отправились, прихрамывая, в деревню. Великолепный эффект! Никто не смотрел на пятна и складки. Теперь мы в глазах местных жителей были туристами! Совсем другое дело.

Боб стоял в лавке, окруженный горластыми покупателями. Он отпускал варенье, жидкость для волос, фуражки с блестящими козырьками. Одна женщина попросила полметра резинки. Боб приложил кусок резинки к мерке, растянул до нужной длины и отрезал. Затем подал изумленной покупательнице коротенькую резинку.

— Мистер Боб, — обратился я к нему, — нам бы кое-что купить...

Боб смотрел на нас и не узнавал.

— Слушаюсь, мистер, — вымолвил он наконец, вежливо поклонившись.

— Варенье есть? — спросил я.

— Есть, мистер, сколько банок вам надо?

— Давайте все.

— Ты с ума сошел, — прошептала Лив, глядя, как Боб громоздит на прилавке гору банок с заманчивыми этикетками.

— Тс-с, — ответил я, — надо пустить пыль в глаза.

— Все, — с почтением в голосе доложил Боб, заставив половину прилавка разноцветными банками.

— Еще что-нибудь вкусное есть? — осведомился я.

— Конфеты, леденцы и шоколад, — отчеканил Боб, стирая со лба пот и не сводя с меня почтительного взгляда.

— Несите весь запас, — распорядился я. — А как с табаком?

— Какой вы курите?

— Я не курю, мне для подарков местным жителям.

Зрители, окружившие нас, облизывались, глядя, как Боб достает добрую порцию жевательного табака и длинный нож.

— Столько?

— Чего там резать, все давайте, — небрежно бросил я, чувствуя себя Ротшильдом в деревенской лавке. — А это что? — продолжал я.

— Жидкость для волос, с Таити прислали.

— Давайте.

Тут и Лив сориентировалась и стала отбирать товары для себя. Когда весь прилавок был завален покупками, мы утомонились.

Я вытащил свой самый большой чек, готовясь уплатить.

— Что вы, это не к спеху! — всполошился Боб и торопливо схватил чек.

Мы вышли из лавки, чувствуя себя князьями. Условились, что покупки нам пришлют. Куда? Этого мы пока сами не знали...

Положение было исправлено. Отныне на нас смотрели как на людей.

На дороге нам встретились «фотографы», о которых Боб говорил накануне. Он — худой, обвешанный аппаратами, на одной руке браслет из кабанных клыков. Она — маленькая, юркая, как дикая кошка, с пышной шапкой ярко-рыжих волос.

Они были для нас словно оазис в пустыне. Мы тотчас подружились. Мадам Рене Шамон, французская журналистка, прибыла на Хива-Оа с кинооператором, чтобы сделать фильм об острове, где некогда жил Поль Гоген. Название — «По стопам Гогена». Они уже сняли первые кадры — дорожку от берега в глубь острова, по которой ходил великий художник.

Мадам Шамон была женщина энергичная, не признающая никаких препятствий. Увидев наши ноги и услышав, где мы ночевали, она буквально взорвалась.

— Се т'юнь скандаль! — кричала она. — Вы находитесь в колониях моей страны, и сегодня ночью мадам Хейердал будет спать по-человечески, хотя бы мне для этого пришлось уступить свою собственную кровать!

Они поселились в пустующем домике губернатора, к Бобу ходили только есть.

Мадам Шамон и кинооператор приплыли на «Тереоре» накануне утром. Они собирались поработать на Хива-Оа неделю-другую, пока шхуна набирает груз копры, а потом вернуться на Таити.

— А оттуда — домой, — воскликнул тощий оператор, блаженно улыбаясь. — Тысячу стройных пальм за одну сосновую иголку под снегом!

— Да уж, занесло нас в дыру! — бушевала Рене Шамон. — Вернусь во Францию — такую пародию сочиню!.. Назвали когда-то Южные моря раем, и теперь никто не смеет сказать правду.

На дороге показалась жалкая фигура Триффе, окруженная толпой островитян. Мадам Шамон подмигнула нам и налетела на беднягу, словно ураган. Он в отчаянии воздел руки к небу. И вот уже рабочие несут в свободное бунгало, где некогда жил врач, кровати, постель, веники.

Через неделю мы сердечно попрощались с нашими заботливыми друзьями. Держа за руку навьюченного оператора, маленькая огненная француженка крикнула последнее «о ревуар» и прыгнула в шлюпку «Тереоры», пришвартованную к утесу, который заменял пирс.

«Тереора» увезла также наших попутчиков с Фату-Хивы. За кормой шхуны прыгала на буксире старая лодочка Вилли. Скоро они высадятся на уединенном островке, где стоит в лесу пустая бамбуковая хижина...

А нам пришлось остаться лечить ноги. Мы очень подружились с лекарем, недаром его, как и меня, звали Тераи. Я отлично помнил свое полинезийское имя: Тераиматеата.

Тераи родился на Таити. В тамошней больнице он научился оказывать первую помощь, лечить несложные болезни. И надо сказать, он хорошо знал свое дело. Тераи колот и резал, врачевал мазями, извлекал больные ногти, чтобы спасти кость от инфекции. Совсем молодой — ему было немногим более двадцати лет, — он весил килограммов сто с лишним. Внешностью Тераи напоминал своего соплеменника Териieroо и был таким же добродушным здоровяком. Умница, полный чувства собственного достоинства, верный традициям своего народа, нисколько не испорченный новыми временами.

Вся деревня в долине Атуона состояла из дощатых домиков, крытых железом, один Тераи построил себе бамбуковую хижину с крышей из пальмовых листьев. Больница была рядом; пациенты лежали на полу и сами готовили себе пищу. Ни одного свободного места...

Мы питались у китайца Чинь Лу, который жил особняком. И наши ноги постепенно заживали.

Тераи один олицетворял здравоохранение на пяти островах южной части архипелага. Но разве успеешь всюду при такой разобщенности! Раз в месяц он отправлялся навещать глухие горные долины Хива-Оа. Несмотря на солидный вес, Тераи был лучшим всадником на острове и держал самых резвых коней. Пешком Тераи вообще не ходил: времени не было. Когда наставал срок делать «обход», он садился на неоседланного коня и вихрем мчался вверх по долине.

Однажды мы попросили Тераи взять нас с собой. Язвы затягивались хорошо, и нам хотелось размяться. Он долго пугал Лив трудностями пути, но в конце концов сдался.

Ранним утром, еще до восхода солнца, из долины Атуона отправились в горы четыре всадника; четвертым был один местный житель, наполовину полинезиец, наполовину китаец. Сперва мы проследовали вдоль побережья до следующей долины, а уже там начался подъем. Тераи отобрал самых лучших коней, они то и дело срывались в галоп, но мы их сдерживали. До Пуамау далеко: сорок пять километров утомительного пути по диким горам. Да, мы снова были в сказочном горном краю и вновь испытали неопишуемое чувство от общения с нетронутой природой. Тропа петляла в густом кустарнике, воздух был полон благоуханий, и солнце взбиралось по небу все выше и выше, освещая долину во всем ее великолепии. Веера пальм, пышные кроны деревьев — словно зеленая волна омывала подножие гор. Над нами возвышалась покрытая растительностью главная вершина острова. А далеко внизу — океан: сперва зеленоватая бухта с белыми гребнями волн, затем сверкающий голубой простор до зубчатых контуров гористого островка Мотане, который словно плыл по волнам.

Белые птицы парили в воздухе, сине-зеленые ящерицы улепетывали с красной тропы, по которой ступали копыта наших коней.

В необитаемой долине дикие петухи кукареканьем приветствовали солнце. Весело ржали кони, чуя близость лугов, окаймленных тонкими стволами карликового железного дерева.

Я придержал коня, любуясь замечательным видом. Острые гребни, гряды, шпилы — это края кратеров; внутри, окруженные темно-зелеными джунглями, простирались светлые луга папоротника и травы теиты. Узловатые стволы и косматые кроны пандануса, мощные зонты древовидного папоротника. Заросли борао перемежались с растениями, присущими только горам. А рядом круто вниз обрывались голые стены.

Отсюда океан казался особенно огромным, ему не было ни конца ни края. Вон зеленые горы острова Тахуата, еще дальше будто парусный корабль — Мотане. Каким крохотным выглядел с этой высоты островной мир Иоане, Тиоти и Пакеекее...

— Се жоли, — произнес чей-то голос за моей спиной.

Тераи тоже любовался горами.

— Что красиво? — Я удивленно взглянул на моего спутника.

— Горы, лес — все! Природа... Очень красиво.

Похоже, Тераи не такой, как все островитяне.

— А Папезте? — спросил я. — Разве город не идеал красоты для вас всех?

— Для меня — нет, — ответил Тераи. — Прежний Таити нравился мне больше.

— И все-таки большинство его жителей переезжают в город.

— Да, — согласился Тераи. — Очень плохо. А как ведут себя девушки?.. Это хуже всего.

— Все девушки?

— Все.

— Почему?

— Деньги. Белые мужчины.

Тераи тронул коня, и мы двинулись дальше рядом.

— Посмотрите, — показал Тераи, — такой была прежде наша страна. И мы были счастливы. Наш старый король сочинил гимн Таити. «Я счастлив — цветок тиаре с Таити». Вот и весь текст!

Начался красивый лес. Здесь по заросшей тропе можно было ехать только гуськом. Между кронами редко проглядывало солнце; лианы и низко нависшие ветки заставляли нас то и дело нагибаться. Среди зеленой листвы резвились почти не боящиеся людей удивительные птицы редкой расцветки.

Мы обогнули лесистый утес. Прямо из скалы бил чистый родник, и ручеек сбегал вниз, в джунгли. Отсюда открывался прекрасный вид; к тому же здесь было отличное пастбище для коней. Мы устроили привал. Достали расплюснутую булку хлеба; тотчас из норки поблизости выглянула любопытная горная мышка. Заметив нас, она что-то сердито пискнула и скрылась. Видно, хозяйка здешних мест.

Кони напились из родника, покатались на густой, сочной траве, потом стали пастись. Все, кроме мышки, были в отличном настроении.

И снова в путь по узкому карнизу с многочисленными выступами. Здесь опасно ехать верхом, а пешком идти и вовсе нельзя: весь уступ заливало сочившейся из трещин водой, и на километр лежал мощный слой скользкой глины. Кони шли очень осторожно, местами копыта проваливались в трещины. Вот один конь споткнулся... Всадник молниеносно соскочил на тропу, прямо в грязь.

Наконец неприятный участок остался позади, зато горы стали еще круче. Выйдя снова из зарослей, мы испытывали такое ощущение, будто парили в воздухе. Прямо перед нами открылась бездна. Слух уловил далекий непонятный гул, из пропасти тянуло холодящим ветерком. С карниза мы увидели отвесную стену, которой, казалось, не было конца. Далеко-далеко внизу простерлась крохотная долина и ее устье — крохотный бережок.

— Здесь высоко, — произнес Тераи.

Конский круп заслонил вьющуюся вдоль обрыва тропу, и мы предпочли смотреть на каменную стену рядом.

Узкий гребень... перевал, а за перевалом — новая бездна, со дна которой летели резкие порывы ветра.

Вот мы и пересекли весь остров! Перед нами другая долина, другой берег. А какой бурный прибой! Навстрелная сторона... Но лучше не смотреть вниз, лучше опять повернуться лицом к стенке, пока кони медленно плетутся по карнизу.

Вдруг стенка исчезла! С обеих сторон пустота. Впереди — вершина, сзади — другая, между ними, точно лезвие, гребень, за который цеплялась наша тропка. Тераи обернулся, улыбаясь. Слева пропасть, справа пропасть; и тут и там на дне — извилистый морской бережок, опоясанный белой каймой прибоа. Длинные пенные валы исчертили зеленую гладь, но шум разбивающихся волн не доносился к нам. Только слабый ровный гул да шелест ветра.

Оставалось крепче держаться в седле и глядеть на конские уши. Сорвешься — будешь лететь без задержки. Соскочить некуда. Кони уверенно шли вперед, настороженно подняв голову. Похоже было, что порывы ветра из бездны их беспокоят. А мы, пока тянулся гребень, даже боялись вздохнуть.

Пронесло!.. Тропа обогнула вершину, миновала еще один гребень, и вокруг нас снова сомкнулась лесная чаща. Из нее мы выехали уже под вечер, на закате. Новый перевал — и опять такое ощущение, словно перед нами провалилась земля. Кони произвольно остановились.

Внизу, окаймленная крутыми склонами древних кратеров, полумесяцем изогнулась широкая, просторная долина Пуамау. На длинный берег обрушивались океанские валы. Тусклые лучи вечернего солнца еще освещали лесной свод под нами. Один шаг — и ты будешь в долине... пролетев тысячу метров. Огороженная стеной Пуамау казалась нам другим миром.

Здесь тропа была высечена прямо в стене. Мы погнали вперед усталых коней. Впереди больше чем на километр тянулся узкий карниз, дальше тропа петляла по склону до самого подножия. А на часах уже шесть! Значит, нам предстоит весь спуск совершить в темноте.

Постепенно мрак поглотил все вокруг, даже уступа не видно. Лишь таинственное дыхание снизу говорило нам, что наш путь не совсем обычен, что мы едем отнюдь не по ровным лугам. Впрочем, об этом свидетельствовали и порывистые движения коней, наклоненная вперед тряская конская спина, стук камешков под осторожно ступающими копытами. Мы не видели друг друга и поминутно перекликались. В крошечном мраке голоса казались необычно звонкими.

Наконец конские спины выровнялись, копыта застучали чаще. Вот они уже шлепают по воде шумного ручья. Спустились... Тераи стегнул своего коня, и мы пошли через лес рысью, навстречу все более громкому гулу прибора.

Деревья расступились, и рев валов стал оглушительным. В лицо нам подул морской бриз.

На берегу мелькнул огонек — свет в окне хижины. Приехали! Это был домик норвежца Генри Ли, владельца самой лучшей на архипелаге плантации кокосовых орехов. Одеревеневшие от долгой езды, мы соскочили с коней и постучались в дверь. Сквозь щели в стенах проникал соблазнительный запах яичницы.

Дверь распахнулась, нас ослепило светом. Хозяин стоял на пороге с фонарем в руке, внимательно изучая ночных пришельцев. Нечасто сюда являлись белые гости, и уж во всяком случае не с гор!

— Бонжур! — весело поздоровался он.

— Добрый вечер, — ответил я по-норвежски.

Он даже попятился от неожиданности.

...Не одну яичницу съели мы в тот вечер. И долго хлопали пробки в уединенной норвежской хижине в долине Пуамау на острове Хива-Оа.

Дьявольские, гротескные фигуры из красного камня... Огромные, тяжеловесные... Глаза — как тазы, рот — от уха до уха. Громадные круглые головы, маленькие кривые ноги; руки сложены на животе. Этакie неуклюжие тролли стоят и ухмыляются на открытой культовой площадке. Некоторые повалены на землю; лежат, бессильные, и та-

рашат страшные глазищи на звезды, которые следуют по своим извечным путям.

Это боги Пуамау.

Выйдя из чащи на древнюю культовую площадку в лесу, мы замерли на месте. Все пространство занимали стены и террасы, на которых стояли боги — красные исполины сверхъестественного роста.

Каменные лица строго глядели на нас, словно повелевая стать на колени. Боги первого загадочного населения архипелага привыкли к тому, что люди поклонялись им.

Мы отчетливо представили себе, как древние островитяне ночью, при луне, молились и приносили жертвы идолам. Дьявольские физиономии, барабаны, песня, ночной лес — все это, конечно, возбуждало воображение людей, и они наделяли гротескных богов сверхъестественными качествами. Вся сила идолов была в самовнушении островитян, которые приписывали своим кумирам чудесные свойства.

Вот они по-прежнему презрительно улыбаются, хотя люди уже давно их покинули.

Эту культовую площадку не достроили. Рядом с низвергнутыми идолами лежали другие, которые так и не были воздвигнуты, даже не изваяны до конца. Произошло так по вине полинезийцев; они прибыли на лодках из своей неведомой родины за океаном и вытеснили первых обитателей в горы, где те вскоре вымерли.

Взобравшись на древнюю террасу, мы подошли к одному из богов, чувствуя себя рядом с богатырем карликами, пигмеями. Как и все остальные идолы, он был высечен из кроваво-красного монолита.

Нелегко представить себе, как воздвигались величественные пирамиды Египта. Не менее трудно вообразить, как доставляли на площадку и водружали на постаменты этих исполинов. По соседству с культовой площадкой нет красных горных пород, зато в верхней части долины расположена древняя каменоломня. Теслами из очень твердой породы здесь вырубали в склоне огромные глыбы.

Остается загадкой, как древние жители острова спускали эти глыбы вниз по долине для обработки и установки на террасах. С берега вверх доставляли камни для террас.

Мы нашли много жертвенников с изображениями богов. Поверхность камня была испещрена ямками. Что это — так называемые «солнечные символы» или вместилища для человеческой крови?

Наши друзья-островитяне предложили свое объяснение: в старину не только люди, воздвигшие этих идолов, но и все другие существа обладали сверхъестественной силой. И ямки на камне — это следы присосков спрута.

В одном конце площадки мы увидели бога, лежащего на животе. Нет-нет, он не был повален, его так и извояли вместе с колонной, уходящей в землю. Загадочный идол был совсем не похож на других. Голова поднята, руки вытянуты вперед; он точно плывет. Мы расчистили ножом землю вокруг колонны и увидели на ней высеченные изображения богов. Что ж, это вполне понятно. Но, кроме того, мы обнаружили силуэт животного длиной около полуметра. По хвосту можно было определить, что это собака. Вот это уже странно: когда первые обитатели острова

ваяли своих кумиров, на нем не было собак. Они появились позже, вместе с европейскими судами.

Выходит, древние ваятели изобразили животное из своей далекой, неведомой родины?

Расчистив соседнюю стену, мы нашли на ней непонятные знаки. Письменность? Иероглифы? Никто не ведает...

Над культовой площадкой возвышалась остроконечная горная вершина. Она напоминала «Большой камень» — Мотунуи. Генри Ли кое-что рассказал нам про этот пик, на котором не побывал еще ни один белый. Однажды он сам стал карабкаться на высокий шпиль, но у самой цели сдался. Поверх глубокой расщелины, которая казалась бездной, лежал шаткий камень. Генри счел этот мостик чересчур ненадежным.

А его сын от жены-таитянки, удалой парнишка Алетти, был не прочь попытать счастья. И мы отправились в путь, пригласив с собой одного таитянина. Лив осталась у Генри Ли — ее ноги еще не зажили как следует.

Сперва шли вдоль лесистого гребня, затем лес кончился, потянулась голая скала. Здесь из камня был выложен широкий карниз. Осторожно карабкаясь вверх, мы очутились на следующем карнизе, похожем на первый. Отсюда открывался великолепный вид на долину и домики на берегу. Дальше скальная стенка была почти гладкой, лишь кое-где выветривание создало причудливые колонны и ходы.

Уже совсем не за что зацепиться. Все-таки Алетти, шедший впереди, нашел расселину. Вверху она переходила в камин. Один за другим мы протиснулись сквозь него. Одолев камни, мы очутились перед расщелиной с шатким мостиком, сделанным самой природой. Теперь долина была прямо у нас под ногами. Внизу царили белые птицы. Алетти смело пошел по камню. Пришлось и нам с таитянином следовать за ним.

Еще несколько шагов, и мы стоим на вершине шпиля. В незапамятные времена здесь было укрепление. Руки людей расчистили маленькую круглую площадку и вымостили ее плоскими плитами. Площадку окаймляла каменная стена. Отсюда древние обитатели острова могли следить за

появлением врага. Должно быть, они видели, как подходили с океана и высаживались на берег те, кому было суждено истребить первоначальных насельников.

Гора была неприступной крепостью, но на вершине могли разместиться только вожди. Воины, очевидно, занимали позицию на карнизах внизу. Но и после их разгрома камин был для противника серьезным препятствием: ведь он пропускал не больше одного человека. А за камином, у шаткого мостика? Здесь даже женщине было под силу отправить непрошеного гостя вниз, в пропасть. Крепость могла держаться столько времени, сколько позволяли запасы продовольствия.

В нишах в стене мы нашли камни для пращи. А у самой стены начинались два хода, которые выводили на склон. В ходах лежали кости и оскаленные черепа. Голод победил...

Целый народ погиб, погиб безвозвратно. В долинах развилась новая культура. Теперь ее вытесняет наша раса, но на смену нынешней культуре в опустевших долинах не развивается ничего нового.

«Тси-тси-тси-тси-тсириририри», — неслось к нам из ночного мрака.

Мы прислушались.

— Мауриури, — объяснил Генри Ли и показал на потолок. — Привидение, дух умерших предков, которые обращаются к своим потомкам.

Он улыбнулся.

Мы не впервые слышали о мауриури. Нам говорили о нем еще на Таити. На шхуне наши спутники-полинезийцы рассказывали про его зов; на Фату-Хиве о мауриури нам поведали Тиоти и Пакееее.

Мауриури, паиоио — у него много имен, он известен на большинстве островов Южных морей. Полинезийцы твердо верят, что его стрекот — голос предков. Никто не видел его, ни полинезийцы, ни белые. Таинственный голос доносится то с одной, то с другой стороны, то звучит прямо над головой! Но не пытайтесь найти мауриури, все равно ничего не выйдет. Вы можете услышать его голос в

открытом море, плывя на шхуне. Не ищите на палубе — бесполезно. А если стрекот доносится с мачты, то, сколько ни карабкайся вверх, он все равно будет звучать над вами.

Мауриури бесшумно появляется, бесшумно исчезает. И всегда только ночью. Самый яркий фонарь не поможет его найти. Если несколько человек сидят вместе, а услышав голос мауриури, расходятся в разные стороны, то зов следует за каждым из них. Но его так же отчетливо слышит и тот, кто остался сидеть на месте!

Мы сами не раз слышали голос мауриури. Ночью на крыше нашего бамбукового домика их сидело сразу два-три. Мы пытались их отыскать; нам попадались ящерицы, цикады, всякие прочие твари, только не мауриури.

Для островитян этот неуловимый дух — своего рода оракул. Если ночью над хижинной раздался его стрекот, хозяин уже знает: это предостережение. Он начинает выспрашивать мауриури и до тех пор выкрикивает вопросы, пока дух не замолчит. Вот смолк: значит, произойдет то, о чем говорилось в последнем вопросе.

Полинезийцы кладут духам пищу: рыбу, фрукты, немного поипои. Насыпают щепотку табаку.

Однажды Генри Ли был в гостях у старика островитянина. Они ели поипои, в это время над хижинной закричал дух. Старик не вставая швырнул вверх ком поипои — тесто так и прилипло к потолку.

— Потеаха? (Зачем ты так сделал?) — спросил Генри.

— Родственники, — невозмутимо ответил старик.

Пока мы, сидя вокруг лампы, толковали про загадочный голос, он внезапно смолк, и со двора в хижину ворвался Алетти. Положив на стол ветку с зелеными листьями борао, юноша поспешил плотно закрыть дверь.

— Эна инеи! (Вот он!)

Мы рассматривали ветку, перебирали листья, но ничего не могли обнаружить.

Алетти объяснил, что, услышав характерный стрекот, он стал красться по направлению к нему. На дворе был всего один кустик, и звук доносился именно оттуда. Внимательно прислушиваясь, Алетти заметил наконец подозрительную ветку, срезал ее и примчался к нам.

— Алетти впустую болтать не станет, — строго произнес отец.

Мы осторожно подвесили трофей над столом. Если там что-то есть, уж мы непременно найдем! Все дружно уставились на ветку, освещенную керосиновой лампой. Вдруг из сухого свернутого листика на мгновение высунулись какие-то ниточки и тотчас исчезли.

Мы переглянулись. Подозрительно... Подождем еще. Сидели молча, неподвижно, только тени колыхались по стене.

Внимание! Появилось маленькое невзрачное насекомое. Покрутило усиками, осталось довольно итогом разведки и выбралось на середину листика. Неужели эта крохотная тварь и есть загадка, которую столько людей тщетно пытались разгадать? Эта серенькая козявка — виновник несчетных рассказней о привидениях?

Насекомое стало в позу, точно готовясь нам ответить. Вот на спине появилось нечто вроде воронки, раз-другой дернулась задняя нога... «Тси-тси», — и насекомое юркнуло назад в свое убежище.

Я увидел, как Генри стирает со лба пот. Алетти сиял от гордости, у Лив был такой вид, словно она с луны свалилась. Значит, не я один слышал!

А козявка снова вышла, стала в позу и упоенно застрекотала. Снаружи кто-то вторил...

Воронка на спине напоминала граммофонный рупор. Она многократно усиливала вибрирующий звук, который возникал оттого, что нога насекомого терлась о нее, как смычок о скрипку.

«Тси-тси-тси-тси-тсириририри», — несло по комнате.

И тут зоолог во мне взял верх: я схватил музыканта и сунул его в коробочку.

Бедняжка музыкант, самое прославленное насекомое и самое знаменитое привидение тихоокеанских островов, ты пал жертвой науки...

«Тси-тси-тси», — несло со двора.

Ничего, хватит мауриури еще не на одно поколение суеверных!

— Это надо отметить! — воскликнул Генри Ли. — Алетти, поймай курицу! Хотите посмотреть на охоту? — обратился он к нам.

И в мрак тропической ночи выступила охотничья экспедиция.

Да, на кур охотятся ночью. Без оружия. Через лес мы вышли к прогалине, на которой стояло несколько деревьев. Алетти нес длинную жердь с поперечной палочкой на конце. Генри посветил вверх фонариком. Несколько диких кур сидели на ветвях, охваченные крепким сном. С величайшей осторожностью Алетти стал подносить к ним жердь.

Непонятно... Он же спугнет их! Сколько раз мы видели, как куры, хлопая крыльями, спасаются от преследующей их собаки. Они отлично летают.

Вот жердь дотянулась до одной из куриц. Алетти осторожно подтолкнул спящую птицу сзади. Она сонно закудаhtала, затем, не просыпаясь, шагнула на поперечную палочку сперва одной, потом другой ногой. Сидя на жерди, она продолжала спать.

Алетти бережно опускал жердь вниз между ветвями. Легкий толчок... курица закудаhtала... взмахнула одним крылом... Спит! Лишь когда жердь опустилась на землю и парнишка схватил добычу, она проснулась и подняла отчаянный крик.

Опоздала, голубушка!

Генри Ли удивительный человек с необыкновенной судьбой. Он прибыл сюда еще юнгой, во времена парусных судов. Капитан его корабля любил выпить, пьянство и драки были на борту обычным явлением. И когда корабль после кошмарного плавания бросил якорь у Хива-Оа, Генри бежал и отсиживался в пещере на берегу, пока судно не ушло.

Он женился на женщине с Гавайских островов и нанялся на шхуну, плавающую в здешних водах. Достиг должности суперкарга, потом жена получила наследство — долину на острове, он осел и стал заниматься заготовкой копры.

Теперь Генри был уже пожилым человеком. Первая жена умерла, многое переменялось. С внешним миром он был

связан только через шхуну, которая забирала копру. Дом Генри стоял в стороне от деревни. Любимые книги и сын Алетти — вот и вся его отрада.

Чудесный парень этот Алетти и настоящий здоровяк! Он не знал, что такое школа, зато был самым искусным в этих местах охотником и рыбаком.

— Вот уже тридцать лет здесь живу, — сказал нам однажды Генри, — а подружиться с островитянами не удалось. Вреда они мне не причиняют. Моя плантация обеспечивает меня всем необходимым. Однако сблизиться с островитянами белому невозможно. Им это вроде бы ни к чему. К белому они подходят с мыслью, как бы из него побольше выудить. Островитянин подарит цыпленка и ждет, что ему в ответ преподнесут быка. На других островах они хоть поприветливее. На маркизянке я бы ни за что не женился.

— А вообще-то хорошо вам здесь? — спросил я.

— Что значит — хорошо? Здесь у меня есть плантация и лавка. Поеду домой — буду нищим.

— А тропический рай, — не унимался я, — как насчет него?

Он расхохотался:

— Если знаешь, какой суп предпочитают клиенты, конечно, будешь его подавать.

— И вас никогда никуда не тянуло отсюда?

— Нет, — ответил Ли. — В прошлом году я побывал на Таити — это мое первое путешествие за много лет. Каждый день ем отраву, чтобы не пристала какая-нибудь зараза, но в прошлом году мне пришлось все-таки отправиться в больницу на операцию. Чудно мне показалось на этом острове. Я впервые увидел самолет, услышал радио. И привез оттуда жену, уроженку Тупуаи, солидную женщину — весом сто килограммов! Алетти путешествовал со мной. Его больше всего поразила какая-то необыкновенная ласточка, здесь он таких не видел.

Во всей долине Пуамау у Генри Ли был лишь один друг — старый усач, француз. Они до полуночи просиживали, беседуя о философии и политике, об искусстве и науке, и когда спорили, то старик, шумно втянув носом

понюшку табаку, сердито стучал кулаком по столу. Ему ли не знать свет! Он был шеф-поваром на увеселительной яхте, стрелял медведей в лесах Канады, пас овец в Новой Зеландии, искал золото на Аляске...

Теперь этот потешный француз занимал лачугу по соседству с Ли. Он с гордостью повел нас к себе показать свой «дворец». Крыша из связок травы, стены из ящиков и обломков. Но сколько выдумок и изобретений было в этой конурке! Потянешь за веревочку или дернешь гвоздь — что-нибудь да появится.

Чтобы лечь, хозяин откуда-то вытягивает за веревку кровать; нужен стол — дерни другую веревку. Стоя посреди комнаты, старик мог дотянуться до любого отделения и приспособления.

Потянешь не ту веревку — вдруг сверху спускается конское седло. Или открывается ящик с чудесным свежим хлебом: усач его пек прямо над огнем в железной печке между кроватью и столом.

Никогда мне не забыть этого человечка с его забавным покосившимся домиком. Дом и небольшой участок с отличным огородом и стройными пальмами — вот все его владения.

Старик был по-настоящему счастлив.

Тераи и четвертый член нашей компании уехали, но нас гостеприимный хозяин задержал. Генри Ли взялся окончательно залечить наши язвы. Сам он никогда не ходил босиком и дезинфицировал малейшую царапину на коже, но болезнь «фе-фе» знал хорошо.

Однако и мы не могли остаться здесь навеки: пришел день прощания. С пастбища привели наших коней. Было искренне жаль расставаться. Утешало лишь то, что мы снова поднимались в великолепную страну гор.

Пропасти и обрывы, горные пики и пышные леса. И чистый, свежий воздух, лучше которого не найти.

На безлесном бугре среди папоротника сидела на тропе странная бескрылая птица. При виде несущихся галопом коней она стремительно бросилась бежать, потом вдруг нырнула в гущу папоротника и исчезла. Птица эта еще не изучена, ее никому не удалось поймать. Полинезийцы часто

за ней охотились, но она слишком быстро бежит по своим бесчисленным ходам. Бескрылые виды известны и в других изолированных архипелагах. На всякий случай мы прочесали все ходы, но беглянка будто сквозь землю провалилась.

Свернув с тропы, ведущей в Атуону, мы двинулись вдоль гребня на север и под вечер очутились в глубокой утрюмой долине — Ханайапа. Это третья населенная долина на Хива-Оа. С трудом протискивается она к морю между грозно нависшими скалами.

Возле дороги стоял утрюмый дощатый дом с железной крышей. Заглянули в окна: пусто... Большинство домов было заброшено, и лишь на самом берегу мы нашли обитаемое жильё.

К нам подошел островитянин и пригласил идти за ним. Мы узнали в нем одного из постояльцев протестантского барака в Атуоне.

— Вене, — сказал он. — Плюис томпер.

Это он «по-французски» предлагал нам переночевать в доме местного священника.

— Спасибо, — ответил я, — мы будем спать на воздухе.

Он покачал головой и указал на горы. Небо помрачнело, вокруг вершины собирались тучи. Вдали рокотало. Гроза... Она бывает здесь очень редко, но уж если разразится — держись!

Мы отказывались до тех пор, пока над долиной не прокатился мощный раскат грома и не хлынул ливень.

Только после этого мы укрылись на террасе дома священника. Сгустился ночной мрак, а дождь все хлестал, ослепительные молнии рассекали тьму, и в узкой теснине грохотал гром. Никуда не денешься...

Мотаро, владелец дома, рассказал нам кое-что об этой страшной долине, в которой осталось всего тридцать жителей: туберкулез.

Суеверные люди не хоронили умерших, а клали их под пол своих лачуг. Понятно, что все остальные жильцы дома тоже отправлялись на тот свет.

Слоновая болезнь и проказа свирепствовали здесь с особой силой. Двое из тридцати выживших — помешанные. Кошмарное место...

Яркие молнии падали в теснину, от стенки к стенке метались раскаты грома. Мы сидели на террасе на полу. Полинезийцы обиделись, когда мы отказались лечь на их кровати. Но мы скорее согласились бы всю ночь ходить под ливнем. Нельзя было без содрогания слушать этот кашель, стоны, хрипы.

Среди ночи раздался вдруг такой грохот, что мы подскочили. Казалось, весь соседний гребень обрушился в долину! Впереди летели мелкие камешки, за ними — обломки покрупнее, и наконец вниз по склону двинулась огромная скала.

Глыбы завалили русло речушки; весь дом дрожал.

Но вот как будто все стихло, только мелкие камешки еще стучат. Сверкают молнии... Подождав немного, местные жители легли спать: в Ханайапе привыкли к лавинам.

На следующее утро гроза, рокоча, ушла в океан. Там, где прошла лавина, от самого гребня до подножия тянулся широкий след. Деревья будто сбрило, речка широко разлилась и стала густой от шоколадной глины.

Мы быстро оседлали коней: хватит, погостили. Вдруг подошел тот самый человек, который первым заговорил с нами накануне вечером. Он хотел что-то показать нам. Мы не особенно охотно последовали за ним.

В лесу за одинокой лачугой стояла древняя каменная стена; возле нее я увидел своеобразный жертвенный камень с круглыми ямками. А затем мы очутились на прогалине, вымощенной большими плитами. Она была усеяна сотнями человеческих черепов — больших и малых, целых и разбитых.

Наш проводник широко улыбался беззубым ртом. Да, древние обитатели острова — пусть даже они были людоедами — явно могли похвастать куда лучшими зубами, чем их нынешние потомки.

Мы вернулись к домам и рысью двинулись вверх по тропе. Внизу осталась Ханайапа, мрачная долина с тридцатью жителями, тремя церквами и тысячью черепами.

Горы нам показались приветливее, чем когда-либо.

По главной улице Атуоны шагал толстяк Бельвас, местный телеграфист. Он шел вразвалочку, качаясь — точно ступал по матрасу. Перед лавкой Боба Бельвас остановился и визгливым голосом зачитал телеграмму толпе островитян во главе с Бобом и Триффе.

Взволнованным гулом встретила толпа новость о том, что назначен новый губернатор Французской Океании. На борту военного корабля он плывет на Маркизские острова, хочет посетить находящиеся в его ведении территории, прежде чем обосноваться в постоянной резиденции на Таити.

Важная весть вихрем облетела всю деревню. Тотчас снарядили гонца, который должен был известить жителей других долин. Триффе объявил, что предстоит большой праздник.

Местные деятели срочно собрались на совещание. Наконец-то представился случай добиться улучшения условий жизни! Сам губернатор приедет, надо будет просить ассигнований и иной помощи.

Боб требовал отмены ограничений в торговле: ему разрешалось продавать только одну бутылку вина в неделю на каждого человека. Думаете, его беспокоила прибыль? Что вы, его волнует совсем другое: островитяне незаконно гонят кокосовое вино и напиваются до бесчувствия. Это же недопустимо.

Предложение Боба провалилось.

Зато единогласно постановили вырыть канаву поперек деревенской улицы.

Общей мечтой было электрическое освещение в домах и на улицах, как на Таити. Решили выяснить насчет этого у губернатора.

Кто-то потребовал, чтобы на Фату-Хиве был свой штатный фельдшер. Мол, люди там живут совсем изолированно и лишены медицинского обслуживания.

— Нет, — отозвался другой участник заседания, — на Фату-Хиве нет никакого смысла наводить порядок. Пусть себе вымирают...

И деятели принялись обсуждать предстоящий праздник.

В программе — пляски и песни. Белые это любят. Танцевать, как обычно: вертеть бедрами и напевать, размахивая руками, пока другие, усевшись в круг, отбивают такт.

В исполнителях не будет недостатка, так как богатые туристы охотно раскошеливались, лишь бы увидеть редкостное представление.

А костюмы? Да, в самом деле!

— Лубяные юбочки, — решительно заявил Боб. — Из тонких ленточек. Это то, что им надо. На худой конец можно из бумаги сделать.

— Лубяные юбочки? — возмутились остальные. — Лубяные?! Нет уж! Слава богу, мы люди культурные. Белые костюмы и белые платья, одинаковые у всех! Чтобы вид был!

Разгорелись горячие дебаты. Сами танцоры мечтали о фуражках с блестящими козырьками — Боб только что закупил оптом новую партию. Вот будет здорово: у всех блестящие козырьки! Губернатор придет в восторг.

В итоге постановили: футбольная команда в полосатых майках прошагает с развевающимися знаменами от причала до деревни, чтобы придать встрече надлежащую торжественность.

После этого пусть будут лубяные юбочки. Танцоры выступят в шелковых сорочках и белых брюках, а юбочки наденут сверху.

Такое решение всем пришлось по душе.

Можно было встречать губернатора.

Глава девятая

В БЕЗЛЮДНОЙ ДОЛИНЕ КАННИБАЛОВ

Мотане, перенаселенный необитаемый остров. — Мы узнаем о Теи Тетуа, последнем хранителе старых традиций. — В долине Теи. — Строим свайную хижину. — Новые друзья: Теи и его приемная дочь. — История творения. — Каннибалы и хирурги. — Счастливые дни. — Гости. — Всего лишь поросенок. — В ожидании корабля. — Завершение.

Это было много дней спустя. Корабль губернатора ушел. Зато пришла шхуна. Минуло полтора месяца с тех пор, как мы на шлюпке Вилли сражались с океаном. Ноги совсем зажили, и, когда шхуна вновь подняла якорь, мы стояли на ее корме, прощаясь с островом. По пути на Тати нас опять высадят на Фату-Хиве. Мы решили сделать еще одну, последнюю попытку. Заберемся подальше вглубь, чтобы совсем отделиться от местных жителей.

Паруса наполнились ветром, и мы в последний раз увидели долину Атуона. На мысу стояло несколько

стен — все, что осталось от лепрозория. Его сожгли. Якобы для того, чтобы убить бактерии и предотвратить распространение заразы. А больных разослали по домам.

Над синей гладью летел благословенный свежий пассат. Шхуна обогнула мыс и вышла в открытое море. На борту был опасный преступник, которого везли на Таити, — жертва табу или болезненного воображения.

Это случилось в соседней долине, населенной горсткой людей. Двое из них перебрались сюда с Таити, искали свободную землю, чтобы выращивать орехи и заготавливать копру. А в той долине стояло могучее дерево, на которое было наложено табу. Но парни с Таити ничего не боялись. Они заглянули в дупло запретного дерева и увидели там три черепа. Огромные черепа, они таких никогда не встречали. Тотчас в таитянах заговорила коммерческая жилка: ага, есть что предложить богатым туристам! И находку спрятали в чемодан, чтобы потом переправить на Таити. Но когда наступила ночь, черепа начали жаловаться (так рассказывали островитяне). Один из двух друзей решил положить их обратно в дупло, второй не соглашался. Тут в чемодане начались такие охи и причитания, что в соседних хижинах проснулись люди и пришли выяснять, в чем дело.

Причитания не прекращались. Вдруг на того, который отказался нести находку обратно, напало безумие. Он выхватил нож и бросился на товарища. После жаркой схватки безумца скрутили и доставили на Атуону. И вот теперь его везут в тюрьму на Таити.

А черепа положили обратно в дупло.

Печальная судьба постигла Маркизский архипелаг. Белые успели натворить здесь немало, прежде чем оставили его в покое. Возделанные поля, расчищенные земли превратились в пустыни и покрылись зарослями. Так было на крупнейших островах, об этом мы знали давно. Сегодня нам предстояло увидеть, как пышные леса и тучные пастбища превратились в каменистую пустыню: такова судьба самых маленьких островков. Если на больших островах еще остались жители, то маленькие совсем обезлю-

дели. Когда-то и они были обитаемы, об этом говорят хотя бы старые каменные сооружения. Но люди исчезли. Зато там отлично чувствовали себя завезенные белыми домашние животные. Здесь хищников нет, так что ослы, коровы, козы, овцы и свиньи размножались с невиданной быстротой. Некому было истреблять их потомство. Огромные стада паслись на островах. Когда исчезли трава и листва, они принялись за ростки и корни деревьев, стали глотать кору. А потом скот начал погибать от бескормицы...

Мы подошли к Мотане — гористому островку, который видели по пути на Хива-Оа. Здесь шхуна должна была пополнить свои запасы продовольствия.

Несколько полинезийцев принялись бить острой разноцветных рыб, а мы направились в глубь необитаемого островка.

Берег крутой, скалистый; тропа идет в гору по сухому белому склону, сложенному галькой и песком. Тут и там торчат жалкие кусты с грубыми жесткими листьями. Другой растительности нет. Солнце обжигает почву, которая больше не защищена густыми кронами деревьев. Пересохшие русла занесены песком. О прибрежные скалы разбиваются соленые океанские валы, от вида которых только усиливается жажда.

Всюду валялись иссушенные солнцем бараньи скелеты, кривые рога, черепа... Кажется, весь остров сплошь устлан ими. Галька, сухой кустарник и кости. В кустах, звонко кукарекая, сидели дикие петухи.

Отойдя от берега, мы увидели овец с ягнятами. Испуганные животные прятались, блея, за кустами. Тощие, малорослые, грязная шерсть... Они спасались бегством от моряков-таитян, которые мчались вдогонку за ними вверх и вниз по склону. Догнав жертву, люди бросались на нее, хватили за шерсть и взваливали на плечо. Овцу за овцой, ягненка за ягненком тащили в шлюпку.

Было еще светло, когда мы покинули остров белых скелетов, сухая почва которого никогда уже не покроется зеленью.

Теперь — на Фату-Хиву. Легкая качка быстро убаюкала нас.

Долина Омоа встретила нас свинцовыми тучами. Все это время на Фату-Хиве лил дождь. В лесу — сырость, грибной запах. Комарье и мошкара свирепствовали, как никогда. Ничего, мы ведь не думали долго задерживаться в Омоа.

Одевшись так, чтобы не бояться ни комаров, ни грязи, мы зашагали к нашему участку, узнавая по пути каждое дерево, каждый утес, каждый изгиб речушки. Мы успели полюбить эту долину. Память хранила первые, счастливые дни. Но это было, а теперь...

Сопровождаемые тучей комаров, с трудом ступая по размытой тропе, мы наконец подошли к платформе, на которой стояла бамбуковая хижина. Где же она? Наше жильё исчезло за высокой травой, кустарником и бананами. Просто удивительно, как сильно они выросли. Мы не верили своим глазам. Столбы, подпиравшие кухонный навес, проросли, на ветвях зеленели листья. Бамбуковые стены хижины истлели. Рука проходила сквозь них как сквозь бумагу. Крыша распалась. Кругом сновали тысяченожки и пауки. Внутри все покрывала белая пыль.

Без нас никто не входил в дом. Мы собрали свое имущество и спрятали его в пещере в лесу; туда же перенесли древние черепа. Неудобно, если островитяне, когда хижина совсем развалится, найдут под нашей кроватью останки своих предков.

В эту ночь мы спали на дворе, на куче листьев, укрывшись противомоскитной сеткой.

На следующий день мы вместе с нашим другом Тиоти составили план дальнейших действий.

Тиоти был таким же весельчаком, как прежде, хотя одна его нога превратилась в бесформенный ком. Еще одна жертва самого распространенного недуга на острове — слоновой болезни...

Итак, мы покидаем долину Омоа. Решили бежать из дождевого леса, от назойливых насекомых, от болезней и вымирающих островитян. Мы задумали перебраться на

участок Теи Тетуа — почтенного старца, потомка одного из древнейших местных родов.

Вдоль острова, разделяя восток и запад, протянулась могучая цепь гор Тауауохо и Намана. Мы ознакомились с западной частью, пышными дождевыми лесами Омоа и Ханававе. Здесь сосредоточено местное население, сюда изредка заходят суда.

Восточная половина Фату-Хивы скрыта от всего мира. Огорожена крутыми хребтами и буйным океаном, который гонит сюда свои валы от далеких берегов Американского материка. Долины здесь разделены неприступными горами. Климат суше; можно подумать, что неутомонный пассат оттесняет тучи через хребты на запад.

Все население восточной части острова вымерло. Лишь в долине Уиа еще остались люди. Здесь жил старик Теи Тетуа вместе со своей приемной дочерью.

Некогда Теи Тетуа был вождем четырех племен, но он пережил всех своих подданных, а также двенадцать жен. Тиоти называл его последним представителем прошлого. В самом деле, Теи Тетуа — последний из тех, кто ел человеческое мясо.

Уиа — единственная из восточных долин, в которую можно проникнуть через горы. Правда, путь в нее нелегок. В ней-то мы и задумали теперь поселиться. Познакомимся с потомком древних, которого не изменили новые времена, хранителем традиций своего народа. Нынешние презрительно называют его «дикарем», а он, быть может, гораздо лучше их.

Караван выступил в путь: сначала вниз по долине, потом в горы по хорошо знакомой тропе. Кроме Тиоти и Пахо, нам вызвался помочь еще один островитянин, который знал дорогу. Две лошади (одна из них — наш старый друг Туивета) несли поклажу: банки с вареньем и консервами, леденцы, табак, шоколад. Вот когда нам пригодятся покупки, сделанные у Боба. Наверное, старик Теи будет рад подаркам из нашей страны.

Поднявшись в горы, мы свернули с проторенного пути на старую, заросшую тропу. То и дело дорогу нам пре-

граждали почти непроходимые болота, местами поперек тропы лежали огромные стволы. А под вечер перед нами выросла плотная стена бамбуковых зарослей. Пришлось шаг за шагом прорубать себе проход в густом переплетении желтых и зеленых прутьев. Тиоти не повезло: он распорол себе руку об острый ствол бамбука.

Но мы не сдавались и в конце концов вышли на край чудовищной пропасти, которая обрывается в мрачные дебри Уиа. Здесь пришлось оставить лошадей. Мы привязали их к дереву: пусть пасутся. Поклажу взвалили себе на плечи наши друзья-островитяне. Предстоял сложный спуск: держись крепче, коли не хочешь сорваться. Над бездной тянулся узкий карниз. Во многих местах он обвалился, и мы делали мосты из толстых бревен.

А возврата нет, шхуна ушла, больше деваться некуда. Оставался только один путь — вниз, в долину. И мы спустились.

По дну сумеречной теснины мы вдоль реки пробирались сквозь заросли борао. Вдруг река исчезла. Ушла под землю... Лишь в устье долины бурный поток снова выходил из-под земли, устремляясь в океан.

Пахо ушел вперед. Потом издали донесся лай. Должно быть, Пахо уже достиг лачуги старика. Значит, осталось немного.

Долина расширялась. Устье было светлое, открытое. Кустарник сменился пальмовой рощей, и между стволами у самого моря мы увидели несколько хижин, построенных на старинный лад. Навстречу нам бежал человек с одной лишь набедренной повязкой на теле. Теи Тетуа!

Смуглый, здоровый, мускулистый, чудесные белые зубы; весь словно сгусток жизни и энергии. Он радостно рассмеялся, когда мы, здороваясь, протянули ему руку. После долгого одиночества старик никак не мог найти нужных слов, чтобы выразить переполнявшие его чувства.

— Есть свинью, — вымолвил он наконец. — Свинья кончится, есть петуха, петух кончится, есть еще свинью.

И он помчался к дому, крича на своих одичавших свиней. С помощью Пахо ему удалось поймать одну из них за заднюю ногу лубяным арканом. И вот уже Теи тащит к нам отчаянно визжащую добычу.

— Есть свинью, — твердит он, сияя.

Видимо, это было у него высшим знаком дружбы. До поздней ночи мы сидели вокруг трескучего костра, держа в руках огромные куски свинины. К смуглому старику прильнула его приемная дочь, красавица Тахиа Момо. Сверкая большими глазами, она слушала, о чем говорят взрослые. Теи Тетуа по-детски радовался тому, что в его безлюдную долину пришли гости.

— Оставайтесь здесь, — уговаривал он нас. — Уиа большая. В Уиа много плодов. Много свиньи. Хороший ветер в Уиа.

Мы с Лив обещали остаться. Старик Теи и маленькая Момо, сияя, придумывали один план заманчивее другого. Но наши друзья из Омоа неодобрительно качали головами.

— В Уиа плохо, — сказал звонарь. — Много фруктов, много свиней, много ветра. Но в Уиа нет копры, нет денег. В Омоа хорошо. Много домов, много мужчин. Много копры, много денег.

— Тиоти, — вмешался я, — на что тебе деньги, будто ты и так не сыт?

Звонарь рассмеялся.

— Верно. — Он пожал плечами. — Раньше было хорошо без денег. Теперь нет. Теперь мы не дикари.

Старик разбил головешки и пригласил нас с Лив в свой домик. Сам он вместе с остальными собирался спать в сарайчике.

Мы завернулись в свои пледы. Островитяне еще не наговорились. Сидя вокруг тлеющих углей, они шепотом говорили о нас, обсуждали прошлое и настоящее.

Стены хижины были сделаны из неровных жердей, и снаружи в щели проникал свет. Мы видели на стенах сосуды, сделанные из высушенной тыквы, из скорлупы кокосового ореха. Некоторые из них были очень искусно украшены. В углу висела связка сушеных листьев табака.

На полу лежали старые каменные топоры, различные железные инструменты, огниво. А под потолком был какой-то ящик. Теи Тетуа объяснил нам, что это его гроб.

— Если я заболею, то влезу в гроб и закрою крышку. Здесь некому меня перенести, а если я останусь лежать мертвый на кровати, меня съедят собаки.

Рядом с хижинной была вырыта могила. Старик следил за ней, выкидывал из ямы мусор и куриный помет.

Погасли последние угли. Наши друзья тоже легли спать. Завтра им встать рано: еще до рассвета они выйдут в обратный путь через горы.

Мы снова строим, но теперь уже не в лесу, а на берегу океана.

Единоличным владельцем долины Уиа был Теи Тетуа. Он не взял с нас никакой платы за участок. Мы — гости, и все, чем он владел, принадлежало также нам.

«Усадьба» старика стояла в пальмовой роще на берегу, за прочной каменной оградой, сделанной для защиты от полчищ диких и полудиких свиней. Вдоль ограды текла речушка. На ее противоположном берегу мы облюбовали себе место. Галечный барьер, сооруженный прибоем, отделял наш участок от пляжа.

Широкая изумрудная бухта, всегда исчерченная белыми гребнями волн, дальше — голубой безбрежный океан. Вот где приволье и чистый воздух! Круглый год с востока дует пассат, гоня прочь из рощи комаров и прочую мошкарку. Лишь в чаще леса эти бесы, которых доставили на остров белые, находили себе убежище и плясали роями.

Старик посоветовал нам строиться основательно. Он долго сокрушался, узнав, какая судьба постигла нашу бамбуковую хижину.

За скалистым мысом начиналась соседняя долина — Ханатива. Здесь среди зарослей миру и борао стояли старые стены, склепы, истуканы. Но мы пришли сюда за строительным лесом. Старик легко карабкался вверх по стволам, отбирая для нас самые прямые, крепкие деревья миру.

Свалив их, мы принимались колотить ствол камнями, чтобы снять кору. Потом связывали вместе по два, по три гладких тяжелых бревна. После того как я несколько раз прошелся с ношей по камням, мое голое плечо превратилось в сплошную рану. А Теи играючи нес свою связку. Он весело смеялся, когда я, цепляясь за камни, испуганно замирал на месте там, где волны захлестывали тропинку.

На мысу мы бросали бревна в море и возвращались за следующей связкой. Течение несло стволы через залив и выкидывало на берег как раз возле нашего участка.

Чтобы оградиться от непрошенных гостей, мы ставили дом на сваях. Сам домик был низкий, три стены и крыша из пальмовых листьев; входили в него по лесенке. Вдоль задней стены на полу тоже настелили пальмовые листья. Превосходное жилье: всегда свежий воздух и ни единого комара.

Я хотел рядом соорудить кухонный навес, но старик Теи Тетуа воспротивился. Раз мы гостим в его долине, значит, и есть должны вместе с ним. Он забрал наш котелок и унес его к себе.

Так начались наши самые чудесные дни в Полинезии.

Лив и Момо быстро подружились. Момо исполнилось десять лет: почти взрослая! Она была очень рада новой подруге и охотно обучала ее всему тому, что должна уметь хорошая вахина. Они плели циновки из листьев пандануса, скручивали веревки из луба борао, при помощи колодушки превращали кору хлебного дерева в тапу — материал для одежды. Делали украшения из цветов, браслеты и бусы из красных горошин и причудливых плодов.

Как-то Момо пришла к нам и показала странную кашицу в миске из скорлупы кокосового ореха. Все тело и смеющуюся рожицу девочки покрывали узоры, нанесенные желто-зеленой растительной краской. Теперь она хотела и Лив раскрасить, как этого требовала древняя косметика!

Пока женщины занимались домашними делами, мы с Теи в лесу добывали съестные припасы. Фруктов было множество, недоставало только феи. Плоды хлебного де-

рева, бананы, манго, папайя, ананасы... Здесь росли таро, лимонный кустарник, апельсиновые деревья — желтые от обилия сочных плодов, которые нам никогда не приедались. Помимо этого старик собирал всевозможные съедобные корни.

Еще мы ловили раков в речке и заманивали в ловушки полудиких свиней.

В тихую погоду Момо и Лив шли гулять на мыс. Здесь были всякие чудеса: пещеры, гроты, провалы. Волны, захлестывая берег, образовали соленые лужицы, в которых кишели разные твари. Подруги находили крабов, моллюсков, удивительных рыб. Момо отлично знала, какие из них съедобны, какие ядовиты, а Теи Тетуа был превосходным поваром.

Сам он ел вместе с Момо у себя в хижине. К нам доносился запах черного кислого поипои, которое они доставали из погребов. Поипои — неизменный спутник всех полинезийских блюд...

В Омоа наше меню было очень скудным. Здесь же три раза в день — утром, в обед и вечером — старик поднимался по лесенке в нашу свайную хижину, неся нам с Лив лакомые блюда. Особенно ему удавались крабы в кокосовом соусе и сырая рыба. Да-да. Сырая рыба, если ее умело приготовить, настоящее объедение! Ее надо нарезать кубиками и на ночь положить в лимонный сок. Потом добавить морской воды и кокосового молока — и блюдо готово: вкуса сырой рыбы как не бывало.

И ни одна трапеза не обходилась без свинины. Сочная свинина, тушенная в больших листьях на раскаленных камнях...

Страшно вспомнить, сколько еды приносил нам всякий раз Теи! Мы добросовестно отведывали каждого блюда, однако всего одолеть не могли. А старик отказывался уносить оставшееся — пусть, мол, полежит до следующего раза! Но к «следующему разу» он уже нес жареную курицу, таро, плоды хлебного дерева и... свинину.

— Старик откармливает нас на убой, — сказала как-то Лив, глядя на свое отражение в заводи. — Старый людоед слишком долго жил один...

И она перешла на диету. Две недели ела одни апельсины, лишь иногда позволяя себе взять банан из гроздей, висящих у нас под потолком.

Едва темнело, мы выносили несъеденное за хижину. По ночам сюда сбегались косматые свиньи, которые чавкали, хрюкали и визжали так, что мы боялись, как бы они не разбудили деда. А когда самые здоровенные из них чесались о сваи, вся хижина угрожающе раскачивалась...

Но строение оказалось достаточно прочным. Какой бы шторм ни бушевал, хижина все выносила, только клонила набок, точно гибкая пальма.

Широкая — во всю стену — дверь была обращена в подветренную сторону, и, когда над веерами пальм восходила луна, ее лучи заглядывали прямо в нашу спальню. Но от дождя мы были надежно укрыты, а крылатых мучителей уносило ветром. Да, нам жилось отлично.

Я никогда не забуду, как мы вечерами собирались вчетвером у потрескивающего костра на берегу. Луна серебрила Тихий океан, озаряла пальмовые кроны над нашими лачугами. За пальмами блестели огромные листья удивительных растений — море листьев, которое простиралось до черной как смоль зубчатой стены, отгородившей нас от всего мира.

Дикие козы блеяли на склоне, хрюкали свиньи, на скалах журчал ручеек.

Обычно Теи Тетуа высекал огонь из кремня железом, но он научил нас также добывать огонь трением. Это не так уж трудно. Старик расщеплял пополам сухую палочку и заострял конец одной половинки. Потом, взяв ее двумя руками, быстро и сильно тер острием по желобку второй половинки. Постепенно в конце желобка собиралась кучка мелких, как пыль, сухих стружек. Желобок чернел, появлялся запах паленого, потом стружки начинали дымиться. Теи посыпал их трутом и раздувал. И вот уже есть огонек!

Мы сидим вокруг костра и смотрим на пляшущее пламя... Тихая, мирная тропическая ночь. Словно мы пере-

несли на тысячи лет назад, когда в мире безраздельно царствовала природа, а времени не существовало.

Теи Тетуа курит свой самосад; на нем только маленькая пестрая юбочка. Старый дед, весь в морщинах... Рядом, внимательно слушая, пристроилась Момо — юная, красивая, большеглазая. Мы все легко одеты; солнце и ветер закалили кожу. Разница лишь в том, что Теи и Момо еще смуглее нас, их кожа еще здоровее, а подошвы жестче и неузвимее.

Теи, не сводя глаз с костра, начинает покачиваться. И хриплым голосом запекает монотонную песню. Мелодия проста и однообразна, но она будто создана самой природой, которая окружает нас.

Мы ощутили дыхание далекого прошлого, словно перенесли в дни молодости Теи Тетуа, даже еще дальше — в ту пору, когда на островах жили их первые обитатели.

В песне, которую до появления белых пели во время религиозных церемоний, рассказывалось о сотворении мира. Когда-то все островитяне знали эту древнюю полинезийскую легенду.

Вот коротко ее содержание.

Тики, обитающий на небесах, создал землю. Потом он создал воду. Потом — рыб. Потом — птиц. Потом — плоды. Потом — свинью (единственное млекопитающее, известное островитянам до открытия Полинезии белыми). Только после этого он создал человека. Мужчину, по имени Атеа, и женщину — Атанао.

— Дальше они справились сами, — объяснил Теи. Продолжая петь, он перечислил всех потомков Атеа и Атанао.

— Теи, — заговорил я, — ты веришь в Тики?

— Да, — сказал Теи, — я есть католик. Сейчас все есть католики. Но я верю в Тики. Верю, что Тики и Иегова — одно и то же. Как это на твоём языке? — Он указал на костер.

Я ответил.

— Твой народ называет это «костер», а мой народ — «ахи». Твой народ говорит «Иегова». Мой народ говорит «Тики». Тики есть Иегова. Мы это поняли, когда пришел

белый человек. Но белый человек не понял. Белый издевается над Тики. Они хотят дать нам новую веру.

Старик смотрел на огонь. Его народ не уважал белых. А белые презирали его народ. Мы представили себе первых прибывших сюда европейцев, которые в обмен на стекло и мишуру получали жемчуг. Они смеялись над глупыми островитянами...

А для полинезийцев жестяные броши и стеклянные бусы были огромной ценностью. Ничего подобного не было на островах. И они смеялись над белыми, которые так неумно вели торговлю. Кто же был прав? Обе стороны или ни одна из них?

— Теи, — продолжал я, — как по-твоему, Тики съедал жертвы, которые ему приносили?

Теи лукаво усмехнулся.

— Тераи, — ответил он, — как по-твоему, Иегова съедает то, что ему приносят? Нет, священники съедают. И Тики не ел жертв. Это делали наши священники — таоа, старые кудесники.

— Но, Теи, — не унимался я, — я часто видел в лесу Тики. Из камня, вы сами его вытесали.

— Тики не из камня, — спокойно ответил старик. — Тики никто не видел. Таоа делали для народа каменные изображения Тики. Ваши священники делают изображения Иеговы. Я видел церковь в Омоа. Там Иегова на стене.

Теи взял бамбуковую дудочку и заиграл на ней носом причудливую мелодию. Ему больше не хотелось говорить об этом. Он католик, но сохранил старую веру. Тики для него стал Иеговой.

Теи Тетуа часто вспоминал старину. Рассказывал о войнах, о людоедстве.

Когда-то острова были перенаселены. Мы находили развалины жилищ даже на самых крутых склонах над морем: здесь много лет назад обитали бедные рыбаки. Ночью, в темноте, они прокрадывались в занятую врагом долину, чтобы набрать питьевой воды в длинные трубы из бамбука. Племена постоянно враждовали между собой. Зато природа была тогда щедрее. Она и сейчас щедра, но не так, как прежде. В большинстве долин нельзя жить,

потому что ручьи высохли, исчезли. Может быть, виноваты свиньи, которые изрыли всю землю?

Скот уничтожает молодые побеги фруктовых деревьев; лошади обгладывают кору хлебного дерева, и оно сохнет. Пока что плодов избыток, но надолго ли?

Почти совсем истреблена черепаха. Некогда собирали множество птичьих яиц, ловили птиц. Теперь это уже не так просто. Но как ни богата была природа, на острове все равно царил голод. Полинезийцы ели растения и листья, которых теперь никто в рот не возьмет. Отсюда — одичание, отсюда — людоедство, хотя чаще всего людоедство было религиозной церемонией, связанной с жертвоприношениями богу Тики.

Как правило, человеческое мясо доставалось таоа и королю. Но иногда и простой народ приходил в неистовство. Теи Тетуа помнил случай, когда его друзья во время военного набега съели щеки живого пленника.

Да, страшные истории услышали мы в эти ночи у костра... Где у человека самое вкусное мясо, как его готовить; можно есть сырым, а можно жарить на раскаленных камнях.

Старик рассказывал спокойно, с достоинством, а у нас мурашки по спине бегали. Чего только не пережил в молодости наш друг!

С гордостью вспоминал он своего отца, Уту, самого удалого воина во всей долине. Ута почти ничего не ел, кроме человеческого мяса. Но у него был свой, особый вкус: он ждал, пока мясо полежит, «дойдет». Тогда Ута наполнял им свою миску, не забыв добавить поипои.

Однажды, когда кто-то из его соплеменников умер, вдова принесла Уте свинью. Надеялась, что он удовольствуется свининой и не тронет покойника. Ута съел свинью, а потом закусил человечиной.

Мать Теи, его братья и сестры возмущались, умоляли Уту есть рыбу и другую пищу, от которой не было такого запаха. Ута послушался, много дней не трогал старого мяса. Пока не заболел и не отощал так, что пришлось уступить ему.

— Теи, — спросил я однажды, — из-за чего, по-твоему, вымер твой народ?

— Болезни виноваты, их сюда привез двойной человек, — ответил он.

— Двойной человек? О чем это ты?

— Когда на Маркизские острова прибыли первые белые, их называли двойными людьми. Потому что у них было по две головы, по два тела и по четыре ноги.

Полинезийцы не знали, что такое одежда. Когда белые раздевались, островитянам казалось, что они отделяют от себя одно тело. Снимут шляпу — под ней еще голова! Снимут ботинки — еще ноги есть! Даже странно.

Двойной человек принес на остров кашель, лихорадку и боли в животе. Смерть косила островитян.

— Прежде мы не умирали от болезней, — сказал Теи Тетуа. — Люди делались совсем старыми, похожими на высохшие шкуры. Они могли только сидеть на одном месте, и приходилось их кормить. Молодые умирали от какого-нибудь несчастного случая — например, упадут и шею сломают. Или в океане нападет акула, мурена. Или им в битве палицей разобьют голову.

Да и то их иногда спасали таоа. Таоа — по-нашему шаман или знахарь. Но способности таоа простирались гораздо шире знахарства. Он был отличным психологом и великолепным хирургом. Ловко пуская в ход бесовские пляски и мимику, он умел завоевать душу народа. Он исцелял раненых, делал операции, не внося инфекции. А теперь малейшая царапина или ссадина гноится. Всюду проникают бактерии.

Ученые собрали замечательные инструменты таоа, искусно сделанные из кости, зуба, камня и дерева. Древние врачи пользовались шилом и буром, они даже изобрели особую пилу.

Словом, таоа — это врач. Теи Тетуа помнил таоа Теке. Он давно умер, но в Ханахепу на берегу стоит каменный идол, носящий его имя. По словам островитян, в этом истукане обитает душа покойного таоа.

Теи видел, как Теке вставил человеку, сломавшему ногу, искусственную кость из дерева. Больной поправился и мог ходить.

Но еще интереснее знаменитые операции на черепе. Один островитянин, живший в Уиа, упал и пробил себе голову. Его доставили к Теке. После пляски и заклинаний врач принялся за дело. Он промыл рану, удалил осколки кости и тщательно выровнял края отверстия, стараясь не задеть мозг (если был поврежден мозг, кудесник не брался за лечение). Затем Теке вставил в отверстие гладко отполированный кусок ореховой скорлупы. В кости и в скорлупе он просверлил много дырочек и сшил все вместе ниткой из кокосового волокна. Рана зажила, и пострадавший благополучно жил еще много лет.

В то время такая операция не считалась редкостью. Мы, конечно, читали об этом, но совсем другое дело самому увидеть неопровержимое свидетельство. В старом склепе мы нашли черепа: одни, оплетенные кокосовым волокном, висели под сводом, другие лежали на полу, и на одном из них мы обнаружили шов — след операции!

Этот череп нам разрешили унести с собой.

— Цивилизация — странная причуда, — заявила однажды Лив. — Без нее отлично можно обойтись!

Мы лежали на траве, отдыхая после обеда. Ноги — в журчащем ручейке, голова — в тени пальмы, тело подставлено лучам солнца.

Гудели жучки, шумел прибой. В ручье, удовлетворенно хрюкая, стоял поросенок; то и дело выбегала погреться на солнце ядовито-зеленая ящерица.

В долине мир, тишина, мягко качаются зеленые кроны. Теи Тетуа и Момо спят в своем доме.

— Нет, — возразил я, — все-таки у цивилизации много хороших сторон.

— Да, конечно, — ответила Лив, — но они всего-навсего призваны возместить ее же недостатки. Ну скажи, например, кому здесь нужна музыка?

— Это верно, — согласился я, — ручей журчит, и птицы щебечут, и...

— Нет, я не про то, — перебила Лив, — не про звуки, а про настроение, которое они создают. Здесь сама природа переполняет душу!

Так-то оно так, но мы только рады были, когда попали на Хива-Оа, к врачу...

— Вот именно, — подхватила Лив, — а кто занес сюда болезни?

— Ладно, ты права, но ведь теперь поздно говорить об этом. Невозможно всех заставить расстаться с городами.

— Конечно, поздно. Я просто так...

Мы поднялись и пошли в ручей. Набрав воды в горсть, я напился; блестящие чистые капли падали с ладони вниз.

— Погляди, Лив, — сказал я, — до чего вода красивая.

Лив рассмеялась:

— Сидя в ванне, ты об этом не задумываешься! Все-таки портит нас цивилизация, заставляет прятаться в скорлупу. Шум, гам, гонка — если все воспринимать, лопнешь от впечатлений!

— Ну и хватит об этом, — ответил я, стоя под струями маленького водопада, — зато сейчас нам хорошо!

Так проходили дни. Простая счастливая жизнь, приволье... Мышцы всегда в работе, душа открыта впечатле-

ниям. Никаких связей с большим миром. Даже подумать о нем было как-то странно. Когда мы рассказывали Теи Тетуа про самолеты, то удивлялись не меньше его. Мир техники казался нам огромным и страшным. Мы словно попали на другую планету.

Однажды, рубя дрова в лесу, я услышал лай. Потом показалось несколько полинезийцев — две семьи пришли из-за гор в гости к Теи Тетуа. Старик был в восторге.

Их соблазнили рассказы Тиоти, который распространил слух, будто мы засыпали Теи Тетуа всевозможными подарками. Мы быстро поладили с новыми соседями, стали вместе охотиться, вместе ловить рыбу, деля добычу поровну.

Иногда океан вел себя смирно, и мы купались и ловили спрутов. Островитяне ели их сырыми. Нарочно, чтобы подразнить нас, они жевали живых спрутов, которые обвивали их шеи длинными щупальцами! Мы с ужасом смотрели на них, а они хохотали до упаду.

Момо любила щекотать нежные пятки Лив. И когда та, не выдержав, прыскала, девочка покатывалась со смеху. У самой Момо кожа на пятках была толстая, и она болезненно могла срезать ее целыми слоями. От такого зрелища Лив испуганно визжала — на радость и потеху островитянам.

Вечерами у костра мы пели древние песни, которым нас обучил Теи Тетуа, слушали его рассказы.

Словом, в долине Уиа царила настоящая идиллия. Увы, недолго... Видя, что первые две семьи не возвращаются, потянулись через горы и другие. Старику Теи приходилось туго: гости трудолюбием не отличались, требовали от хозяина, чтобы он о них заботился. Дед из кожи вон лез, чтобы всех накормить, а они только посмеивались над ним: вот ведь глупый!

И стало здесь так же шумно, как было в Омоа. Варили апельсиновое пиво, и даже дети напивались допьяна. Момо тоже. Хуже всех вел себя метис по имени Наполеон. В хмелю он терял рассудок. Он уже забил до смерти двух жен, а теперь ухаживал за вдовушкой Хакаева, которая

перебралась в Уиа, схоронив мужа. Она заплатила отцу Викторину четыреста франков, чтобы тот своими молитвами открыл покойнику ворота в царство небесное, и была теперь свободна.

По ночам нашу хижину начали навещать воров. Жизнь в долине Уиа потеряла всякую прелесть. А тут еще случилось такое, чего мы никак не ждали: новые пришельцы восстановили против нас Теи Тетуа. И он потребовал с нас деньги за пользование участком, за фрукты, за все, что мы получили и что он еще только собирался нам дать. Подарки его больше не устраивали — только деньги!

Помню день, когда мы, сидя на лесенке нашей хижины, вдруг заметили на горизонте дымок. Пароход! Первый с тех пор, как мы покинули Таити.

Прежде мне как-то не верилось, что потерпевшие кораблекрушение, попав на тропический островок, с утра до вечера всматриваются в океанские дали, ожидая, когда появится корабль-спаситель. И вот мы сами не можем оторвать глаз от маленького клуба дыма. Появились мачты, труба, нос... Уже весь пароход видно! Идет к нам. На нем люди из нашего собственного мира. Стоят на палубе, любуются чудесным островом, живописной долиной среди могучих гор. Так же, как любовались мы, когда подходили к Таити.

Наверно, они видели в бинокль нашу хижину. И наверно, приняли ее за жилье островитян, потому что корабль прошел мимо.

А мы остались на берегу, опять без друзей.

На следующий день один из полинезийцев собрался идти через горы в Омоа. Мы попросили его захватить письмо. Он отказался. Предложили хорошее вознаграждение — не взял.

Вскоре Лив проснулась среди ночи от болезненного укуса. Держась за ногу, она кричала, что в постели кишат какие-то твари. Но я сразу догадался, что тварь была только одна — тысяченожка.

При свете луны мы долго ее искали между пальмовыми листьями, но чудовище исчезло.

Выдавили на ранку лимон: лимонный сок умеряет боль и обезвреживает яд. На следующий день Лив жаловалась, что нога плохо сгибается. Как только взошло солнце, мы возобновили поиски и нашли в своем ложе желтую гадину. В тот же день я убил в хижине еще одну тысячножку, а третья улизнула.

После этого терпение наше лопнуло, и мы уговорили одного островитянина провести нас через горы на западную сторону.

Как раз в это время в долине Уиа произошло великое событие: одичавшая свинья родила шестерых близнецов — обаятельных крошек с длинным рылом, крохотными копытами и жесткой щетиной. Один был рыженький с черными пятнами и весело закрученным хвостиком. И Лив не устояла. Она усыновила поросеночка, дав ему имя Май-Май, что в переводе означает «поросюшечка».

Рано утром мы собрались в путь. Лив привела на веревке своего Май-Май. Решила везти любимчика в Норвегию.

— Ты с ума сошла, — ужаснулся я. — Пока мы домой доедем, он вырастет, разжиреет и будет пугать пассажиров.

Но Лив непоколебимо стояла на своем. Я спросил нашего проводника, не возьмется ли он нести поросенка, но он наотрез отказался. Придется тащить самому.

И вот мы шагаем вверх по долине. Май-Май визжит и брыкается как бешеный. Я нес его на руках, нес на спине, нес за пазухой — визжит, да и только. А солнце жарит вовсю...

Наш проводник прибавил ходу и исчез впереди со своей ношей — пледом, фруктами, вареными клубнями таро. А когда мы подошли к горе, тропа затерялась в высокой траве. Мы растерялись. Куда идти дальше?

Долина кончилась, нам предстояло взбираться по раскаленному травянистому склону. Ни единого кустика, ни клочка тени, безветрие, солнце жжет... А тут еще этот поросячий визг, от которого кажется еще жарче. Я робко предложил отпустить поросенка. Лив решительно воспротивилась.

И мы начали карабкаться вверх. Тропа все чаще пропадала, мы шли по каким-то неясным следам на песке. Потом начались расщелины и обрывы, и мы совсем запутались. Я решил получше рассмотреть следы, которые привели нас сюда. Оказалось, что это отпечатки ног диких свиней.

Заблудились...

Пробираться сквозь теиту не так-то приятно, а возвращаться по своим следам и того хуже. Примятые ногами длинные листья обращены острием к тебе и режут ноги, как нож.

Когда мы наконец выбрались на тропу, то были чуть живы. Жара как в печи, ссадины и царапины горят, все поры закупорены потом и песком...

Распаренный неумолимым солнцем, Май-Май ни на минуту не унимался. Злобный визг пронизывал нас до костей, и я едва удержался от того, чтобы швырнуть поросянку вниз с обрыва.

А до гребня идти еще столько же... Без отдыха не доберемся. Но разве отдохнешь на солнцепеке! Песок раскалился, наши шляпы из листьев пандануса нагрелись, легкие совсем не получали свежего воздуха.

Надо лезть выше. Мы наметили себе место для привала там, где на склоне виднелось причудливое образование, которое запомнилось нам еще с прошлого раза. Казалось, на горе, глядя на долину, стоят рядом два тролля. Под ногами у них проходил природный туннель, единственное место, где можно было найти хоть какую-то тень.

Мы поминутно посматривали на необычные скалы. Под конец Лив совсем ослабла и спотыкалась на каждом шагу. Она обмахивалась шляпой, как веером. Ветерок пришелся по душе Май-Май, и он притих, но стоило Лив перестать обмахиваться, как поросяенок опять принимался визжать.

Какое блаженство мы испытали, когда добрались до могучих троллей и нырнули в темный проход! Подъем еще не кончился, но тут хоть можно переждать до вечера. Ничего, что носильщик исчез вместе с нашими запасами еды и кокосового молока.

Маи-маи довольно похрюкал и вскоре уснул на руках у Лив. Лежа на спине, мы упивались прохладой: хотя ветра в этот день совсем не было, в туннеле приятно сквозило. Далеко внизу простерлась залитая солнцем долина.

Прошло несколько часов, прежде чем мы собрались с силами, чтобы продолжить путь. И снова начался подъем...

На спине у меня был рюкзак с фотоаппаратом и пленками. Теперь мы туда же сунули неугомонного крикуна — хоть руки свободны!

Маи-маи отчаянно визжал, но затем вдруг стих.

— Понравилось, — решил я.

Но когда молчание затянулось, мы испугались и заглянули в рюкзак. Ух ты, словно в духовке! Уж не изжарился ли поросенок? Мы вытащили его и снова понесли на руках. Вскоре он пришел в себя и опять затеял свой концерт. Но теперь мы знали средство заставить его замолчать. Только завизжит — мы его в рюкзак: полежи, пока уймешься. Притихнет — пожалуйста, на волю.

Так мы мало-помалу достигли гребня, и перед нами — наконец-то! — простерлось высокогорное плато. Жадно вдыхая свежий воздух, мы направились к ближайшему родничку.

Наступила ночь, но нам не хотелось спускаться в долину Омоа. Мы совсем обиделись на островитян. Между двумя скалами прямо на тропе мы настелили ложе из больших листьев и легли спать под звездным небом, разложив вокруг костер, чтобы не лезли тысяченожки.

Хорошо в горах... Вот только Маи-Маи визжит, не давая уснуть. Впрочем, обнаружив, что это девица, мы перекрестили поросеночка, назвали его Сиреной. Я сунул Сирену в рюкзак, отошел подальше и привязал рюкзак к камню. Теперь визг до нас не доносился, и мы заснули.

Среди ночи нас разбудил какой-то шум. Костер погас, но мы разглядели на перевале силуэты двух диких коней. Они быстро приближались. Я сел и громко крикнул. Поздно — один конь не успел свернуть. Испуганный моим криком, он прыгнул через нас. Второй в последний миг остановился, потом поскакал в другую сторону.

Мы вскочили на ноги и разложили костер.

— Сирена! — ахнула Лив.

— Вот именно, — подхватил я.

Да, вот именно! Конский топот разбудил поросеночка.

Сирена взвыла и запрыгала в рюкзаке — настоящее привидение! Представляю себе, как оторопели бедные кони.

Спустившись в долину Омоа, мы первым делом отдали Сирену: пусть другие развлекаются...

В Омоа все было по-прежнему — сыро, неудобно. Мы зашли к Вилли и взяли свое имущество, которое занес к нему наш проводник-невидимка. Заодно совершили сделку. Поль Гоген дружил с отцом Вилли, швейцарцем Греле, и часто бывал у него в доме. Перед смертью Гоген подарил Греле свое любимое ружье, приклад которого сам украсил резьбой. После смерти Греле ружье перешло к одному островитянину, а тот перепродал его китайцу. Никто не знал подлинной цены ружья, и китаец охотился с ним на диких коз, пока Вилли не прослышал о славе Гогена и о том, как важно все, что связано с именем художника. Вилли выменял ружье обратно и теперь собирался везти эту редкость на Таити.

Мы избавили его от необходимости далеко ехать.

А когда мы простились с Вилли, к нам подошел островитянин, чтобы предложить еще одну сделку: я оставлю ему Лив, а он уступит мне свою жену и четверых детей в придачу!

Мы поспешно покинули Омоа.

Знакомой тропой мы пробрались в Тахаоа, на берег с белыми камнями, и здесь провели последние дни, дожидаясь судна. Жили в пещере, которая надежно защищала нас от камнепадов с подступающих к самому берегу гор. Во время прилива волны лизали порог нашего жилья, и частенько среди камней извивались ядовитые мурены. Ели мы кокосовые орехи, папайю и то, что собирали на берегу.

Мы расчистили дно пещеры от гальки и лежали на мягком белом песке. Белые барашки на волнах, резвящиеся дельфины, птица на горизонте — все настораживало нас: не корабль ли? То и дело мы взбирались на боль-

шие утесы и глядели вдаль. Только бы не пропустить шхуну! Ничто не заслоняло нам вида на запад, где простирался океан, и днем она не могла незаметно пройти.

А когда солнце тонуло в фейерверке красок, мы шли домой, в пещеру, ложились у костра и кутались в пледы. Мы знали: если шхуна придет ночью, Тиотй нас известит. Он остался верен нашей дружбе.

Ровный гул прибоя убаюкивал нас; в свете луны на по-иски пищи на берег выходили раки-отшельники.

Никогда нам не забыть того дня, когда на краю неба сверкнули белые паруса «Тереоры», идущей на Фату-Хиву.

...Лежа на палубе, мы в последний раз смотрели на остров и чувствовали себя такими же счастливыми, как в день приезда!

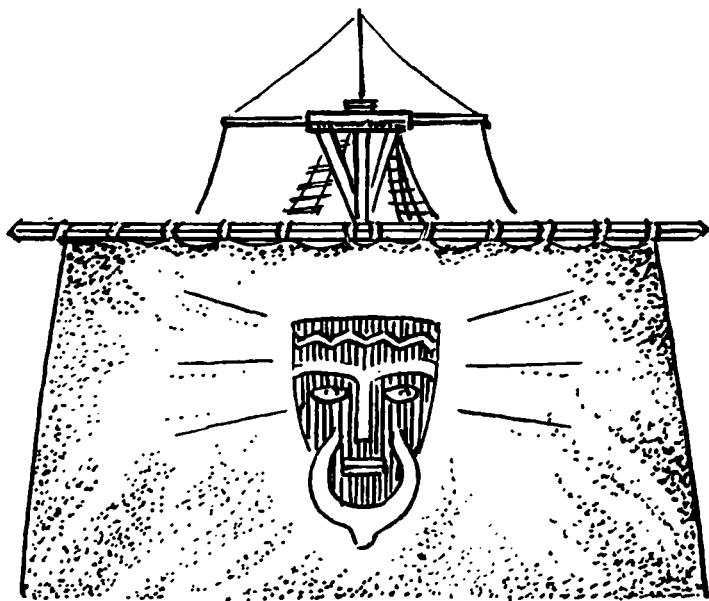
До чего остров красив!.. Дикие горы, солнечные берега. Все так же, как в тот день, когда мы сюда прибыли.

Но теперь мы знали, что кроется под сенью блестящей листвы и пышными кронами пальм. Живя в бамбуковой лачуге в лесу и в свайной хижине у Теи Тетуа, мы хорошо изучили остров. И убедились, что над солнечным архипелагом навис туман...

— Знаешь, Лив, — сказал я, — пустое это дело, искать рай...

Экспедиция
«Кок-Мики»

Моему отцу

Глава первая

ТЕОРИЯ

С чего все началось. — Старик с острова Фату-Хива. — Ветер и течение. — Поиски Тики. — Кто заселил Полинезию? — Загадка Южных морей. — Теория и факты. — Легенда о Кон-Тики и белой расе. — Война.

Иногда человек ловит себя на том, что оказался в совершенно необычной ситуации. Пусть ты шел к этому постепенно и естественно; когда уже возврата нет, ты вдруг удивляешься: как это я ухитрился попасть в такое положение?

Если ты, например, с пятью товарищами и одним попугаем вышел в море на плоту, рано или поздно наступит такое утро, когда ты, проснувшись среди океана, со свежей головой начнешь размышлять.

Вот в такое утро я сидел над отсыревшим от росы судовым журналом и записывал:

«17 мая. Сильное волнение. Ветер свежий. Сегодня мне кашеварить, я подобрал семь летучих рыб на палубе, одного спрута на крыше каюты и неизвестную рыбу в спальном мешке Торстейна...»

Тут карандаш остановился, и снова в глубине сознания зашевелилась мысль: а все-таки необычное семнадцатое мая, и вообще в высшей степени необычная обстановка... море и небо... с чего же все это началось?

Повернешься налево — и открывается вид на могучий синий океан, на шипящие волны, которые одна за другой, одна за другой проносятся мимо в своем нескончаемом беге к вечно отступающему горизонту. Повернешься направо — в хижине, в тени, бородатый человек лежит на спине и читает Гете, удобно воткнув пальцы босых ног между планками низкой бамбуковой крыши. Эта хрупкая маленькая хижина — наш дом.

— Бенгт, — сказал я, отталкивая зеленого попугайчика, который вздумал взобраться на судовой журнал, — может быть, ты мне ответишь: как мы до этого додумались?

Томик Гете опустил плечо, открыв золотистую бороду.

— Кому же это знать, как не тебе, ведь ты все придумал, и, по-моему, придумал очень здорово.

Он передвинул пальцы ног на три планки выше и как ни в чем не бывало продолжал читать Гете. На бамбуковой палубе рядом с хижинкой под жаркими лучами солнца трудились еще трое. Полуголые, загорелые, бородатые, с белыми полосками соли на спине, а выражение лиц такое, будто они всю жизнь только тем и занимались, что сплавляли лес на запад через Тихий океан. А вот и Эрик, пригнувшись, забирается в хижину со своим секстантом и кипой бумаг:

— Восемьдесят девять градусов сорок шесть минут западной долготы и восемь градусов две минуты южной широты — неплохо продвинулись за последние сутки, а?

Он взял у меня из рук карандаш и нарисовал маленький кружочек на карте, висевшей на бамбуковой стене, —

маленький кружочек на конце дуги из девятнадцати других кружочков, которая начиналась у портового города Кальяо на побережье Перу.

Тут и Герман, Кнют и Торстейн забрались внутрь, чтобы полюбоваться на новый значок, который был на добрых сорок морских миль ближе к островам Полинезии, чем предыдущий.

— Вот так-то, ребята, — гордо произнес Герман, — мы уже в тысяче пятистах семидесяти километрах от побережья Перу.

— И до ближайших островов по курсу осталось всего лишь шесть тысяч четыреста тридцать километров, — добавил Кнют осторожно.

— Для полной точности добавим, что мы в пяти тысячах метрах над дном морским, ну и до луны над нами не одна сажень, — сказал Торстейн.

Теперь мы все точно знали, где находимся, и я мог продолжать свои размышления на тему «почему?». Попугаю было решительно все равно, он упрямо лез на вахтенный журнал. А кругом — все тот же обрамленный небом океан: внизу сине, вверху сине.

Может быть, все началось прошлой зимой в кабинете музея в Нью-Йорке? А может быть, еще десятью годами раньше на одном из островков Маркизского архипелага в центре Тихого океана? И кто знает, возможно, мы причалим именно к этому острову, если норд-ост не отнесет нас южнее, в сторону Таити и Туамоту.

Я отчетливо представлял себе маленький островок с ржаво-красными обветренными скалами, зеленые заросли, сбегаящие по косогорам к морю, стройные пальмы, что качаются на берегу в вечном ожидании. Островок называется Фату-Хива; сейчас нас отделяют от него тысячи морских миль, и на всем этом пути ни одного клочка суши. Я видел узкую долину Уиа и отчетливо помнил, как мы вечерами сидели в ее устье на пустынном берегу, глядя на этот самый необозримый океан. Тогда я совершал свадебное путешествие, и меня не окружали, как сейчас, бордатые пираты. Мы собирали фауну для коллекции,

а также идолов и другие остатки давно вымершей культуры. Мне отчетливо запомнился один вечер. Цивилизованный мир казался невообразимо далеким и нереальным. Почти год мы прожили на острове, где не было других европейцев, намеренно расставшись со всеми благами, а заодно и всеми пороками цивилизации. Нашим домом была хижина на сваях, которую мы выстроили под пальмами на берегу, и ели мы то, чем нас потчевали тропический лес и Тихий океан.

Суровая школа практической жизни позволила нам лучше узнать многие своеобразные проблемы Тихого океана; мне думается, мы во многом как физически, так и психологически шли по стопам древнего народа, который прибыл на эти острова неведомо откуда и полинезийские потомки которого безраздельно владели островным царством, пока не явились представители нашей расы — с Библией в одной руке, ружьем и водкой — в другой.

В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу, лицом к океану. Мы были в плену окружающей нас сказки и чутко все воспринимали, боясь хоть что-то пропустить. Жадно вдыхали запах буйного леса и соленого моря, слушали шорох ветра в листве и пальмовых кронах. Время от времени все заглушали могучие океанские валы, они несли свои пенящиеся гребни через отмель, чтобы разбить их вдребезги о гальку. Воздух наполнялся стуком, рокотом и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем все стихало: океан отступал, набираясь сил для нового натиска на упорный берег.

— Странно, — заметила Лив, — на той стороне острова никогда не бывает такого прибойя.

— Верно, — ответил я. — Здесь — наветренная сторона, поэтому океан никогда не бывает спокоен.

И мы продолжали любоваться океаном, который готов был без конца подчеркивать: вот я иду к вам с востока, с востока, с востока. Восточный ветер, вечный пассат, — вот кто теребил океанскую гладь, вспахивал ее и гнал борозды вперед к этим островам, где непрерывный натиск океана наконец разбивался о рифы и скалы. А пассат

взмывал над берегом, лесом, горами и беспрепятственно летел дальше на запад, от острова к острову, туда, где заходит солнце. С незапамятных времен волны и легкие тучки точно так же переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это отлично знали первые люди, достигшие островов. Это знали птицы и насекомые: вся растительность определялась этим обстоятельством. А мы, кроме того, знали, что там, за горизонтом, на востоке, откуда выплывают облака, далеко-далеко простирается берег Южной Америки. Восемь тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...

Мы смотрели на летящие облака и залитый лунным светом колышущийся океан и прислушивались к рассказу полуголого старика, который сидел перед нами на корточках, глядя на тлеющие угли прогоревшего костра.

— Тики, — негромко произнес старик. — Он был и бог и вождь. Это Тики привел моих предков на эти острова, где мы теперь живем. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он поковырял угли палочкой, чтобы не потухли окончательно, а сам продолжал размышлять. Старый человек, он жил прошлым и был связан с ним всеми узами. Он

преклонялся перед своими предками и их подвигами, совершенными в незапамятные времена, когда на земле жили боги. И он предвкушал встречу с предками. Старый Теи Тетуа был последним представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он не знал, сколько ему лет, но его морщинистая темно-коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее сто лет. Он был одним из тех немногих жителей архипелага, кто еще помнил сказы отцов и дедов и верил в предания о сыне Солнца — великом полинезийском вожде и боге Тики.

Ночью, когда мы поднялись в нашу клетушку на сваях и легли спать, в моей голове все еще звучал рассказ старого Теи Тетуа о Тики и о заморской родине островитян. Глухие удары прибоя аккомпанировали моим мыслям; казалось, голос седой старины, рокочущий там, в ночи, хочет что-то поведать. Я не мог уснуть. Как будто время перестало существовать, и Тики во главе своей морской дружины в эту самую минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня осенило:

— Лив, тебе не кажется, что огромные каменные изваяния Тики в здешних лесах удивительно похожи на могучие статуи — памятники некоторых древних культур Южной Америки?

Прибой явственно пророкотал что-то одобрительное. И постепенно стих: я уснул.

Да, пожалуй, так все и началось. Во всяком случае, так было положено начало целому ряду событий, в итоге которых мы шестеро и один зеленый попугай оказались на плоту посреди океана, вдали от берегов Южной Америки.

Помню, как я потряс отца и удивил мать и друзей, когда, вернувшись в Норвегию, сдал свою коллекцию жуков и рыб с Фату-Хивы в зоологический музей университета. Я решил бросить зоологию и заняться древними народами. Меня захватили нерешенные загадки Южных морей. Должен же быть вразумительный ответ. И я задался целью установить, кем был этот легендарный Тики, откуда он пришел.

Много лет океанский прибой и развалины в дебрях были словно далекий сон, туманные образы, которые неотступно сопровождали все мои занятия. Я начал с того, что на собственном опыте изучил, как жили народы Тихого океана; теперь я взялся за научную литературу. Нельзя понять мысли и поступки первобытного народа, если только штудировать книги и музейные коллекции, но нельзя и ограничиваться одними лишь путешествиями и наблюдениями в поле.

Ученые труды, записки эпохи великих открытий, необъятные коллекции музеев Европы и Америки давали богатейший материал для мозаики, которую мне хотелось собрать из многих кусочков.

С тех пор как представители нашей расы — вскоре после открытия Америки — впервые добрались до тихоокеанских островов, исследователи во всех областях науки собрали неисчерпаемое множество сведений как о народах Южных морей, так и об их соседях. И однако, до сих пор нет единого мнения ни о происхождении полинезийцев, ни о том, почему они населяют только уединенные острова восточной части Тихого океана.

Когда европейцы впервые отважились выйти на необозримые просторы величайшего из океанов Земли, они, к своему удивлению, нашли там множество гористых островков и плоских коралловых рифов, отделенных друг от друга и от всего остального мира огромными водными пространствами. И каждый островок был уже заселен, великолепно сложенные люди встречали мореплавателей на берегу, а кругом бегали собаки, свиньи, куры. Откуда пришли эти люди? Они говорили на своем языке, который больше никто не понимал. Нескромные представители нашей расы, присваивавшие себе честь открытия этих островов, обнаруживали на каждом пригодном для заселения клочке суши возделанные земли и поселения, хижины и святилища. А на некоторых островах были даже древние пирамиды, мощеные дороги и каменные статуи вышиной с четырехэтажный европейский дом. Но никто не мог разрешить загадку: что это за народ, откуда он явился сюда?

Сколько написано трудов на эту тему, столько и ответов. Специалисты в разных областях предлагали совершенно различные решения, которые затем опровергались весьма логическими доводами других исследователей, шедших своими путями. Родиной полинезийцев вполне убежденно называли Малайские острова, Индию, Китай, Японию, Аравию, Египет, Кавказ, Атлантиду, даже Германию и Норвегию! Но всякий раз возникала какая-нибудь заковыка, из-за которой все построение повисало в воздухе.

А там, где пасовала наука, выступала на сцену фантазия. Таинственные каменные истуканы острова Пасхи вместе со всеми прочими следами древней культуры неизвестного происхождения на этом клочке земли, который лежит один-одинешенек как раз посередине между ближайшими островами Полинезии и Южной Америкой, давали повод к всевозможным догадкам. Многие считали, что находки на острове Пасхи похожи на памятники некоторых древнейших цивилизаций Южной Америки. Может быть, в незапамятные времена существовал затонувший позднее материковый мост? Может быть, остров Пасхи и все те острова Южных морей, на которых найдены сходные изваяния, — остатки затонувшего континента?

Это предположение кое-кому нравилось и казалось приемлемым, однако геологи и другие ученые отвергают его. К тому же зоологи, которые изучают насекомых и улиток, доказали, что острова Южных морей на всем протяжении истории человечества, как и в наши дни, были полностью изолированы друг от друга.

Вот почему совершенно очевидно, что давным-давно, по собственной воле или вынужденно, праполинезийцы откуда-то приплыли на эти уединенные острова, либо дрейфуя по течению, либо под парусами. Больше того, если присмотреться, выходит, что это было не так уж много столетий назад. На островах не успели еще сложиться разные языки, хотя полинезийцы разбросаны по площади, в четыре раза превосходящей Европу. От Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге, от Самоа на западе до острова Пасхи на востоке тысячи мор-

ских миль, и, однако, все живущие порознь племена говорят на диалектах одного общего языка, который мы называем полинезийским. Нигде на островах не было письменности, если не считать острова Пасхи, где туземцы сохраняли деревянные дощечки с загадочными знаками, которых не могли прочесть ни они сами, ни кто-либо другой. Но школы были, и в них главным предметом считались поэтические предания: в Полинезии история была и религией. Островитяне обожествляли предков, они поклонялись своим умершим вождям, начиная с Тики, которого называли сыном Солнца.

Почти на каждом острове были ученые, которые могли перечислить поименно всех местных вождей со времени заселения острова. А помнить все это им помогали хитроумно связанные шнуры с узлами — такими же точно шнурами пользовались инки в Перу. Современные исследователи сопоставили все родословные с различных островов и обнаружили поразительное совпадение как имен, так и числа поколений. Принимая средний возраст полинезийского поколения в двадцать пять лет, подсчитали, что острова Южных морей были заселены не раньше конца V — начала VI века нашей эры. Следы другой культуры и соответствующая ей новая генеалогия вождей свидетельствуют, что около 1100 года нашей эры на эти острова пришли другие переселенцы.

Откуда же вышли эти люди, причем сравнительно недавно? Похоже, лишь очень немногие исследователи учли важнейший фактор, а именно: на столь позднем этапе истории сюда приплыл типичный неолитический народ. Хотя во всем остальном уровень культуры был поразительно высок, переселенцы привезли с собой особого рода каменные топоры и много других характерных каменных орудий, которые и распространились на всех островах. Вспомним, что, за исключением немногих изолированных лесных племен, к 500-му и тем более к 1100 году нашей эры нигде не было неолитической культуры, способной к дальнейшему распространению, — нигде, кроме Нового Света, где даже самые развитые индейские

культуры не знали железа и пользовались каменными топорами и другими орудиями точно такого вида, какой употреблялся на островах Южных морей, пока здесь не появились европейцы.

Многочисленные индейские племена, о которых мы здесь говорим, были ближайшими родственниками полинезийцев на востоке. На западе жили только дикие и первобытные народы Австралии и Меланезии, отдаленные родичи негроидов, а за ними лежали Индонезия и побережье Азии, где период неолита, судя по всему, был пройден раньше, чем где-либо еще на свете.

Вот почему мое внимание все больше переключалось со Старого Света, где многие искали разгадку и никто ее не нашел, на изученные и неизученные индейские культуры Америки, о которых никто до тех пор всерьез не думал в этой связи. И что же: на ближайшем на восток материке, там, где сегодня берег Тихого океана и прилегающие к нему горные цепи занимает южноамериканская республика Перу, не было недостатка в следах, стоило только поискать. Здесь некогда жил неизвестный народ, который создал одну из самых своеобразных культур на свете, чтобы затем, еще в давние времена, вдруг буквально исчезнуть с лица земли. Остались громадные каменные скульптуры, похожие на изваяния на островах Питкерне, Маркизских и Пасхи, а также гигантские ступенчатые пирамиды, какие встречаются на Таити и Самоа. На склонах гор древние зодчие высекали каменными орудиями глыбы величиной с наш железнодорожный вагон, перемещали их на десятки километров и устанавливали торчком или клали друг на друга, сооружая ворота, могучие стены и террасы — совсем такие, какие мы видим на некоторых островах Тихого океана.

Когда в Перу пришли первые испанцы, в этой горной стране они нашли великую империю инков. И местные жители рассказали, что огромные, теперь заброшенные монументы были воздвигнуты белыми богами, жившими здесь до того, как инки взяли власть в свои руки. Исчезнувших зодчих описывали как мудрых и миролюбивых

учителей, которые пришли с севера на заре истории и обучили предков индейцев строительному искусству и земледелию, передали им свои обычаи. Они выделялись среди индейцев белой кожей, длинной бородой и высоким ростом. В конце концов они покинули Перу так же внезапно, как и пришли туда. Инки сами стали править страной, а белые учителя навсегда исчезли из Южной Америки, уйдя на запад, в Тихий океан.

А надо сказать, что, когда европейцы впервые попали на тихоокеанские острова, их как раз поразило, что у многих туземцев была борода и почти белая кожа. На многих островах можно было увидеть целые семьи с необычно светлой кожей, рыжими, вплоть до русских, волосами, серо-голубыми глазами и лицами чуть ли не семитского типа, с орлиным носом. У собственно полинезийцев была золотисто-смуглая кожа, волосы цвета воронова крыла и плоский широкий нос. Рыжеволосые называли себя *урукеху* и утверждали, что происходят от первых вождей на островах — белокожих богов по имени Тангароа, Кане, Тики. Во всей Полинезии были распространены легенды о происхождении первых островитян от загадочных белых людей. Вот и Роггевен, когда в 1722 году открыл остров Пасхи, с удивлением увидел на берегу «белых людей». А пасхальцы могли поименно перечислить тех своих предков, у кого была белая кожа, начиная с Тики и Хоту Матуа, которые, по их словам, приплыли из-за моря, «из гористой, иссушенной солнцем страны на востоке».

Продолжая поиски, я находил в культуре, мифологии, языке Перу поразительные следы, которые побуждали меня еще более настойчиво и целеустремленно искать родину главного полинезийского бога Тики.

И вот настала минута, когда я нашел то, на что надеялся. Читая инкские легенды о короле-солнце Виракоче, предводителе исчезнувшего из Перу белого народа, я вдруг увидел в комментарии следующие строки:

«Виракоча — инкское слово (язык кечуа), следовательно, оно позднего происхождения. Первоначально бога

солнца Виракочу в древнем Перу, по-видимому, называли Кон-Тики или Илла-Тики, что означает Солнце-Тики или Огонь-Тики. Кон-Тики был верховным жрецом и королем белых людей из инкских преданий, народа, о котором нам напоминают развалины могучих сооружений на берегах озера Титикака. Легенда сообщает, что на Кон-Тики напал вождь по имени Кари, который пришел из долины Кокимба. В битве на одном из островов озера Титикака таинственные белые бородатые люди были разбиты наголову, но сам Кон-Тики вместе с ближайшими сподвижниками спасся и пробрался позднее к побережью, откуда они в конце концов исчезли в западном направлении, в море».

Теперь я больше не сомневался, что белый вождь-бог Солнце-Тики, изгнанный, по словам инков, их предками из Перу в Тихий океан, и есть белый бог-вождь Тики, сын Солнца, которого население всех восточных тихоокеанских островов воспеваает как своего родоначальника. И ведь различные черты жизни Солнца-Тики в Перу, с упоминанием древних географических наименований района Титикака, можно было проследить и в исторических преданиях жителей Полинезии.

Но полинезийские острова хранят свидетельства и другого рода, говорившие о том, что миролюбивое племя Кон-Тики недолго оставалось единовластным хозяином на новом месте. Сначала на Гавайи, а потом и на другие острова Южных морей прибыли на больших военных пирогах, связанных попарно и не уступавших по размерам ладьям викингов, индейцы с западного побережья Северной Америки. Они смешались с родом Кон-Тики и принесли с собой новую культуру. Это был уже второй неолитический народ, добравшийся до Полинезии. В 1100 году он не знал ни металла, ни колеса, ни гончарного искусства, ни ткацкого станка, не был знаком с хлебными злаками.

Вот почему, когда немцы вторглись в Норвегию, я был в Канаде, у северо-западных индейцев Британской Колумбии, и расчищал на скальных изображениях в духе древнеполинезийских рисунков.

Напра-во! Нале-во! Кру-гом! Мытье полов в казарме, чистка амуниции, школа радиотелеграфистов, парашютная тренировка и в конце концов высадка зимой с морского конвоя в Финмарке, где в отсутствие солнца-бога хозяйничал бог войны.

Но вот настал мир.

И пришел день, когда моя теория обрела законченную форму. Я решил отправиться в Америку, чтобы изложить ее там.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

У специалистов. — Камень преткновения. — В Доме моряка. — Последний выход. — Клуб исследователей. — Новое снаряжение. — У меня появляется спутник. — Триумвират. — Один художник и два диверсанта. — В Вашингтон. — Совещание в военном департаменте. — У генерал-квартирмейстера со списком пожеланий. — Денежные затруднения. — Среди дипломатов в ООН. — Мы летим в Эквадор.

Да, так оно, пожалуй, и началось — у костра на одном из островов Южных морей, где старый полинезиец сидел и рассказывал предания и легенды своего племени. А много лет спустя я сидел уже с другим стариком в сумрачном кабинете большого музея в Нью-Йорке.

Кругом, за стеклом аккуратных витрин, лежали немые свидетели былого, словно следы, ведущие в прошлое. Рядом с витринами вдоль стен вытянулись книжные полки. Тут были такие книги, что один человек написал и не

больше десяти прочли. Седой добродушный старик, сидящий за рабочим столом, прочитал все эти книги и сам написал некоторые из них. Но сейчас он явно был не в духе. Нервно стиснув подлокотники кресла, он смотрел на меня так, словно я спутал ему карты в пасьянсе.

— Нет, — говорил он, — это невозможно!

Наверное, такой же вид был бы у Деда Мороза, если бы кто-нибудь сказал, что следующий Новый год придется на первое мая.

— Вы ошибаетесь, в корне ошибаетесь, — повторил он и возмущенно затряс головой, словно вытряхивая из нее столь еретическую мысль.

— Но ведь вы еще не читали моих доводов, — попытался я возразить, кивая с надеждой в сторону лежащей на столе рукописи.

— Доводы! — воскликнул он. — Нельзя же подходить к этнографическим проблемам так, словно это детективная загадка.

— Почему нет? Все мои выводы основаны на собственных наблюдениях и на фактах, которые добыты наукой.

— Задача науки — чистое исследование, — спокойно сказал он, — а не попытки что-либо доказать.

Он бережно отодвинул в сторону нетронутую рукопись и наклонился над столом.

— Это верно, что в Южной Америке развилась одна из самых замечательных культур прошлого, и нам неизвестно, ни какой народ ее создал, ни куда он исчез, когда власть захватили инки. Но одно мы знаем совершенно точно: ни один из народов Южной Америки не переселился на тихоокеанские острова.

Он пристально взглянул на меня и продолжал:

— И знаете почему? Ответ очень прост. Они не могли туда попасть, у них не было лодок!

— У них были плоты, — нерешительно возразил я. — Знаете, наверное, — бальсовые плоты.

Старик улыбнулся и спокойно сказал:

— Ну что ж, попробуйте пройти из Перу до тихоокеанских островов на бальсовом плоту.

Последнее слово осталось за ним. Было уже поздно. Мы встали. Старый ученый проводил меня до дверей, добродушно похлопал по плечу и сказал, что я всегда могу обращаться к нему за помощью. Но в дальнейшем мне все-таки лучше заниматься либо Полинезией, либо Америкой, не валить в кучу две разные части света. Здесь он спохватился и вернулся к столу.

— Вы, кажется, забыли вот это. — Он возвратил мне рукопись.

Я прочел знакомый заголовок: «Полинезия и Америка, к вопросу о древних связях». Зажав рукопись под мышкой, я побрел вниз по лестнице и смешался с толпой прохожих.

Позднее в тот же вечер я приехал в Гринвич-Вилледж и постучался в дверь невзрачного домика на окраине поселка. Так повелось, что я шел сюда со своими заботами, когда они уж очень меня донимали.

Маленький тщедушный человечек с длинным носом опасливо приоткрыл дверь, но тут же, широко улыбаясь, распахнул ее и затащил меня внутрь. Он провел меня прямо в уютную кухоньку и заставил накрывать на стол, а сам тем временем удвоил порцию загадочного, но приятно пахнущего варева, которое разогревал на газовой плите.

— Молодец, что зашел, — сказал он. — Ну как?

— Плохо, — ответил я. — Никто не хочет читать рукопись.

Он наполнил тарелки, и мы принялись за еду.

— Очень просто: те, к кому ты обращаешься, думают, что все это твоя фантазия. Ты же знаешь, у нас в Америке сколько угодно чудаков.

— И еще одно... — вставил я.

— Знаю, аргументация. Все они узкие специалисты и недоверчиво относятся к такой методике, когда привлекаются данные из самых различных отраслей, от ботаники до археологии. Они сознательно ограничивают размах исследований, чтобы тем настойчивее зарываться в глубину и добывать детали. Современная наука требует, чтобы каждый специалист копался в своей яме. Редко

кто-нибудь принимается разбирать и складывать вместе то, что они добывают.

Он встал и сходил за объемистой рукописью.

— Вот, посмотри. Мой последний труд — о птичьем орнаменте в китайских народных вышивках. Семь лет готовил, зато сразу приняли к изданию. Наше время требует специализации.

Карл был прав. Но пытаться решить загадки Тихого океана без всестороннего подхода было, на мой взгляд, все равно что складывать мозаику из кусочков только одного цвета.

Мы убрали со стола, я помог ему вытереть посуду.

— Из Чикагского университета что-нибудь ответили?

— Нет.

— А что сказал сегодня твой старый приятель из музея?

Я помялся, прежде чем ответить:

— Его моя теория тоже не заинтересовала. Сказал, что у индейцев были только плоты, значит, нечего и думать о том, чтобы они могли открыть полинезийские острова.

Хозяин вдруг принялся ревностно тереть тарелку.

— М-да, — промолвил он наконец. — По правде говоря, мне тоже это кажется таким препятствием, которое ставит под сомнение всю твою теорию.

Я мрачно поглядел на тщедушного этнолога, которого всегда считал своим верным союзником.

— Ты только не пойми меня превратно, — поспешно добавил он. — Я допускаю, что ты прав, но очень уж это все непонятно. Мой труд о вышивках подтверждает твою теорию.

— Карл, — сказал я, — я уверен, что индейцы ходили на своих плотах через Тихий океан, я даже готов сам построить такой плот и пересечь на нем океан, чтобы доказать, что это было возможно.

— Ты с ума сошел!

Мой друг принял мои слова за шутку и рассмеялся, но за смехом крылось опасение: а что, если я это всерьез?..

— Значит, по-твоему, это невозможно?

— Ты с ума сошел! На плоту?!

Он не знал, что и думать, и пытливо уставился на меня, как бы ожидая, что я сейчас улыбнусь, и станет ясно: пошутил.

Он не дождался улыбки. Я понял, что никто не примет мою теорию, потому что Перу и Полинезию разделяет необозримый океан, а я пытаюсь обойти этот факт на до- историческом плоту.

— Послушай-ка, — неуверенно произнес Карл. — Пойдем куда-нибудь, выпьем по стаканчику.

Мы пошли и выпили по четыре.

Как раз в эти дни пришел срок платить за комнату. Одновременно из Норвежского банка мне написали, что больше долларов я не получу: валютные ограничения... Я собрал вещи и доехал подземкой до Бруклина. Меня пустили в Норвежский дом моряка, там кормили сытно и вкусно, и цены отвечали возможностям моего бумажника. Мне выделили комнатушку наверху, а ел я вместе со всеми в просторной столовой внизу.

Одни моряки въезжали, другие уезжали. Разные люди — разные по внешности, росту, степени трезвости, но всех их объединяло одно: о море они говорили со знанием дела. Я узнал, что волны не увеличиваются с удалением от суши и с возрастанием глубины. Наоборот, внезапный шквал подчас коварнее всего как раз у берега. Мели, прибрежные течения и противотечения — все это может породить куда более могучие валы, чем в открытом море. И выходит, что если судно может плавать вдоль открытого, незашащенного берега, то оно не подведет и вдали от материка. Я узнал также, что при сильной волне большие суда зарываются носом или кормой и многотонные массы воды, врываясь на палубу, завязывают узлом стальные трубы, а маленькой лодке хоть бы что — она целиком умещается между волнами и легко перемахивает через гребни. Некоторые из моих собеседников спасались на шлюпках после того, как их судно шло ко дну, разбитое волнами.

А вот о плотях они мало что знали. Плот — разве это судно: ни кия, ни поручней! Так просто — плавучее средство, на котором при аварии можно продержаться,

пока тебя не подберут. Правда, один из них очень хорошо отзывался о плотях: он три недели провел на плоту после того, как немецкая торпеда пустила ко дну его судно посреди Атлантического океана.

— Но управлять им никак нельзя, — добавил он. — То боком идет, то задом наперед, смотря откуда ветер.

В библиотеке мне удалось разыскать записки первых европейцев, которые достигли Тихоокеанского побережья Южной Америки. В этих записках было вдоволь зарисовок и описаний больших индейских бальсовых плотов. Прямой парус, шверты, на корме — длинное рулевое весло. Значит, они управляемы.

Шли недели, а ко мне в Дом моряка не поступало никакого ответа ни из Чикаго, ни из других городов, куда я разослал копии рукописи. Не хотят читать.

И вот как-то под воскресенье я взял себя в руки, отправился в морскую лавку на улице Уотер-стрит и купил лоцманскую карту Тихого океана; продавец учтиво величал меня «капитаном». Зажав карту под мышкой, я доехал на электричке до Оссининга, где обычно проводил уик-энд на даче молодой норвежской четы. Хозяин был раньше капитаном судна, а теперь представлял в Нью-Йорке компанию «Фред Ульсен лайн».

Освежившись в бассейне, я на два дня прочно забыл о большом городе. Амбьерг вынесла поднос с коктейлями, и мы уселись на траве, где пригревало солнце. Я не мог утерпеть, расстелил на газоне карту и спросил Вильгельма, как он считает: можно дойти на плоту от Перу до островов Южных морей?

Он был слегка озадачен и смотрел больше на меня, чем на карту, однако сразу ответил утвердительно. Я испытал такое облегчение, словно мне прицепили к воротничку воздушный шар, ведь Вильгельм был большим знатоком и любителем всего, что касалось моря и мореходства. Тут же, не сходя с места, я посвятил его в свои замыслы. К моему удивлению, он заявил, что это чистейшее безумие.

— Но ведь ты же сам сейчас сказал, что считаешь это возможным! — прервал я его.

— Совершенно верно, — согласился он. — Но столько же шансов, что дело кончится плохо. Ты еще никогда вообще не бывал на бальсовом плоту, и на тебе — сразу через Тихий океан. Может быть, пройдешь, а может быть, и нет. Древние индейцы Перу, наверное, опирались на опыт поколений. Возможно, на каждый дошедший плот тонуло десять, если не сто. Сам говоришь, инки выводили в море целые флотилии бальсовых плотов. Если с кем-нибудь случалось несчастье, другие могли их выручить. А кто подберет вас посреди океана? Даже если ты возьмешь с собой радиопередатчик, это вовсе не так просто — найти маленький плот среди волн за тысячи миль от суши. Разыграется шторм, смоев вас с плота, и вы сто раз успеете утонуть, пока подойдет помощь. Нет уж, сиди-ка ты лучше на месте и жди, кто-нибудь прочтет твою рукопись. Пиши им еще и еще, напоминай, только так и добьешься чего-нибудь.

— Я не могу больше ждать, последние центы досчитываю.

— Переезжай к нам. Кстати, как ты вообще намеревался организовать экспедицию из Южной Америки, если у тебя нет денег?

— Легче заинтересовать людей экспедицией, чем непрочтенной рукописью.

— И чего же ты добьешься?

— Опровергну один из самых веских аргументов против моей теории, не говоря уже о том, что привлеку внимание ученых к этому вопросу.

— А если несчастье?

— Тогда я ничего не доказал.

— И будет твоя теория окончательно скомпрометирована.

— Возможно, но ведь ты сам сказал, что один плот из десяти доходил.

Пришли дети хозяина, они затеяли играть в крокет, и в тот день мы больше не возвращались к моему вопросу.

На следующий уик-энд я снова отправился в Оссининг с картой под мышкой. И когда я возвращался оттуда

в город, через всю карту от побережья Перу до островов Туамоту в Тихом океане протянулась длинная карандашная черта. Мой друг капитан понял, что меня не отговорить, и мы несколько часов просидели вместе над картой, определяя наиболее вероятный путь плота.

— Девяносто семь суток, — сказал наконец Вильгельм. — Но помни, это только при идеальных условиях, если все время будет дуть попутный ветер и если плот в самом деле сможет идти под парусом, как ты предполагаешь. Так что считай никак не меньше четырех месяцев, а то и гораздо дольше.

— Добро, — ответил я удовлетворенно. — Будем считать минимум четыре месяца, а уложимся в девяносто семь суток.

Комнатушка в Доме моряка показалась мне в этот вечер вдвое уютней, когда я вернулся домой и сел на койку с картой в руках. Я встал и вымерил площадь комнатки шагами, насколько позволяли кровать и комод. Ну-у, плот будет куда больше! Я высунулся из окна, чтобы отыскать взглядом всеми позабытое небо над большим городом — маленький квадрат, стиснутый крышами высоких домов. Что ж, если на плоту окажется тесновато, то, во всяком случае, небу над нами будет просторно.

Около Центрального парка, на 72-й Западной улице, расположен один из самых избранных клубов Нью-Йорка. Лишь блестящая латунная дощечка с надписью: «Клуб исследователей» говорит прохожему, что за этой дверью кроется нечто необычное. А войдешь — и словно ты вдруг приземлился с парашютом в другом мире, за десятки тысяч километров от зажатых небоскребами шеренг автомобилей. Двери в Нью-Йорк закрылись за твоей спиной, и ты погружаешься в атмосферу львиной охоты, горных восхождений и полярных экспедиций, но в то же время чувствуешь себя как бы в салоне комфортабельной яхты, совершающей кругосветное плавание. Головы бегемотов и благородных оленей, могучие рога и бивни, военные барабаны и копья, индейские покрывала, плоды, модели кораблей, флаги, фотографии и карты со всех сторон ок-

ружают членов клуба, когда они собираются, чтобы отметить юбилей или послушать доклад о дальних странах.

После моей поездки на Маркизские острова меня избрали действительным членом клуба, и, как самый молодой, из членов я старался не пропускать ни одного заседания, когда бывал в городе. Но, зайдя туда в дождливый ноябрьский вечер, я немало удивился непривычной картине, которая предстала перед моими глазами. Посреди пола лежала надувная резиновая лодка с различными принадлежностями и аварийным запасом продовольствия, а вдоль стен и на столах можно было увидеть парашюты, резиновые костюмы, спасательные пояса и всякого рода арктическое снаряжение, а также аппараты для дистилляции воды и другие чудеса. В этот день новый член клуба, полковник Хескин из службы материального обеспечения военно-воздушных сил, должен был прочесть доклад, показывая военные изобретения, которые, как он считал, годились также и для научных экспедиций, тропических и полярных.

После доклада началось горячее и веселое обсуждение. Известный датский полярный исследователь Петер Фрейхен поднялся во весь свой могучий рост и скептически потряс густой бородой. Он не очень-то верил в эти новомодные штучки. Во время одной из своих экспедиций в Гренландию он решил сменить эскимосский каяк и иглу на резиновую лодку и палатку и едва не поплатился жизнью. Сначала он чуть не замерз: разыгрался буран, а замок «молния» на палатке обледенел, и он никак не мог попасть внутрь. Потом, когда он рыбачил, крючок зацепился за лодку, проколол ее, и она пошла ко дну. Вместе с приятелем-эскимосом Фрейхен еле успел перебраться на другой каяк, который пришел им на выручку. Так что он был твердо убежден: сколько ни мудри все хитроумные изобретатели мира в своих лабораториях, им не превзойти того, чему научил эскимосов тысячелетний опыт.

Дискуссия закончилась неожиданным предложением полковника Хескина — действительные члены клуба могли отобрать все что угодно из нового снаряжения для

своей очередной экспедиции, с одним только условием: вернувшись, сообщить лаборатории, как понравилась ее продукция.

В этот вечер я последним ушел из клуба. Хотелось до мельчайших подробностей изучить это новехонькое снаряжение, которое само шло в руки, стоило только попросить. Как раз то, что мне нужно: спасательное оборудование на тот случай, если плот, вопреки всем ожиданиям, развалится, а поблизости не будет других плотов, чтобы прийти к нам на выручку.

Это снаряжение занимало мои мысли и на следующее утро, за завтраком в Доме моряка, когда к моему столу подошел со своим подносом отлично одетый, атлетически сложенный молодой человек. Мы разговорились. Оказалось, что он тоже не моряк, а инженер из Тронхейма, приехал в Америку закупить части для машин и поработать на холодильниках. Он поселился неподалеку и часто приходит в столовую Дома моряка ради хорошей норвежской кухни. Потом он спросил меня, чем я занимаюсь, и я коротко поделился с ним своими замыслами. Сказал, что если до конца недели я не получу ни от кого положительного ответа на рукопись, то все силы обращу на то, чтобы устроить экспедицию на плоту. Мой собеседник помалкивал, но слушал с большим интересом.

Четыре дня спустя мы снова встретились в той же столовой.

— Ну как ты решил — поплывешь или нет? — спросил он.

— Решил. Поплыву.

— Когда?

— При первой возможности. Если я замешкаюсь, со стороны Антарктики нагрянут штормы, в Полинезии начнется сезон ураганов. Надо выходить из Перу через два-три месяца. Но сперва — раздобыть денег, все организовать.

— Сколько человек будет участвовать?

— Думал собрать человек шесть: будет достаточное разнообразие в жизни на плоту и удобно разбить сутки на четырехчасовые вахты.

Он постоял, подумал, потом выпалил:

— Черт, до чего же хочется пойти с тобой! Я бы занимался всякими измерениями и опытами. Тебе же понадобится для твоего эксперимента точно измерять ветер, течения, волны. Не забывай, ведь ты будешь плыть через громадные пространства, которые почти не изучены, потому что там нет регулярного движения судов. Такая экспедиция сможет провести много важных гидрографических и метеорологических исследований, тут и моя термодинамика пригодилась бы.

Что я знал о нем? Только то, что может рассказать прямое, открытое лицо. Впрочем, этого иногда оказывается вполне достаточно.

— Идет, — ответил я. — Пойдем вместе.

Его звали Герман Ватцингер, он был такой же сухопутный краб, как я.

Через несколько дней я привел его с собой в Клуб исследователей. Здесь мы встретили полярника Петера Фрейхена. У Фрейхена есть выгодное свойство: он никогда не растворяется в толпе. Огромный, как платяной шкаф, с пышной бородой, он выглядит так, словно только что вернулся из тундры. Кажется, что он должен водить за собой на поводке гризли.

Мы подвели его к громадной карте на стене и рассказали о своем замысле пересечь Тихий океан на плоту. Слушая нас, он теребил свою бороду, а его мальчишеские голубые глаза выросли в оловянные блюдца. Потом он топнул деревянной ногой и затянул потуже ремень.

— Вот это план! Черт побери, я и сам бы не прочь с вами!

Старый исследователь Гренландии наполнил наши пивные кружки и стал рассказывать о своей твердой вере в суденышки первобытных народов: они так замечательно приспособлены к природным условиям, что где угодно пройдут. Он сам ходил на плотах по великим рекам Сибири и тащил на буксире плот с туземцами вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Рассказывая, он не переставал теребить свою бороду и приговаривать:

— Эх, черт возьми, здорово вы задумали!

Благодаря горячей поддержке Фрейхена колеса завертелись с головокружительной скоростью, и о нашем плане заговорили все скандинавские газеты. Уже на следующее утро в дверь моей комнаты в Доме моряка громко постучали: меня вызывали к телефону в коридоре. После этого телефонного разговора мы с Германом вечером того же дня очутились в роскошной квартире в одном из фешенебельных районов города. Нас принял холодный молодой человек в лакированных туфлях и шелковом халате, наброшенном на синий костюм. Он извинился, прижимая к носу надушенный платок, и пояснил, что простужен. На вид — хлюпик, но мы-то знали, что он известен в Америке как один из лучших летчиков военного времени. Кроме вялого хозяина, присутствовали два энергичных молодых газетчика, которых буквально распирал задор и всевозможные идеи. Нам было известно имя одного из них, талантливого журналиста.

За бутылкой хорошего виски хозяин рассказал, что его заинтересовала наша экспедиция. Он готов ее финансировать, если мы обязуемся по возвращении написать статьи для газет и совершить турне с докладами. В конце концов мы обо всем договорились и выпили за плодотворное сотрудничество между финансирующей стороной и участниками экспедиции. О деньгах больше думать не надо, эта проблема решена, наши казначеи все берут на себя. Нам с Германом надлежит немедленно заняться подбором команды и снаряжения, строить плот и отправляться в путь, пока не начались ураганы.

На следующий день Герман взял расчет на работе, и мы засучив рукава принялись за дело. Из экспериментальной лаборатории военно-воздушных сил мне уже сообщили, что такая экспедиция как нельзя лучше подходит для проверки их снаряжения и мне охотно перешлют через Клуб исследователей все, о чем бы я ни попросил. Доброе начало! Теперь главной задачей было найти для нашей команды подходящую четверку добровольцев и раздобыть провиант.

Подбирать людей для плавания через океан на плоту надо было очень тщательно, чтобы после нескольких недель вынужденной изоляции на плоту не начались ссоры и беспорядки. Мне не хотелось составлять команду из моряков: вряд ли они больше нашего знают о плотах, да и к чему давать повод для возражений, дескать, мы справились потому, что разбирались в мореходном деле лучше, чем древние перуанские плотоводцы. Вместе с тем для наших научных отчетов нужен был человек, умеющий и обращаться с секстантом, и нанести на карту наш дрейф.

— Я знаю одного занятого художника, — рассказал я Герману. — Здоровенный детина, играет на гитаре, весельчак. Окончил штурманское училище и несколько раз ходил вокруг света, потом взялся за кисть и краски. Мы с ним с детства знакомы, сколько раз ходили вместе в поход в горы. Напишу ему, уверен: он согласится.

— Что ж, как будто подходит, — кивнул Герман, — но нам еще нужен человек, чтобы разобрался в радио.

— Радио?! — воскликнул я. — На кой черт нам радио — на доисторическом плоту?

— Ну, нет, не говори. Это просто мера предосторожности, и она никак не повлияет на твою теорию, если мы не вызовем помощь. Радио необходимо, чтобы передавать метеосводки и другие сообщения. А нам служба погоды ничего не даст, она не занимается этой частью океана. И даже если мы примем предупреждение о шторме — что толку нам от этого на плоту?

В потоке аргументов утонули мои робкие возражения, которые в общем-то коренились в нелюбви к всевозможным штепселям и верньерам.

— Как ни странно, — сдался я, — но если говорить о радиосвязи на большие расстояния с помощью маленьких передатчиков, то я знаю подходящих людей. В войну я сам попал в радиоподразделение — так сказать, надлежащий человек на надлежащем месте. Словом, я черкну Кнюту Хаугланду и Торстейну Робю.

— Ты их знаешь?

— Да. С Кнютом первый раз встретился в Англии, в сорок четвертом. У него уже была награда от британского

короля. Кнют участвовал в диверсии на Рьюканском заводе тяжелой воды, был радистом группы. Когда мы познакомились, он только что вернулся из Норвегии, с задания. В Осло он укрывался в женской клинике, свою радиостанцию прятал в дымоходе. Гестаповцы запеленговали его, все здание окружили солдаты, против каждой двери поставили по пулемету. Сам начальник гестапо Фермер стоял на дворе и ждал, когда ему вынесут Кнюта. Но выносить пришлось его собственных людей. Стреляя из пистолета, Кнют пробился с чердака в подвал, а оттуда на задний двор и перескочил через каменную ограду, провожаемый градом пуль. Мы встретились в старинном английском замке, там был тайный центр, а его прислали туда, чтобы он наладил связь с тайными радиостанциями в оккупированной Норвегии, их в его сети было больше ста. А я окончил курсы парашютистов, и нас должны были сбросить вместе над Нурдмарком. Но тут русские вышли в район Киркенеса, и в Финмарк отправили из Шотландии норвежский отряд, чтобы установить связь с русской армией. И я вместо Нурдмарка попал туда. Там я и встретил Торстейна. Полярная зима была в разгаре, круглые сутки тьма и северное сияние на черном небе, мороз пробирал сквозь все овчины. Наконец мы добрались до пепелищ в Финмарке, и тут с гор к нам спускается веселый лохматый русоволосый парень с голубыми глазами — Торстейн Робю. Он бежал от оккупантов в Англию, кончил там курсы, потом его забросили в Норвегию, в район Трумсе. И он засел в тайнике с маленьким передатчиком, по соседству с немецким линкором «Тирпиц», десять месяцев ежедневно сообщал в Англию обо всем, что делалось на корабле. Пользовался приемной антенной одного немецкого офицера, подключался к ней по ночам. Так он и наводил английские бомбардировщики, которые в конце концов добились «Тирпица». А Торстейн ушел в Швецию, откуда снова попал в Англию. Теперь его сбросили с радиостанцией в немецком тылу в Финмарке. Когда немцы отступили, он оказался в нашем тылу и вылез из тайника, чтобы помочь нам своей малюткой:

наша станция не дошла, нарвалась на мину. Могу поклясться, что и Кнюту и Торстейну осточертело сидеть дома, они с удовольствием прогуляются на плоту.

— Напиши, спроси их, — предложил Герман.

Я сочинил коротенькое письмецо Эрику, Кнюту и Торстейну. В нем говорилось без всяких околичностей: «Собираюсь пройти на плоту через Тихий океан, чтобы подтвердить теорию о заселении полинезийских островов из Перу. Поедете со мной? Обещаю только бесплатный проезд до Перу и Южных морей и обратно, а также что в пути вы найдете хорошее применение своим специальным знаниям. Отвечайте немедленно».

От Торстейна тотчас пришла телеграмма: «Еду. *Торстейн*».

Остальные двое тоже согласились.

На шестое место претендовал то один, то другой кандидат, но всякий раз возникала какая-нибудь помеха. Тем временем мы с Германом занялись провиантом. Мы вовсе не собирались жевать в пути жесткое мясо старой ламы или сушеные клубни кумары, ведь мы выходили в море не затем, чтобы доказать, что сами происходим от индейцев. Наша цель — испытать добротность и мореходные качества инкского плота, его грузоподъемность и направление дрейфа, убедиться, могут ли стихии переправлять его и всю команду без потерь через океан в Полинезию. Конечно, наши древние предшественники могли обойтись сушеным мясом, вяленой рыбой и сушеным картофелем — это была их обычная повседневная пища. К тому же мы собирались проверить: может быть, они в пути ловили рыбу и запасали дождевую воду. А для нашего собственного меню я выбрал скромные армейские пайки, знакомые нам по военному времени.

Как раз в эти дни на должность помощника норвежского военного атташе в Вашингтоне прибыл новый человек. В свое время он командовал в Финмарке ротой, а я был его заместителем. Настоящий сгусток энергии, пламенная душа, Бьерн Рерхолт больше всего на свете любил бороться с препятствиями. Он был из тех людей, которые

просто теряются, если, одолев одну проблему, не оказываются тотчас перед новой.

Я написал ему о наших делах и попросил его мобилизовать свой нюх, чтобы связаться с интендантским управлением американской армии. Может быть, их лаборатории разрабатывают новые армейские пайки, которые мы можем испытать на тех же условиях, что снаряжение из лаборатории ВВС.

Два дня спустя Бьерн позвонил мне по междугородному телефону из Вашингтона. Он обращался в отдел внешних сношений военного департамента США, там хотят узнать, что мы затеваем.

С первым же поездом мы с Германом отправились в Вашингтон.

Мы застали Бьерна в его кабинете при военной миссии.

— Думаю, все будет в порядке, — сказал он. — Завтра нас примут в отделе внешних сношений, надо только заручиться подходящим письмом от полковника.

Полковник был не кто иной, как Отто Мюнте-Кос, норвежский военный атташе. Он встретил нас дружелюбно и, когда узнал, в чем дело, охотно согласился написать письмо.

А когда мы на следующий день утром зашли за письмом, он вдруг поднялся со стула и сказал, что, пожалуй, будет лучше, если он сам поедет с нами. На машине полковника мы отправились к Пентагону, где разместился военный департамент. Впереди сидели полковник и Бьерн при всех своих регалиях, позади — мы с Германом. Через ветровое стекло мы издали увидели громадное — самое большое в мире — здание Пентагона. В этом доме-гиганте с его тридцатью тысячами служащих и двадцатью пятью километрами коридоров состоится наша «морская конференция» с военным начальством... Я ущипнул сам себя за нос. Никогда, ни до, ни после этого, наш плотик не казался нам с Германом таким ничтожным.

После бесконечных скитаний по коридорам и коридорчикам мы очутились у отдела внешних сношений. И

вот уже мы сидим у роскошного стола красного дерева, рядом с блестящими офицерами; председательствовал сам начальник отдела.

Суровый коренастый офицер из Уэстпойнта, сидящий во главе стола, долго не мог понять, что связывает военный департамент США и наш плот. Но убедительная речь нашего полковника и то, что мы благополучно выдержали ураган вопросов, которые посыпались на нас со всех сторон, сделали свое дело. Он с интересом прочитал письмо из интендантской службы ВВС, потом встал, приказал своему штабу помочь нам через соответствующие каналы, пожелал нам удачи и, чеканя шаг, вышел из конференц-зала. Когда дверь за ним закрылась, молодой штабс-капитан прошептал мне на ухо:

— Бьюсь об заклад, вы получите все, что просите. Это же смахивает на небольшую военную операцию, а у нас тут, как война кончилась, сплошная канцелярия, рутина. И будет отличный случай основательно испытать снаряжение.

Отдел внешних сношений тут же договорился, что нас примет полковник Льюис из экспериментальной лаборатории генерал-квартирмейстера. Нас с Германом отвезли туда на машине.

Полковник Льюис был добродушным великаном с осанкой спортсмена. Он тотчас вызвал руководителей отделов. Они все отнеслись к нам радушно и сразу предложили нам для проверки множество всякого снаряжения. Действительность превзошла наши самые смелые ожидания, они перечисляли все на свете: от армейских рационов и крема против загара до водонепроницаемых спальных мешков. Затем нас провели осматривать образцы. Мы пробовали спецрационы в хитроумных упаковках, испытывали спички, которые не боялись воды, смотрели новые примусы и водяные баки, резиновые спальные мешки и особую обувь, посуду, нетонущие ножи — словом, все, что может пожелать себе такая экспедиция.

Я глянул на Германа. У него было лицо исполненного надежд примерного мальчика, который пришел в кондитерскую с богатой теткой. Высокий полковник шел впе-

реди и объяснял, а его подчиненные записывали, что нам нужно и сколько. Я уже считал, что бой выигран, и только мечтал поскорее вернуться в гостиницу, чтобы принять горизонтальное положение и в тиши поразмыслить обо всем. И вдруг я услышал голос приветливого полковника:

— Ну что ж, теперь пошли к боссу, он решит, давать ли вам все это.

У меня душа ушла в пятки. Выходит, начинай все сначала! И один Бог ведает, что за тип этот «босс»...

За письменным столом сидел офицер небольшого роста, весьма строгий на вид. Он пристально поглядывал на нас своими голубыми глазами. Предложил сесть.

— Well, что угодно этим господам? — резко спросил он полковника Льюиса, глядя мне прямо в глаза.

— Да так, разные мелочи, — поспешил заверить Льюис и изложил вкратце цель нашего посещения.

Шеф сидел словно каменный.

— Что же мы получим взамен? — бесстрастно осведомился он, выслушав все до конца.

— Well, — мягко ответил Льюис, — мы надеемся, что экспедиция представит нам подробный отчет, как проявили себя снаряжение и провиант в трудных условиях.

Строгий офицер, по-прежнему не сводя с меня холодных глаз, медленно откинулся назад на стуле. У меня сердце оборвалось, когда он сухо произнес:

— Я так и не вижу, что они могут дать нам взамен.

В кабинете стало тихо; полковник Льюис поправил воротничок, мы оба молчали.

— Но, — добавил вдруг шеф с ударением, и в его глазах мелькнул огонек, — смелость и пытливость тоже чего-нибудь да стоят. Полковник Льюис, выдайте им то, что они просят!

Возвращаясь на такси в гостиницу, я был как хмельной. Неожиданно Герман тихо рассмеялся.

— Ты что — спятил? — испугался я.

— Нет, — соврал он не моргнув, — просто я только что подсчитал, что в наш провиант входят шестьсот восемьдесят четыре банки ананасов — мое самое любимое блюдо!

Чтобы собрать в одной точке побережья Перу шесть человек и один плот с грузом, нужно выполнить тысячу и одну задачу, притом по возможности одновременно. А у нас было в запасе всего три месяца и ни одной волшебной лампы Аладдина.

Заручившись письмом в отделе внешних сношений, мы вылетели в Нью-Йорк, чтобы там встретиться с профессором Колумбийского университета Бере, который возглавлял комитет географических исследований военного департамента. Он нажал на нужные кнопки, и постепенно Герман получил все необходимые ему для научных опытов приборы и аппараты.

Затем мы вернулись в Вашингтон, чтобы повидать адмирала Гловера в Гидрографическом институте военно-морских сил. Старый добродушный морской лев вызвал всех своих офицеров, представил им Германа и меня и указал на карту Тихого океана на стене:

— Эти молодые люди задумали исправить наши карты морских течений. Помогите им!

Колеса продолжали вертеться — английский полковник Ламсден созвал конференцию в британской военной миссии, чтобы обсудить, какие трудности нас ждут и каковы шансы на благополучный исход. Мы получили бездну советов и кое-какое английское военное снаряжение, доставленное самолетом из Англии. Начальник британской санитарной службы рьяно пропагандировал таинственный антиакулин. Достаточно бросить в воду несколько щепоток этого порошка, уверял он, и самая назойливая акула мигом улетучится.

— Сэр, — торжественно поинтересовался я, — мы можем твердо положиться на этот порошок?

— Well, — улыбаясь, ответил англичанин, — это-то как раз мы и хотим выяснить!

Когда времени в обрез и приходится не ездить, а летать и не ходить, а ездить, бумажник тощает на глазах. Сдав в кассу мой билет в Норвегию и истратив полученные за него деньги, мы отправились за помощью к нашим казначеям в Нью-Йорк. Но здесь нас подстерегали не-

приятные неожиданности. Главный казначей лежал с температурой, а его коллеги были бессильны что-либо предпринять без него. Соглашение оставалось в силе, но сейчас они ничего не могли сделать. И попросили нас отложить все дело. Тщетная просьба: машина уже на ходу, теперь ее нельзя остановить. Тут только не отставай; о том, чтобы притормозить, не может быть и речи. Делать нечего, партнеры согласились распустить нашу коалицию и развязать нам руки, чтобы мы могли действовать быстро и самостоятельно.

И вот мы стоим на улице, в карманах пусто...

— Декабрь, январь, февраль, — подсчитал Герман.

— От силы еще март, — продолжал я, — потом надо отчаливать!

Все представлялось нам туманным, одно было ясно: у нас серьезная экспедиция, мы не собираемся уподобляться трюкачам, которые спускаются в бочке по Ниагаре или семнадцать суток сидят на верхушке флагштока.

— Никакой рекламной помощи от фабрикантов жевательной резинки или кока-колы, — сказал Герман.

Я был с ним полностью согласен.

Норвежские кроны мы могли достать. Но они нас не выручали по эту сторону Атлантики. Можно обратиться в какой-нибудь фонд, но кто пожелает связывать свое имя с сомнительной теорией? Очень скоро мы убедились, что ни пресса, ни частные благотворители не решаются вкладывать свои деньги в предприятие, которое и они сами, и страховые общества считали чистым самоубийством. Вот если мы в целости вернемся обратно, тогда другое дело.

Все выглядело очень мрачно, шли дни, а мы не видели выхода. И тут снова на сцену выступил полковник Мюнте-Кос.

— Что, ребята, трудно приходится? — сказал он. — Вот вам чек для начала. Рассчитаемся, когда вернетесь из Полинезии.

Полковник вовлек в это дело других, и этого частного займа оказалось достаточно, чтобы мы могли обойтись

без помощи всяких коммерсантов. Можно было вылетать в Южную Америку и начинать строить плот.

Древние перуанские плоты вязали из бальсовых бревен: сухая бальса легче пробки. В самом Перу она растет только за Андами, поэтому инкские мореплаватели отправлялись за бальсой вдоль побережья в Эквадор и срубали огромные деревья чуть ли не на самом берегу. Мы собирались поступить точно так же.

Современный путешественник сталкивается с совсем другими трудностями, чем инки. Конечно, у нас есть автомобили, самолеты, бюро путешествий, но зато теперь появились государственные границы и вышибалы в мундирах, которые подвергают сомнению вашу личность, издеваются над вашим багажом и топят вас в анкетах — если только вам вообще посчастливится быть впущенным в страну. Боясь этих вышибал, мы просто не смели явиться с полными ящиками и чемоданами всяких странных предметов, поздороваться и на ломаном испанском языке вежливо спросить, нельзя ли нам въехать в страну, чтобы затем отправиться в море на плоту. Нас засадили бы за решетку.

— Нет, — заключил Герман. — Без официального письма ни шагу.

Один из наших друзей, член распавшегося триумвирата, был корреспондентом при ООН. Он отвез нас туда. Мы почувствовали себя очень маленькими, когда вошли в огромный зал заседаний, где представители всех наций, сидя бок о бок, в полной тишине слушали речь черноволосого русского, стоящего перед гигантской — во всю заднюю стену — картой мира.

В перерыве наш друг корреспондент ухитрился поймать одного из делегатов Перу, а затем и представителя Эквадора. Усевшись на мягком кожаном диване в фойе, они внимательно слушали наш рассказ, как мы задумали пересечь Тихий океан, чтобы подтвердить теорию, по которой представители древних культур из их стран первыми населили острова Южных морей. Они пообещали поставить в известность свои правительства и гарантировали

нам полное содействие в Южной Америке. Услышав, что пришли его соотечественники, к нам подошел Трюгве Ли. Кто-то предложил ему отправиться вместе с нами в плавание, но он предпочитал волны ооновской дискуссии. Заместитель генерального секретаря ООН доктор Бенхамн Коэн из Чили сам был известным археологом-любителем, и он снабдил меня письмом к президенту Перу, которого знал лично. Мы встретили также посла Норвегии в США Вильгельма Моргенстьерне, и с этой минуты он оказывал экспедиции неоценимую поддержку.

И вот наконец куплены два билета, и мы сидим в самолете, летящем в Южную Америку. Один за другим взревели четыре мощных мотора; мы откинулись, обессиленные, в своих креслах. До чего же легко было на душе при мысли о том, что первый этап позади, теперь перед нами открылся прямой путь в мир приключений.

Глава третья

В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ

Посадка у экватора. — Затруднения с бальсой. — На самолете в Кито. — Охотники за головами и «бандидос». — Через Анды на джипе. — Спуск в дебри. — Киведо. — Мы рубим бальсу. — Вниз по Паленке на плоту. — Заманчивая военная гавань. — В военно-морском министерстве в Лиме. — У президента Перу. — Появление Даниельссона. — Снова в Вашингтон. — Двенадцать килограммов писанины. — Боевое крещение Германа. — Мы строим плот на военной верфи. — Предостережения. — Перед стартом. — Крещение «Кон-Тику». — До свиданья, Южная Америка.

Самолет пересек экватор и пошел косо вниз сквозь молочно-белые облака, которые до тех пор простирались под нами, словно залитая солнцем снежная равнина. Густая мгла лепилась к окнам, потом она отстала и повисла вверху над нами плотной пеленой, а внизу мы увидели волнистую темно-зеленую поверхность тропического ле-

са. Мы углубились в воздушное пространство над южноамериканской республикой Эквадор и приземлились в портовом городе Гуаякиль.

Накинув на руку жилет, пиджак и ненужное здесь зимнее пальто, мы вышли из самолета и попали в парник к оживленно болтающим южанам в легких костюмах; тотчас рубаха прилипла к спине, словно мокрая бумага. Нас приняли в свои объятия таможенники и пограничники и чуть не на руках донесли до такси, которое отвезло нас в лучшую — и единственную приличную — гостиницу города. Здесь мы мигом добрались каждый до своей ванны и простерли свои тела под краном с холодной водой.

Итак, мы прибыли в страну, где растет бальса, теперь надо купить бревна для плотов.

Весь первый день мы изучали местную денежную систему и осваивали испанский язык, чтобы знать, как найти дорогу обратно в гостиницу.

На второй день мы стали уходить все дальше от ванной комнаты, и, когда Герман исполнил заветную мечту детства — потрогал настоящую пальму, а я превратился в ходячую миску с фруктовым салатом, мы решили, что пора идти и покупать бревна.

Увы, оказалось, что это легче сказать, чем сделать. Вообще-то бальсы было сколько угодно, но только не в бревнах, как это было нужно нам. Прошло то время, когда вдоль побережья росли бальсовые леса. Последняя война прикончила их, стволы валялись тысячами и увозили на авиазаводы, так как древесина бальсы на редкость легкая и пористая. Нам объяснили, что теперь большие деревья можно найти лишь в дремучих лесах в глубине страны.

— Ну что ж, отправимся туда и срубим их сами, — решили мы.

— Это невозможно, — последовал ответ властей. — Только что начался дождевой сезон, лесные дороги непроходимы: грязь, вода. Если вам непременно нужны бальсовые бревна, приезжайте в Эквадор через полгода, когда кончатся дожди и просохнут дороги.

В поисках выхода мы обратились за советом к бальсовому «королю», дону Густаво фон Бухвальду; Герман развернул перед ним чертеж нашего плота с указанием размеров. Маленький тощий «король» тут же взял телефонную трубку и велел своим агентам навести справки. Выяснилось, что на всех лесопилках можно найти планки, мелкие доски, отдельные колоды, но ни одного пригодного для нас бревна. На собственном складе дона Густаво лежали два сухих бревна, но на двух бревнах далеко не уплывешь. Нет, тут искать бесполезно.

— У меня есть брат, а у него — большая плантация бальсового дерева, — сказал нам дон Густаво. — Зовут его дон Федерико, он живет в Киведо — маленькой лесной деревушке в глубине страны. Он вам все достанет, как только кончатся дожди и мы с ним свяжемся. Сейчас это невозможно из-за ливней.

А что было невозможно для дона Густаво, то было невозможно и для всех остальных специалистов по бальсе в Эквадоре. Сидим в Гуаякиле, а бревен нет, и нельзя самим отправиться за ними в дебри раньше чем через несколько месяцев, когда все равно уже будет поздно.

— Время на исходе, — сказал Герман.

— И нам позарез нужна бальса, — откликнулся я. — Плот должен быть точной копией, иначе нельзя поручиться, что мы не погибнем в пути.

Небольшой школьный атлас, который мы раздобыли в гостинице, с зелеными лесами, коричневыми горами, красными кружками населенных пунктов, показывал, что лес тянется сплошным массивом от Тихого океана до подножия вздымающихся в заоблачную высь Анд. И тут меня осенило. Со стороны побережья проникнуть через лес в Киведо сейчас невозможно, а что, если попытаться счастья с другой стороны — спуститься прямо в лесную чащу по скалистым склонам Андского хребта? Других возможностей мы не видели.

На аэродроме нашелся небольшой транспортный самолет, его пилот согласился захватить нас с собой в Кито — столицу этой удивительной страны, лежащую в

горах на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. В просветах между ящиками и мебелью мы увидели, как внизу промелькнули и зеленая листва, и серебристые реки. Затем самолет вошел в тучу, а когда мы вынырнули из нее, равнина под нами была закрыта безбрежным морем клубящихся облаков, а впереди из этого моря прямо к яркому синему небу тянулись иссушенные солнцем склоны и голые скалы.

Самолет набирал высоту, словно шел вверх по невидимой канатной дороге. И хотя до экватора было рукой подать, мы вскоре поравнялись с белыми сверкающими снежинками. Потом самолет нырнул между горами вниз, мы прошли над сочной весенней зеленью высокогорного плато и приземлились около самой необычной столицы в мире.

Большинство из ста пятидесяти тысяч жителей Кито — горные индейцы, чистокровные и метисы. Кито был столицей их предков задолго до того, как Колумб и с ним вся Европа узнали о существовании Америки. Приезжему бросаются в глаза старинные монастыри с их бесценными сокровищами искусства и другие великолепные здания, которые со времен испанцев возвышаются над глинобитными индейскими лачугами. Между домами — лабиринт узких улочек, забитых индейцами в красных пончо и больших самодельных шляпах. Одни идут на рынок, подгоняя навьюченных осликов, другие дремлют на солнце, сидя вдоль стен. Притормаживая и непрерывно гудя, пробираются среди ребятишек, босоногих индейцев и осликов редкие автомашины, в которых сидят аристократы испанского происхождения. Воздух здесь, на высоте, до того чист и прозрачен, что горы кажутся частью самого города, придавая всему налет сказочности.

Наш друг с транспортного самолета, летчик Хорхе, по прозвищу Бешеный Пилот, принадлежал к одному из старинных испанских родов Кито. Он помог нам устроиться в уютной старомодной гостинице, после чего стал бегать — то с нами, то без нас, — разыскивая желающих отвезти нас через горы в лес, в Киведо. Вечером мы собрались в старом испанском кафе. Хорхе принес кучу

плохих новостей — лучше выбросить из головы всякую мысль о Киведо. Ни машин, ни провожатых, которые взяли бы перебросить нас через горы, не говоря уже о том, чтобы спуститься в лес, где хлещет дождь, а застрянешь в грязи — берегись нападения. Еще и года не прошло, как был убит отравленными стрелами отряд американских инженеров-нефтяников, десять человек. Леса на востоке кишат индейцами, которые бродят нагишом, вооруженные ядовитыми стрелами.

— Есть даже охотники за головами, — зловеще добавил Хорхе, видя, что Герман как ни в чем не бывало уписывает бифштекс и наливает себе еще вина. — Думаете, я преувеличиваю? — продолжал он все так же зловеще. — Сколько ни запрещай, до сих пор есть в стране люди, которые живут тем, что перепродают высушенные человеческие головы. За всеми не уследишь, вот и случается, что лесные индейцы отрезают головы своим врагам из других племен. Они дробят и удаляют черепную кость, а кожу наполняют раскаленным песком, она от этого сжимается, и голова делается меньше кошачьей, но все черты лица остаются. Когда-то высушенные головы врагов были ценным трофеем, теперь это дорогой контрабандный товар. Посредники из метисов сбывают головы скупщикам на побережье, а те за бешеные деньги продают их туристам.

Хорхе важно поглядел на нас. Если бы он знал, что нас с Германом еще днем зазвали в подворотню и предложили нам две головы по тысяче сукре за штуку! В наши дни часто попадаются подделки, но это были настоящие головы чистокровных индейцев, каждая черточка сохранена. Голова мужчины и голова женщины, величиной с апельсин. Женщина казалась даже красивой, хотя неизменными остались только ресницы и длинные черные волосы. Мне стало жутко от одного воспоминания, но вслух я усомнился, чтобы нам могли встретиться охотники за головами к западу от гор.

— Кто знает, — мрачно возразил Хорхе, — что ты скажешь, если твой друг исчезнет и его голова поступит в продажу в уменьшенном виде? Так случилось с одним моим другом, — добавил он, строго глядя на меня.

— Расскажи, — сказал Герман, уже без прежнего удовольствия жуя свой бифштекс.

Я бережно отложил в сторону вилку, и Хорхе начал свой рассказ. Одно время он жил с женой в лесном поселке, промывал золото и скупал добычу других старателей. У него появился друг из индейцев, который частенько приносил золото в обмен на разные товары. Потом друга убили в лесу. Хорхе разыскал убийцу и пригрозил застрелить его. А убийца был одним из тех, кого подозревали в торговле высушенными головами, и Хорхе сказал, что сохранит ему жизнь, если тот немедленно отдаст голову убитого. И тут же получил ее — она была величиной с кулак. Хорхе, как увидел своего друга, даже растрогался: он ничуть не изменился, только стал совсем маленьким. Хорхе отнес голову домой жене. Она упала в обморок, и пришлось друга спрятать в чемодан. Но в лесу такая сырость, что голова стала плесневеть, и Хорхе вынужден был достать ее и сушить на солнце. Подвесит ее за волосы на бельевой веревке, жена увидит — и в обморок. Но как-то раз в чемодан пробралась мышь и изуродовала друга. Хорхе страшно расстроился и решил со всеми почестями похоронить голову друга в ямке на аэродроме. Как-никак человек, заключил Хорхе.

— Спасибо, я наелся, — произнес я.

Когда мы шли домой сквозь ночной сумрак, мне вдруг стало не по себе: шляпа Германа опустилась ему на самые уши... Да нет, просто он натянул ее поглубже, защищая голову от горного ветра.

На следующий день мы сидели с нашим генеральным консулом Брюном и его женой под эвкалиптами в саду большой асиенды, которую они снимали за городом. Брюн считал, что вряд ли наши шляпы вдруг станут нам велики во время поездки в Киведо, но... Как раз в тех местах орудуют разбойники. Он показал газетные вырезки, в них сообщалось, что, как только кончатся дожди, в район Киведо будут посланы солдаты, чтобы ликвидировать обосновавшихся там «бандидос». Так что ехать туда сейчас — чистейшее безумие, и мы не найдем ни шофера,

ни машины. В разгар беседы мы заметили, как мимо промчался джип американского военного атташе. А что, если попробовать? Вместе с генеральным консулом мы отправились в американское посольство и попали к самому атташе. Это был стройный, подтянутый молодой человек в мундире защитного цвета и кавалерийских сапогах. Он с улыбкой спросил нас, как это мы очутились в Андах, когда местные газеты утверждают, что мы задумали идти на плоту через океан.

Мы объяснили ему, что бревна еще стоят в киведском лесу, а мы сидим на крыше континента и не можем до них добраться. И у нас к нему просьба одолжить нам либо: а) самолет с двумя парашютами, либо: б) джип с шофером, хорошо знающим местность.

Наша дерзость настолько ошеломила атташе, что в первый миг он онемел. Потом безнадежно покачал головой, улыбнулся и сказал: ол-райт, поскольку третьего выхода нет, он предпочитает второй!

Утром, в четверть шестого, еще до рассвета, к подъезду гостиницы подкатил джип, из которого выскочил эквадорец в чине инженер-капитана и доложил, что прибыл в наше распоряжение. Грязь не грязь, ему приказано доставить нас в Киведо. Джип был набит канистрами с бензином, ведь на нашем пути не то что бензоколонки, вообще следов автомобиля не увидишь. Памятуя сообщения о «бандидос», наш новый друг, капитан Агурто Алексис Альварес, вооружился до зубов кинжалами и пистолетами. Мы-то прибыли в Эквадор как мирные путешественники, рассчитывая купить бревна в первом попавшемся приморском городе, и все наше дорожное имущество состояло из мешка с консервами, если не считать приобретенного в последнюю минуту старого фотоаппарата и прочнейших армейских брюк, по паре на брата. Да еще генеральный консул навязал нам свой огромный парабеллум с таким запасом пуль, чтобы мы могли скосить всех врагов на нашем пути.

В призрачном свете луны джип пронесся по пустынным проулкам между белыми глинобитными стенами,

выскочил за город и по хорошей песчаной дороге с головокругительной скоростью помчался на юг.

Дорога была хорошей вплоть до города Латакунга, где индейские домики с глухими стенами обступили белую церковь с пальмами у входа. Здесь мы повернули на запад по выючной тропе, петляющей по горам и долинам Андского хребта, и попали в мир, какого раньше даже не представляли себе, — мир горных индейцев, тридевятое царство, тридесятое государство, страна вне времени и пространства. На всем пути нам не попалось ни одной тележки, ни одного колеса. Босые пастухи в ярких пончо гнали стада грациозных, важных и пугливых лам; иногда встречалась направляющаяся куда-то семья. Глава семьи — впереди, верхом на муле, а шупленькая жена трусит следом и несет на голове кучу шляп, на спине — младшего наследника да еще ухитряется на ходу прясть шерсть. За ней рысцой поспевают ослики и мулы, груженые хворостом, камышом, горшками.

Чем дальше, тем реже нам попадались индейцы, понимающие по-испански, и скоро языковые познания Агурто оказались столь же бесполезными, как и наши. В горах тут и там кучками стояли хижины; сперва преобладали глинобитные, потом пошли сложенные из связок сухой травы. Казалось, и эти лачуги, и их загорелые, морщинистые обитатели выросли прямо из пропеченной солнцем земли. Они были так же неотделимы от скал и лугов, как здешняя трава. Горные индейцы не могли похвастаться ни большим богатством, ни высоким ростом, зато обладали силой и выносливостью лесного зверя и открытой детской душой сынов природы, и незнание языков возмещалось улыбками. На кого ни посмотри — сияющее лицо, ослепительная улыбка. Вряд ли хоть один белый когда-либо разворачивал свой бизнес в этих краях. Ни одного рекламного щита, ни одного дорожного указателя, выбросишь на дороге жестяную банку или клочок бумаги — их тут же подберут: пригодится в хозяйстве!

Вверх по голым, выжженным склонам, вниз в пустынные долины, где только песок да кактус, потом опять кру-

то вверх до перевального гребня, где кругом лежал снег и дул такой леденящий ветер, что пришлось сбавить ход, чтобы не окоченеть. Сидя в одних рубашках, мы мечтали поскорее попасть в тропический лес. То и дело мы ехали прямо по осыпи и по кочкам, разыскивая следующий отрезок дороги. На западном склоне Анд, где горы круто спадают вниз к равнине, дорога была высечена в выветренной породе: узкий карниз — и пропасть. Оставалось только положиться на нашего друга Агурто, а он сонно навалился на руль и в самых опасных местах норовил проехать по краю. Вдруг в лицо нам дохнул мощный порыв ветра. Последний гребень, дальше — обрыв, за обрывом спуск до самого леса, перепад — четыре тысячи метров. Но нам не пришлось полюбоваться захватывающим видом на зеленое море листвы: едва мы перевалили через гребень, как нас окутали плотные облака, словно пар из адского котла клубился над равниной. Мы стремительно мчались вниз, под уклон, петляя по ущельям и отрогам, а воздух становился все более теплым и влажным и все сильнее насыщался тяжелым, одуряющим оранжерейным запахом тропического леса.

И вот начался дождь. Сначала мелкий и редкий, потом по джипу словно застучали барабанные палочки, а кругом по уступам побежали шоколадные ручьи. Мы не столько катили, сколько плыли под гору. Далеко позади остались сухие высокогорные плато, мы очутились в совсем другом мире, стволы, и камни, и глинистые косогоры здесь покрывал сочный зеленый ковер. Торчали большие листья, дальше это были уже огромные зеленые зонты, с которых струйками сбегала вода. А затем показались разведчики дебрей — деревья с влажной бахромой и длинными бородами мха, с мокрыми гирляндами лиан. Всюду булькало, всюду журчало. И как только склон стал более отлогим, целая армия зеленых великанов обступила малютку джип, ныряющий из лужи в лужу. Вот он, тропический лес! Здесь было душно, сыро, воздух пропитался запахом зелени.

Уже затемно мы увидели на бугре кучку хижин, крытых пальмовыми листьями. Мокрые насквозь, мы бросили

джип, чтобы ночь провести под крышей. Конечно, на нас набросились всякие кусачие твари, но они мигом захлебнулись под дождем на следующий день. Нагрузив джип бананами и другими южными фруктами, мы углубились в дэбри. Спуск продолжался, хотя нам казалось, что мы уже давно достигли дна зеленой пучины. И грязь все гуще, но это нас не смущало, а разбойники не показывались.

Только когда дорогу преградил прорывающийся сквозь лес широкий мутный поток, джип спасовал. Нет пути ни налево, ни направо, прочно застряли. На расчистке по соседству стояла хижина, и несколько метисов растягивали леопардовую шкуру на стене, освещенной солнцем, а по бобам какао, разложенным на земле для сушки, бродили, греясь в солнечных лучах, куры и собаки. Когда на расчистку въехал наш джип, сразу началось оживление. Говорящие по-испански рассказали нам, что река называется Паленке, а Киведо лежит на другом берегу, совсем близко. Моста нет, а река быстрая и глубокая, но они вызвались переправить нас на плоту вместе с джилом.

Мы спустились на берег и увидели заветное творение. Суковатые бревна толщиной в руку или в ногу человека, связанные вместе лианами и бамбуковыми прутьями, составляли неказистый плот вдвое шире и длиннее нашего джипа. Подсунув под каждое колесо по доске и затаив дыхание, мы въехали на плот. И хотя большинство бревен ушло в мутную воду, они выдержали и нас, и джип, и еще вдобавок четырех полутолых перевозчиков, которые повели плот через реку, орудуя длинными шестами.

— Бальса? — в один голос спросили мы с Германом.

— Бальса, — кивнул один из парней и непочтительно пнул ногой бревно.

Течение быстро несло нас вниз, но парни знали свое дело, и мало-помалу плот пересек стремнину и вошел в заводь у противоположного берега. Так состоялась наша первая встреча с бальсовым деревом и наше первое путешествие на бальсовом плоту. Мы пришвартовались, джип сполз на сушу, и мы торжествуяще въехали в Киведо. Просмоленные деревянные домики в два ряда по бокам

узкой улочки — вот и вся деревня. На крышах из пальмовых листьев неподвижно сидели грифы.

Все жители побросали свои дела, из окон и дверей буквально посыпались люди — черные и коричневые, молодые и старые. Гудящий голосами поток захлестнул наш джип. На джипе, под джипом, вокруг джипа толпились киведцы. Мы судорожно вцепились в свое имущество, Агурто лихорадочно крутил руль, но тут лопнула шина, и джип упал на колени. Мы добрались до Киведо, оставалось только терпеть, пока схлынет волна приветствий.

Участок дона Федерико находился несколько ниже по реке. Когда мы — Агурто, Герман и я — по тропинке между манговыми деревьями въехали во двор его усадьбы, навстречу нам выбежал старый костлявый лесовод и его племянник Анхело, который поселился здесь в глуши вместе с дядей. Мы передали привет от дона Густаво, и вот уже джип стоит на дворе один под ливнем, а в бунгало дона Федерико идет пир горой. Над очагом поджаривались поросята и цыплята, и мы, окружив блюдо с горой фруктов, изложили, зачем приехали. Сквозь сетки на открытых окнах проникали теснимые тропическим ливнем волны теплого воздуха, напоенного благоуханием цветов и запахом глины.

Дон Федерико заметно оживился, даже словно помолодел. Бальсовые плоты — да он знает их с тех пор, как под стол пешком ходил. Пятьдесят лет назад, когда он жил на побережье, индейцы из Перу еще приходили в Гуаякиль по морю на больших плотях, привозили рыбу на продажу. В бамбуковой хижине посреди плота лежало до двух тонн вяленой рыбы; ехали с женами, детьми да еще везли собак и кур. Их плоты были связаны из огромных бревен, сейчас из-за дождя такие стволы будет трудно найти. Грязь, вода, до бальсовой плантации даже верхом не доберешься. Но дон Федерико сделает все, что в его силах. Может быть, в лесу вокруг бунгало найдутся дикорастущие деревья, ведь нам не так много и нужно.

Под вечер дождь на время утомонился, и мы вышли погулять под манговыми деревьями около дома. С ветвей

свисали всевозможные дикие орхидеи, собранные доном Федерико и посаженные в скорлупы кокосовых орехов. В отличие от культурных орхидей, эти редкостные растения чудесно пахли, и Герман наклонился над одним цветком, чтобы насладиться благоуханием. Вдруг из листвы над ним высунулось что-то длинное, тонкое, блестящее... Анхело молниеносно взмахнул плеткой, удар — и по земле покатила извивающаяся змея. В ту же секунду он прижал ее к земле раздвоенным суком и разбил ей голову.

— Mortal! — сказал Анхело и показал нам в пасти змеи два изогнутых ядовитых клыка: смертельно.

После этого нам всюду начали чудиться затаившиеся ядовитые змеи, и мы вернулись в дом, неся на палке безжизненно болтающийся трофей Анхело. Герман принялся снимать кожу с зеленого чудовища, а дон Федерико решил развлечь нас страшными историями о ядовитых змеях и гигантских удавах. Вдруг мы увидели на стене огромные силуэты двух скорпионов величиной с хорошего омара. Они сошлись в поединке и отчаянно размахивали клешнями, изогнув крючком хвост с ядовитым шипом и выжидая удобный миг, чтобы нанести смертельный удар. Зрелище было жуткое, и, только подвинув керосиновую лампу, мы поняли, что это тени двух самых обыкновенных скорпионов с палец длиной, которые вели смертный бой на краю комода.

— Пускай их, — рассмеялся дон Федерико. — Один прикончит другого, а уцелевший пусть живет, все меньше тараканов будет в доме. Не забывайте только на ночь как следует задергивать москитную сетку на кровати да по утрам встряхивайте одежду перед тем, как одеваться, и все будет в порядке. Меня сколько раз скорпионы кусали, а я еще жив, как видите.

Я спал хорошо, просыпаясь только, когда какая-нибудь ящерица или летучая мышь слишком уж шумно вошла в изголовье и мне чудились всякие страсти.

Утром мы встали пораньше, чтобы идти за бальсой.

— Встряхнем, что ли, — сказал Агурто, и в следующую минуту из рукава его рубахи на пол шлепнулся скорпион, который поспешил тут же юркнуть в щель.

Как только взошло солнце, дон Федерико разослал своих людей на конях искать подходящие деревья вдоль троп. Сам он повез на разведку нас с Германом, и вскоре мы вышли на известную ему одну прогалину, над которой возвышался старый великан толщиной около метра. Согласно полинезийскому обычаю, мы, прежде чем рубить дерево, окрестили его. Ему было присвоено имя Ку, в честь полинезийского божества американского происхождения. После этого я взмахнул топором и изо всей силы ударил им по стволу, так что по лесу раскатилось эхо. Но рубить сырое бальсовое дерево — все равно что стучать тупым колуном по пробке: топор отскакивал, и Герману очень скоро пришлось сменить меня. Топор переходил из рук в руки, летели щепки, струился пот...

Когда утро перешло в день, Ку напоминал петуха, стоящего на одной ноге, и вздрагивал при каждом ударе. Затем он покачнулся и с тяжелым грохотом рухнул на землю, обламывая мощные сучья и тощие деревца. Очистив ствол от ветвей, мы принялись снимать кору на индейский лад, зигзагами. Вдруг Герман уронил топор и, схватившись рукой за ногу, высоко подпрыгнул, словно исполнял воинственный полинезийский танец. А из штанины вывалился блестящий муравей величиной со скорпиона и с длинным жалом в конце брюшка. Мы с трудом раздавили его каблуками, такой плотный панцирь покрывал все тело муравья.

— Конго, — сочувственно объяснил дон Федерико. — Эта тварь похуже скорпиона, но смертельной опасности для сильного, здорового человека не представляет.

Несколько дней Герман не мог согнуть распухшую ногу, но это не мешало ему вместе с нами скакать верхом по лесным тропам и разыскивать могучие деревья. Время от времени в дебрях раздавался гул и треск и глухой удар. Дон Федерико удовлетворенно кивал: метисы повалили очередного великана. За неделю к Ку присоединились Кане, Кама, Ило, Маури, Ра, Ранги, Папа, Таранга, Кура, Кукара и Хити — в общей сложности двенадцать мощных стволов, названных в честь героев полинезийских преданий, чьи имена Тики принес на острова Перу. Потом лошади пово-

локли блестящие от проступившего сока бревна через лес. На последнем участке трактор дона Федерико сменил лошадей и подтащил стволы к самой реке возле бунгало.

Сырые бревна отнюдь не были легкими как пробка, каждое весило не меньше тонны, и мы волновались: как они будут держаться на воде? Одно за другим бревна выкатывали на край берегового откоса, где конец ствола захватывали толстой веревкой из лианы, чтобы его не унесло течением. Затем мы сталкивали бревна вниз, и они шлепались в реку так, что только брызги летели. Покружатся немного и лягут ровно, высовываясь из воды на половину диаметра. И можно спокойно ходить по ним — не шелохнутся. Из крепких лиан, которые свисали с деревьев, мы сделали канаты и связали бревна в два временных плота так, чтобы один буксировал другой. Погрузили на плоты запас бамбука и лиан впрок и разместились сами: мы с Германом и двое метисов непонятного происхождения, объяснявшиеся на неведомом языке.

Обрублены чалки, нас подхватило течением и понесло вниз по реке. Последнее, что мы видели сквозь завесу дождя, огибая первый мысок, были наши славные друзья,

они стояли на самом берегу пониже бунгало и махали нам вслед. Мы забрались под навес из банановых листьев, а навигацией занимались два смуглых эксперта: один — на носу, другой — на корме, каждый со своим огромным веслом. Они легко вели плот по самой стремнине, которая извивалась между затонувшими деревьями и песчаными отмелями.

Лес выстроился вдоль обоих берегов непроницаемой стеной. Из густой листвы вылетали попугаи и другие ярко расцвеченные птицы. Раза два с берега в мутную воду нырнули аллигаторы. А вскоре мы увидели еще более примечательное чудовище. На морской глине распласталась игуана — огромная ящерица величиной с крокодила, но с большим горловым мешком и высоким гребнем вдоль спины и хвоста. Она лежала совсем неподвижно, словно уснула в доисторические времена, да так с тех пор и не просыпалась. Наши рулевые сделали знак, чтобы мы не стреляли. Вслед за тем мы увидели на висящем над рекой суку еще одну ящерицу, с метр длиной. Она отбежала на безопасное расстояние и легла, провожая нас холодными змеиными глазами, лоснящаяся, сине-зеленая. Еще немного погодя мы прошли мимо поросшего папоротником бугра, на макушке которого отдыхала особенно крупная игуана. На фоне неба четко вырисовывалась неподвижная приподнятая голова — ни дать ни взять высеченный в камне китайский дракон. Мы обогнули бугор, а игуана, что называется, даже бровью не повела.

Ниже по реке мы почуяли запах дыма и на вырубках вдоль берега увидели крытые соломой хижины. Нас пристально разглядывали какие-то типы, загадочная помесь индейцев, негров и испанцев. На берегу лежали их лодки-долбленки.

Когда наступало время перекусить, мы сменяли своих друзей у руля, чтобы они могли испечь рыбу и хлебные плоды над небольшим очагом, который мы обложили мокрой глиной. Жареные цыплята, яйца, фрукты тоже входили в наше меню. Река обеспечивала бесплатный транспорт нам и нашим бревнам. Что из того, что кругом

слякоть и грязь! Чем больше дождя, чем сильнее наводнение, тем быстрее течение.

Когда стемнело, на берегах начался оглушительный концерт. Лягушки и жабы, цикады, сверчки и москиты квакали, пищали, стрекотали неумолкающим многоголым хором. Время от времени мрак прорезал вой дикой кошки, а вот это крик птиц, вспугнутых ночным разбойником. Иногда мелькало пламя очага в хижине туземца, и нам вдогонку летели голоса и собачий лай. И опять мы сидим под звездами наедине с лесным оркестром. В конце концов усталость и дождь загоняли нас в нашу каюту, и мы засыпали, держа пистолеты наготове.

Чем дальше, тем чаще попадались хижины и плантации. Потом пошли целые деревни. Местные жители ходили на долбленках, отталкиваясь длинными шестами; кое-где нам встречались небольшие бальсовые плоты, груженные зелеными бананами.

Река Гуаяс многоводнее Паленке, и от лежащего в их слиянии Винчеса до самого Гуаякиля ходил колесный пароход. Чтобы сберечь драгоценное время, мы с Германом заняли каждый свою подвесную койку на пароходе и двинулись к морю через густонаселенный равнинный край. Наши смуглые друзья пригонят бревна сами.

В Гуаякиле мы с Германом временно простились. Он остался ждать бревна в устье Гуаяс. Отсюда он перебросит их на пароходе вдоль побережья в Перу и возглавит постройку плота, который будет копией древних индейских плотов. А я вылетел рейсовым самолетом на юг, в Лиму, столицу Перу, чтобы подыскать место для нашей верфи.

Самолет взмыл в небо над берегом Тихого океана. Слева — пустынные горы Перу, внизу и справа — переливающийся бликами могучий океан. Здесь мы пойдем на плоту... Сверху океан казался бесконечным. Небо и вода сливались вместе далеко на западе, где чуть заметной линией был намечен горизонт. А ведь там, за этой равниной, еще сотни таких равнин, одну пятую земной окружности надо пройти, прежде чем снова появится суша — острова Полинезии. Я попробовал мысленно перенестись

на несколько недель вперед, когда среди этой безбрежной синевы внизу появится наша скорлупка... нет, лучше думать о другом, а то уж очень неприятно щекочет под ложечкой, совсем как перед прыжком с парашютом.

Выйдя с аэродрома в Лиме, я сел в трамвай и поехал в порт Кальяо. Здесь я быстро убедился, что все забито судами, кранами и пакгаузами, не говоря уже о таможене, управлении порта и прочих зданиях. А если где-нибудь с краю и остался незанятый клочок суши, там кишели любопытные купальщики, которые в два счета растащили бы наш плот вместе со всем снаряжением. Нынешний Кальяо — главный порт страны с семимиллионным населением. Словом, в Перу обстановка для плотостроителей осложнилась еще больше, чем в Эквадоре. Я видел только один выход: проникнуть за высоченные бетонные стены военной верфи, за эти железные ворота с вооруженной охраной, которая грозно и подозрительно смотрела на меня и прочих посторонних, слоняющихся в порту. Попасть бы туда, в эту надежную гавань...

В Вашингтоне я познакомился с перуанским военно-морским атташе, и у меня было от него письмо. С этим письмом я на следующий день пришел в военно-морское министерство и попросил аудиенции у министра Мануэля Нието. Меня провели в роскошный, сверкающий зеркалами и позолотой зал. Вскоре туда явился и сам министр, коренастый, подтянутый офицер с осанкой Наполеона. Министр говорил четко и без околичностей. Что мне угодно? Я попросил разрешения построить плот на военной верфи.

— Молодой человек, — сказал министр, барабана пальцами по столу, — вместо двери вы вошли в окно. Я охотно помогу вам, но мне нужно распоряжение министра иностранных дел. Я не могу так запросто пускать иностранцев на военный объект, да еще чтобы вы работали на верфи. Пишите в министерство иностранных дел, и желаю удачи!

Я с содроганием представил себе теряющийся вдали поток входящих и исходящих. Как не позавидовать прос-

тым и суровым нравам эпохи Кон-Тики, когда не существовало бумажных барьеров...

Попасть к министру иностранных дел — это будет сложнее. У Норвегии не было своей миссии в Перу, и наш предупредительный генеральный консул Бар мог свести меня только с советником министерства. Я боялся, что этого окажется недостаточно. Может быть, меня выручит письмо доктора Коэна президенту республики? Через канцелярию президента я попросил об аудиенции у его превосходительства дона Хосе Бустаменте-и-Риверо. Прошло несколько дней, и мне передали, чтобы я к двенадцати часам явился во дворец президента Перу.

В Лиме больше полумиллиона жителей, это вполне современный город, раскинувшийся на зеленой равнине у подножия пустынных гор. Архитектура города, а особенно сады и парки делают его одной из красивейших столиц мира, словно кусочек Ривьеры или Калифорнии с вкраплениями старинных испанских зданий. Дворец президента находится в центре города, его охраняет вооруженный караул в живописной форме. В Перу аудиенция — дело серьезное, и большинство видели президента только в кино. Солдаты в блестящих португезах провели меня вверх по лестнице и длинному коридору к столу, где трое дежурных в штатском зарегистрировали меня и впустили через громадную дубовую дверь в зал с длинным столом и множеством стульев. Здесь меня встретил человек, одетый во все белое, он предложил мне сесть и исчез. Тут же открылась большая дверь, и меня ввели в еще более великолепный зал. Навстречу мне шел какой-то важный деятель в роскошном мундире.

«Президент!» — решил я и вытянулся в струнку. Нет, я ошибся. Человек в раззолоченном мундире указал на старинный стул с прямой спинкой и скрылся. Я сел на самый кончик стула, но не прошло и минуты, как открылась следующая дверь, и слуга с поклоном пригласил меня в изысканный зал с позолотой на стенах и на мебели. Слуга тотчас улетучился, оставив меня в полном одиночестве. Я сидел на старинном диване и видел перед собой целую

анфиладу пустых залов. В полной тишине откуда-то издали донеслось осторожное покашливание. Затем послышались чеканные шаги, я вскочил и неуверенно приветствовал еще одного важного господина в военном. Но и это был не президент. Из того, что он сказал, я понял, что президент просил меня приветствовать, сейчас кончится заседание кабинета министров, и он освободится.

Десять минут спустя тишину опять нарушили чеканные шаги, и вошел человек с эполетами и золотыми шнурками. Я живо встал и отвесил глубокий поклон. Человек с эполетами поклонился еще ниже и повел меня через множество залов и вверх по лестнице с толстой ковровой дорожкой. В крохотной комнатке, где едва-едва уместились кожаный стул современного вида и диван, он оставил меня одного. Вошел коротенький человек в белом костюме, и я с тоской подумал: куда меня поведут теперь? Но он никуда меня не повел, а только приветливо поздоровался. Это был президент Бустаменте-и-Риверо.

Президент знал вдвое больше английских слов, чем я испанских, так что, когда мы поприветствовали друг друга и он жестом предложил мне сесть, наш общий словарный запас оказался исчерпанным. С помощью жестов и знаков можно многое выразить, но нельзя попросить разрешения работать на военной верфи Перу. Мне было ясно одно: президент меня не понимает. Да он и сам это чувствовал, потому что вскоре исчез и вернулся с министром авиации, генералом Армандо Ревередо. Министр был крепкий, спортивного вида мужчина в форме ВВС, с «крылышками» на груди. Он превосходно говорил по-английски с американским акцентом.

Я поспешил извиниться и уточнил, что мне нужен порт, а не аэропорт. Генерал, смеясь, объяснил, что его просили только быть переводчиком. Он терпеливо перевел мою теорию президенту, который слушал очень внимательно, время от времени задавая через Ревередо тонкие вопросы. Наконец он сказал:

— Если вопрос стоит так, что тихоокеанские острова были первоначально открыты выходцами из Перу, наша

страна тоже заинтересована в вашей экспедиции. Говорите, чем мы можем вам помочь.

Я попросил, чтобы нам отвели место для постройки плота на территории военной верфи, открыли доступ в военные мастерские, выделили складское помещение, не облагали пошлиной наше снаряжение, разрешили нам пользоваться сухим доком и помощью личного состава верфи и чтобы какое-нибудь судно отбуксировало готовый плот в открытое море.

— О чем он просит? — нетерпеливо спросил президент: я понял его даже без перевода.

— Пустяки, — коротко ответил Ревередо, и президент кивнул: согласен.

В заключение Ревередо обещал мне, что министр иностранных дел сегодня же получит личное предписание президента и военно-морской министр Нието сделает все, о чем мы просим.

— Боже, храни нас всех, — смеясь, сказал генерал, потом покачал головой.

Вошел адъютант и сопроводил меня до поджидавшего охранника.

В этот день газеты Лимы написали о том, что из Перу выйдет на плоту норвежская экспедиция. Одновременно сообщалось, что закончила работу шведско-финская научная экспедиция, которая изучала жизнь лесных индейцев в бассейне Амазонки. Два члена этой экспедиции поднялись на лодке вверх по реке до Перу и только что прибыли в Лиму. Один из них, Бенгт Даниельссон из Упсальского университета, собирался теперь заняться горными индейцами Перу.

Я вырезал эту заметку и сел писать Герману письмо о том, что есть участок; вдруг кто-то постучал. Вошел высокий загорелый мужчина в тропическом костюме. Рыжая борода словно язык пламени, и когда он снял белый шлем, то можно было подумать, что это пламя опалило у него почти все волосы на голове. Хотя гость пришел ко мне прямо из дебрей, сразу было видно, что его настоящее место — в читальном зале.

«Бенгт Даниельссон», — подумал я.

— Бенгт Даниельссон, — представился он.

«Видно, он слышал про нашу экспедицию», — решил я и предложил ему сесть.

— Я только что услышал, что вы задумали экспедицию на плоту, — сказал швед.

«И он, как этнолог, пришел, чтобы разгромить мою теорию», — догадался я.

— И я пришел, чтобы спросить, не возьмете ли вы меня с собой на плот, — мирно произнес он. — Меня интересует теория переселения.

Я знал о нем только, что он ученый и что он явился в Лиму из дремучего леса. Но если швед решился в одиночку идти на плоту с пятью норвежцами, значит, он не трус. К тому же даже густая борода не могла скрыть его покладистый и веселый нрав.

Шестое место было еще не занято, и Бенгт стал членом нашей команды. Кстати, он единственный из нас говорил по-испански.

Через два дня, сидя в самолете, летевшем вдоль побережья на север, я снова почтительно обозревал простершийся внизу безбрежный океан. Казалось, он парит в воздухе... Скоро наша шестерка — шесть микробов верхом на былинке — поплывет по этому скопищу воды, которая буквально переливается через край у горизонта. Мы будем жить в своем уединенном мире, и некуда деться друг от друга. Впрочем, пока что нам никак не тесно. Герман в Эквадоре, ждет бревен. Кнют Хаугланд и Торстейн Робю только что прилетели в Нью-Йорк. Эрик Хессельберг — на теплоходе, идущем из Осло в Панаму. Я лечу в Вашингтон, а Бенгт сидит в гостинице в Лиме, ждет остальных.

Никто из них не видел друг друга раньше, и нрав у всех совершенно разный. Значит, пройдет не одна неделя, прежде чем мы надоедим друг другу своими рассказами. Никакой шторм, никакой циклон не опасен так, как личные недоразумения, когда шесть человек на несколько месяцев заточены вместе на тесном пространстве плота. Тут добрая шутка порой равноценна спасательному поясу.

В Вашингтоне по-прежнему дул морозный ветер, стояли февральские холода. Бьерн договорился с американскими коротковолновиками, что они будут ловить сообщения с плота, и теперь Кнют и Торстейн полным ходом готовили аппаратуру. Кроме обычных коротковолновых передатчиков, нам удалось добыть специальные радиостанции того типа, на котором они работали в войну.

Чтобы выполнить все, что мы задумали, надо было основательно подготовиться, и наш архив рос не по дням, а по часам. Письма из военных и гражданских учреждений на белых, желтых и синих бланках на английском, испанском, французском и норвежском языках. В наш деловой век для похода на плоту надо истратить не меньше полпуда бумаги. Законы и постановления связывали нас по рукам и ногам, надо было распутывать один узел за другим.

— Бьюсь об заклад, что наша переписка потянет десять килограммов, — сказал однажды Кнют, тоскливо глядя на пишущую машинку.

— Двенадцать, — сухо ответил Торстейн. — Я уже взвесил ее.

Видно, моя мать хорошо представляла себе, как трудно давалась нам подготовка; недаром она писала: «...Теперь бы только знать, что вы все шестеро собрались вместе на плоту и все в порядке!»

А тут пришла телеграмма-«молния» из Лимы: Герман, купаясь, попал в прибой, и его ударило волной о берег. Сильные ушибы, вывихнута шея... Его положили в городскую больницу.

Торстейн Робю немедленно вылетел на юг вместе с Герд Волд; она в войну была лондонским секретарем известной в Норвегии диверсионной группы Линге, а теперь помогала нам в Вашингтоне. Они узнали, что Герман уже вне опасности. Но когда врачи вправляли шейный позвонок, ему пришлось полчаса висеть на ремне, который ему надели на голову. Рентген показал, что верхний шейный позвонок треснул и повернулся задом наперед. Только железное здоровье Германа спасло его. Весь в синяках, с негнушимися суставами и ноющими костями,

он при первой возможности вернулся на верфь и возглавил строительство плота. Врачи назначили ему длительное лечение; еще неизвестно, сможет ли он участвовать в плавании. Впрочем, сам он ни капли в этом не сомневался, хотя уже испытал на себе силу объятий Тихого океана.

Прилетел из Панамы Эрик, явились из Вашингтона мы с Кнютотом, и вот мы все в сборе на старте в Лиме.

На военной верфи у причала лежали наши великаны из Киведо. Для меня это было все равно что встретиться со старыми друзьями. Огромные бревна, желтый бамбук, прутья, зеленые банановые листья, а кругом — грозные, стального цвета миноносцы и подводные лодки. Шестеро светлокожих северян и двадцать смуглых военных моряков, в жилах которых текла инкская кровь, орудовали топорами и длинным ножами, тянули канаты и вязали узлы. Щеголеватые морские офицеры в синих с золотом мундирах подходили и с недоумением смотрели на этих бледных чужеземцев и странный строительный материал, вдруг очутившийся на военной верфи.

Впервые за много веков в бухте Кальяо строился бальсовый плот. Там, где, согласно преданию, люди Кон-Тики научили приморских индейцев водить такие плоты, представители нашей расы, согласно историческим источникам, запретили индейцам ходить на плотях. Дескать, опасно для жизни плавать на грубом, непрочном плоту. И потомки индейцев, верные духу времени, ходят в выгуженных брюках и матросках. Бамбук и бальса ушли в область преданий, их сменили броня и сталь.

Оборудованная по последнему слову техники военная верфь здорово выручила нас. Бенгт был переводчиком, Герман — прорабом. Работа спорилась. Нам помогали столярная и парусная мастерские, под наши материалы отвели половину пакгауза. Небольшой причал на понтонах, с которого мы опустили на воду бревна, был нашим главным рабочим местом.

Для основы плота выбрали девять бревен потолще, в них сделали глубокие зарубки для канатов, чтобы связать все вместе. Гвозди и проволока исключались. Отобран-

ные бревна спустили на воду рядом друг с другом: улягутся, как равновесие требует, тогда уже можно вязать плот. Самое длинное, четырнадцатиметровое, бревно лежало посередине, выдаваясь и спереди и сзади. По бокам следовали по росту все более короткие бревна, так что длина стороны равнялась десяти метрам, а нос выдавался вперед тупым углом. Сзади плот был срезан почти по прямой, только три средних бревна выступали, служили опорой для уложенной поперек широкой бальсовой колоды с уключинами для длинного рулевого весла. Скрепив основу концами пенькового каната толщиной в пять четвертых дюйма, мы сверху положили поперек девять бревен потоньше, с просветом примерно в один метр. Итак, самый плот был готов; на соединения пошло около трехсот концов каната, узлы были прочнейшие. Дальше мы настелили палубу из бамбуковых реек, связанных в секции, и накрыли их матами, которые сплели из прутьев бамбука. Посреди плота, чуть ближе к корме, выстроили небольшую хижину. К стоякам из толстого бамбука привязали плетеные бамбуковые стены, а крышу из бамбуковых реек застелили внакрой плотными банановыми листьями. Перед хижинной — двойная мачта из твердого как железо мангрового дерева; нижние концы ее упирались в палубу, а скрещенные верхушки были крепко связаны вместе. Сложили два ствола бамбука — получилась прочная рея, на которой укрепили прямой парус.

Впереди бревна основы срезали наискось, чтобы они лучше резали воду, а поверху вдоль носа укрепили бортик.

В широкие щели между бревнами мы просунули вертикально вниз на полтора метра пять дюймовых сосновых досок шириной в два фута, закрепив их клиньями и канатами. Доски были размещены беспорядочно и играли роль маленьких параллельных килей или швертов. Задолго до прихода европейцев инки оснащали свои плоты такими швертами против бокового сноса под напором ветра и волн. Мы не стали делать ни поручней, ни ограждений, лишь уложили вдоль бортов по бальсовому бревну.

Наш плот был точной копией древних перуанских и эквадорских плотов, мы добавили только бортик на носу,

и тот оказался совершенно излишним. Что до частных, то тут можно было руководствоваться своим вкусом, лишь бы это не влияло на мореходные качества плота. А частности могли в конечном счете приобрести очень важное значение, ведь плот долго будет, так сказать, всем нашим миром. И мы постарались возможно более разнообразно обставить нашу крохотную палубу.

Бамбуковый настил закрывал бревна не целиком, а только впереди хижины и вдоль ее правой, открытой стороны. За стеной слева было что-то вроде заднего двора, заставленного ящиками и всякой всячиной, так что можно было пройти лишь по самому краю. На носу и на корме пола не было. Идешь вокруг хижины с желтых бамбуковых матов на круглые серые бревна, потом шагаешь мимо штабеля ящиков. Вместе не так уж много шагов, но все-таки какое-то разнообразие, чтобы теснота не слишком угнетала душу. На самой верхушке мачты мы укрепили доску, не столько для того, чтобы с нее высматривать сушу, когда пересечем океан, сколько для того, чтобы можно было в пути вскарабкаться туда и поглядеть на море сверху.

Желтея бамбуком и зеленея банановыми листьями, среди военных судов вырос плот. И когда он был почти готов, к нам явился с инспекцией сам министр военно-морского флота. Мы очень гордились своим суденышком — этим маленьким посланием эпохи инков. Но министра это зрелище потрясло до глубины души. Меня вызвали в канцелярию министерства и предложили подписать документ, в котором ведомство снимало с себя всякую ответственность за то, что было сооружено нами на его верфи. Затем последовал вызов к капитану порта Кальяо, там я расписался в том, что если выйду из порта с людьми и грузом, то буду всецело отвечать за последствия.

Затем иностранным военно-морским экспертам и дипломатам разрешили посетить верфь, чтобы осмотреть плот. Они тоже не пришли в восторг, и через два дня я был приглашен к посланнику одной из великих держав.

— Ваши родители живы? — спросил он. Получив утвердительный ответ, он взглянул на меня в упор и глухо,

зловеще произнес: — Ваш отец и ваша мама очень тяжело воспримут весть о вашей гибели.

Как частное лицо, он посоветовал мне, пока не поздно, отказаться от моей затеи. Один адмирал, смотревший плот, сказал ему, что мы обречены на гибель. Во-первых, у плота неправильные размеры: он так мал, что первая же крутая волна опрокинет его, и вместе с тем настолько велик, что его может поднять сразу на двух гребнях, а тогда хрупкие бревна не выдержат груза и переломятся. Но больше всего посланник был озабочен словами виднейшего в стране эксперта бальсы, который заверил его, что пористые бревна не пройдут и четверти пути: они пропитаются водой и затонут вместе с нами.

Да, страшная перспектива, но я стоял на своем. Тогда посланник подарил мне на дорогу Библию.

Вообще от знатоков, посетивших наш плот, мы не услышали ничего утешительного. Первый же шторм или ураган смоеет нас и разобьет вдребезги наше открытое низенькое суденышко, которое окажется игрушкой ветра и волн. Даже самая маленькая волна промочит нас насквозь, морская вода разъест нам ноги и испортит наше снаряжение. Если собрать все, что знатоки считали роковым недостатком нашего плота, не оставалось ни одной детали, которая не угрожала бы погубить нас в океане. Все бились об заклад, сколько дней протянет наш плот, а один опрометчивый военно-морской атташе обязался на всю жизнь обеспечить нашу команду виски, если мы доберемся до любого из островов Полинезии.

Главное огорчение ожидало нас, когда в гавань пришло норвежское судно и нам разрешили провести на верфь капитана и еще нескольких выдавших виды морских волков. Нас очень волновало, что скажут практики. И как же мы разочаровались: они дружно заявили, что плот слишком тяжелый и неуклюжий, от паруса не будет никакого толка. Капитан сказал, что, если плот не пойдет ко дну, понадобится не меньше года, а то и двух, чтобы пересечь океан с течением Гумбольдта. Боцман осмотрел узлы и покачал головой: нам нечего бояться затяжного

путешествия, плот и двух недель не протянет, могучие бревна, колыхаясь вверх-вниз, перетрут все канаты. Если мы не перейдем на стальной трос и цепи, лучше сразу отказаться от экспедиции.

Словом, мрачных пророчеств хватало. Достаточно оправдаться одному из них, и нам конец. Кажется, в те дни я не раз спрашивал сам себя: понимаем ли мы, на что идем? Не обладая морским опытом, я не мог опровергнуть все эти предупреждения. Но у меня был в запасе важный козырь, на котором было основано все наше предприятие. Я был твердо убежден, что древняя культура распространилась из Перу на острова Тихого океана, когда единственным судном на этом побережье был плот. Отсюда я делал вывод: если у Кон-Тики в VI веке бальсовые бревна не тонули и узлы не рвались, то и нам нечего бояться, только надо точно повторить древний образец. Ребята хорошо изучили теорию, и вся наша компания преспокойно веселилась в Лиме, предоставив знатокам переживать и волноваться. Только один раз Торстейн озабоченно спросил, уверен ли я, что океанские течения идут туда, куда нам надо. Это было после того, как мы в кино увидели Дороти Лямур на чудесном тропическом острове, где она танцевала в соломенной юбочке среди пальм и местных девушек.

— Вот куда нам надо попасть! — сказал Торстейн. — Берегись, если течения тебя подведут!

Когда осталось совсем немного до отъезда, мы пошли в паспортный отдел министерства иностранных дел. Первым подошел наш переводчик Бенгт.

— Ваше имя? — спросил кроткий тщедушный чиновник, подозрительно поглядывая поверх очков на бороду Бенгта.

— Бенгт Эммерик Даниельссон, — последовал почтительный ответ.

Служащий поставил в машинку длинную анкету.

— С каким судном вы прибыли в Перу?

— Видите ли, — стал объяснять Бенгт, наклонясь над испуганным человечком, — я прибыл не с судном, я приехал в Перу на пироге.

Онемев от изумления, служащий воззрился на Бенгта и написал в анкете: «Пирога».

— С каким теплоходом вы покидаете Перу?

— Простите, — продолжал Бенгт вежливо, — я уезжаю не на теплоходе... я плыву на плоту.

— Ну знаете! — выкрикнул чиновник сердито, выдергивая бланк из машинки. — Будьте любезны отвечать на мои вопросы серьезно!..

За два дня до старта мы погрузили на плот провиант, воду и все наше снаряжение. Мы запасли продовольствия на четыре месяца — армейские пайки в небольших картонных коробочках. Герман придумал облить каждую коробку тонким слоем расплавленного асфальта. Чтобы они не склеились, мы обсыпали их песком, после чего плотно уложили под бамбуковой палубой между девятью поперечинами.

Пятьдесят шесть канистр общей вместимостью тысяча сто литров мы наполнили кристально чистой водой из высокогорного источника и также привязали между бревнами, где бы их постоянно омывала морская вода. Сверху на палубе укрепили снаряжение и большие плетеные корзины, доверху наполненные фруктами и кокосовыми орехами.

Внутри бамбуковой хижины один угол был отведен Кнюту и Торстейну для радиостанции. Между поперечинами мы поставили восемь деревянных ящиков. Два из них мы заняли научными приборами и киносъёмочной аппаратурой, а остальные шесть распределили по одному на члена команды, предупредив, что вместимостью ящика определяется, сколько личного имущества может взять с собой каждый. Уложив несколько рулонов рисовальной бумаги и гитару, Эрик был вынужден сунуть свои носки к Торстейну. Ящик Бенгта принесли четыре военных моряка. Его походное имущество составляли одни книги, зато он ухитрился уложить семьдесят три тома социологических и этнологических исследований. На ящики мы настелили плетеные маты и соломенные матрацы по числу участников: можно было отправляться в путь.

Сначала плот отбуксировали с верфи на простор, чтобы проверить, ровно ли распределен груз. Затем нас доставили к пристани яхт-клуба. Здесь накануне отплытия состоялось крещение плота с участием приглашенных лиц и прочих, кто пожелал прийти.

Двадцать седьмого апреля на плоту был поднят норвежский флаг; вдоль короткой реи над парусом развевались флаги всех наций, которые помогли нам организовать экспедицию. Набережная кишела людьми, многим захотелось посмотреть, как будут крестить столь необычное судно. Судя по чертам лица и цвету кожи, здесь было немало потомков тех, кто в давние времена ходил вдоль побережья на бальсовых плотах. Пришли и потомки первых испанцев во главе с представителями военно-морского ведомства, а также послы Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Китая, Аргентины, Кубы, экс-губернатор британских владений в Тихом океане, посланники Швеции, Бельгии и Голландии и наши друзья из норвежского землячества во главе с генеральным консулом Баром. Сновали журналисты, жужжали камерами кинооператоры, не хватало только духового оркестра. Одно было для нас ясно: если плот рассыплется, выйдя из бухты Кальяо, мы скорее погребем каждый на своем бревне в Полинезию, чем возвратимся сюда.

Герд Волд, секретарь экспедиции и ее уполномоченная на суше, должна была крестить плот молоком кокосового ореха — отчасти чтобы не нарушать колорит каменного века, отчасти же потому, что шампанское, по странному недоразумению, очутилось на дне личного сундучка Торстейна. По-английски и по-испански мы сообщили нашим друзьям, что плот будет назван в честь могущественного предшественника инков, короля-солнца, который полтора тысячелетия тому назад ушел из Перу через океан на запад, чтобы появиться затем в Полинезии. Герд Волд нарекла плот именем «Кон-Тики» и с такой силой стукнула заранее надрезанным кокосовым орехом по переднему бревну, что сок ореха обрызгал всех, кто почтительно окружил наше суденышко.

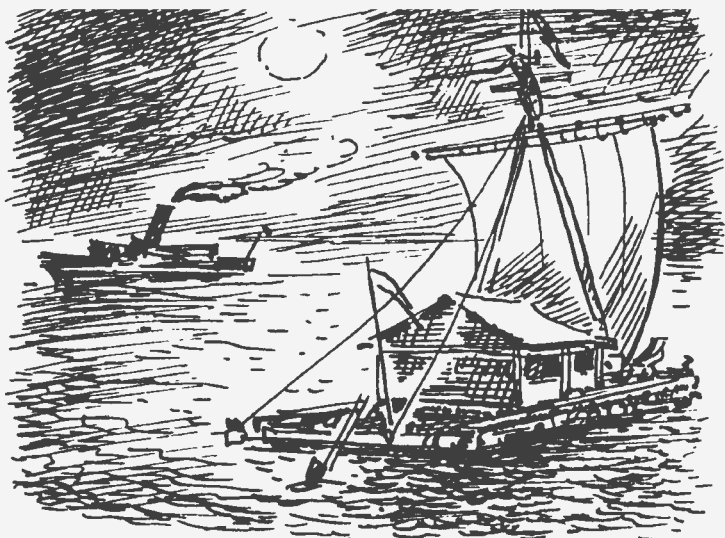
После этого мы подняли бамбуковую рею и расправили парус, в середине которого наш живописец Эрик намалевал красной краской голову Кон-Тики. Это была точная копия головы бога Солнца, которая высечена на красном камне, стоящем среди развалин города Тиауанако.

— А! Сеньор Даниельссон! — восхищенно воскликнул руководитель строителей, увидев на парусе бородатую физиономию.

Два месяца он величал Бенгта сеньором Кон-Тики, после того как мы показали ему рисунок головы древнего вождя. Теперь до него наконец дошло, что Бенгта зовут Даниельссон...

Перед отъездом команда получила прощальную аудиенцию у президента. Потом мы забрались высоко в горы, чтобы досыта наглядеться на скалы и утесы, прежде чем выходить в безбрежный океан. Пока шла работа, мы жили в пансионате в зеленом пригороде Лимы и каждый день ездили в порт Кальяо на машине военно-воздушного ведомства, которую Герд удалось взять напрокат вместе с персональным водителем. Вот мы и попросили шофера отвезти нас подальше в горы. По иссушенным солнцем склонам, мимо древних оросительных сооружений инков мы поднялись на четыре тысячи метров над верхушкой мачты «Кон-Тики». Здесь мы буквально пожирали глазами камни, утесы и зелень лугов, пытаясь пресытиться величественным зрелищем могучего отрога Анд. Мы внушали себе, что камень и суша нам осточертели, теперь нам не терпится поскорее узнать океан!

Глава четвертая

ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН. I

Драматический старт. — На буксире в море. — Долгожданный ветер. — Поединок с волнами. — Обитатели течения Гумбольдта. — Самолет не находит нас. — Бревна впитывают воду. — Дерево и канаты — кто кого? — Летящие рыбные блюда. — Необычный сосед в постели. — Рыба-змея садится не в свои сани. — Глаз в океане. — Морские призраки. — Встреча с величайшей рыбой в мире. — Погоня за морской черепахой.

Двадцать восьмого апреля, в день, когда «Кон-Тики» должны были отбуксовать в море, в порту Кальяо царил оживление. Министр Нието распорядился, чтобы буксир военно-морского ведомства «Гуардиан Риос» вывел нас из бухты за пределы области прибрежного судоходства, туда, где некогда индейцы ловили рыбу с плотов. Газеты сообщили об этом большими красными и черными буквами, и с раннего утра к пристани устремился народ.

Конечно, в самую последнюю минуту у каждого из нас нашлись свои неотложные дела, и, когда я пришел на пристань, один только Герман нес вахту на плоту. Я нарочно остановил машину подальше от причала и прошелся пешком вдоль набережной — когда еще смогу вот так погулять! И вот я на палубе нашего плота. Что здесь творилось! Гроздья бананов, корзины с фруктами, мешки — все, что забросили на борт в последнюю минуту, чтобы потом, когда разберемся, расставить по местам и закрепить. Среди всей этой неразберихи в полном отчаянии сидел Герман, держа в руках клетку с зеленым попугаем — последний прощальный подарок какого-то доброжелателя из Лимы.

— Посмотри за попугаем, а я сбегаю в город, выпью кружечку пива, — сказал Герман. — До прихода буксира еще несколько часов.

Только он исчез в толпе на пристани, как зрители приветственно замахали руками: из-за мыса показался идущий на всех парах «Гуардиан Риос». Он бросил якорь за лесом мачт, преграждавших путь к «Кон-Тики», и выслал мощный катер, чтобы тот провел нас между яхтами. Катер был битком набит матросами, офицерами и кинооператорами. Под звуки команды и стрекот съемочных аппаратов к носу плота привязали прочный буксирный трос.

— Ун моменто, — завопил я, прижимая к себе клетку, — еще рано, и мы должны подождать остальных, там лос экспедиционариос!

Я указал в сторону города.

Но меня никто не понял. Офицеры вежливо улыбнулись и проследили за тем, чтобы трос был закреплен образцово. Я отцепил его и, усиленно жестикулируя, бросил за борт. Попугай воспользовался суматохой, просунул клюв наружу и открыл задвижку. Когда я обернулся, он уже бодро шагал по палубе. Я попытался схватить его, но тут он крикнул что-то нехорошее по-испански и взлетел над банановыми гроздьями. Не спуская глаз с матросов, которые опять взялись крепить трос, я ринулся за ним вдогонку. Попугай, крича, укрылся в хижине, где мне уда-

лось загнать его в угол и схватить за ногу, когда он попытался прыгнуть через меня. Выскочив наружу и заточив отбивающегося попугая в клетку, я обнаружил, что матросы убрали все чалки плота и его теперь бросало взад и вперед на длинных валах, которые прорывались в гавань. Я схватил весло, чтобы предотвратить столкновение с пристанью. Раздался глухой треск, но тут на катере заработал мотор, трос рывком натянулся, и «Кон-Тики» начал свое плавание. Моим единственным спутником был говорящий (только по-испански) попугай, который обиженно глядел на меня из своей клетки. Толпа кричала и махала нам вслед, а чернявые операторы на катере с риском для жизни старались запечатлеть на кинопленку все подробности драматического старта экспедиции.

В полном отчаянии я стоял один на плоту, высматривая своих пропавших сподвижников. Они словно сквозь землю провалились. Тем временем мы уже подошли к «Гуардиан Риос», которому не терпелось сняться с якоря и двинуться в путь. Я взлетел вверх по веревочному трапу и поднял такой шум, что старт отложили и отправили к пристани шлюпку. Ее долго не было, наконец она вернулась, везя множество прелестных сеньорит и ни одного из членов команды «Кон-Тики». Грациозные сеньориты наводнили плот, но мне от этого не стало легче, и шлюпка снова отправилась на поиски лос экспедиционариос норуэго.

Пока все это происходило, Эрик и Бенгт явились на пристань, нагруженные свертками и книгами. Навстречу им валила расходящаяся по домам толпа, а затем они наткнулись на полицейское ограждение, где им вежливо объяснили, что больше смотреть не на что. Элегантно помахивая сигарой, Бенгт возразил, что они пришли не смотреть, они сами участники экспедиции.

— Поздно, — терпеливо сказал полицейский. — «Кон-Тики» ушел час назад.

— Но этого не может быть! — Эрик сунул ему под нос один из свертков: — Вот судовой фонарь!

— Да, да! — поддержал его Бенгт. — Этот человек — штурман, а я — стюард.

Они протиснулись к краю пристани, но плота в самом деле не было. Друзья растерянно забегали по набережной и встретили остальных участников, они тоже разыскивали пропавший плот. Тут показалась шлюпка, и наша шестерка наконец-то воссоединилась. Рассекая носом волны, «Кон-Тики» пошел на буксире в море.

Старт состоялся уже под вечер, и «Гуардиан Риос» должен был тащить нас до утра, когда мы выйдем из области каботажного судоходства.

Сразу за молом мы попали в легкую зыбь, и провожавшие нас лодки одна за другой повернули назад. Лишь несколько больших увеселительных яхт последовали за нами до самого выхода из бухты, чтобы посмотреть, как поведет себя плот в море.

«Кон-Тики» тянулся за буксирным судном, словно сердитый бычок на привязи, и бодал волны так, что гребни захлестывали палубу. Не очень-то обнадеживающее начало, ведь здесь была тишь и гладь перед тем, что ожидало нас дальше.

Посреди бухты буксирный трос лопнул. Наш конец медленно пошел ко дну, а буксир как ни в чем не бывало продолжал идти своим курсом. Яхты поспешили на перехват «Гуардиан Риос», мы же бросились вылавливать трос. Вдоль плота качались в воде здоровенные, с таз, медузы, и все канаты обволокло жгучее скользкое желе. Волна задрапа кверху нос плота. Перегнувшись через бортик, мы еле-еле дотянулись кончиками пальцев до троса. Но тут плот снова нырнул в очередную волну, и мы с головой окунулись в воду, набрав полные пазухи огромных медуз. Мы плевались, чертыхались, вытаскивали из волос длинные щупальца, зато, когда вернулся «Гуардиан Риос», трос был выловлен. Только мы приготовились подать его на буксир, как нас увлекло под ахтерштевень и чуть не прихлопнуло. Бросив все, мы схватили шесты и весла. Но что толку: когда плот скатывался в ложбину между волнами, мы не могли дотянуться до кормы «Гуардиан Риос», а когда нас поднимало на гребне, ахтерштевень судна, уходя в воду, грозил накрыть нас и раздавить о бревна плота. Мат-

росы бегали, кричали, наконец пустили мотор, винт погнал воду назад, и мы в последнюю секунду выбрались из этой ловушки. Правда, нос плота от сильных ударов слегка покривился, но он сам же понемногу и выпрямился.

— Лиха беда начало, — бодро сказал Герман. — Только бы этот проклятый буксир не разорвал плот на части.

Нас буксировали малым ходом всю ночь, и обошлось без серьезных происшествий. Яхты давно распрощались с нами, скрылся за кормой последний маяк. В темноте лишь несколько раз промелькнули судовые фонари. Мы разделили ночь на вахты, чтобы следить за тросом.

Когда рассвело, берег Перу был скрыт густым туманом, зато на западе нас встречало ослепительное синее небо. По океану катились длинные ленивые волны с мелкими барашками; одежда, бревна — все отсырело от росы. Было свежо, зеленая вода оказалась неожиданно холодной для 12° южной широты. Нас окружало течение Гумбольдта, которое несет холодную воду из антарктических областей на север вдоль побережья Перу, после чего, немного не доходя экватора, сворачивает на запад в океан. Именно здесь Писарро, Сарате и другие испанские путешественники впервые увидели большие парусные плоты инков, которые выходили на пятьдесят — шестьдесят миль, чтобы ловить в течении Гумбольдта тунца и корифену. Днем ветер дул с материка, под вечер он сменялся морским бризом, который помогал инкам возвращаться.

Здесь «Гуардиан Риос» остановился. Оберегая плот от новой встречи с ахтерштевнем, мы спустили на воду резиновую лодку. Прыгая по волнам, словно футбольный мяч, она доставила к буксиру Эрика, Бенгта и меня. Мы поднялись на борт по веревочному трапу, и капитан показал нам нашу позицию на карте. Мы находились в пятидесяти морских милях от суши, к северо-западу от Кальяо. Чтобы на нас не наскочили ночью суда каботажных линий, лучше первое время ночью идти с зажженными фонарями. Дальше нам уже никто не встретится, в этой части Тихого океана нет пароходных линий.

Торжественно попрощавшись с матросами «Гуардиан Риос», мы спустились в свою лодку и заскользили назад к

плоту. Нас провожали взгляды, в которых были и тревога и сочувствие. Отдан конец, теперь плот предоставлен самому себе. Вся команда «Гуардиан Риос», тридцать пять человек, выстроилась вдоль борта и махала нам, пока судно не скрылось из виду. На плоту шесть человек сидели на ящиках и не сводили глаз с удаляющегося парохода. Но вот уже и черный дымок растаял у горизонта; мы покачали головами и взглянули друг на друга.

— До свидания, прощай... — произнес Торстейн. — Что ж, пускай мотор, ребята!

Мы рассмеялись и проверили, откуда дует ветер. Слабый южный бриз сменился юго-восточным. Мы подняли бамбуковую рею с большим квадратным парусом. Он вяло повис на мачте, Кон-Тики нахмурился и смотрел на нас явно неодобрительно.

— Старик недоволен, — заметил Эрик. — Видно, в его молодости ветерок был посвежее.

— Ух ты, лихо несемся! — сказал Герман и бросил бальсовую щепку в воду около носа. — Раз, два, три... тридцать девять, сорок один.

Щепочка лениво покачивалась у борта, она не прошла и половины длины плота.

— Не иначе через весь океан с нами поплывет, — бодро заключил Торстейн.

— Надеюсь, нас не пригонит обратно вечерним бризом, — забеспокоился Бенгт. — Боюсь, встреча будет не такой теплой, как проводы!

Щепка достигла кормы. Мы прокричали «ура» и принялись размещать все то, что было погружено в последнюю минуту. Бенгт разжег на дне пустого ящика примус, и вот уже мы пьем горячее какао с печеньем, закусываем свежим кокосовым орехом. Бананы еще не дозрели.

— А что, здорово, — решил Эрик.

Он расхаживал в огромной овчинной бурке, надвинув на глаза широкую индейскую шляпу и посадив на плечо попугая.

— Одно только мне не нравится, — продолжал он, — все эти малоизученные противотечения, как бы они не

выбросили нас на береговые утесы, если мы тут застрянем надолго.

Мы обсудили, не пустить ли в ход весла, потом решили еще подождать ветра.

И ветер подул. Мало-помалу зюйд-ост набирал силу. Парус наполнился, выгнулся, словно грудь воина, и лицо Кон-Тики вспыхнуло задором. Плот зашевелился. Крича: «Вперед, на запад!» — мы тянули фалы и шкоты. Вот и рулевое весло установлено на место, вступает в силу вахтенное расписание. Мы бросали в воду щепки, бумажные шарики и подстерегали их на корме с секундомером в руках:

— Раз, два, три... восемнадцать, девятнадцать — есть!

Бумажки и щепки одна за другой проплывали мимо весла, и вскоре позади нас на волнах вытянулась длинная качающаяся цепочка. Метр за метром мы продвигались вперед. «Кон-Тики» не рассекал волны с лихостью быстрого катера. Широкий и тупоносый, тяжелый и крепкий, он плавно переваливался с волны на волну. Он никуда не спешил, но уж как пошел — все, не остановишь.

Поначалу мы долго мучились с рулевым устройством. Плот в точности отвечал записям испанцев, но в наше время не нашлось никого, кто бы мог на деле обучить нас, как управлять индейским плотом. Мы много говорили об этом с экспертами, но эти дискуссии почти ничего не дали: они знали столько же, сколько мы.

Зюйд-ост все крепчал, и нужно было следить за тем, чтобы плот шел в бакштаг. Стоило ему рыскнуть, как парус начинал полоскать, избивая хижину, груз и людей, потом обстенивался, и плот, сделав полный оборот, шел задним ходом. И начиналась наша мука. Трое боролись с парусом, остальные трое наваливались на рулевое весло, чтобы правильно развернуть плот. Как развернешь, следи в оба, не то тут же опять обстенил.

Шестиметровое рулевое весло свободно лежало в уключине на здоровенной колоде на корме. Это было то самое весло, которым пользовались наши друзья в Эквадоре, когда мы сплавляли бревна вниз по реке Паленке: длинная жердь из мангрового дерева, на конце привязана лопасть —

широкая сосновая доска. Весло было прочное как железо но зато такое тяжелое, что только урони за борт — сразу утонет. Пальцы сводило судорогой от напряжения, настолько трудно было удерживать лопасть в нужном положении. Правда, эту задачу мы решили: привязали к веслу поперечную рукоятку, и получилось что-то вроде рычага.

А ветер продолжал крепчать и во второй половине дня разгулялся вовсю. Он вспахал поверхность моря, и вдогонку нам катили бурлящие валы. Вот когда до нас по-настоящему дошло, что кругом океан, а с ним шутки плохи. И нет возврата. Теперь все решают мореходные качества плота. Здесь уже не будет западного ветра, который позволил бы нам повернуть обратно. Мы вошли в полосу пассата, и он с каждым днем будет увлекать плот все дальше в океан. Знай иди на всех парусах. Попробуешь развернуться — все равно плот пойдет тем же курсом, только вперед кормой. Для нас теперь есть лишь один курс: ветер — с кормы, нос — на закат. И ведь в этом и заключается цель экспедиции — идти за солнцем, как шел, по-моему, Кон-Тики со своей свитой солнцепоклонников, когда их вытеснили из Перу.

С радостью и облегчением мы смотрели, как легко переваливает плот через шипящие гребни, которые грозной чередой пошли на нас. Но одному человеку было не под силу удерживать руль, когда волны с ревом обрушивались на него и вышибали весло из уключины или могучим ударом заставляли руль разворачиваться так, что рулевой беспомощно тащился следом. Даже двое не могли справиться с веслом, если волны шли с кормы. И мы решили укрепить весло на растяжках, да еще привязали его к уключине. Обузданное весло могло сопротивляться любым волнам, только бы нас самих не смыло.

Ложбины между валами становились все глубже, очевидно, мы вошли в основную струю течения Гумбольдта. Это оно изрыло поверхность океана, не только ветер. Куда ни погляди, зеленая вода, холодная вода; зубчатые горы Перу скрылись за плотными облаками. Стемнело, и всерьез развернулась наша первая схватка со стихиями.

Мы еще робели, мы не знали, как примет океан незваных гостей — как друг или недруг. Заслышав в крошечном мраке сквозь ровный гул океана рев подкравшейся волны и завидев белый гребень вровень с крышей, мы цеплялись за что попало и мрачно ждали: сейчас вал захлестнет нас вместе с плотом. И каждый раз — приятная неожиданность. Чуть наклонившись, «Кон-Тики» легко взмывал вверх, и гребень катился вдоль борта. Потом мы сваливались в ложбину до следующей волны. Самые большие валы следовали по два, по три подряд, перемежаясь множеством волн поменьше. Лишь когда два вала шли совсем вплотную друг за другом, второй с грохотом обрушивался на корму, потому что нос еще был приподнят первым. Вахтенному строго предписывалось обвязать себя вокруг пояса канатом, второй конец которого крепился к бревнам, ведь поручней не было. Задача рулевого — держать корму к ветру и волнам, вести плот в океан. На ящик на корме мы поставили старый компас, чтобы Эрик мог проверять курс, исчислять наше местонахождение и снос. Но сейчас невозможно было определить, где мы: небо заволочено тучами, горизонт представлял собой хаос волн. Сразу двое несли вахту на руле, и то они едва управлялись с беснующимся веслом, пока остальные четверо пытались хоть немного вздремнуть в каюте. Когда надвигался особенно мощный вал, рулевые бросали весло, полагаясь на растяжки, и повисали на торчащем из крыши бамбуковом шесте. Ревущая волна падала на корму и уходила между бревнами или скатывалась через борт. Тут надо было не мешкая возвращаться к рулю, пока не развернуло плот и не обстенило парус. А то как станет плот боком — волны и ворвутся в каюту. Идя с кормы, они мгновенно просачивались в щели, не дотягиваясь до хижины. В этом преимущество плота: чем больше дыр, тем лучше — вода только вытекает через них, но никогда не просачивается снизу вверх.

Ночью, часов около двенадцати, вдали на севере промелькнули огни какого-то судна. В три часа тем же курсом проследовал второй корабль. Мы размахивали киро-

синовым фонарем, сигналили карманным фонариком, но нас не заметили. Огни ушли на север. На борту судна не подозревали, что здесь на волнах качается настоящий инкский плот. Не знали и мы, что это последний корабль, последний на нашем пути через океан признак человека.

Во тьме мы, как клещи, впивались по двое в кормовое весло. Соленая вода стекала с волос, весло колотило нас и спереди и сзади, руки коченели от напряжения. Первые же дни и ночи оказались для нас хорошей школой, сухопутные крабы превратились в моряков. Сначала по нашему расписанию каждый человек два часа нес вахту у руля, три часа отдыхал. Через каждый час свежий человек сменял одного из вахтенных. Рулевые не знали ни минуты передышки, мышцы были напряжены до предела. Устал толкать весло — переходи на другую сторону и тяни; если грудь и руки болят от непрерывных усилий — упирайся в руль спиной. Синяков хватало кругом... Наконец вахта кончилась, ты заползаешь, совершенно одуревший, в хижину, обвязываешь ноги веревкой и засыпаешь прямо в мокрой одежде: нет сил забраться в спальный мешок. Не успел глаз сомкнуть, как уже дергают веревку: три часа прошло, пора на вахту.

На вторую ночь стало еще хуже, волнение только усилилось. Сражаться с веслом два часа подряд не было мочи, к концу вахты волны брали верх, шутя разворачивали плот и захлестывали палубу. Мы перешли на одночасовую вахту с полуторачасовым отдыхом. Первые шестьдесят часов прошли в непрерывной борьбе с нескончаемой чередой штурмовавших нас волн. Волны высокие, волны низкие, волны крутые и волны отлогие, косые волны и волны на гребнях других волн. Хуже всего досталось Кнюту. Он был свободен от рулевой вахты, зато без конца приносил жертвы Нептуну. Страдалец молча лежал в своем уголке в хижине. Попугай уныло сидел в клетке, взмахивая крыльями всякий раз, когда плот вдруг подпрыгивал и в заднюю стену ударяла волна.

Вообще-то «Кон-Тики» не так уж сильно качался. Он был устойчивее любой лодки такого же размера. Вот

только плот бросало во все стороны. Так мы и не научились пружинить ногами.

На третью ночь волны поумерились, хотя ветер дул с прежней силой. Часов около четырех вдруг нагрянул какой-то замешкавшийся вал, и не успели рулевые опомниться, как плот развернуло кругом. Парус захлопал по хижине, грозя разнести в клочья ее и себя. Все наверх — спасать груз, тянуть тросы и шкоты, чтобы плот вернулся на прежний курс, чтобы парус снова наполнился ветром и выгнулся гордой дугой! Но плот не слушался нас. Он продолжал идти задом наперед, и никаких гвоздей. Мы тянули, толкали, гребли, но достигли только того, что двое чуть не свалились за борт, их захватило парусом в темноте. И хотя море вело себя тише, мы не стоили ни гроша: окончевшие, измученные, руки ободраны, глаза слипаются... Лучше уж побережь силы на тот случай, если резко испортится погода. Кто знает, что нас ждет впереди. И мы убрали парус, привязали его к рее. «Кон-Тики» повернулся бортом к волнам и скользил через них как пробка. Надежно все укрепив, мы отменили вахты, вся шестерка втиснулась в бамбуковую каюту, и мы уснули мертвым сном.

Мы не подозревали, что самые тяжелые вахты позади. И, лишь уйдя далеко в океан, мы догадались, как просто и гениально управляли своими плотами инки.

Проснулись мы днем оттого, что попутай начал свистеть и гикать, прыгая взад и вперед на своей жердочке. Поверхность океана по-прежнему была изрыта высокими волнами, но теперь они шли длинной, ровной чередой, это была уже не та буйная мешанина, что накануне. И мы сразу увидели солнце, оно пригревало бамбуковую палубу, и в его лучах океан казался светлым и дружелюбным. Пусть волны бурлят и дыбятся — ведь они не трогают нас! Пусть перед самым носом у нас стеной вздымаются валы — через секунду плот одолеет пенистый гребень, примнет его, словно тяжелым катком, грозная водяная гора только поднимет нас кверху и прокатится, шипя и булькая, под бревнами! Древние перуанские мастера неспроста предпочли плот сплошному корпусу лодки, которую может наполнить

вода, и недаром рассчитали длину так, что плот легко переваливал через волны. Дорожный каток из пробки — вот с чем можно было сравнить наш бальсовый плот.

Эрик измерил высоту солнца и установил, что в дополнение к ходу под парусом нас сильно сносит вдоль побережья на север. Мы все еще были в течении Гумбольдта, в ста милях от суши. Теперь главное — не попасть в беспорядочные стремнины южнее Галапагосского архипелага. Это может нам все испортить, если нас подхватят сильные течения, которые сворачивают в сторону Центральной Америки. Если же все пойдет, как задумано, основное течение увлечет нас на запад в океан раньше, чем мы подойдем к Галапагосу. По-прежнему дул юго-восточный ветер. Мы подняли парус, развернули плот правильно и возобновили вахты.

Кнют оправился от морской болезни. Вместе с Торстейном он забрался на качающуюся мачту, и, сидя там, они стали экспериментировать с разными антеннами, поднимая их в воздух то на шаре, то на бумажном змее. Вдруг один из них крикнул, что слышит вызов из Лимы. Радиостанция военно-морского ведомства сообщала, что самолет американского посла вылетел в море, чтобы проводить нас и посмотреть, как наш плот выглядит в океане. Потом нам удалось связаться с бортрадистом, и состоялся неожиданный разговор с секретарем экспедиции Герд Волд: она была на самолете. Мы сообщили свои координаты, постаравшись определить их возможно точнее, и долго передавали сигнал для пеленга. Самолет ходил сужающимися кругами, и голос в эфире звучал все громче и громче. Но гул мотора мы так и не услышали и не увидели самолет. Трудновато искать в волнах низенький плот... А наше поле зрения было сильно ограничено. Пришлось летчику сдать и повернуть назад. После этого никто уже не пытался найти нас.

Волнение не прекращалось, но волны шли с юго-востока ровными шеренгами, так что рулить было легче. Мы правили так, чтобы принимать волны и ветер с кормы, немного слева, при этом рулевого окатывало не так часто, и плот

лучше выдерживал курс. С каждым днем юго-восточный пассат и течение Гумбольдта относили нас все ближе к водоворотам у Галапагоса. Мы быстро двигались на северо-запад, покрывая в среднем за сутки пятьдесят—шестьдесят морских миль, а рекорд составлял семьдесят одну милю (то есть больше ста двадцати километров) в сутки.

— А как там, на Галапагосе, можно жить? — озабоченно спросил как-то Кнют, глядя на карту: значки, обозначающие нашу позицию, напоминали палец, который злобно указывал прямо на заколдованный архипелаг.

— Не очень-то, — признался я. — По преданиям, инка Тупак Юпанки незадолго до открытия Америки Колумбом ходил на бальсовых плотках из Эквадора на Галапагос, но не стал там задерживаться: нет питьевой воды. И после него никто там не селился.

— Понятно, — сказал Кнют. — Тогда и мы туда не пойдем. Надеюсь...

Мы уже настолько привыкли к беспрестанной пляске волн, что перестали с ней считаться. Подумаешь, качает и бросает, и что такое тысяча сажений — лишь бы мы вместе с плотом оставались на поверхности! Правда, в том-то и вопрос: долго ли мы останемся на поверхности? Одного взгляда было довольно, чтобы убедиться, что бальса впитывает воду. Особенно задняя поперечина: она так размокла, что кончик пальца легко входил в сырую древесину. Раз я потихоньку отковырнул от колоды щепочку и бросил ее в воду. Она медленно пошла ко дну. Потом я заметил, что и другие ребята, когда на них никто не смотрит, проделывают этот опыт. Молча они смотрели, как щепочки исчезают в зеленой толще. На старте мы поместили осадку плота, но из-за волн нельзя было проверить, какая у нас осадка теперь. Правда, втыкая в бревна перочинный нож, мы узнали, что древесина отсырела всего на дюйм с небольшим. Расчеты показали, что, если бревна и впредь будут впитывать воду с такой же скоростью, палуба окажется под водой к тому времени, когда мы достигнем суши. Но мы надеялись, что смола все-таки затормозит этот процесс.

И еще одно заботило нас — канаты... В первые недели нам было не до них, слишком много дел, но, когда смеркалось и мы ложились спать, появлялось время осязать, размышлять и слушать. Лежа каждый на своей циновке, мы чувствовали, как палуба под нами колыхнется вместе с бревнами. Мало того что весь плот качался, еще и бревна терлись друг о друга. Одно вверх, другое вниз, словно волна бежит по плоту. Конечно, они шевелились несильно, но все же нам казалось, будто мы лежим на спине огромного, мерно дышащего животного. Поэтому мы предпочитали ложиться вдоль бревен. Хуже всего были первые две ночи, но тогда нам из-за усталости было все равно. Потом канаты, отсырев, натянулись и немного усмирили бревна. Но и после этого на плоту нельзя было найти совсем неподвижной точки. Так как основа непрерывно колыхалась и дергалась, все остальное тоже шевелилось. Палуба, двойная мачта, плетеные стены каюты, крыша из реек — все было скреплено только канатами, и все колебалось не в лад. Сразу, может быть, и не заметишь, но если приглядеться: один угол каюты поднимается, другой — опускается, половина крыши загнулась вверх, другая половина — вниз. А если посмотришь в дверь наружу, то и подавно все колыхнется: небо словно кружится, а море то и дело подпрыгивает.

Вся нагрузка ложилась на канаты. Ночь напролет были слышны скрип и шуршание, треск и визг. Словно жалобный хор звучал во мраке; у каждой веревки — свой голос. По утрам мы тщательно проверяли все канаты, даже под днищем: кто-нибудь, перегнувшись через край плота, окунался с головой в воду, а двое других держали его за лодыжки.

Но снасти были в порядке. От силы две недели, говорили моряки, и все наши канаты перетрет. А мы, несмотря на жуткий концерт, не видели никаких повреждений. Потом-то мы поняли, в чем дело: канаты мало-помалу стирали мягкую бальсовую древесину, вот и вышло, что не бревна истерли их, а они ушли в дерево.

На восьмой-девятый день волны стали заметно меньше и море вместо зеленого стало синим. Мы теперь дрей-

фовали уже не на норд-вест, а на вест-норд-вест — очевидно, вышли из прибрежного течения, можно надеяться, что нас вынесет в океан.

Уже в первый день, когда ушел буксир, мы видели около плота рыбу, но ловить ее было некогда, все внимание было обращено на руль. На второй день мы попали в плотный косяк сардины, а затем восьмифутовая синяя акула сверкнула своим белым брюхом, проходя мимо кормы, где Герман и Бенгт стояли на руле, оба босые. Она покружила возле плота, но ушла, как только мы приготовились пустить в ход гарпун.

На следующий день нас посетили тунцы, бониты и корифены. Воспользовавшись тем, что на палубе приземлилась большая летучая рыба, мы изрезали ее на наживку и живо выловили двух корифен по десять—пятнадцать килограммов: обед на несколько дней.

Неся вахту у руля, мы частенько видели совсем незнакомых рыб, а однажды попали в косяк дельфинов, которому, казалось, не было ни конца ни края. Сплошной массив черных спин до самого плота... Посмотришь с мачты — всюду, насколько хватает глаз, из воды выскакивают дельфины. И чем дальше мы уходим от материка к экватору, тем больше было летучих рыб. Когда мы наконец вышли на голубые океанские просторы, где степенно катились, блестя на солнце и курчавясь барашками, могучие валы, целые стаи, словно серебристые снаряды, вырывались из воды и, пролетев, сколько позволял разгон, снова ныряли в воду.

Если ночью на палубе стоял наш маленький керосиновый фонарь, его свет притягивал гостей — летучие рыбы, большие и маленькие, проносились над плотом. Врежутся в каюту или парус и шлепаются на палубу. Они ведь только в воде могут разогнаться и взлететь, вот и лежат, беспомощно взмахивая длинными грудными плавниками, этакие большеглазые сельди. Частенько можно было услышать бранное слово, когда холодная рыба с ходу награждала звонкой оплеухой кого-нибудь из членов команды. Рыбы летели довольно быстро. Как ткнет тебя

мордой прямо в физиономию — получалось очень чувствительно. Впрочем, пострадавшие недолго обижались на незаслуженные зуботычины. Разве плохо, когда по воздуху летят отличные рыбные блюда, совсем как жареная птица в земле обетованной? Утром мы жарили нашу добычу, и то ли рыба была хороша, то ли кок молодец, то ли аппетит отличный, но, очищенная от чешуи, она напоминала вкусом форель.

Первой обязанностью кока, когда он вставал утром, было пройти по палубе и собрать всех приземлившихся за ночь летучих рыб. Обычно их было штук шесть—восемь, а один раз мы насчитали двадцать шесть жирных рыбин. Кнют просто огорчился, когда летучая рыба попала ему в руку, а не прямо на сковородку, на которой он только что расплавил сало.

Торстейн лишь тогда по-настоящему уразумел, что море — наш сосед, когда, проснувшись утром, нашел у себя на подушке сардину. В каюте было тесновато, так что он спал, высунув голову за дверь, и кусал за ноги каждого, кто, выходя ночью по своим делам, нечаянно наступал ему на нос. Подняв сардину за хвост, Торстейн доверительно сообщил ей, что вообще равнодушен к сардинам. Мы старательно поджимали ноги, чтобы освободить ему место, но тут случилось такое, после чего Торстейн устроил себе постель на ящике с кухонной утварью возле нашей радиостанции.

Это было несколько дней спустя. Небо покрылось облаками, и ночью стоял непроглядный мрак, поэтому Торстейн поставил керосиновый фонарь около своей головы, чтобы вахтенные, входя и выходя, видели, куда ступать. Часов около четырех Торстейн проснулся оттого, что фонарь упал и что-то холодное и скользкое хлестало его по ушам. Летучая рыба, решил он, и стал шарить кругом, чтобы схватить ее и вышвырнуть за борт. Ему попалось что-то мокрое, длинное, змееподобное, и он отдернул руку, словно обжегся. Пока Торстейн возился с потухшим фонарем, невидимый ночной гость увильнул и заполз к Герману. Герман вскочил, тут и я проснулся, и

мне сразу пришел на ум гигантский кальмар, который по ночам всплывает к поверхности как раз в этих широтах. Наконец зажегся фонарь, и мы увидели Германа: он сидел с торжествующим видом, сжимая в руке извивающуюся угрем тонкую рыбину. Она была длиной около метра, тело змеевидное, громадные черные глаза; длинные хищные челюсти усеяны острыми зубами, которые могли складываться назад, пропуская пищу. Стиснутая рукой Германа хищница вдруг отпрыгнула большеглазую белую рыбку сантиметров около двадцати, за ней — еще одну. Обе рыбы, явно глубоководные, были сильно искалечены зубами рыбы-змеи. Тонкая кожа хищницы отличалась на спине сине-фиолетовым цветом, на брюхе — сине-стальным, от наших прикосновений она слезала большими лоскутами.

Вся эта возня разбудила Бенгта, и мы поднесли к его глазам фонарь и длинную рыбину. Он сел в спальном мешке и сонно произнес:

— Ерунда, таких зверей не бывает.

После чего повернулся и преспокойно уснул опять.

Бенгт был почти прав. Позже выяснилось, что мы шестеро, повстречавшие рыбу-змею в бамбуковой хижине при свете керосинового фонаря, первыми увидели ее живьем. До тех пор на побережье Южной Америки и на Галапагосских островах находили только ее скелеты, да и то всего несколько раз. Ихтиологи называли ее *Gempylus*, или змеевидная скумбрия, и считали, что она обитает в морской бездне, ведь никто не видел живую рыбу-змею. Возможно, *Gempylus* и в самом деле уходит на большую глубину, но только днем, когда солнце слепит его громадные глаза. А ночью — в этом мы лично убедились — *Gempylus* даже выходит из воды.

Через восемь дней после того, как редкая рыба попала в спальник Торстейна, к нам явился еще один гость. Это опять случилось в четыре часа утра. Луна зашла, и, хотя сияли звезды, было совсем темно. Плот хорошо слушался руля, и, когда моя вахта кончилась, я пошел вдоль борта, проверяя, все ли в порядке. Как всегда у

вахтенного, у меня вокруг пояса была обвязана веревка. Держа в руке фонарь, я стал осторожно огибать мачту, ступая по самому краю. Бревно было мокрое, скользкое, и я не на шутку разозлился, когда кто-то сзади ухватился за веревку и дернул так, что я едва не шлепнулся в море. Я сердито обернулся и осветил фонарем — никого! Вдруг веревка опять натянулась и задергалась, и тут я разглядел, что на палубе извивается что-то блестящее. Это был новый *Gemprulus*. Он с такой силой впился зубами в веревку, что некоторые из них обломались, прежде чем я сумел его оторвать. Вероятно, свет фонаря упал на белую веревку, и, когда она зашевелилась, гость из бездны прыгнул на плот, надеясь добыть этот длинный лакомый кусок. И кончил свой путь в банке с формалином.

Много неожиданностей готовит океан тому, кто выкладывает себе пол прямо на его поверхности и двигается не спеша, бесшумно. Один охотник с шумом ломится сквозь лес, возвращается и заявляет, что там пусто, ни одной зверюшки нет. Другой тихо сядет на пенек и ждет — и вот уже со всех сторон доносятся шорохи, отовсюду выглядывают любопытные глаза. Вот и на море так. Мы бороздим волны под гул моторов и стук поршней, только брызги летят. А вернувшись, говорим, что в океане не на что посмотреть.

Не было дня, чтобы нас не навестили любопытные гости. Они сновали и кружились возле плота, а некоторые, скажем корифены и лоцманы, до того с нами свыклись, что шли следом, не покидая нас ни днем ни ночью.

Когда спускалась ночь и в черном тропическом небе загорались яркие звезды, ночесветки словно соревновались с небесными огоньками. Некоторые виды светящегося планктона до того напоминали круглые угольки, что мы невольно поджимали босые ноги, когда волны подносили к нашим пяткам огненные шарики. Выловишь — оказывается, это маленькие рачки. В такие ночи нас пугали круглые светящиеся глаза, которые вдруг появлялись из воды у самого плота и гипнотизировали нас, будто это сам водяной поднялся из пучины. Обычно это были

всплывающие на поверхность огромные кальмары с мерцающими, точно фосфор, чудовищными зелеными глазами. Но иногда наш фонарь приманивал какую-нибудь глубоководную тварь, поднимающуюся из пучины только ночью, и она глядела как замороженная на свет.

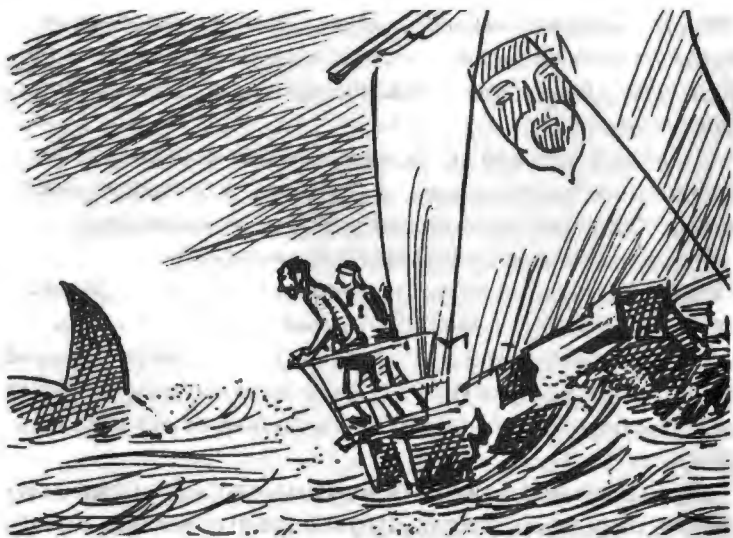
В тихую погоду раза два случалось, что черную воду вокруг плота вдруг заполняли круглые головы шириной в два-три фута. Лежат и таращат на нас огромные святающиеся глаза... Или в толще воды появлялись световые шары диаметром в метр и больше. Они неравномерно мигали, словно кто-то включал и выключал электрические фонари.

Мало-помалу мы свыклись с тем, что у нас под полом водятся всякие чудовища. И все-таки каждый новый экспонат одинаково поражал нас. В одну пасмурную ночь, часов около двух, когда рулевой с трудом отличал черную воду от столь же черного неба, он заметил под водой тусклое зарево, которое постепенно приняло очертания животного. То ли планктон светился, соприкасаясь с животным, то ли само чудовище флуоресцировало, во всяком случае, призрачное существо все время меняло свою форму. Оно было то круглым, то овальным, то треугольным, потом внезапно разделилось на две части, которые независимо друг от друга плавали взад и вперед под плотом. Под конец уже три огромных светящихся привидения медленно кружили под нами. Это были какие-то невероятные чудовища, одно туловище достигало шести—восьми метров в длину. Выскочив из хижины на палубу, мы все шестеро смотрели на танец привидений. А он продолжался не один час. Не отставая от плота, наши загадочные святающиеся спутники бесшумно кружили, держась довольно глубоко, преимущественно с правого борта, где стоял фонарь, но иногда появлялись и прямо под плотом или слева. Если судить по отсвечивающим спинам, они были больше слонов, но это были не киты, потому что они ни разу не поднялись к поверхности за воздухом. Может быть, это гигантские скаты поворачивались на бок и оттого меняли конфигурацию? Мы подносили фонарь к самой воде, надеясь приманить их и как следует

рассмотреть, — тщетно. Как и положено настоящей нечисти, они на рассвете исчезли, словно в воду канули.

Мы так никогда и не получили удовлетворительного ответа, кем были три светящихся зверя, которые навели нас ночью. Если только не считать ответом другой визит. Это было через тридцать шесть часов, днем двадцать четвертого мая, когда ленивые валы доставили нас в точку с примерными координатами 95° западной долготы и 7° южной широты. Дело шло к обеду, мы только что выбросили за борт внутренности двух больших корифен, выловленных рано утром. Вот почему я, принимая освежающую ванну в море у носа плота, внимательно поглядывал по сторонам и не выпускал из рук каната. Вдруг я увидел толстую бурую рыбу длиной около двух метров, которая с любопытством плыла ко мне сквозь кристально прозрачную воду. Я живо влез на плот и, греясь на солнце, рассматривал неторопливо следующее вдоль плота существо. И тут с кормы, из-за хижины, донесся дикий крик Кнюта... Он вопил «акула!» так, что голос сорвался. Но ведь мы чуть ли не ежедневно видели у плота акул и не устраивали из-за этого шума. Значит, тут что-то особенное! И мы дружно бросились выручать Кнюта.

Сидя на корточках, Кнют полоскал в волнах свои невыразимые, а когда поднял голову, узрел такую огромную и уродливую морду, какой никто из нас в жизни не видел. Голова принадлежала исполинскому чудовищу, и она была такая громадная, такая страшная, что сам морской змей, появившись он перед нами, не поразил бы нас так сильно. Маленькие глазки сидели по краям широкой и плоской морды, жабыя пасть с длинной бахромой в уголках была не меньше полутора метров в ширину. Могучее туловище заканчивалось длинным тонким хвостом, острый вертикальный плавник свидетельствовал, что это, во всяком случае, не кит. Туловище в общем казалось в воде бурым, но и оно и голова были усеяны маленькими белыми пятнами. Чудовище медленно, лениво плыло за нами, щурясь по-бульдोजьи и тихо работая хвостом. Большой округлый спинной плавник торчал из воды, иногда мель-

кал и хвостовой. А когда великан попадал в ложбину между волнами, высовывалась широченная спина, словно риф, окруженный водоворотами. Прямо перед пастью верером плыла туча полосатых лоцманов; к огромной туше присосались здоровенные прилипалы и другие паразиты — ну прямо подводный камень с целой колонией морских животных!

За кормой у нас была в воде приманка для акул: корифена килограммов на десять, надетая на шесть здоровенных крючков. Лоцманы живо подлетели к ней, обнюхали, но не стали трогать, а тотчас вернулись к царю морей, своему господину и повелителю. Гигантская махина чуть прибавила ход и не спеша пошла к наживке, которая выглядела просто жалкой рядом с такой мордой. Мы стали выбирать леску — чудовище не отставало и подошло вплотную к плоту. Потыкалось носом в корифену и решило, что ради такой мелочи не стоит распахивать ворота настужь. Потом почесало спину о наше тяжеленное кормовое весло, отчего оно выскочило из воды. Теперь мы могли совсем близко рассмотреть этого исполина, так близко, что я испугался за рассудок команды: от столь невероятного зрелища мы принялись дико хохотать и орать

что-то невразумительное. Даже богатое воображение Уолта Диснея не могло бы создать более страшного монстра, чем тот, который, ослабившись, разлегся в воде у нашего борта.

Это была китовая акула, крупнейшая из акул и вообще крупнейшая современная рыба. Она встречается очень редко, лишь иногда в тропических морях наблюдают единичные экземпляры. Китовая акула достигает в среднем пятнадцати метров в длину; зоологи определяют ее вес в пятнадцать тонн. Говорят, что самые большие китовые акулы — около двадцати метров. У детеныша китовой акулы, убитого гарпуном, только печень весила триста килограммов, а в его широкой пасти насчитали три тысячи зубов.

Чудовище было таким огромным, что, когда ему вздумалось нырнуть под плот, мы увидели его голову с одного борта, а хвост — с другого. Морда у него была до того нелепая и тупая, что мы просто не могли удержаться от хохота, хотя отлично понимали: если эта гора мускулов вздумает напасть на нас, от наших бальсовых бревен одни щепки останутся. Китовая акула продолжала кружить под самым плотом, а мы гадали, чем это кончится. Вот опять скользнула под весло и подняла его спиной. Мы стояли наготове вдоль бортов, держа ручные гарпуны, которые казались зубочистками перед этим колоссом. Похоже было, что акула и не помышляет уходить от нас, она следовала за нами, как верный пес, держась у самого плота. Мы в жизни не то что не видели, даже не представляли себе ничего подобного. Встреча в упор с морским чудовищем была таким невероятным событием, что мы как-то не принимали происходящее всерьез.

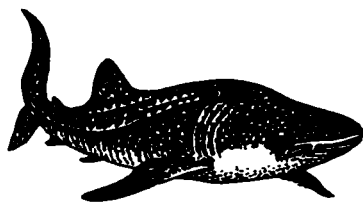
Китовая акула плавала вокруг нас меньше часа, но нам этот час показался за десять. В конце концов Эрик — он стоял на корме, держа в руках гарпун длиной в два с половиной метра, — не выдержал и, подбадриваемый легкомысленными выкриками, занес свое оружие для удара. Вот голова акулы медленно скользнула под угол плота... В ту же секунду Эрик изо всех своих могучих сил ударил

гарпуном вниз, прямо в хрящевой череп гиганта. Прошло несколько секунд, прежде чем до акулы дошло, что случилось. Вдруг ленивый дуралей как по мановению волшебной палочки превратился в сплошной сгусток железных мускулов, зашуршал по доскам линь, в воздух взметнулся каскад брызг — это гигант нырнул и ринулся вглубь. Три человека, которые стояли ближе других, были сбиты с ног линем, причем у двоих остались сильные ссадины и ожоги. И хотя линь был толстый, рассчитанный на немалую нагрузку, он, зацепившись за борт, лопнул, как бечевка. Тут же метрах в двухстах от нас к поверхности всплыл обломок гарпуна. Стая испуганных лоцманов сорвалась с места и ринулась вдогонку за своим господином и повелителем. Мы долго ждали, что чудище вернется и обрушится на нас, словно взбесившаяся подводная лодка, но китовая акула больше не показывалась.

Когда произошла эта встреча, наш плот, увлекаемый на запад южным экваториальным течением, находился примерно в четырехстах морских милях к югу от Галапагосских островов. Коварные течения остались в стороне, но архипелаг напоминал нам о себе: мы видели огромных морских черепах, которые забираются далеко в океан. Так, однажды мы заметили здоровенную черепаху, она отчаянно вертела головой и одним ластом. Ее приподняло на гребне волны, и в толще воды под ней замелькали зеленые, синие, желтые пятна: черепаха вела смертный бой с корифенами. Но бой, судя по всему, носил односторонний характер. Полтора десятка большеголовых красочных рыб атаковали шею и ласты черепахи, стремясь взять ее измором. Исход был предreshен, ведь она не могла без конца прятать свои конечности в панцире.

Заметив плот, черепаха нырнула и, преследуемая поблескивающими рыбами, направилась к нам. Подошла вплотную и только хотела взобраться на борт, как заметила нас. Будь у нас больше сноровки, мы легко могли бы набросить аркан на громадный панцирь, пока он тихо скользил мимо плота. Но мы слишком долго тарасили глаза на черепаху. Мы живо спустили на воду надувную

лодку, и Герман, Бенгт и Торстейн бросились в погоню на этой скорлупке, которая была чуть больше преследуемой дичи. Наш стюард Бенгт в мечтах уже видел множество мисок с мясом и изысканным черепаховым супом. Но чем сильнее они налегали на весла, тем быстрее плыла черепаха. А когда они отошли от плота метров на сто, черепаха вдруг бесследно исчезла. Ничего, хоть сделали доброе дело: когда желтая лодчонка запрыгала обратно по волнам, все корифеи ринулись за ней. Они кружили возле новой «черепахи», и самые смелые норовили цапнуть весла, которые разгребали воду совсем как ласты. А миролюбивая морская черепаха благополучно ушла от всех коварных преследователей.

Глава пятая

НА ПОЛПУТИ

Повседневная жизнь и эксперименты. — Питьевая вода для плотогонов. — Картофель и тыква — ключи к секрету. — Кокосовый орех и крабы. — Юханнес. — Мы плывем по ухе. — Планктон. — Съедобное пламя. — Дружба с китами. — Муравьи и морские желуди. — Домашние животные под водой. — Наш спутник — корифена. — Ловля акул. — «Кон-Тики» становится морским чудовищем. — Лоцманы и прилипалы в наследство от акулы. — Летящие кальмары. — Неизвестный посетитель. — Водолазная корзина. — С тунцами и бонитами в их родной стихии. — Ложный риф. — Шверт подсказывает разгадку. — На полпути.

Шли недели. Мы не видели ни судов, ни обломков — никаких признаков того, что, кроме нас, на свете есть еще люди. Весь океан — наш, все пути открыты, кругом безбрежный простор, и сам небосвод словно излучал мир и приволье.

Соленые брызги и чистая синева будто омывали нам душу и тело. Здесь, посреди океана, большие проблемы казались маленькими, надуманными. Только стихии были реальностью. А стихиям не до нашего плота. Или, может быть, он был для них частицей природы, ничуть не нарушающей гармонии моря, покорной волнам и течениям, как морские птицы, как рыбы. Из грозного врага, который с ревом кидался на нас, стихии стали надежным другом, они неумолимо, упорно увлекали с собой наш плот. Ветер и волны толкали нас, океанское течение тянуло нас — прямо к цели.

Попадись нам в океане судно, пассажиры увидели бы, как плот плавно переваливает через длинные валы, сморщенные барашками, и наполненный пассатом тугой оранжевый парус глядит туда, где Полинезия.

На корме они бы увидели человека, полууголого, смуглого, бородатого, который то воевал с длинным рулевым веслом, подтягивая потрепанные фалы, то дремал на солнышке, сидя верхом на ящике и лениво подталкивая весло пальцами ноги.

Если это был не Бенгт, его, скорее всего, можно было найти в дверях каюты, где он лежал на животе, углубившись в один из семидесяти трех томов своей библиотеки. А вообще мы назначили его стюардом, это он отмерял нам дневной паек. Герман в любое время суток мог оказаться где угодно — то с метеорологическими приборами на мачте, то с подводными очками под плотом, где он проверял шверт, то за кормой, в надувной лодке, где он занимался воздушными шарами и какими-то непонятными приборами. Он был у нас начальником технической части и отвечал за метеорологические и гидрографические наблюдения.

Кнют и Торстейн без конца возились со своими отсыревшими батареями, паяльниками и схемами. Вся их военная сноровка была нужна, чтобы заставить нашу маленькую радиостанцию работать наперекор соленому душу и сильной росе, меньше чем в полуметре над водой. Каждую ночь они поочередно дежурили и посылали в эфир наши

рапорты и метеосводки. Случайные радиолюбители принимали эти сообщения и передавали дальше в метеорологический институт в Вашингтоне или по другим адресам.

Эрик чаще всего латал парус, или сращивал канаты, или вырезал деревянные скульптуры, или рисовал бородатых людей и удивительных рыб. Точно в полдень он вооружался секстантом и взбирался на ящик, чтобы поглядеть на солнце и высчитать, сколько мы прошли за сутки. Сам я прилежно заполнял судовой журнал, составлял рапорты, собирал пробы планктона и рыб, снимал кинофильм. Каждый отвечал за свой участок и не вмешивался в дела других. Менее приятную работу, вроде рулевой вахты и дежурства на кухне, распределяли поровну. На руле каждый стоял по два часа днем и столько же ночью. Все по очереди были коками. Обязательных правил и постановлений было немного: на ночной вахте непременно обвязываться канатом, спасательная веревка должна всегда висеть на месте, стирать и есть только на палубе, по нужде ходить на самый край кормы. Когда возникал важный вопрос, мы по примеру индейцев созывали общее собрание и принимали решение сообща.

День на борту «Кон-Тики» начинался с того, что последний ночной вахтенный будил кока, который спросонок выбирался на увлажненную росой и залитую утренним солнцем палубу и начинал собирать летучих рыб. В отличие от полинезийцев и перуанцев, мы не ели рыбу сырой, а жарили ее на маленьком примусе, который стоял на дне ящика, прочно привязанного к палубе у входа в хижину. Вся наша кухня помещалась в этом ящике. Каюта заслоняла его от юго-восточного пассата, и, только когда ветер и волны слишком уж небрежно подбрасывали плот, случалось, что ящик загорался. А один раз кок задремал, и кухня запылала ярким пламенем, которое перебросилось на хижину. Дым просочился сквозь стену внутрь, и пожар был мигом потушен, благо за водой на «Кон-Тики» было недалеко идти.

Запах жареной рыбы не мог разбудить храпящих в каюте субъектов, и коку приходилось колотить их вилкой и

петь «Бери ложку, бери бак» таким гнусавым голосом, что невозможно было его слушать. Если у бревен не мелькали акульки плавники, мы для начала освежались в Тихом океане, после чего завтракали под открытым небом.

Меню было безупречное. Две экспериментальные диеты: одна, подсказанная квартирмейстером и XX веком, вторая — Кон-Тики и V. Первую диету испытывали на Торстейне и Бенгте — они ограничили свой стол хитроумными маленькими спецпайками, которые мы уложили между бревнами и бамбуковым настилом. Кстати, они вообще не очень-то любили рыбу и прочую морскую живность. А мы, остальные, ели все, чем нас могло снабдить море.

Со спецпайками дело обстояло просто. Раз в две или три недели мы поднимали настил и доставали несколько коробок, потом привязывали их к палубе перед каютой, чтобы были под рукой. Слой асфальта, которым мы залили коробки, вполне себя оправдал, а вот лежавшие тут же консервы разъела и испортила морская вода.

Конечно, Кон-Тики, когда он вышел в океан, не предполагал ни асфальтом, ни консервами, но он и без них мог решить проблему питания. Тогда, как и теперь, мореплаватели ели то, что брали с собой, и то, что добывали в пути. Покидая Перу после разгрома на озере Титикака, Кон-Тики мог выбирать между двумя маршрутами. Как посланец Солнца и вождь солнцепоклонников, он скорее взял курс на запад, чтобы, идя за солнцем, найти новую страну, где можно будет жить спокойно. У него был и второй вариант: плыть на плотках вдоль побережья на север и обосноваться где-нибудь подальше от тех, кто его изгнал. Но и в этом случае его все равно увлекло бы на запад. Стараясь держаться подальше от грозных скал и враждебных племен побережья, он, как и мы, оказался бы во власти юго-восточного пассата и течения Гумбольдта, которые понесли бы его в океан.

Какой бы путь ни избрали люди Кон-Тики, они, наверное, позаботились о провианте. Их главными продуктами питания были вяленая рыба, сушеное мясо и батат.

Когда древние моряки ходили на плотках вдоль засушливых берегов Перу, они старались захватить с собой побольше воды. Глиняным сосудам они предпочитали не боящиеся ни толчков, ни ударов высушенные тыквы. Еще удобнее было возить на плоту толстые стволы гигантского бамбука; все перемычки внутри просверливали, наливали воду и дырочку на конце либо затыкали деревянной пробкой, либо замазывали смолой. Под палубой можно было разместить в длину тридцать — сорок таких сосудов. Здесь они были закрыты от солнца, их все время омывала морская вода, температура которой в экваториальном течении не превышала 26—27 °С. Такой запас вдвое превосходил количество воды, которое израсходовали мы за все наше плавание, а ведь можно взять и больше, если привязать бамбуковые сосуды снизу к днищу плота, где они места не занимают и веса не прибавляют.

К концу второго месяца питьевая вода зацвела и стала противной на вкус. Но к этому времени плот давно миновал бедную дождями зону и вышел в такую область океана, где сильные ливни позволяли пополнять запасы. На каждого члена команды в день выдавался литр с четвертью, и далеко не всегда эта норма расходовалась полностью.

Если даже наши предшественники не успевали захватить с собой достаточно провианта, голод им не грозил, пока их несло богатое рыбой морское течение. За все наше плавание не было дня, чтобы вокруг плота не ходила рыба, и ее было легко поймать, а летучая рыба сама прыгала к нам на палубу. Иногда волны забрасывали на корму здоровенных вкусных бонит, и они бились на бревнах. Нет, умереть с голоду было просто невозможно.

Древние хорошо знали то, в чем во время войны убедились жертвы кораблекрушений: хочешь пить — жуй сырую рыбу. Если завернуть куски рыбы в тряпочку, можно выжать из них сок, а у крупной рыбы достаточно вырезать кусок в боку, и ямка быстро заполнится лимфой. Не очень-то вкусно, если у вас есть что-нибудь получше, но солей в этой жидкости мало и можно вполне утолить жажду.

Еще оно средство борьбы с жаждой — почаще купаться и, не вытираясь, ложиться в тень. Когда вокруг плота лениво ходили акулы, не пуская нас в море, мы ложились на бревна на корме, крепко держась за веревки. И Тихий океан щедро поливал нас кристально чистой водой.

Когда в жару вас мучит жажда, вам кажется, что организму нужна вода. И вы пьете без конца, а толку чуть. В тропиках в жаркий день можно до отказа накачаться теплой водой, и все равно хочется пить. А дело в том, что организму нужна не жидкость, а соль. Недаром в наших спецпайках лежали таблетки соли, и они были очень кстати в жару, когда пот лил с нас градом и мы теряли много соли. Бывало так: ветра нет, и солнце жарит вовсю. Опрокидываешь кружку за кружкой, вода уже булькает и плещется в животе, а во рту все так же сухо. Тогда мы добавляли в пресную воду от двадцати до сорока процентов морской; солоноватая смесь отлично утоляла жажду. Правда, во рту долго пахло морем, но на здоровье это не отражалось, зато мы сберегали пресную воду. Однажды во время завтрака шальная волна разбавила нам овсянку, и мы нечаянно открыли, что овес почти начисто уничтожает тошнотворный привкус моря.

В интереснейших преданиях полинезийцев сообщается, что, когда предки нынешних островитян плыли через океан, они утоляли жажду, жуя листья какого-то растения, которое везли с собой. Благодаря этим же листьям можно было в крайнем случае пить морскую воду, не боясь отравиться. На островах Полинезии таких растений не было; значит, надо их искать на родине мореплавателей. Полинезийские историки так настойчиво об этом говорили, что современные ученые решили разобраться и пришли к выводу, что есть только одно растение с такими свойствами — кока и растет оно исключительно в Перу. А в древнем Перу — об этом говорят раскопки — содержащая кокаин кока употреблялась не только инками, но и их предшественниками. В трудных горных переходах и далеких плаваниях они жевали листья коки, чтобы победить жажду и усталость. И эти самые листья позволяют недолго пить неразбавленную морскую воду.

На борту «Кон-Тики» не было коки, но в больших корзинах на носу мы везли другие растения, которые играли важную роль в жизни полинезийцев. Каюта надежно за-слоняла корзины от ветра, и вскоре появились желтые ростки и зеленые листья. Казалось, на плоту вырос небольшой тропический сад.

Когда европейцы впервые прибыли в Полинезию, на острове Пасхи, на Гавайских островах и на Новой Зеландии они увидели большие плантации батата. Он встречался и на полинезийских островах, но дальше на запад его не знали. На уединенных островах, где население в основном питалось рыбой, батат был одним из главных культурных растений. Ему посвящено немало преданий, и будто его привез сам Тики, когда вместе со своей женой Пани приплыл сюда, покинув родину, где сладкие клубни были важным продуктом питания. Новозеландские предания подчеркивают, что батат был привезен из-за моря не на пирогах, а на «связанных веревками бревнах».

Как известно, до плаваний европейцев Америка была единственным, кроме Полинезии, местом, где произрастал батат. Причем *Hipomoea batatas*, привезенный Тики на острова, — тот самый вид, который с древних времен выращивают индейцы Перу. Сушеный батат был основным провиантом как полинезийских мореплавателей, так и древних перуанцев. На островах Южных морей батат требует самого тщательного ухода, а так как он не переносит морской воды, то нелепо объяснять его появление здесь тем, что его будто бы принесло течением за восемь тысяч километров из Перу. Это тем более неубедительно, что на полинезийских островах батат называют «кумара», то есть так же, как называют его индейцы на севере Перу — это доказано лингвистами. Название пришло из-за океана вместе с клубнями.

Бутылочная тыква *Lagenaria vulgaris* — второе важное для Полинезии растение, которое мы везли с собой на «Кон-Тики». Причем корка была не менее важна, чем мякоть. Полинезийцы высушивали ее над огнем и использовали как сосуд для воды. Это типично огородное растение,

которое не может распространяться с морскими течениями, было известно и древнейшим полинезийцам, и исконным жителям Перу. Калebasы найдены в древних могилах в приморских пустынях Перу; здешние рыбаки пользовались ими задолго до того, как в Полинезии появился человек. Полинезийское название бутылочной тыквы — «ки-ми» — встречается в языке индейцев Центральной Америки, куда дотягиваются корни перуанской культуры.

Кроме разных южных фруктов, с которыми мы управились за неделю-другую, пока они еще не успели сгнить, у нас был с собой еще один плод — кокосовые орехи, которые наряду с бататом сыграли важную роль в истории тихоокеанских островов. Мы везли двести орехов — массаж для десен и запас освежающего напитка. Некоторые орехи быстро проросли, и через два с половиной месяца на плоту образовалась рошица — шесть-семь пальм ростом около фута, с плотными зелеными листьями. Еще до плаваний Колумба кокосовый орех рос и на Панамском перешейке, и в Южной Америке. Летописец Овьедо указывает, что испанцы застали на побережье Перу большие рощи кокосовых пальм. Задолго до этого кокосовый орех распространился на всех островах Тихого океана. Ботаники еще не знают точно, с какой стороны он сюда попал. Одно бесспорно: несмотря на свою мощную скорлупу, даже кокосовый орех не может без помощи человека переселиться через океан. Те орехи, которые мы везли в корзинах на палубе, благополучно добрались до Полинезии, их можно было есть, можно было сажать. А вот те, которые мы положили под палубу вместе со спецпайками, были испорчены морской водой. И ведь орех не поплывет быстрее, чем подгоняемый ветром бальсовый плот. Вода проникает внутрь через глазки, как только они загниют. К тому же в океане вдоволь «санитарных постов», они следят за тем, чтобы ничто съедобное не могло попасть своим ходом из одной части света в другую.

В тихие дни мы иногда встречали посреди океана одиноко плывущее на поверхности перышко. Буревестники и другие птицы умеют спать на воде, и мы видели их в ты-

сячах миль от суши. Рассмотрешь перышко поближе, а на нем лихо плывут по ветру два-три пассажира. Присмотрев рядом Голиафа — наш «Кон-Тики», — они живо смекали, что на этом судне места побольше и ход лучше. И, бросив перо на произвол судьбы, они во всю прыть скользили боком по поверхности воды к плоту. Вскоре у нас набралось множество безбилетников, маленьких пелагических крабов величиной с ноготь, от силы с пятак, довольно приятных на вкус, когда удавалось их отведать. Они всегда были начеку, не пропускали ничего съедобного. Прозевает кок во время утреннего обхода летучую рыбу, и через несколько часов на ней уже сидят восемь — десять крабиков, которые отщипывают кусочки своими крохотными клешнями. Они были очень робки и, заметив нас, спешили спрятаться. Но около колоды на корме, в небольшой ямке, поселился один совсем ручной крабик, которого мы прозвали Юханнес. У нас уже был один любимец — попугай; теперь мы и крабика приняли в нашу команду. В ясные солнечные дни вахтенный, сидя возле руля за хижинкой, чувствовал себя совсем одиноким в голубом океане, если рядом с собой не видел Юханнеса. Остальные крабики шарахались от нас, не забывая захватить с собой крошки — совсем как тараканы на настоящем корабле. Не таким был Юханнес. Круглый, широкий, он восседал у входа в свое убежище и пристально наблюдал за сменой вахты. Каждый новый вахтенный приносил ему либо крошку галеты, либо кусочек рыбы, и стоило наклониться над его убежищем, как он выходил навстречу и протягивал свои кулачки. Взяв клешнями крошку, он бегом возвращался в дом, садился у входа и уплетал угощение совсем как мальчишка, который ест что-то, не снимая рукавиц, в студеный зимний день.

Стоило забродившему от сырости кокосовому ореху лопнуть, как крабики облепляли его словно слепни. Или же они охотились на планктон и всякую морскую мелюзгу, которую приносили волны. Надо сказать, что планктон, как он ни мелок, пришелся по вкусу и нам, гулливерам, как только мы научились ловить достаточно, чтобы получился добрый глоток.

Да и кто усомнится в том, что эти почти незримые организмы, которых в Мировом океане несметное количество, питательны. Ведь нет такого обитателя моря, который не был бы в конечном счете обязан своим существованием планктону. Птицы и те из рыб, которые не питаются им непосредственно, поедают других рыб или морских животных, которые живут планктоном, иначе говоря, тысячами видов мельчайших организмов. Одни из этих организмов относятся к растительному миру — это фитопланктон; другие — зоопланктон — представляют собой икринки и микроскопических животных. Зоопланктон живет за счет фитопланктона, а этот последний поглощает аммоний, нитриты и нитраты, выделяемые при разложении погибшего зоопланктона. Образуется цепь, в которой каждое последующее звено живет за счет предыдущего, а вместе они — пища всех, кто плавает в толще воды или летает над водой. Их размеры малы, зато велико их количество. Есть места в море, где в стакане воды вы насчитаете тысячи мельчайших организмов. Сколько раз люди погибали посреди моря, потому что ни острогой, ни сетью, ни крючком не могли добыть рыбу. А между тем они нередко плавали по ухе, пусть даже сырой и несколько жидковатой. Будь у них кроме крючка и сети приспособление, чтобы фильтровать эту уху, и осадок, планктон, стал бы их пищей. Это как с зерном — нужно собрать много, чтобы насытиться. Но может быть, рыбки будущего научатся извлекать из моря планктон, как некогда земледelec научился собирать урожай в поле.

Биолог А. Д. Байков подсказал нам эту мысль и даже снабдил нас сетью, рассчитанной как раз на такую добычу. Сеть необычная, из шелковой нити, около трех тысяч ячеек на квадратный дюйм. Она была сшита в виде колпака и прикреплена к металлическому обручу диаметром в полтора фута. Этот колпак мы тащили на буксире за кормой. Улов колебался в зависимости от времени и места, как это всегда бывает. Чем дальше на запад, тем теплее была вода и меньше улов. Ночью мы ловили больше, чем днем: когда светит солнце, многие виды планктона уходят вглубь.

Даже если бы у нас не было других дел на плоту, мы не остались бы без развлечений — достаточно было заглянуть в планктонную сеть. Правда, запах был скверный. И аппетитным это зрелище тоже нельзя было назвать — все вместе выглядело тошнотворно. Но если разложить добычу на доске и разглядывать каждую тварь в отдельности, глазу открывалось бесконечное разнообразие самых поразительных форм и красок.

Преобладали крохотные, напоминающие креветок веслоногие рачки, а также икринки. Попадались эмбрионы рыб и моллюсков, удивительные миниатюрные крабы всех цветов радуги, медузы и бездна всякой мелочи, которая словно вышла из диснеевского фильма. Тут и какие-то трепещущие привидения, как будто вырезанные из целлофана, тут и миниатюрные красноклювые пичужки с панцирем вместо перьев. В мире планктона природа поистине дала волю своей безудержной фантазии; художник-сюрреалист не мог бы с ней справиться.

Там, где холодное Перуанское течение, не доходя экватора, сворачивает на запад, мы за несколько часов вылавливали до двух килограммов планктонного киселя. А так как сеть за это время проходила через разные скопления, то осадок напоминал многослойный торт с коричневым, красным, серым, зеленым слоями. Ночью, когда светились ноктилюки, казалось, что сеть наполнена сверкающими драгоценностями. Вытащишь из воды этот пиратский клад — и он превращается в миллионы крохотных рачков и эмбрионов, которые мерцали во мраке, будто угольки. Из сети улов вытряхивали в банку, и казалось, что какая-нибудь ведьма приготовила этот кисель из светлячков. Насколько красиво наша добыча выглядела издали, настолько жуткой была она вблизи. Запах отвратительный, а вкус превосходный, стоило набраться храбрости и отправить в рот ложку этих «углей». Когда в улове преобладали малюсенькие рачки, он вкусом напоминал паштет из омаров, креветок или крабов. А иногда нам казалось, что мы едим икру или даже устриц. Растительный планктон был либо так мал, что уходил с водой

через ячею, либо настолько велик, что его можно было выбрать руками. Сверху кисель покрывала «пенка» из организмов покрупнее — желеобразных простейших червей, напоминающих стеклянные ампулы длиной в сантиметр, и медуз. Они горькие на вкус, их надо выбрасывать. А все остальное можно есть или сырым, или сварив в пресной воде. Известно, на вкус и цвет товарища нет. Двоим из нашей шестерки планктон очень нравился, двое говорили — неплохо, а остальных двоих мутило от одного его вида. Питательностью планктон не уступает крупным моллюскам. Если умело приготовить его и подобрать приправы, получится первоклассное блюдо для тех, кто любит продукты моря.

Синий кит, самое большое животное в мире, — живое доказательство того, что в этой мелюзге предостаточно калорий: ведь он питается только планктоном. До чего же жалким и примитивным показался нам наш способ лова маленькой сетью, которую частенько рвали зубами голодные рыбы, когда мы однажды увидели пасущегося кита... Пуская вверх фонтаны, он преспокойно плыл мимо плота и процеживал воду с планктоном через свои усы. Они блестели, как целлулоидные.

— А вы бы тоже так попробовали, — ехидно предложили Торстейн и Бенгт, когда мы потеряли нашу планктонную сеть. — Вон какие бороды отрасли!

Я и раньше видел китов — издали, с парохода, а в музее — рядом, но там было чучело. Словом, настоящего контакта не было, и я никогда не воспринимал кита так, как воспринимаешь обычных теплокровных животных, скажем, лошадь или слона. Конечно, я знал, что биологически кит — самое настоящее млекопитающее, все-таки для меня он всегда оставался громадной холодной рыбиной. Это восприятие разом переменялось, когда мы столкнулись с могучими китами нос к носу.

В этот день мы сидели и ели, как обычно, у самого борта — достаточно протянуть руку, чтобы сполоснуть в море посуду. Неожиданно, мы даже вздрогнули от испуга, послышалось громкое лошадиное пыхтение. Мы оберну-

лись — огромный кит, да так близко, что видно, как дышало отливает внутри лаковым блеском. Услышать мощное дыхание в открытом море, где все плавающие твари беззвучно шевелили жабрами, было до того необычно, что мы прониклись теплым чувством к нашему древнему сородичу, которого, как и нас, занесло в океанские дали. От холодной, жабоподобной китовой акулы мы ни одного вздоха не слышали, то ли дело этот кит, напоминающий сытого, добродушного бегемота из зоопарка. Он опять запыхтел — ну до чего же симпатичное существо! — потом погрузился в воду и исчез.

Киты много раз навещали нас; чаще всего вокруг плота большими стаями резвились морские свиньи и касатки, но иногда, группами и поодиночке, подходили огромные кашалоты и усатые киты.

Порой они, как корабли, проплывали на горизонте, пуская вверх фонтаны, а порой шли прямым ходом на нас. В первый раз, когда здоровенный кит вдруг изменил курс и на всех парах пошел к плоту, мы решили, что сейчас произойдет страшное столкновение. Все ближе, ближе слышно мощное сопящее дыхание всякий раз, как голова высовывается из воды... Казалось, сквозь волны ломится громадное толстокожее неземное животное; и в самом деле — между китом и рыбой столько же общего, сколько между летучей мышью и птицей. Он шел к нам с левого борта, и мы столпились на краю плота, а наблюдатель крикнул с мачты, что за первым китом идут еще семь или восемь.

Всего каких-нибудь два метра отделяли от плота этот огромный, лоснящийся черный лоб, когда кит нырнул. Мы смотрели, как широченная иссиня-черная спина не спеша скользнула под плот у наших ног. И застыла там... Затаив дыхание мы разглядывали этот темный свод, который был куда длиннее нашего «Кон-Тики». Потом кит стал медленно погружаться в голубую толщу, пока совсем не исчез. Тут подошли остальные, но их плот вовсе не заинтересовал. Известны случаи, когда киты обращали во зло свою колоссальную силу и ударом хвоста топили китобойные суда, но перед этим они сами подвергались нападению.

Полдня вокруг нас то тут, то там раздавалось громкое сопение, и ни разу наши гости не задели плот. Они с явным наслаждением кувыркались в волнах, а в полдень как по сигналу дружно нырнули и уже больше не появлялись.

Не только китов можно было наблюдать под нашим плотом. Стоило приподнять циновки, на которых мы спали, и в щелях между бревнами видно голубую, кристально чистую воду. Приглядишься — то плавник мелькнет, то хвост, а то и целую рыбу рассмотришь. Будь щели на несколько дюймов пошире, мы могли бы, лежа в постели, прямо из-под матраца вытаскивать рыбу.

Особенно полюбился плот корифенам и лоцманам. Первые корифены подошли к нам недалеко от Кальяо, и с тех пор до самого конца путешествия не было дня, чтобы они не сновали вокруг нас. Поди угадай, чем их так притягивал плот? То ли им нравилась плавучая крыша, то ли манил наш огород из водорослей и ракушек, свисавших гирляндами с бревен и рулевого весла. Сначала бревна обволокла зеленая скользкая тина, дальше обрастание усилилось, и вскоре «Кон-Тики» стал похож на косматого водяного. А среди водорослей обосновались мальки рыб и наши безбилетные пассажиры — крабики.

Одно время нас совсем одолели маленькие черные муравьи. Они жили в срубленных нами бревнах, а когда мы вышли в море и древесина намокла, муравьи высыпали наружу и стали искать спасения в наших спальнях мешках. Не было уголка, куда бы ни проникали эти мучители, они кусали и преследовали нас, хоть прыгай за борт. Однако чем дальше мы уходили в океан, тем сырее становилось на плоту, и муравьи поняли, что очутились не в своей стихии. К концу плавания их уцелело лишь несколько.

Наряду с крабами лучше всех чувствовали себя на плоту морские желуди, достигавшие трех-четырёх сантиметров в длину. Они сотнями облепили бревна, особенно густо — с подветренной стороны. Соберешь сколько надо для супа, а на этом же месте развиваются новые. У них был приятный свежий вкус, а из водорослей мы делали салат — тоже можно есть, хотя и не так вкусно. И посто-

янно в наш огород, мелькая золотистым брюхом, заходили корифены; правда, нам так и не удалось подсмотреть, что они там едят.

Корифена — ярко окрашенная тропическая рыба. Те, которых мы ловили, были в длину от ста до ста тридцати пяти сантиметров, туловище плоское, очень высокая голова и спина. Один раз мы вытащили корифену длиной в сто сорок три сантиметра, высота головы — тридцать семь сантиметров. У этой рыбы великолепная расцветка: в воде чешуя переливалась сине-зеленым цветом, плавники сверкали золотом. А вытащишь ее на плот, и на твоих глазах происходит удивительное превращение. Засыпая, рыба сперва становилась серой с черными пятнами, потом сплошь серебристо-белой. Но через четыре-пять минут к ней постепенно возвращалась первоначальная окраска. Да и в воде корифена иногда меняет цвет, словно хамелеон. Заметишь какую-то «новую» рыбу медного цвета, присмотришься, а это наша старая знакомая — корифена.

Высокая голова, из-за которой корифена напоминает сплющенного с боков бульдога, всегда торчала из воды, когда хищница, словно торпеда, мчалась вдогонку за косяком летучей рыбы.

Когда корифена была в хорошем настроении, она поворачивалась на бок, разгонялась и выскакивала из воды высоко в воздух, потом шлепалась в море, как блин, только брызги летели. Тут же следовал новый прыжок, еще и еще, с волны на волну. Если же рыба была не в духе, — скажем, когда мы вытаскивали ее из воды, — она больно кусалась. Торстейн долго ходил с забинтованным пальцем ноги и прихрамывал: он зазевался и попал пальцем в рот корифене, а она как следует его цапнула. После плавания мы слышали, будто корифены нападают на купальщиков и пожирают их. Это было не очень-то лестно для нас, ведь мы ежедневно купались среди корифен, однако они упорно нас избегали... Но они настоящие хищники, это точно, мы находили у них в желудке и кальмаров, и целиком проглоченных летучих рыб.

Вообще летучая рыба — любимое блюдо корифен; они как бешеные бросаются на все, что шевелится у поверх-

ности, только бы не упустить лакомый кусок. Сколько раз бывало: выползешь, сонный, из каюты, сунешь зубную щетку в воду, и сразу весь сон долой — рыбина килограммов на пятнадцать выскакивает из-под плота и разочарованно тычется носом в щетину. Или сядешь с завтраком у борта — и вдруг тебя обдаёт фонтаном воды: это корифена исполнила свой любимый прыжок.

Торстейн однажды показал просто невероятный трюк — такие случаются только в рассказах хвастливых рыболовов. Мы сидели и обедали, вдруг он отложил в сторону вилку, окунул руку в воду, и не успели мы оглянуться, как море забурлило и к нам на палубу шлепнулась здоровенная корифена. Все объяснилось просто: Торстейн поймал обрывок лески, а на другом ее конце была слегка озадаченная корифена, которую Эрик упустил накануне.

Что ни день, вокруг плота и под ним кружили шесть или семь корифен. Очень редко их было только две-три; зато на следующий день мы могли насчитать и тридцать и сорок. Если нам хотелось свежей рыбы, достаточно было, как правило, сдать заказ коку за двадцать минут до обеда. Он привязывал леску к короткой бамбуковой палке и наживлял крючок половинкой летучей рыбы. Тотчас, рассекая лбом воду, какая-нибудь корифена бросалась на добычу, спеша опередить других. Она сильная, тянуть ее из воды одно удовольствие. У корифены отличное плотное мясо, вкусом что-то среднее между треской и лососем. Оно держалось свежим два дня, а нам дольше и не нужно было: рыбы в море хватало.

С рыбой-лоцманом мы познакомились иначе, через акул, после гибели которых осиротевшие лоцманы переходили к нам. Первые акулы навестили нас вскоре после начала путешествия, и потом мы их видели почти ежедневно. Иногда они подходили просто с проверкой — делают круг-другой возле плота и отправляются дальше искать добычу. Но чаще всего акулы пристраивались к нам в кильватер за рулевым веслом и бесшумно шли там, смекаясь то влево, то вправо, изредка чуть шевеля хвостом, чтобы не отстать от неторопливо скользящего по волнам

плота. Они держались у самой поверхности, качаясь вместе с волнами, и спинной плавник зловеще торчал из воды, а серо-синее туловище казалось бурым в лучах солнца. Большие валы поднимали их выше плота. Смотришь на гребень, а там, словно за стеклянной стеной, прямо на тебя не спеша идет акула, и лоцманы снуют у нее перед мордой. Так и кажется, что сейчас вместе со своей полосатой свитой очутится на палубе. Но тут же плот, накренившись, взмывал на гребень и переваливал через него.

Первое время мы относились к акуле с большим почтением — такая уж у нее слава, да и вид грозный. Зеленые мускулы веретенообразного туловища обладают невероятной силой, а широкая плоская голова с кошачьими глазками и громадной — футбольный мяч войдет — пастью олицетворяет беспощадную кровожадность. Заслышав крик рулевого: «Акула слева!» или: «Акула справа!» — мы хватали гарпуны и остроги и становились вдоль борта. Хищницы частенько подходили вплотную к бревнам, но остроги гнулись, как лапша, от встречи с наждачной спиной акулы, а гарпуны обламывались, и наше почтение к противнику только росло. Когда же нам все-таки удавалось пробить эту толстую кожу и поразить мускулы или хрящевой череп, это приводило лишь к тому, что после короткой ожесточенной схватки акула срывалась и уходила, окатив нас с ног до головы водой, и только жирное пятно расплывалось на поверхности моря.

Не желая терять последний гарпунный наконечник, мы связали гроздь из самых больших рыболовных крючков и наживили их корифеной. Из многожильного стального канатика сделали поводок, для лесы отрезали кусок от нашей спасательной веревки и закинули приманку. Акула уверенно, не спеша подошла к ней, распахнула огромную полукруглую пасть, так что рыло высунулось из воды, и корифена целиком исчезла в ее глотке. Попалась, проклятая! И давай отбиваться, вода в пену превратилась, но мы крепко держали веревку и подтянули зверюгу к корме. Она лежала в воде, разинув пасть, словно хотела нас напугать видом своих зубов, которые торчали, как

пилы, но тут мы, улучив миг, с помощью набежавшей волны затащили добычу волоком на скользкие от тины бревна. Набросили ей на хвост петлю, чтобы не ушла, и отскочили в сторону, пока длился воинственный танец.

В хрящевом черепе первой добытой нами акулы мы обнаружили один из наших гарпунных наконечников и решили, что именно эта рана помогла нам одержать сравнительно легкую победу. Но за первой последовала вторая, третья, и каждый раз все шло как по маслу. Конечно, акулы бились и вырывались, и тянуть их было тяжеловато, но, если мы не отпускали лесу ни на дюйм, хищницы быстро падали духом и сдавались. Мы ловили бурых и синих акул длиной от двух до трех метров. У бурых шкура настолько крепкая, что мы еле-еле могли ее проткнуть острым ножом. Причем на брюхе кожа такая же прочная, как на спине, и единственное уязвимое место хищницы — жабрные щели позади головы, по пяти с каждой стороны.

Вытащишь из воды акулу, на ней сидят скользкие черные прилипалы. Овальный присосок на макушке плоской головы позволял им буквально прирастать к акуле, сколько ни тяни за хвост — не оторвешь. А сами они

мгновенно отцеплялись и перескакивали на другое место. Когда до них доходило, что «хозяин» уже не вернется в родную стихию, прилипалы сквозь щели в плоту ныряли в море и шли искать другую акулу. Не найдет акулу — на время прицепится еще к какой-нибудь рыбе. Нам попадались прилипалы длиной от десяти до тридцати сантиметров. Мы решили испытать старую уловку полинезийцев: поймав живую прилипалу, они привязывали ей за хвост веревку и пускали обратно в воду. Прилипала присасывалась к первой попавшейся рыбе, да так крепко, что удачливый рыбак мог вытащить за веревку обеих. Но у нас ничего не получилось. Каждый раз, когда мы выпускали в воду прилипалу, она немедленно присасывалась к ближайшему бревну нашего плота, должно быть, принимая его за редкостно крупную акулу. И сколько ни тяни — не оторвешь. Постепенно среди ракушек на днище плота собралась целая колония небольших прилипал, и они прошли так с нами через весь Тихий океан.

Но прилипала глупа и безобразна, и как домашнее животное нам гораздо больше нравился веселый лоцман. Это небольшая сигаровидная рыбка, полосатая, как зебра; лоцманы стаями вертятся перед носом акулы, образуя ее свиту. Свое название они получили потому, что их долго считали как бы проводниками плохо видящих акул. На самом деле лоцманы сами лишь слепо следуют за акулой и уходят вперед только тогда, когда в поле зрения появляется что-то съедобное. Лоцманы тоже до последней секунды оставались верны своему господину и повелителю. Но ведь они, в отличие от прилипалы, не могут судорожно уцепиться за хозяина и совсем терялись, когда тот вдруг возносился в воздух и больше не возвращался. Они ошалело метались взад-вперед, искали акулу, снова и снова возвращались к тому месту, где потеряли ее. А акулы нет как нет, и приходилось им искать себе нового покровителя. Кстати, под рукой был наш «Кон-Тики».

Окунешь голову в чистую, как стеклышко, воду, и днище плота предстанет твоему взгляду, словно брюхо морского чудовища. Вон там хвост (рулевое весло), вот тупые

плавники (шверты), а между ними бок о бок плавали усыновленные нами лоцманы. Булькающая пузырями человеческая голова их ничуть не смущала, разве что один-два разведчика подойдут, обнюхают вам нос и тотчас возвращаются в строй.

Наши лоцманы составили два отряда: большинство держалось между швертами, остальные шли веером перед носом плота. Иногда, завидев что-нибудь съедобное, они бросались вперед. А когда мы после еды споласкивали посуду, можно было подумать, что кто-то высыпал в воду целый ящик живых полосатых сигар: каждая крошка тщательно исследовалась, и все, кроме растительной пищи, исчезало в желудках лоцманов. Причудливые рыбешки с таким чисто детским доверием искали у нас защиты, что мы испытывали к ним какое-то отеческое чувство. Строгое табу охраняло этих подводных домашних животных «Кон-Тики» от посягательств со стороны членов команды.

Среди наших лоцманов были еще совсем юные, меньше дюйма в длину, но преобладали полуфунтовые. Когда китовая акула, которую поразил гарпуном Эрик, молнией ринулась прочь, часть ее лоцманов переметнулась к победителю; они были около двух футов в длину. После серии побед над акулами свита «Кон-Тики» выросла до сорока—пятидесяти лоцманов. Многим из них наш неторопливый ход и крошки с нашего стола настолько пришлись по вкусу, что они плыли за нами много тысяч километров.

Но не все оставались нам верны. Однажды, когда я стоял на руле, море к югу от плота закипело: косяк корифен пронизывал волны, словно серебристые торпеды. Они не плескались игриво, а неслись как безумные, больше по воздуху, чем по воде. Спасаящиеся бегством корифены вспенили голубые валы, а следом, словно глассер, зигзагами мелькала над водой черная спина. Возле плота объятые ужасом корифены ушли вглубь, но около сотни из них, идя плотным слоем, свернули на восток, и море за кормой вспыхнуло яркими красками. Лоснящаяся спина изогнулась в воздухе, красиво нырнула под плот и стрелой метнулась вдогонку за косяком. Мы успели разгля-

деть здоровенную синюю акулу длиной в пять—шесть метров. Через минуту она исчезла вдали, и с ней — многие наши лощманы, которым новый герой показался интереснее, чем наш «Кон-Тики».

Но изо всех морских чудовищ нам особенно советовали остерегаться гигантского кальмара, который был способен забраться на плот. В Географическом обществе в Вашингтоне мы видели отчеты и драматические фотографии, снятые в одном из районов течения Гумбольдта, где в огромном количестве водились чудовищные кальмары, ночью всплывающие к поверхности. Мол, они настолько прожорливы, что, если один попадет на крючок, соблазненный куском мяса, другие тотчас принимаются поедать своего незадачливого сородича. Своими громадными ручищами кальмар может задушить самую большую акулу, его присоски оставляют страшные следы на коже кита, да еще в основании щупалец скрыт грозный, хищный клюв. Всплывает ночью и лежит на воде, сверкая своими светящимися глазами, а щупальца у него такие длинные — весь плот обшарят, а то и сам на палубу влезет. Проснуться ночью оттого, что холодная рука тянет тебя за шею из спального мешка, нам вовсе не улыбалось, и мы запаслись острыми, как сабля, мачете, на случай, если попадем в объятия кальмара. Эта угроза казалась нам всего страшнее, когда мы собирались в путь, тем более что перуанские океанологи тоже говорили об этом и даже показали на карте самый опасный участок — как раз посреди течения Гумбольдта.

Мы долго не замечали никаких кальмаров ни на плоту, ни в море. Но вот однажды утром мы получили первый сигнал. Когда рассвело, на плоту лежал детеныш кальмара величиной с кошку. За ночь он неведомо как взобрался на плот и теперь лежал мертвый перед входом в хижину, обхватив щупальцами бамбуковые жерди. Возле него чернела лужица густой жидкости, и по палубе тянулась дорожка того же цвета. Заполнив несколько страниц в судовом журнале этими чернилами, напоминающими тушь, мы выбросили гостя за борт, к большой радости корифен.

Этот скромный эпизод мы восприняли как предупреждение. Теперь жди посетителей здоровее... Если детеныш смог влезть на плот, то и его прожорливые родители сумеют. Должно быть, наши предки викинги, когда сидели в своих ладьях и ждали, что вот-вот встретят морского змея, чувствовали примерно то же самое.

Но то, что произошло дальше, нас озадачило. Рано утром мы нашли совсем маленького кальмаренка на крыше каюты. Головоломка! Сам он туда не влез, это видно по тому, что нигде не было чернильных пятен, только черное кольцо вокруг самого «младенца». Его не уронила на крышу морская птица, иначе мы нашли бы метки от клюва или когтей. Видимо, его забросило туда волной, хотя никто из ночных вахтенных не мог припомнить такой здоровенной волны. И пошло: что ни утро — новые находки, причем самые маленькие кальмарята были длиной с палец.

Стало обычным, что мы по утрам вместе с летучей рыбой подбирали на палубе одного-двух маленьких кальмаров, даже если ночью не было никакого волнения. Вот уж поистине дьявольское отродье: восемь длинных рук, усеянных присосками, да еще два ловчих щупальца с крючками на концах. Но крупные кальмары не делали попыток забраться на плот. В темные ночи мы наблюдали на поверхности моря светящиеся глаза, а однажды днем вода вдруг забурлила, закипела, и в воздухе будто закрутились большие колеса, при этом часть наших корифен бросилась наутек, выскакивая из воды. Но только через два насыщенных событиями месяца, после того, как мы вышли из пресловутого кальмарового района, мы получили ответ, почему взрослые не поднимались на борт, хотя их потомство каждую ночь навещало нас.

Мы по-прежнему собирали на палубе кальмарят. И вот в одно солнечное утро мы все увидели, как что-то вырвалось из воды и с шумом взлетело в воздух, словно большие капли дождя, спасаясь от вспенивших море корифен. В первую минуту мы подумали, что это еще какой-то вид летучей рыбы; мы уже познакомились с тремя. Но когда рой блестящих капель приблизился к плоту, летя на высо-

те полутора метров, что-то ударило Бенгта в грудь, шлепнулось на палубу и обернулось... маленьким кальмаром. Мы немного удивились и поместили малыша в брезентовое ведро с морской водой. Он напрягся и пошел вверх, но в ведре не мог хорошо разогнаться и лишь наполовину выскочил из воды. Известно, кальмар перемещается по тому же принципу, что реактивный самолет. С огромной силой он проталкивает воду через канал внутри тела и быстрыми рывками плывет задом наперед, а собранные в гроздь щупальца тянутся за головой, делая кальмара обтекаемым. Две округлые, мясистые кожные складки по бокам работают как руки и как весла, когда кальмар не топчется. А теперь мы еще узнали, что не умеющие постоять за себя кальмарята, любимое блюдо многих крупных рыб, уходят от погони, взлетая в воздух, как и летучие рыбы. Они освоили реактивное движение задолго до того, как до этого додумался человеческий гений. Прокачивая сквозь себя воду, они набирают хорошую скорость и, действуя кожными складками как крыльями, под острым углом выскакивают из воды. И парят над волнами, сколько хватит разгона. Мы часто видели, как маленькие кальмары пролетали сорок — пятьдесят метров, либо в одиночку, либо по двое, по трое. Зоологи, которым мы потом рассказывали об этом, никогда раньше не слышали, что кальмар умеет планировать в воздухе.

На тихоокеанских островах меня часто угощали кальмаром: на вкус это помесь омара с резиной. Но на «Кон-Тики» кальмар занимал в меню самое последнее место. И когда на палубу сваливался такой неожиданный дар, мы спешили обменять его на что-нибудь другое. Обмен происходил просто: забросишь крючок, наживленный кальмаром, и вытащишь хорошую рыбину. Даже тунцы и бониты жадно брали такую приманку, а они у нас шли по высшему разряду.

Дрейфуя с волнами, мы встречали не только знакомые виды. В нашем дневнике много записей такого рода:

«11/V. Сегодня вечером, когда мы ужинали на краю плота, рядом с нами два раза всплыло какое-то громадное

морское животное. Вспенит всю воду и исчезнет. Мы не могли понять, что это такое».

«6/VI. Герман видел толстую рыбу с темной спиной и белым брюхом, у нее был тонкий хвост и много шипов. Она выскакивала из воды справа от плота».

«16/VI. Слева по носу замечена странная рыба. Длина — два метра, ширина — один фут, коричневая, длинное, тонкое рыло, на спине около головы большой плавник, посередине — второй, поменьше, огромный серповидный хвостовой плавник. Держалась у поверхности, иногда плавала, как угорь, извиваясь всем туловищем. Ушла вглубь, когда мы с Германом взяли гарпун и сели в надувную лодку. Потом появилась опять — и снова нырнула, уже насовсем».

На следующий день:

«В полдень Эрик с верхушки мачты заметил тридцать—сорок длинных, тонких бурых рыб такого же рода, как виденная нами вчера. Они шли очень быстро с левого борта и исчезли вдаль за кормой, слившись в сплошное бурое пятно».

«18/VI. Кнют наблюдал какое-то тонкое, похожее на змею животное, длиной в два-три фута, оно стояло в воде торчком у самой поверхности, потом ушло вглубь, извиваясь по-змеиному».

Два или три раза мы проплывали мимо чего-то темного, громадного, неподвижно застывшего у самой поверхности, ну прямо подводный риф. Наверное, это был грозный гигантский скат; но сам он не двигался с места, а мы не могли подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть его.

Понятно, в таком обществе мы не могли пожаловаться на скуку. Но иногда мы не были ему рады, скажем, когда надо было самим лезть в воду, чтобы осмотреть днище. Как-то раз одна из швертовых досок отвязалась и ушла в щель под плот. Там она за что-то зацепилась, и мы никак не могли ее вытащить. Лучшими ныряльщиками считались у нас Герман и Кнют. Дважды Герман нырял под плот и, окруженный корифенами и лоцманами, тянул и дергал доску. Только он вынырнул после второго захода и

сел на краю плота перевести дух, вдруг мы в каких-нибудь трех метрах увидели восьмифунтовую акулу, которая шла откуда-то снизу курсом на ноги Германа. Возможно, мы ее зря обидели, но нам показалось, что акула замыслила недоброе, и мы всадили ей в голову гарпун. Акула вознегодовала, и завязалась лихая схватка. В итоге хищница ушла, оставив на поверхности воды маслянистое пятно, а доска осталась лежать под плотом.

И тут Эрику пришло в голову смастерить водолазную корзину. Мы не были богаты сырьем, но нашелся бамбук, нашлись веревки и старая корзина из-под кокосовых орехов. Мы надставили корзину бамбуковыми жердями и заплели веревками пространство между ними. Теперь можно было спускаться под воду. Наши ноги — приманка для морских хищников — были скрыты в корзине. Правда, веревочная сетка была скорее психологической, чем реальной защитой, но в крайнем случае можно было, заметив что-то опасное, присесть и сжаться в комок, а друзья на палубе мигом вытянут тебя из воды.

Эта водолазная корзина сочетала в себе полезное и приятное. Постепенно она стала для команды своего рода увеселительным учреждением, ведь мы теперь могли вволю изучать плавающих аквариум под нашим «Кон-Тики».

Когда на поверхности океана катили длинные, ленивые валы, мы поочередно опускались в корзину и сидели под водой, сколько хватало дыхания. Здесь царило своеобразное освещение, приглушенное и без теней. И не поймешь, откуда свет идет, не то что в надводном мире. Блики сверкают и вверху и внизу; и солнце не где-то в определенной точке, а словно равномерно разлито повсюду. Днище плота купалось в ярком магическом свете — вот они, девять могучих бревен и сеть веревочных креплений, а по краям и вдоль рулевого весла колышутся светло-зеленые гирлянды водорослей. Идут, послушно держа строй, лощманы — эти зебры в рыбьем обличе; вокруг них нервно скользят прожорливые корифены. Светится розовая древесина торчащих из щелей швертов, усеянных мирными колониями светлых морских уток, которые

мерно взмахивают желтой бахромой жабер, добывая себе пищу и кислород. При опасности они тотчас захлопывали створки с желтоватой или розовой каймой и не открывали дверь, пока враг не уйдет. После яркого тропического солнца подводный свет казался нам удивительно мягким, чистым и приятным. Даже если смотреть вниз, где в пучине таится вечная ночь, глаз ласкает голубое сияние пронизанной солнцем толщи. И на самом дне этой хрустальной толщи можно различить рыб — то ли бониты, то ли еще кто-то, не опознать: уж очень глубоко. Иногда они шли огромными косяками. Может быть, в полосе течения всегда много рыбы? Или их привлек наш «Кон-Тики» и они решили несколько дней провести в нашем обществе?

Мы особенно любили спускаться в корзину, когда нас навещали шеголяющие золотистыми плавниками огромные тунцы. Иногда они ходили косяками, но чаще всего по двое, по трое и несколько дней подряд мерно скользили вокруг плота, если только не попадались на наши крючки. Смотришь с плота — неуклюжие бурые туши, никакого изящества. А окунешься в их родную стихию — что за штука: и цвет не тот, и рыба не та! До того разительная перемена, что мы возвращались на плот проверить, не обознались ли. А они на нас ноль внимания, плывут как ни в чем не бывало, но до чего же изящные, элегантные, никакая другая рыба с ними на сравнится. Цвет металлический, с фиолетовым отливом. Этакая увесистая торпеда из сверкающей стали и серебра, идеально обтекаемая форма, безупречно отрегулированная плавучесть. Чуть шевельнет одним, другим плавником, и семидесяти-восьмидесятикилограммовая туша удивительно легко рассекает воду.

И чем ближе мы соприкасались с морем и его обитателями, тем лучше его понимали, тем увереннее себя чувствовали в нем. Мы прониклись уважением к первобытным людям, которые жили в Тихом океане, а потому воспринимали его совсем не так, как мы. Спору нет, мы определили солевой состав, дали тунцу и корифене латинские имена. Древние до этого не додумались. И все-таки, сдается мне, их представление о море было вернее нашего.

Океан не баловал нас твердыми ориентирами. Волны и рыбы, солнце и луна — все непрерывно перемещалось. Мы с самого начала зарубили себе на носу, что на протяжении всех восьми тысяч километров от Перу до островов Южных морей суши не будет. Тем сильнее мы удивились, когда, подойдя к 100° западной долготы, прямо по курсу увидели на карте пунктирный кружочек, обозначающий риф. И так как карта была совсем свежая, мы поспешили раскрыть «Лоцию для Южной Америки», где прочли:

«В 1906 году, а затем в 1926 году были получены сообщения о бурунах, наблюдавшихся примерно в 600 морских милях к юго-западу от Галапагосских островов, на 6°42' южной широты и 99°43' западной долготы. В 1927 году с судна, проходившего в одной морской миле к западу от этой точки, ничего не было замечено, в 1934 году другое судно прошло в миле к югу и также не обнаружило бурунов. В 1935 году теплоход «Каури» производил в этой точке промеры до глубины 160 саженей, но дна не достал».

Судя по карте, район этот все же считался ненадежным, и мы решили идти прямо к загадочной точке и обследовать ее, ведь плот не корабль, ему мели не так страшны. Риф был помечен чуть севернее предполагаемой линии нашего дрейфа, поэтому мы повернули парус и руль так, чтобы нос плота смотрел на север. Теперь мы принимали ветер и волны с правого борта, а тут еще посвежело, и в итоге Тихий океан чаще обычного совал нос в наши спальные мешки. Нас утешало то, что «Кон-Тики» доказал свою способность уверенно идти под неожиданно большим углом к ветру. Правда, стоило нам выйти из бакштага, как начиналась потасовка, чтобы снова подчинить себе плот. Двое суток шли мы курсом норд-норд-вест. А ветер дул то с востока, то с юго-востока, стройные шеренги волн поломались, гребни норовили поднять нас, но плот переваливал через них. На мачте постоянно кто-нибудь сидел, ловя секунды, когда «Кон-Тики» взлетал на высокой волне и кругозор увеличивался. Валы вздымались на два метра над каютой, а когда две волны сталкивались, они, борясь между собой, поднимались еще

выше, и невозможно угадать, куда обрушится шипящий гребень... На ночь мы нагромоздили ящики у входа в каюту, но это нас не спасло. Только уснули, вдруг на стену обрушился первый удар, тысячи струек прорвались сквозь щели, а через ящики внутрь ринулся пенящийся каскад.

— Позвоните водопроводчику, — послышался чей-то сонный голос. Но водопроводчик не пришел, и, как мы ни жались к стенкам, чтобы вода могла стекать через пол, за ночь к нам в постели натекло столько воды, что купаться не надо. А во время вахты Германа волна забросила на плот здоровенную корифену.

На следующий день пассат решил, что хватит метаться, лучше дуть прямо с востока, и волны утихомирились. Плот должен был достичь заветной точки еще до полудня, и мы то и дело сменялись на мачте. В этот день мы наблюдали особенно много разных рыб, может быть, потому, что смотрели внимательнее.

Утром увидели большую меч-рыбу, которая мчалась прямо на плот. Между двумя острыми плавниками, торчавшими из воды, было метра два; меч казался таким же длинным, как туловище. У самой кормы плота меч-рыба заложила крутой вираж и скрылась за гребнями. А когда мы принялись за обед, приправленный морской водой, конусовидная волна рядом с нами подняла вверх большую черепашу, широко растопырившую свои лапы. Через секунду волна схлынула и черепаха пропала так же внезапно, как появилась. Мы успели только заметить, что под ней бледно-зелеными молниями сверкали корифены. Здесь было на редкость много крохотных, не больше дюйма, летучих рыб. Они целыми косяками взлетали в воздух и часто приземлялись на плоту. Появились поморники, то и дело над плотом кружили фрегаты — хвост как ножницы, этакие здоровенные ласточки. Принято считать, что фрегаты не улетают далеко от суши, поэтому настроение на борту сразу поднялось.

— Глядишь, найдем песчаную косу или хотя бы подводный камень, — мечтали ребята.

А самый главный оптимист сказал:

— Вдруг там зеленый бугорок торчит, здесь же почти никто не бывал! Откроем остров и назовем его Кон-Тики!

Начиная с полудня Эрик все чаще взбирался на кухонный ящик и колдовал с секстантом. В 18.20 он объявил, что наши координаты — $6^{\circ}42'$ южной широты и $99^{\circ}42'$ западной долготы. Всего одна миля отделяла нас от помеченного на карте рифа. Мы спустили рею и убрали парус. Ветер восточный, он приведет нас точно в нужное место. Солнце нырнуло в океан, и луна включила на полную мощность свой прожектор, осветив морскую гладь: от края до края — черные тени, серебряные блики. Видимость с мачты была хорошей. Куда ни погляди — длинные шеренги волн, и всюду рушатся гребни, но нигде не видно бурунов, указывающих на отмель или риф. Спать не хотелось, все жадно всматривались в горизонт, на мачте висело сразу по два, по три человека. Мы медленно проходили над заветным местом, непрерывно промеряя глубину. Весь наш запас свинцовых грузил был привязан к восьмиметровому шелковому канатику в пятьдесят четыре нитки. Даже если считать наклон из-за сноса, наш лот достигал глубины не меньше шестисот метров. Но ни к востоку от помеченной точки, ни в ней самой, ни к западу от нее мы не нащупали дна. Напоследок еще раз внимательно осмотрели все до самого горизонта, убедились, что можно считать район обследованным и свободным от каких-либо мелей, потом подняли парус и легли на прежний курс, заданный самой природой. Опять наш плот шел в левый бакштаг, опять волны обрушивались на корму и здесь же уходили в щели между бревнами. Можно было спать в сухой постели и есть, не опасаясь душа, хотя ветер снова принялся метаться от востока к юго-востоку и волны затеяли лихую потасовку.

Разыскивая мнимый риф, мы узнали кое-что о том, как работают наши шверты. Позднее Герман и Кнют, вместе нырнув под плот, вытащили наконец пятую доску, и мы совсем приблизились к разгадке секрета этих приспособлений, который был утрачен, когда индейцы перестали ходить на плотах. Нетрудно было сообразить, что эти доски — своего рода шверткиль, позволяющий идти

под углом к ветру. Но ведь первые испанские путешественники сообщали, что индейцы, выйдя в море, «управляли» плотом «с помощью досок, которые они просовывали в щели между бревнами». Это казалось непостижимым всем, кто занимался загадкой швертов, в том числе и нам. Ведь доска плотно зажата в щели, ее нельзя повернуть, какой же это руль?..

Вот как раскрылся секрет.

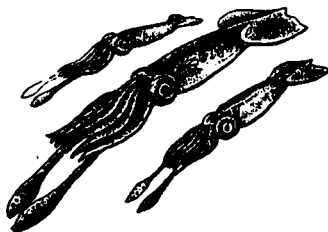
Дул ровный ветер, волны улеглись, и «Кон-Тики» уже несколько дней выдерживал курс при закреплённом рулевом весле. Тут мы просунули выловленную доску в щель на корме — в ту же секунду плот рыскнул на несколько градусов к северо-западу и пошел новым курсом. Вытянули доску обратно — «Кон-Тики» вернулся на прежний курс. Опустили — опять повернул: вытянули наполовину — пошел средним курсом. Не трогая рулевого весла, а только манипулируя швертом, мы могли менять курс. В этом и заключалась гениальная идея индейцев. Они создали простую систему равновесия, где мачта и парус играли роль опорной точки, фиксированной давлением ветра. Плечами рычага служили передняя и задняя части плота. Если общая площадь швертов в задней части «перевешивала», плот рыскал, если же «перевешивали» носовые доски, плот уваливался. Меньше всего, естественно, влияют шверты, расположенные ближе к мачте, они образуют более короткое плечо. Если идти прямо на фордевинд, доски перестают действовать, но тогда все время надо рулить веслом, чтобы выдерживать курс; к тому же, идя перпендикулярно волне, плот не так легко переваливал через гребни, сказывалась его длина. А так как вход в каюту и кухня-столовая были в правой части плота, мы предпочитали идти левым бакштагом.

Конечно, можно было так и продолжать плавание — пусть рулевой маневрирует швертом, вместо того чтобы тянуть весло. Но мы уже приноровились к веслу и рулили им, а швертами только задавали общий курс.

Следующая важная веха на нашем пути была такой же невидимой, как таинственный риф.

На сорок пятый день плавания мы прошли 108° западной долготы и завершили первую половину нашего путешествия. Позади, в четырех тысячах километрах на восток, лежала Южная Америка, и ровно столько же осталось до Полинезии на западе. Ближайшая суша — Галапагосские острова, направление ост-норд-ост, и остров Пасхи точно на зюйд, но и до них не близко: две тысячи километров. За все эти дни мы не встретили ни одного судна и, как видно, не встретим, ведь мы идем вдали от обычных путей.

Но мы не чувствовали этих огромных расстояний, потому что наш кругозор не менялся, горизонт перемещался вместе с нами, и мир наш ограничивался все той же полусферой небосвода с плотом в центре, и каждую ночь над головой загорались одни и те же звезды.

Глава шестая

ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН. II

Потешное судно. — Прогулка на надувной лодке. — К чему приводит развязность. — Без ориентиров. — Бамбуковая хижина в океане. — На долготе острова Пасхи. — Загадка острова Пасхи. — Боги-великаны и каменные исполины. — Парики из красного камня. — Творения «длинноухих». — Тики — связующее звено. — Красноречивые наименования. — Мы ловим акул руками. — Попугай. — Вызывает LI2B. — Звездный компас. — Три волны. — Шторм. — Кровь в воде, кровь на палубе. — Человек за бортом. — Еще один шторм. — «Кон-Тики» становится разболтанным. — Привет из Полинезии.

Если море вело себя смирно, мы сели в надувную лодку и отправлялись на прогулку с фотоаппаратом. Никогда не забуду первый раз, когда двое из команды, видя, что погода тихая, решились спустить на воду этот резиновый пузырь и прогуляться на нем по волнам. И только отъехали от плота, как выпустили из рук маленькие весла

и покатались со смеху. Лодка то поднималась на гребне, то ныряла в ложбину, а они, глядя на нас, хохотали так, что гул стоял над Тихим океаном. Мы растерянно посмотрели налево, направо... Ничего смешного, разве что наши обросшие физиономии, но к ним-то они давно должны были привыкнуть. Постой, уж не сошли ли они с ума? Очень просто — солнечный удар и все такое... Между тем двое приятелей до того обессилели от смеха, что еле добрались обратно до «Кон-Тики». Вытерли глаза, перевели дух и предложили нам самим сесть в лодку и полюбоваться.

Мы с Кньютом прыгнули в качающуюся резиновую лодку; в ту же минуту нас отнес в сторону могучий вал. Теперь уже мы расхохотались, да как! Пришлось срочно грести к плоту, чтобы успокоить последнюю двойку, пока они не решили, что мы все безнадежно свихнулись.

А смеялись мы потому, что очень уж дико и нелепо выглядело со стороны наше гордое судно со своей командой. До сих пор мы просто не знали, как все это смотрится в открытом море, а зрелище было презабавное. Малейшая волна заслоняла бревна, и мы видели, да и то не всегда, лишь торчащую из воды низенькую хижину с широким входом и лохматой крышей. Словно в океан невесть откуда занесло старый норвежский сарай — скособочившийся сеновал, занятый загорелыми бородатыми бродягами. Наверно, точно так же мы бы смеялись, увидев, что за нами гонится корыто, полное гребцов. Гребни волн катили чуть не вровень с крышей, и казалось, что вода без помех вторгается прямо в дверь, захлестывая глазающих бородачей. Но вот сарайчик снова всплыл, и бродяги лежат как лежали — все такие же косматые и невозмутимые. За волнами повыше исчезала не только хижина, но и мачта и парус, а схлынет — сеновал тут как тут, никуда не делся.

Поглядишь так со стороны на это хлипкое сооружение, и даже удивительно, что до сих пор все обходилось благополучно.

Но в следующий раз, когда мы вышли на лодке за порцией здорового смеха, чуть не случилась беда. Мы недооценили силу ветра и волн, «Кон-Тики» рассекал волны

гораздо быстрее, чем мы думали. Пришлось нам крепко поработать веслами, чтобы догнать своенравный плот, который не мог остановиться и подождать нас, не говоря уже о том, чтобы развернуться и подойти к нам. Ребята спустили парус, но каюта-то оставалась, и ветер гнал плот на запад с такой скоростью, что мы на круглой пляшущей лодчонке еле-еле поспевали за ним, орудуя крошечными веслами. Только бы не потерять друг друга — эта мысль владела всеми. Немало неприятных минут мы пережили, прежде чем нагнали отбившийся от рук плот и воссоединились с товарищами.

С того дня было строго-настрого запрещено выходить на надувной лодке, не привязавшись к плоту длинным канатом, чтобы в случае чего ее можно было подтянуть обратно. И лишь когда ветер совсем стихал и волны вели себя смирно, мы решались отойти подальше. Несколько таких дней выдалось примерно на полпути, среди простершегося во все стороны могучего океана. Мы спокойно покидали «Кон-Тики» и гребли в голубую даль между небом и морем. Посмотришь — плот все меньше и меньше, парус словно непонятная клеточка на горизонте; и в душу закрадывается чувство предельного одиночества. Под нами синее море, над нами синее небо, и, встречаясь, они незаметно сливались воедино. И вот уже кажется, что мы свободно парим в воздухе, и ничего кругом, только синева, ни единого ориентира, кроме тропического солнца. Маленький парус вдаль тянул нас к себе, будто магнит. Мы наваливались на весла, спешили забраться на плот, возвращаясь в родной и близкий мир, и словно обретали твердую почву под ногами. А в хижине — тень, запах бамбука и увядших пальмовых листьев. И солнечная прозрачная синева заключена в рамки открытой двери. Так-то лучше, привычнее, пока опять не начнет манить голубая безбрежная даль...

Удивительно, как влияла на душу наша хрупкая бамбуковая хижина. Размер — восемь на четырнадцать футов; чтобы уменьшить напор ветра, мы ее сделали такой низкой, что в рост не встанешь. Стены и крыша связаны из

толстого бамбука, крытого бамбуковой плетенкой; каркас украшен растяжками. Желто-зеленые рейки и свисающая между ними бахрома листьев куда приятнее для глаза, чем белые переборки; и хотя правая стена на одну треть была открыта, хотя стены и потолок пропускали и солнечный и лунный свет, в этом примитивном убежище мы чувствовали себя надежнее, чем в настоящей каюте с задраенными иллюминаторами. Чем это объяснить? Мы решили вопрос так: в нашем сознании бамбуковая хижина совсем не связывалась с морским путешествием. Что общего между беспокойным исполинским океаном и качающейся на волнах щелеватой хижинкой? Либо хижина должна казаться неуместной среди волн, либо волны — чужеродными рядом с бамбуковой стенкой. На плоту преобладало второе впечатление, на лодке — наоборот.

Бальсовый плот чайкой взмывал на любую волну, вода захлестывала только нос и корму и тут же уходила между бревнами, поэтому мы с непоколебимым доверием относились к сухому прямоугольнику в середине плота, где стояла наша хижина. С каждым днем мы все более надежно чувствовали себя в своем уютном убежище, а на громадящиеся перед дверью буйные валы смотрели как на кадры из фильма, нам они ничем не грозили. Всего пять футов было до края плота, и лишь полтора фута отделяло нас от воды внизу, однако стоило нам забраться в хижину, и казалось, что мы сидим в шалаше среди джунглей, за сотни километров от океана со всеми его опасностями. Лег на спину — и смотри на колышущуюся, словно ветви на ветру, крышу, вдыхай запах леса, источаемый сырыми бревнами, бамбуком и пальмовыми листьями.

Раз мы вышли на лодке ночью. Кругом вздымались угольно-черные валы; мириады ярких звезд перемигивались с фосфоресцирующим планктоном. Все ясно, все просто, есть ночь, есть звезды — больше ничего. 1947 год до или после Рождества Христова, какая разница? С небывалой силой ощущали мы полноту жизни. И сознавали, что вот так, даже еще насыщеннее, жили люди до эры техники. Время перестало существовать, все сушее было

таким и будет всегда, поток истории, влекущий нас, вливается в этот безбрежный девственный мрак под звездным роem. Из моря медленно всплывал «Кон-Тики» и опять пропадал за черной громадой волн. Свет луны придавал плоту необычный вид. Огромные, блестящие бревна с гирляндой водорослей, квадратный силуэт варяжского паруса, косматая бамбуковая хижина, озаренная тусклым светом керосинового фонаря, будто картинка из сказки. Плот поминутно исчезал за черными валами, но тотчас появлялся вновь, четко вырисовываясь на фоне звезд, и с бревен срывались серебристые струи.

Глядя на этот одинокий плот, легко было представить себе полную флотилию, идущую веером, чтобы вернее обнаружить землю. Именно так шли первые покорители этого океана.

Незадолго до прихода испанцев инка Тупак Юпанки, владыка Перу и Эквадора, во главе многотысячной армии вышел на бальсовых плотках в Тихий океан искать острова, о которых он знал понаслышке. Инка нашел два острова — и через восемь месяцев вернулся в Эквадор. А за несколько сот лет до инки таким же веером, наверное, шел Кон-Тики со своими людьми, только им незачем было пробиваться обратно.

Вернувшись на плот, мы садились в кружок на палубе у керосинового фонаря и вспоминали мореплавателей из Перу, которые шли здесь пятнадцать столетий назад. На парусе колыхались громадные тени бородатых голов, и я представлял себе белокожих бородатых людей, которые присутствуют в мифологии и в декоративном искусстве от Мексики, через Центральную Америку и северо-западные области Южной Америки вплоть до Перу, где их загадочная культура вдруг как по волшебству исчезает, уступая место инкской, чтобы затем столь же неожиданно появиться на уединенных островах на востоке Полинезии. Может быть, это представители одной из средиземноморских культур, которые на таких же нехитрых судах, как и мы, в незапамятные времена с ветром и течением прошли от Канарских островов до Мексиканского залива? Для

меня океан перестал быть преградой, разделяющей народы. Многие исследователи считают, что великие индейские культуры, начиная с ацтекской в Мексике и кончая инкской в Перу, были вызваны к жизни внезапными импульсами с востока, из-за океана: ведь обычные индейцы в нашем представлении — это охотничьи и рыбачьи племена из Азии, которые двести тысяч лет назад, если не раньше, начали переселяться в Америку из Сибири. Характерно для всех высокоразвитых культур, некогда существовавших в огромной области от Мексики до Перу, что мы не видим признаков их постепенной эволюции. Чем глубже зарываются археологи, тем совершеннее раскапываемая культура, и так до какого-то слоя, свидетельствующего, что древняя цивилизация появилась вдруг, неожиданно среди примитивных племен.

Причем возникли эти культуры как раз там, где к берегам подходят атлантические течения, среди одуряюще жарких пустынь и дебрей Центральной Америки, а не в умеренных поясах, где условия намного благоприятнее.

То же самое можно сказать про острова Южных морей. Древняя культура оставила наиболее глубокие следы на острове Пасхи, хотя он безводный, беден растительностью и больше других тихоокеанских островов удален от Азии.

Пройдя половину маршрута, мы покрыли такое же расстояние, какое отделяет остров Пасхи от Перу, и легендарный остров лежал теперь прямо на юг от нас. Мы нарочно вышли из точки, расположенной посередине побережья Перу, чтобы возможно точнее повторить статистически средний путь древних плотов. Если бы мы стартовали южнее, в районе, над которым в горах находятся развалины Тиауанаку, древнего города Кон-Тики, ветер был бы тот же, но течение слабее, и оно увлекло бы нас к острову Пасхи.

Миновав 110° западной долготы, мы очутились в Полинезии, и теперь полинезийский остров Пасхи оказался ближе нас к Перу. словно некая нить протянулась к форпосту царства Южных морей, центру древнейшей островной культуры. И когда наш огненный проводник, покинув небо, исчезал в море на западе вместе со всеми кра-

сками, ласковый пассат как бы вдыхал жизнь в рассказы об удивительной загадке острова Пасхи. В ночном небе растворялось понятие времени, на парусе снова возникали тени огромных бородатых голов.

А далеко на юге, на острове Пасхи, стояли, охраняя вековые тайны, еще большие головы — настоящие исполины, с острой бородкой и чертами белого человека, только высеченные из камня. Они стояли там, где европейцы впервые увидели остров в 1722 году, причем успели уже пережить двадцать два поколения полинезийцев, после того как предки современного населения высадились на берег со своих лодок и перебили всех до единого взрослых мужчин таинственного народа, который еще до них принес на остров высокую культуру. Со времен открытия Пасхи головы идолов стали в ряд самых ярких символов неразрешимости загадок прошлого. На косогорах безлесного острова высятся эти громадные истуканы — монолиты высотой в трех-четырёхэтажный дом, которым рука мастера придала подобие человека. Как могли люди прошлого обрабатывать, перемещать и устанавливать этих каменных исполинов высотой до двенадцати метров? Мало того, они еще ухитрились увенчать многие головы своего рода огромными париками из красного туфа. В чем смысл этих фигур? И какие тонкости механики знали исчезнувшие каменотесы, ведь они решали задачи, которые заставили бы призадуматься лучших современных инженеров?

Впрочем, если вспомнить перуанские плиты и сложить вместе все кусочки мозаики, загадки острова Пасхи окажутся, пожалуй, не такими уж неразрешимыми. Творцы древней культуры оставили на острове следы, которые время не смогло начисто стереть.

Остров Пасхи — макушка давным-давно потухшего вулкана. До наших дней сохранились проложенные древним народом мощные дороги, которые ведут к пристани на побережье, свидетельствуя, что уровень моря на острове был в ту пору таким же, как теперь. Перед нами не остаток затонувшего материка, а пустынный островок, такой же маленький и уединенный, как и тогда, когда он был культурным центром Тихого океана.

Посреди этого конусообразного острова расположен кратер потухшего вулкана, а внутри кратера находятся поразительные мастерские и каменоломни древних скульпторов. Все здесь выглядит так, как много сотен лет назад, когда ваятели и архитекторы поспешно бежали к восточной оконечности острова, где, по преданию, новые пришельцы всех их перебили. Внезапно покинутая мастерская являет нам картину обычного рабочего дня в кратере острова. Разбросанные кругом твердые каменные рубила показывают, что этот народ не знал железа, как не знали его изгнанные из Перу скульпторы Кон-Тики, после которых на Андском плоскогорье тоже остались каменные исполины. Как и там, здесь можно увидеть каменоломни, где легендарные белые бородатые люди вырубали из горного массива двенадцатиметровые глыбы, орудуя рубилами из более твердой породы. И в обоих местах многотонные монолиты перетаскивали по пересеченной местности на много километров, чтобы либо воздвигнуть в виде огромных истуканов, либо уложить друг на друга, сооружая загадочные стены и террасы.

Немало незавершенных фигур и поныне лежит там, где их начали высекать, в нишах по склонам пасхальского кратера, это позволяет изучить разные этапы работы. Самый большой идол, почти законченный к тому времени, когда ваятелям пришлось бежать, достигает двадцати двух метров в длину; поставленный прямо, он сравнялся бы с восьмизэтажным домом. Каждую фигуру высекали из одного монолита, причем, судя по рабочим местам скульптора, над статуей работало одновременно не так уж много людей. Истуканы лежали на спине, и руки у них были сложены на животе, как у перуанских исполинов; после того как каменотесы полностью завершали работу, готовую статую из мастерской перемещали туда, где для нее было приготовлено место. На последнем этапе работы только узкая полоска камня вдоль спины соединяла идола с горой, потом и ее удаляли, одновременно подмащивая великана булыжником.

Множество фигур спустили на дно кратера и расставили там. Но немало могучих статуй подняли из кратера и пере-

несли на много километров по пересеченной местности, чтобы установить их на каменных платформах и водрузить им на макушку обтесанные глыбы застывшей красной лавы. Как их переносили, уже само по себе может показаться загадкой, но факт остается фактом. А ведь исчезнувшие из Перу архитекторы оставили в Андах таких же колоссов, то есть они были специалистами именно в этой области. Правда, на Пасхе статуи больше и многочисленнее, и здесь сложился свой, самобытный стиль, но тот же самый исчезнувший народ, носитель древней культуры, воздвиг подобные фигуры и на многих ближайших к Америке тихоокеанских островах, и везде скульптуры переносили на алтари из отдаленных каменоломен. На Маркизских островах мне довелось слышать легенды, как справлялись с такими глыбищами. То же самое рассказывали островитяне на Тонга-табу о переноске каменных колонн для исполинских ворот на этом острове. Значит, можно предположить, что тот же народ применял и на Пасхе те же способы.

Работа над статуей в мастерской отнимала много времени, но в каждом случае ею было занято лишь несколько специалистов. Переноска готовой фигуры происходила гораздо быстрее, зато требовалось гораздо больше людей. Тогда островок был хорошо обеспечен рыбой; земля была возделана и занята обширными плантациями перуанского батата. Исследователи считают, что в пору расцвета остров легко мог прокормить семь-восемь тысяч человек. Тысячи человек было вполне достаточно, чтобы извлечь каменных исполинов из кратера с его крутыми склонами; дальше тащить статую могли пятьсот человек.

Из луба и растительного волокна сплетали прочнейшие канаты; каменного богатыря одевали в раму из бревен и волокли по деревянным каткам и валунам, смазанным соком корней таро. Хорошо известно, что древние жители островов Южных морей мастерски делали веревки и канаты, а в Перу первые гости из Европы увидели переброшенные через ущелья и водопады стометровые висячие мосты из канатов толщиной с человека.

После того как великан был доставлен на место, возникла следующая проблема — надо было его установить.

Для этого из камня и песка сооружали насыпь и втаскивали статую наверх по пологому склону, ногами вперед. Перевалив через гребень, статуя съезжала по второму, более крутому склону вниз, так что основание попадало в заранее вырытую яму. Вершина насыпи оказывалась вровень с затылком истукана, и напрашивалась мысль вкатить наверх каменный цилиндр и увенчать им голову статуи, прежде чем разбирать насыпь. Такие насыпи до сих пор стоят во многих местах на Пасхе, дожидаясь великанов, которых так и не доставили. Словом, работа этих людей и впрямь достойна восхищения, но ничего загадочного тут нет, стоит лишь перестать недооценивать ум древнего человека и запас времени и рабочей силы, которыми он располагал.

Для чего же делали эти статуи? И почему надо было отправляться в совсем другую каменоломню, в семи километрах от мастерской, за особым, красным камнем, который водружали на голову скульптуры? В Южной Америке и на Маркизских островах подчас делали всего идола из красного камня, хотя бы его приходилось доставлять издалека. Как в Полинезии, так и в Перу по красным головным уборам узнавали высокопоставленных лиц.

Посмотрим сперва, кого изображают статуи. Когда на Пасху впервые пришли европейцы, они увидели там таинственных «белых людей», встретили также необычный для полинезийских народов тип мужчин с длинными рыжими бородами, потомков уцелевших женщин и детей народа, который первым заселил остров. Жители острова рассказывали, что среди их предков были и белокожие и смуглые. По их подсчетам, смуглые предки пришли из других частей Полинезии двадцать два поколения тому назад, а белокожие приплыли с востока на больших судах целых пятьдесят семь поколений назад (то есть в V—VI веках нашей эры). Людей, пришедших с востока, прозвали «длинноухими», потому что они подвесками растягивали мочки ушей, так что те свисали до плеч. Вот эти загадочные «длинноухие» и были истреблены, когда на остров пришли «короткоухие». И у всех каменных истуканов Пасхи длинные, свисающие до плеч уши — такие же, какие были у ваятелей.

Но ведь легенды перуанских инков как раз говорят о том, что король-Солнце Кон-Тики правил боролатыми белокожими людьми, которых инки прозвали «большеухими», потому что их искусственно удлиненные уши доставали до самых плеч. По словам инков, огромные заброшенные статуи в Андах были воздвигнуты именно этими «большеухими» до того, как их частью изгнали, частью истребили в битве на острове посреди озера Титикака.

Итак, белокожие «большеухие» подданные Кон-Тики, мастера вытесывать огромные статуи из камня, уходят из Перу на запад, и белокожие «длинноухие» подданные Тики, такие же мастера ваяния, приходят на остров Пасхи с востока и сразу же начинают вытесывать скульптуры, и мы не находим на островке никаких намеков на какое-либо предшествующее развитие этого искусства.

Подчас между каменными идолами в Перу, с одной стороны, и на некоторых островах Океании — с другой больше сходства, чем между фигурками с разных островов. На Маркизах и на Таити все такие статуи назывались одинаково — Тики — и изображали славных предков, которых после смерти возвели в ранг богов. Вот вам и ответ

на загадку красных колпаков, которыми венчали статуи Пасхи. Как уже говорилось, на всех полинезийских островах попадались люди, даже целые семьи с рыжеватыми волосами и светлой кожей, а сами островитяне называли их потомками первого, белокожего, населения. На некоторых островах устраивали религиозные празднества, участники которых окрашивали кожу в белый цвет, а волосы в красный, чтобы быть похожими на своих древнейших предков. Во время ежегодных церемоний на Пасхе главного героя ритуала остригали наголо, чтобы покрасить кожу на голове в красный цвет. А огромным цилиндрам из красного камня на головах идолов Пасхи старательно придавали форму прически местных мужчин, которые носили круглый пучок на макушке.

У статуй острова Пасхи были длинные уши, потому что такие уши были у ваятелей. Идолов снабжали красными шапками, потому что у скульпторов были рыжеватые волосы. У истуканов выступающие, с острой гранью подбородки, потому что ваятели были бородатыми. У них присутствующие европейской расе черты лица — узкий, сильно выступающий нос, тонкие, четко очерченные губы, потому что сами скульпторы не принадлежали к монголоидной расе. А если у статуй огромные головы, крохотные ноги и сложенные на животе руки, это потому, что так их делали ваятели еще в Перу. Высеченный на животе пояс — единственное украшение исполинов на острове Пасхи. Тот же символ видим на всех без исключения статуях в развалинах древнего города вождя Кон-Тики у озера Титикака. Это радуга, таинственная эмблема бога-солнца. На Мангареве был миф, по которому бог-солнце, сняв с себя свой магический пояс-радугу, спустился по нему с неба на остров, чтобы населить его своими белокожими детьми. На всех этих островах, как и в Перу, некогда считали Солнце своим древнейшим родоначальником.

Сидя в кружок на плоту под звездным небом, мы словно переживали удивительную историю Пасхи, хотя течение влекло плот в сердце Полинезии, так что заветный остров остался для нас лишь названием на географиче-

ской карте. Даже название этого острова, где столько следов связи с востоком, может кое-что подсказать.

На карте написано «остров Пасхи», потому что какие-то голландцы случайно «открыли» его в день Пасхи. И мы забыли, что его обитатели называли свою землю куда более содержательными и выразительными именами. У любимого дитяти, гласит пословица, много имен, так и у этого острова целых три полинезийских названия.

Одно из них — Те-Пито-те-Хенуа, что означает «пуп островов». Это поэтическое название, которое сами полинезийцы считают наиболее древним, явно выделяет Пасху из ряда других островов, лежащих дальше к западу. В его восточной части, недалеко от места, где, по преданию, впервые высадились «длинноухие», лежит тщательно обтесанный круглый камень, так называемый «Золотой пуп», который считается пупом самого острова Пасхи. Каждый знакомый с поэтической душой полинезийцев поймет, что символ этот подразумевает «рождение», то есть открытие островного царства, причем крайний на восток остров Пасхи, «пуп островов», почитался как связующее звено с родиной первооткрывателей.

Второе полинезийское название — Рапа-нуи, или «Большой Рапа»; есть еще Рапа-ити, или «Малый Рапа», он примерно такой же величины, но лежит гораздо дальше на запад. И ведь так принято у всех народов — называть свое первоначальное место жительства, скажем, «Большой Рапа», а следующее — «Новый Рапа» или «Малый Рапа», хотя бы «малый» на деле был ничуть не меньше «большого». Вот и предания туземцев «Малого Рапы» говорят, что первые жители острова пришли с лежащего ближе других к Америке острова «Большой Рапа» (остров Пасхи) на востоке.

И третье название этого острова, занимающего ключевую позицию, — Мата-Ките-Рани — «глаз, смотрящий в небо». На первый взгляд это непонятно, ведь относительно низкий остров Пасхи устремлен к небу не больше, чем другие гористые острова, скажем Таити, Маркизские или Гавайи. Но в слове «рани» («небо») для полинезийцев был заключен и другой смысл, оно обозначало также ис-

конную родину предков, священную страну бога Солнца, покинутое горное царство Тики. И если из тысячи островов в океане именно остров Пасхи назван «глазом, смотрящим на родину», это, конечно, неспроста. Тем более что на Тихоокеанском побережье Перу, напротив острова Пасхи, у подножия гор, в которых найдены развалины древнего города Тики в Андах, мы видим старое перуанское название Мата-Рани, означающее на полинезийском языке «глаз неба».

Сидя на палубе под звездным небом, мы без конца говорили об острове Пасхи и чувствовали себя как бы причастными к его сказочной истории. И нам уже казалось, что со времен Тики плывем мы то под солнцем, то под звездами по океану в поисках земли.

Волны и сам океан уже не вызывали в нас прежней робости. Мы хорошо с ними познакомились, знали, чего можно ждать от них. Акула и та стала для нас обыденным существом, с тех пор как мы изучили ее повадки. Мы перестали хвататься за гарпун, даже не отодвигались от края плота, когда она подходила вплотную к плоту. Больше того, мы позволяли себе подергать ее за спинной плавник, меж тем как она невозмутимо скользила вдоль бревен. Постепенно из этой игры развился небывалый вид спорта: кто перетянет — акула или человек.

Началось с малого. Мы сплошь и рядом вылавливали больше корифен, чем могли съесть. И чтобы не переводить зря пищу, мы придумали развлечение себе и корифенам — обманную ловлю без крючка. Привяжешь за веревочку ненужную летучую рыбу и тянешь по воде. Корифена тут же подлетает к поверхности и хватает приманку. Каждый тянет к себе, и начинается потеха. Одна корифена сорвется — ее место тут же займет другая. Нам веселье, а корифене в конечном счете доставалась добыча.

Потом мы затеяли такую же игру с акулами. Привяжем к веревке кусок рыбы либо мешочек с остатками обеда и закинем в воду. Акула не переворачивалась на спину, она высовывала нос из воды и шла вперед с разинутой пастью, нацеливаясь на лакомый кусок. Только пригото-

вится схватить его, как мы поддергиваем веревку. И до чего же глупая и терпеливая морда была у акулы, когда она снова и снова тянулась за приманкой, которая всякий раз выскакивала у нее из самой пасти. И вот уже акула, подплыв к бревнам, прыгает, будто собачонка, пытается схватить мешочек, болтающийся у нее перед носом. Все равно что кормить бегемота в зоопарке.

В конце июля, когда мы провели на плоту уже три месяца, в дневнике появилась такая запись: «Сегодня мы отлично ладили с сопровождающей нас акулой. За обедом выливали ей остатки прямо в разинутую пасть. Плывет рядом с нами, словно пес, во нраве которого столько же свирепости, сколько добродушия. Право же, акула может производить симпатичное впечатление, пока не попал к ней в зубы. Во всяком случае, общество акул нас развлекает, когда мы не купаемся».

Однажды у нас на краю плота лежала бамбуковая удочка с привязанным на веревке мешочком, в котором лежало угощение для акул. Набежала волна и смыла все за борт. Удочка уже отстала от плота на несколько сот метров, вдруг она встала в воде торчком и помчалась вдогонку за нами, будто задумала сама лечь на место. Когда она приблизилась, мы разглядели трехметровую акулу, над которой удочка торчала, словно перископ. Хищница проглотила мешочек, но веревку не перекусила. Удочка быстро догнала плот, обошла его и скрылась впереди.

Но хотя наш взгляд на акулу переменялся, уважение к притаившимся в пасти острейшим зубам в пять-шесть рядов осталось.

Кнюту пришлось как-то раз совершить невольный заплыв в обществе акулы. Отплывать в сторону от плота строго запрещалось, во-первых, из-за опасности отстать, во-вторых, из-за акул. Но в тот день выдалась на редкость тихая погода, и, так как акулый эскорт только что был выловлен, команда получила разрешение быстро искупаться. Кнют прыгнул в воду и довольно далеко проплыл под водой, наконец вынырнул и повернул обратно. В ту же секунду наблюдатель увидел с мачты, что позади Кнюта в

глубине возник длинный, длиннее нашего товарища, силуэт. Спокойно, чтобы не было паники, мы позвали Кнюта, и он рванулся к плоту. Но силуэт в толще воды принадлежал более искусному пловцу, который ринулся вдогонку, быстро настигая Кнюта. Они одновременно подошли к плоту. Кнют вскарабкался на бревна, и в ту же секунду у него под животом проскользнула акула. Она заняла пост возле плота, а мы ей выдали лакомую голову корифены в благодарность за то, что она не пустила в ход свои зубищи.

Вообще-то хищный инстинкт акулы пробуждается скорее запахом, чем видом добычи. Мы иногда на пробу опускали ноги в воду — акулы подплывали на полметра-метр и преспокойно отворачивались. А вот стоило хоть капле крови попасть в воду, — скажем, когда мы чистили рыбу, — и тотчас поверхность моря вспарывали острые плавники, хищницы мчались отовсюду, будто мясные мухи. Если же мы выбрасывали внутренности акулы, они приходили в бешенство и остервенело металась вокруг плота. Жадно глотали печень, и уж теперь, стоило нам окунуть ноги, ракетой бросались вперед и с ходу вонзали зубы в бревно. Да, акула акуле рознь, все зависит от настроения хищницы в эту минуту.

Кончилось тем, что мы стали тянуть акул за хвост. Говорят, дергать животных за хвост — недостойный спорт, но вы померяйтесь силой с акулами, это совсем другое дело.

Чтобы добраться до акульего хвоста, сперва надо хорошенько угостить зубастую. Ради лакомого куска она не поленилась высунуть голову из воды. Обычно мы подносили угощение на веревочке. Ибо кто однажды кормил акулу из рук, больше не захочет так развлекаться. Если кормишь пса или ручного медведя, он хватает зубами мясо и треплет его, пока не откусит или не вырвет из руки весь кусок. А когда вы держите на почтительном расстоянии от акульего рыла большую корифену, хищница подскакивает, захлопывает пасть, и рыбы как не бывало, один хвост остался, и никакого рывка не слышно. Сколько мы возились, чтобы разрезать ножом корифену, а вот акула одним движением треугольных зубов рассекала рыбу, что твой резак для колбасы.

Поворачиваясь, чтобы уйти вглубь, акула вскидывала над водой хвост — хватай, чего проще. Акуля кожа на ощупь будто наждак, а на конце верхней лопасти хвостового плавника есть выемка, словно созданная для того, чтобы можно было взяться покрепче. И уж как ухватился, рука не сорвется. Тяни живей, пока акула не опомнилась, затаскивай ее подальше на бревна. На секунду-другую акула терялась, потом начинала извиваться: без помощи хвоста ей не набрать ход, остальные плавники служат только для баланса и управления. Несколько отчаянных рывков — тут важно не выпустить хвост, — и ошарашенная акула буквально падает духом. Внутренности смещаются к голове, и в конце концов акулу будто сковывает паралич. Вот тут, когда она висит, как бы выжидая, надо опять тянуть изо всех сил. Нам редко удавалось вытащить тяжеленную рыбину больше чем наполовину, но она, ожив, остальное доделывала сама. Яростно дергаясь, акула закидывала голову на бревна — тогда уж не зевай, держи еще раз посильней напоследок и отскакивай в сторону, да поживей, коли ноги дороги, потому что теперь от акулы милости не жди. Она скачет, колотит стену хижины хвостом, точно кувалдой, пуская в ход всю свою страшную силищу. Огромная пасть разевается во всю ширь, частокол зубов устрашающе щелкает в воздухе, норвя кого-нибудь или что-нибудь ухватить. Иногда воинственная пляска кончалась тем, что акула, более или менее невинная, возвращалась в море и после пережитого позора исчезала навсегда. Но чаще всего пленница бестолково билась на бревнах на корме, пока мы не ухитрились набросить ей на хвост петлю или пока она сама не переставала скалить свои дьявольские челюсти.

Попугай буквально приходил в неистовство, когда у нас на палубе оказывались акулы. Он выбегал из хижины и стремглав взбирался по стене на крышу. Облюбует себе удобный и безопасный наблюдательный пост и сидит, наклоня голову то влево, то вправо. Или носится по коньку, хлопая крыльями и визжа от восторга. Он очень скоро стал у нас заправским моряком, и его всегда распирало

веселье. Мы так и считали, что нас на борту семеро, включая зеленого попугая в это число. Что до нашего краба Юханнеса, то ему приходилось мириться с ролью холоднокровного довеска. На ночь попугай забивался в свою клетку под крышей хижины, но днем он важно расхаживал по палубе или выполнял на вантах и штагах головоломные акробатические упражнения.

Поначалу мы натягивали ванты винтовыми стяжками, но они сильно истирали такелаж, и мы перешли на петлю-удавку. Когда от солнца и ветра такелаж ослабевал, приходилось общими силами натягивать ванты, чтобы тяжеленные мангровые мачты не свалились. И в самую горячую минуту попугай вдруг начинал кричать клоунским голосом: «Раз-два — взяли! Раз-два — взяли! Хо-хо-хо-хо, ха-ха-ха!» Рассмешит нас и сам хохочет как безумный, довольный своим остроумием, и вертится волчком на штагах.

Первое время попугай строил козни радистам. Сидят они, зажав уши магическими наушниками, в своем уголке, с головой ушли в переговоры, скажем, с каким-нибудь радиолюбителем из Оклахомы. Вдруг звук пропадает, и, сколько ни дергай проволочки, ни крути ручки, в наушниках безмолвие. Ну конечно, опять попугай напроказил, перекусил антенный провод. Особенно он увлекался этим в начале плавания, когда мы подвешивали антенну к воздушному шару. Но однажды попугай серьезно заболел. Угрюмо сидел он в клетке, двое суток не притрагивался к пище, и в помете его поблескивали кусочки золотистого антенного канатика. Радисты поспешили взять обратно все бранные слова, попугай тоже раскаялся и с той поры считал Торстейна и Кнюта своими лучшими друзьями, не соглашался спать нигде, кроме радиоугла. Его родным языком, когда он впервые попал к нам на плот, был испанский, но, если верить Бенгту, попугай начал говорить с норвежским акцентом задолго до того, как усвоил любимые, сугубо норвежские обороты Торстейна.

Два месяца зеленый попугайчик радовал нас своим ярким нарядом и веселым нравом. А потом... В ту минуту, когда он слезал по штагу с мачты, большая волна захлест-

нула корму. Мы хватились его, но было уже поздно: попугай исчез. И ведь «Кон-Тики» ни повернуть, ни остановить; сколько раз уже мы убеждались: что улетело за борт, того не вернешь.

В тот вечер на плоту царило подавленное настроение, мы отлично знали, что такая же участь ждет любого из нас, упади он за борт во время ночной вахты, когда остальные спят.

Мы ввели еще более строгие правила предосторожности, сменили предохранительную веревку для ночной вахты и постарались внушить друг другу, что два месяца удачного плавания еще не залог безопасности. Неосторожный шаг, необдуманное движение — и можно даже среди бела дня последовать за попугаем.

Много раз мы видели качающиеся на голубых волнах яйца кальмаров, с виду похожие не то на страусово яйцо, не то на череп. Однажды под таким яйцом барахтался и сам кальмар. Заметишь такой белоснежный шар на гребне, на уровне глаз, и кажется, ничего не стоит сходить за ним на лодке и забрать его. Впрочем, так же мы судили в тот раз, когда лопнул тросик планктонной сети и она поплыла без привязи в кильваторе. Спустили на воду надувную лодку с веслами и с удивлением обнаружили, что ветер и волны не хотят пускать лодку назад, да и канат, связывающий ее с плотом, тормозит, никак не удается догрести до точки, которую плот уже прошел. Порой всего несколько метров отделяло нас от заманчивого предмета, но тут кончался канат, и «Кон-Тики» тащил нас за собой на запад. И мало-помалу мы твердо усвоили истину: что за борт упало, то пропало. Не хочешь отстать — держись за «Кон-Тики», пока он не врежется носом в берег по ту сторону океана.

Без попугая в радиоуглу стало пусто, но на следующий день тропическое солнце быстро развеяло нашу грусть. Вылавливая в последующие дни акул, мы находили в их желудках среди тунцовых голов и прочей снеди черные, кривые, как у попугая, клювы. Но эти черные клювы представляли собой остатки переваренных кальмаров.

С самого начала плавания наши радисты почти не знали передышки. Только мы вошли в течение Гумбольдта, как аккумуляторы залило морской водой, и пришлось им, защищаясь от волн, накрывать брезентом уязвимый радиоугол. А сколько они помучились, чтобы натянуть на маленьком плоту достаточно длинную антенну. Попробовали запустить змея на антенном проводе, но от порывистого ветра змей нырнул в волну и утонул. Тогда они попытались счастья с воздушным шаром — тропическое солнце прожгло его, он испустил дух и упал в море. И попугай поморочил им голову. К тому же плот две недели шел с течением Гумбольдта в образуемой Андами мертвой зоне, где эфир на коротких волнах был нем и безжизнен, как воздух в пустой жестянке.

Но вот однажды ночью короткая волна наконец пробилась, и какой-то любитель в Лос-Анджелесе, который в это время пытался наладить связь с одним шведским коротковолновиком, услышал вызов Торстейна. Первым делом американец осведомился, какая у нас станция. Затем, удовлетворив свое любопытство по этой части, поинтересовался, кто его корреспондент и где он живет. Узнав, что Торстейн сидит в бамбуковой хижине на плоту посреди Тихого океана, он изобразил телеграфным ключом что-то странное, и Торстейн поспешил уточнить, что он подразумевает. Придя в себя от изумления, человек в эфире сообщил, что его зовут Гал, а его жену — Анна, она шведка родом и передаст нашим семьям, что мы живы-здоровы.

Как-то чудно было думать о том, что в городе с миллионным населением, вообще во всем мире только один, совершенно чужой нам человек по имени Гал, кинооператор, знал, где мы и что с нами.

С этой ночи Гал (Гарольд Кэмпел) и его друг Фрэнк Кевэс поочередно дежурили, ловя сигналы с плота, и Герман стал получать телеграммы с благодарностью от директора американской метеослужбы за передаваемые два раза в сутки сводки из неизученной области. Потом Кнют и Торстейн уже чуть не каждую ночь связывались и с другими радиолобителями, они передавали наши приветы в Норвегию через коротковолновика Эмиля Берга в Нутоддене.

Только один раз посреди океана мы на несколько дней остались без связи, когда радиостанция нахлебалась солевой воды и отказала. Наши корреспонденты решили, что плоту пришел конец, но оба радиста день и ночь орудовали отвертками и паяльниками, и наконец в эфире снова зазвучали позывные LI2B. Тотчас наш радиоуголок загудел, словно потревоженный улей: сотни американских радиолюбителей лихорадочно выстукивали ответ.

Кстати, если во владения радистов забредал непосвященный, ему и впрямь могло показаться, что он сел на осиное гнездо. Все дерево отсырело, и, хотя на бревне у радиостанции лежала каучуковая подушка, смельчака, коснувшегося телеграфного ключа, сразу с двух сторон поражали электрические жала. Если кто-нибудь пытался стащить карандаш из радиоугла, у него волосы вставали дыбом, а между пальцами и карандашом проскакивали длинные искры. Только Торстейн и Кнют да еще попугай ухитрились пробираться невредимыми среди аппаратуры; для прочих вывели картонку, обозначающую опасную зону.

Однажды ночью Кнют, орудовавший при свете фонаря в своем углу, вдруг дернул меня за ногу и сообщил, что связался с неким Христианом Амундсенем, живущим под Осло. Это был своего рода рекорд, ведь наш передатчик, работавший на частоте 13 990 килогерц, обеспечивал мощность от силы шесть ватт, примерно столько, сколько берет лампочка от карманного фонаря. Дело происходило второго августа, мы прошли с востока на запад больше 60°, так что наша столица была на противоположном конце земного шара. На следующий день норвежскому королю исполнилось семьдесят пять лет, и мы послали ему поздравление с плота, а четвертого августа Христиан опять появился в эфире и передал ответную телеграмму короля, который желал нам дальнейшего счастливого плавания.

Еще один эпизод выделяется на фоне нашей повседневной жизни на плоту. У нас было два фотоаппарата, и Эрик захватил химикаты, чтобы еще в пути проявлять пленки и, если что-нибудь не получилось, сделать новые снимки. После встречи с китовой акулой он не выдер-

жал — вечером развел в воде порошки точно по рецепту и проявил две пленки. Негативы получились похожими на старое телевидение, одни точки да морщинки. Пленка была испорчена. Мы запросили по радио совета у своих друзей: один коротковолновик в Голливуде услышал наш запрос, позвонил в лабораторию и сообщил нам, что раствор был слишком теплым. Чтобы эмульсия не сморщилась, температура воды не должна превышать 16°.

Мы поблагодарили за совет и установили, что в наших условиях самая низкая температура — это температура несущего нас на запад течения, а именно 27°. Вспомнив, что Герман специалист по холодильникам, я в шутку поручил ему раздобыть воды с температурой не выше 16°. Он выпросил баллончик с углекислотой из комплекта надувной лодки (все равно она уже была надута), накрыл котелок с водой нижней рубашкой и спальным мешком, поколдовал, и вдруг в воздухе появились снежинки, а в котелке засверкал кусок белого льда. Эрик развел новый проявитель и получил отличные негативы. Конечно, радиоволны, которые Торстейн и Кнют вылавливали из эфира, были неизвестной роскошью во времена Кон-Тики, но морские волны под нами ничем не отличались от тогдашних, и бальсовый плот упорно шел на запад, как и его предшественники пятнадцать столетий назад.

Теперь, когда мы приблизились к Полинезии, погода стала покапризнее, иногда шел дождь, и пассат изменил направление. Прежде он дул с юго-востока, но чем дальше нас уносило экваториальное течение, тем больше он смещался к востоку. Десятого июня мы прошли крайнюю северную точку нашего пути: 6°19' южной широты. В это время мы так близко подошли к экватору, что казалось — нас пронесет севернее Маркизского архипелага, и мы затеряемся в океане, не обнаружив земли. Но пассат с востока переместился к северо-востоку и повлек плот по широкой дуге к островам.

Случалось, ветер и волны день за днем не менялись, и мы даже забывали, кому стоять на руле, исключая ночь, когда вахтенный оставался один на палубе. Потому что

при постоянном ветре кормовое весло закрепляли в одном положении, и от нас не требовалось никаких усилий, чтобы парус с изображением Кон-Тики оставался наполненным. Ночью вахтенный мог спокойно сидеть в дверях хижины и любоваться звездами. Если созвездия вдруг смещались, вот тогда уж выходи и проверь, в чем дело — то ли весло сдвинулось, то ли ветер переменился.

Это удивительно, до чего просто держать курс по звездам, после того как ты несколько недель наблюдал их движение по небосводу. Да и на что еще смотреть ночью? Мы точно знали, где и какие созвездия появятся с наступлением темноты. Когда мы приблизились к экватору, Большая Медведица поднялась так высоко над северным горизонтом, что мы уже боялись, как бы не показалась Полярная звезда, встречающая того, кто пересекает эсватор с юга. Но пассат подул с северо-востока, и Большая Медведица опять сползла вниз.

Древние полинезийцы были замечательными навигаторами. Днем они ориентировались по солнцу, ночью — по звездам. Поражают их познания о небесных телах. Они знали, что земля круглая, у них были свои слова для таких сложных понятий, как экватор, эклиптика, северный и южный тропики. Жители Гавайских островов вырезали на бутылочных тыквах карты прилегающих областей; на некоторых других островах карты сплетали из прутьев, обозначая раковинами жемчужниц острова, а прутьями — течения. Полинезийцы знали пять планет, они называли их блуждающими звездами, в отличие от настоящих звезд, тремстам из которых дали свои названия. Хороший навигатор в древней Полинезии отлично знал, где в разные времена года покажется с приходом темноты та или иная звезда, как она перемещается за ночь. Полинезийцы запоминали, какие созвездия находятся над данным островом, и случалось, он носил то же название, что звезда, которую из ночи в ночь, из года в год можно было наблюдать над ним.

Глядя на звезды, полинезийцы определяли, как далеко на юг или север забралась они во время плавания. Иссле-

довав и покорив ближайšie к Америке архипелаги, они из поколения в поколение поддерживали связь между отдельными островами. По преданию, когда вожди с Таити отправлялись в гости на Гавайские острова, лежащие в двух тысячах морских миль к северу и на несколько градусов западнее, кормчий сперва правил по солнцу и звездам прямо на север, пока звезды у него над головой не говорили ему, что он достиг широты Гавайского архипелага. Тогда он поворачивал под прямым углом и шел на запад, пока птицы и облака не указывали ему цель.

Откуда у полинезийцев такое знание астрономии, откуда тщательно разработанный календарь? Во всяком случае, не от меланезийских или малайских народов на западе. А вот у «белых бородатых людей», которые передали свою замечательную культуру ацтекам, майя и инкам в Америке, был сходный календарь и такое знание астрономии, какими никто в Европе не обладал в ту пору.

В Перу, где южноамериканский материк спускается к Тихому океану, по сей день в песчаной пустыне можно увидеть древнюю астрономическую обсерваторию, памятник времен все того же таинственного народа, который высекал исполинских идолов, строил пирамиды, разводил батат и бутылочную тыкву.

Второго июля мирному созерцанию звездного неба пришел конец. Вместо слабого норд-оста подул сильный ветер, и пошли высокие волны. Ночью, при свете яркой луны, мы лихо неслись вперед. Чтобы определить скорость, мы считали, за сколько секунд плот проходит мимо щепки, брошенной в воду у носа. И вот оказалось, что «Кон-Тики», так сказать, побил свой личный рекорд. Обычно мы, выражаясь нашим языком, шли со скоростью «двенадцати — восемнадцати щепок», теперь же достигли «шести щепок», и за кормой вихрилась сверкающая попутная струя.

Четыре человека крепко спали в бамбуковой хижине, Торстейн стучал телеграфным ключом в своем углу, я нес вахту на руле. Близилась полночь, когда я увидел нагоняющую нас сзади громадную волну, гребень которой терялся

за пределами поля зрения, а сразу за ней пенились еще два таких же исполинских вала. Если бы мы только что не прошли это место, я был бы уверен, что это высокие буруны над коварной банкой. Первый вал могучей стеной катился за нами в свете луны. Я крикнул товарищам, чтобы побереглись, и повернул плот, готовясь принять удар.

Вот волна настигла нас, плот вильнул кормой и взмыл над гребнем, который только что обрушился, так что все кругом клокотало и пенилось. Мы лихо перевалили через бурлящую круговерть, пропуская под собой могучий вал, нос плота задрался, и мы кормой вперед покатались вниз, в широкую ложбину. А там уже наступала следующая стена. Снова мы легко взмыли вверх и срезали гребень вала, приняв на себя сверкающий каскад воды. Удар развернул плот боком, и уже не было времени повернуть его обратно. Третья волна догнала плот, над ключьями пены выросла блестящая стена и начала рушиться. Не видя другого выхода, я ухватился крепче за торчащий из крыши бамбуковый шест и затаил дыхание; нас бросило вверх, и все скрылось в кипящем водовороте. В следующую секунду «Кон-Тики» вынырнул на поверхность и медленно заскользил вниз по отлогому скату волны. И сразу море угомонилось. Три исполинских вала умчались вперед, а за кормой у нас в лунном свете качались, вытянувшись цепочкой, кокосовые орехи.

Последняя волна здорово тряхнула нашу хижину, так что Торстейн в своем радиоуглу шлепнулся на пол, да и остальные проснулись от устрашающего грохота и пробившихся снизу холодных струй. В палубном настиле на носу слева зияла дыра, водолазную корзину сплющило о бревна, но все остальное было в сохранности. Мы так и не смогли выяснить, откуда явились эти могучие валы, разве что они были вызваны довольно обычными для этой области колебаниями океанского дна.

А два дня спустя мы попали в первый с начала плавания шторм. Началось с того, что пассат вдруг стих, а к легким как пух пассатным облачкам в бездонной сини над нами присоединилась, выйдя из-за южного горизонта, плотная

черная туча. Отовсюду стали налетать неожиданные шквалики, и рулевой никак не поспевал за ними. Только развернет корму к ветру и наполнит парус, как новый порыв с другой стороны сминая гордую дугу, и обмякший парус неистово бьется, угрожая целостности людей и груза. Внезапно на смену шкваликам подул со стороны тучи устойчивый ветер. Черные пряди нависли над плотом, одновременно ветер стал крепким, переходящим в штормовой.

Не успели мы оглянуться, как волны кругом достигли высоты пяти метров, а отдельные гребни шипели в шести, даже в семи метрах над ложбинами, вровень с топом нашей мачты. Согнувшись в три погибели, мы под вой и свист ветра в штагах выбрались из поскрипывающей хижины на палубу. Чтобы защитить радиостанцию, мы накрыли хижину сзади и слева парусиной. Все, что лежало на палубе, хорошенько принайтовили, парус спустили и закрепили на рее. Под сумрачным небом и океан стал темным и грозным, и, куда ни глянь, всюду белели барашки. Ключья пены длинными полосами расписали валы в направлении ветра, и всюду, где рушились гребни, на иссиня-черной поверхности бурлили зеленые шрамы. Ветер подхватывал брызги и нес соленый дождь. И когда каскады тропического ливня принялись хлестать океан, струйки, стекающие у нас по лицу, тоже казались солонатыми на вкус. Полуголые, продрогшие, мы возились на палубе, готовя плот к схватке со штормом.

Естественно, мы волновались, даже слегка оробели, когда увидели грозную тучу и ощутили ее дыхание. Но вот разыгрался шторм, и оказалось, что «Кон-Тики» играючи перелетает через любую волну. И поединок с непогодой вылился в увлекательный спорт, мы любовались яростью океана, с которой наш плот лихо справлялся, пробкой взлетая на гребни волн, так что бушующая стихия все время на несколько дюймов не дотягивалась до нас. В шторм у океана было много общего с горами. Как будто буря застигла нас среди голых серых вершин. Хотя мы находились в сердце тропиков, пляска плота на волнах, в вихрях водяной пыли, напоминала нам скоростной спуск по исчерченному сугробами склону.

От рулевого в такую погоду требовалось предельное внимание. Когда гребень волны поднимал нос плота, корма зависала в воздухе, чтобы в следующую секунду шлепнуться вниз и карабкаться на очередной вал. И если этот вал настигал нас прежде, чем предыдущая волна отпустила нос, могучие каскады с грозным ревом обрушивались на рулевого, но тут же корма опять взмывала вверх и бурлящая вода уходила в щели между бревнами, словно сквозь сито.

Мы подсчитали, что при обычной погоде, когда интервал между волнами составлял в среднем семь секунд, корма принимала в сутки около двухсот тонн воды, которой мы почти не замечали, потому что она спокойно омывала босые ноги рулевого и так же спокойно уходила вниз между бревнами. Во время шторма на корму обрушивалось за сутки больше десять тысяч тонн воды — каждые пять секунд от нескольких десятков литров до двух-трех кубометров, когда и больше. С грохотом гребень падал на бревна, и рулевой оказывался по пояс в воде, чувствуя себя так, будто попал в бурную горную реку. Плот на секунду словно замирал на месте, весь дрожа, но тут же беспокойный груз, бурля, низвергался в море.

Герман то и дело выскакивал со своим анемометром из хижины, измерял силу шторма, иногда даже карабкался на качающуюся мачту, чтобы высоченные волны не мешали.

Только через сутки шторм понемногу сменился крепким ветром. Море по-прежнему кипело, и мы быстро шли на запад, почти все время под дождем.

Наконец ветер стих, зато рыба, казалось, осатанела. Море вокруг плота кишело акулами, тунцами, корифенами, у самых бревен мелькали ошарашенные бониты. На глазах у нас развернулась ожесточенная борьба за существование. Крутые спины вспарывали поверхность воды и ракетой неслись одна за другой; поминутно в волнах расплывались густые пятна крови. Схватка шла главным образом между тунцами и корифенами, причем корифены шли большими косяками и двигались куда более прытко, чем обычно. Нападали тунцы. Глядишь — летит по воздуху семидесяти-восьмидесятикилограммовая зверюга, за-

жав в зубах кровавую голову корифены. Но хотя с каждой минутой становилось все больше корифен с зияющей раной в передней части спины, лишь некоторые из них спасались бегством, преследуемые тунцами, косяк в целом не отступал. Порой и на акул находило бешенство, они бросались на огромных тунцов и расправлялись с ними.

Мирные лощманы словно в воду канули. То ли их сожрали разъяренные тунцы, то ли они попрятались в щелях между бревнами, а может быть, просто улепетнули подальше от поля битвы. Опустить голову в воду и посмотреть, куда они подевались, мы как-то не решались.

Пройдя на корму по сугубо личному делу, я пережил немалый испуг, после чего от души смеялся над собой. Мы давно привыкли к волнам в нашем ватерклозете, но когда вместе с волной меня шлепнуло сзади что-то большое, увесистое и холодное, я перестал соображать. И опомнился уже на штаге, по которому лез вверх, не сомневаясь, что на ягодице у меня висит акула. Корчась от смеха, рулевой Герман рассказал, что мне вlepил хороший шлепок здоровенный тунец килограммов на семьдесят. Потом и Герман, и сменивший его Торстейн видели, как тот же упитанный баловник норовил вскочить на корму вместе с волной. Дважды он был уже на бревнах, но оба раза срывался за борт прежде, чем мы успевали поймать скользкую тушу.

А одна волна внесла прямо на палубу ошалевшую толстую бониту. С этой добычей и пойманным накануне тунцом мы решили порыбачить, чтобы навести хоть какой-то порядок в окружающем нас кровавом хаосе.

Слово дневнику:

«Первой схватила крючок и была извлечена на палубу шестифутовая акула. Только крючок забросили снова, его проглотила восьмифутовая акула, и мы вытащили ее. Опять забросили крючок и опять подцепили шестифутовую акулу, уже подтянули ее к бревнам, но тут она сорвалась и ушла. Тотчас закинули снова, и началась схватка с восьмифутовой акулой. Мы втащили ее голову на бревна, но тут она перекусила все четыре жилы стального тросика и нырнула

в глубину. Привязали новый крючок и вытащили на палубу семифутовую акулу. Теперь уже было опасно продолжать лов со скользких бревен на корме, ведь три акулы, которым давно полагалось испустить дух, все еще бились и щелкали зубами. Мы перетащили их за хвост на нос, и вскоре клюнул здоровенный тунец, с которым нам пришлось повозиться больше, чем с любой акулой, чтобы извлечь его из воды. Он оказался таким тяжелым, что никому из нас не было под силу поднять его за хвост.

А море по-прежнему кишело мечущимися рыбьими спинами. Еще одна акула попалась на крючок, но сорвалась прежде, чем мы смогли ее вытянуть. Зато потом мы успешно втащили на плот шестифутовую акулу. За ней последовала пятифутовая. Снова попалась шестифутовая, и мы ее вытащили. Забросили опять и вытянули семифутовую акулу».

После этого, куда ни ступи, на каждом шагу лежали акулы, которые судорожно колотили хвостом по палубе или стенкам хижины и яростно щелкали зубами. Усталые, измотанные после шторма, мы совсем запутались — какие акулы уже издохли, какие могли еще сомкнуть свою пасть, если их заденешь, и какие, сохранив силы, стерегли нас зелеными кошачьими глазами. Пять часов мы сражались с акулами и с тяжелым тросом, наконец устали и сдались; к этому времени вокруг нас на палубе валялось девять акул.

На следующий день было меньше тунцов и корифен, но акул не убавилось. Мы снова начали их вылавливать, но вскоре бросили, поняв, что стекающая с палубы свежая акулья кровь только привлекает новых хищниц. Тогда мы выбросили в море все акульи туши и смыли с палубы кровь. Бамбуковые циновки были изодраны клыками и жесткой шкурой акул; мы отправили за борт те из них, которые сильнее всего пострадали, и настелили новые, чистые, золотистые, из запаса, сложенного на носу.

В эти дни, ложась вечером спать, мы и с закрытыми глазами продолжали видеть кровь и свирепые, хищные акульи пасти. В ноздрах прочно засел запах акульего мя-

са. Кстати, это мясо можно было есть, оно напоминало треску, если сутки вымачивать его в морской воде, чтобы удалить аммиачный привкус. Но бониты и тунцы были несравненно вкуснее.

Впервые за все плавание я услышал, как кто-то из ребят, ложась вечером спать, заметил, что хорошо бы вытянуться на траве под пальмами на островке, а то уже надоели эти волны да холодные рыбины.

Погода, хотя и улучшилась, не была такой устойчивой, как прежде. То и дело внезапные резкие шквалики приносили бурные ливни, которым мы только радовались, потому что запасенная нами пресная вода протухла и отдавала болотом. В сильный дождь мы собирали воду с крыши, а сами выстраивались нагишом на палубе, наслаждаясь возможностью смыть с себя всю соль.

Рыбки-лоцманы суетились под плотом, как прежде, то ли наши старые знакомые, то ли новые спутники, пришедшие к нам после побоища, — поди угадай.

Двадцать первого июля вдруг опять заштилило. Стояла духота, полное безветрие, а по прошлому разу мы уже знали, чем это грозит. И в самом деле, после сильных шквалов с востока, запада и юга установился крепкий южный ветер, и снова из-за моря появились грозные черные тучи. Герман поминутно измерял скорость ветра, и прибор уже показывал четырнадцать—шестнадцать метров в секунду; внезапно спальный мешок Торстейна улетел за борт. Дальше все происходило куда быстрее, чем об этом можно рассказать.

Герман попытался схватить мешок на лету, сделал неверный шаг и сам упал в воду. Сквозь плеск волн мы услышали слабый голос, зовущий на помощь. Потом увидели слева от плота голову Германа и машущую руку, а в море вокруг него извивалось что-то зеленое и непонятное. Он напрягал все силы, борясь с волнами, которые отнесли его от плота. Торстейн — он в это время стоял на руле — и я, чем-то занятый на носу, первыми заметили Германа и похолодели от ужаса. С криком: «Человек за бортом!» — мы бросились к спасательным средствам. Остальные из-за

шума волн даже не слышали голоса Германа, но все, как один, выскочили на палубу. Герман отлично плавал, и, хотя нам было ясно, что дело идет о жизни и смерти, мы всей душой надеялись, что он сумеет догнать плот.

Торстейн, стоявший ближе всех, кинулся к бамбуковому вороту, на котором был намотан конец от спасательной лодки. Но конец заело — первый и единственный раз за все плавание. Все решали секунды. Германа отнесло к корме, теперь его единственной надеждой было подплыть к рулевому веслу и зацепиться за него. Увы, он попытался поймать лопасть, но она ушла вперед. И вот он уже барахтается там, откуда нам еще ни разу не удавалось что-нибудь выручить. Пока мы с Бенгтом спускали на воду лодку, Кнют и Эрик пытались бросить Герману спасательный жилет, который висел наготове на углу крыши. Но в этот день напор ветра был таков, что, как они ни старались, жилет относило обратно на плот. Одна тщетная попытка следовала за другой, а Герман уже был довольно далеко. Как ни силился он не отстать, с каждым новым порывом ветра расстояние росло. Он понял, что просвет будет неумолимо расти, но еще продолжал надеяться на лодку, которую нам наконец-то удалось столкнуть в воду. Пожалуй, без тормозящего линя мы сумели бы пробиться к нему навстречу, но возникал вопрос: сможет ли лодка потом догнать «Кон-Тики»? Так или иначе втроем на лодке еще можно на что-то рассчитывать, а одинокий пловец в океане заведомо обречен...

И вдруг мы увидели, как Кнют присел и бросился в воду. Держа в одной руке спасательный жилет, он плыл изо всех сил. Когда голова Германа показывалась на гребне, Кнюта не было видно, а когда появлялся Кнют, Герман пропадал из виду. Но вот две головы вместе поднялись на волне, друзья встретились, и оба крепко держались за жилет. Кнют помахал рукой. Мы уже успели вытащить обратно надувную лодку и теперь принялись лихорадочно выбирать линь спасательного жилета, не спуская глаз с темного силуэта, который корчился в воде позади наших друзей. Когда Кнют еще только пробивался к Герману, за-

гадочное чудовище крепко его напугало, высунув из волны темно-зеленый треугольник. Один Герман знал, что это не акула и не какой-либо другой хищник, просто наполненный воздухом угол непромокаемого спального мешка. Впрочем, мешок недолго плавал после того, как мы благополучно вытащили Германа и Кнюта на плот.

Тот, кто похитил его, явно упустил добычу поценнее...

— Спасибо, меня не было внутри, — сказал Торстейн и занял свое место у руля.

А вообще-то в тот вечер мы не были расположены остерить. Еще долго нас не покидало чувство ужаса, правда, к нему примешивалась благодарность providению за то, что нас на борту по-прежнему шестеро.

И Кнют услышал немало добрых слов не только от Германа — от всех нас.

Впрочем, долго размышлять над случившимся было некогда. Небо опять почернело, ветер дул все сильнее, и еще до ночи мы встретили новый шторм. Теперь спасательный жилет плыл на длинном лине за кормой плота, и если кого-нибудь вдруг снесет за борт, будет за что ухватиться. Потом спустилась ночь, и в кромешном мраке мы уже ничего не видели, только слышали, как завывает в снастях ветер, под напором которого хижина скрипела так, что казалось — она вот-вот улетит. Но хижина была накрыта брезентом и хорошо укреплена растяжками. Мы чувствовали, как «Кон-Тики» взлетает на шипящих гребнях, при этом бревна ходили ходуном, будто клавиши пианино. Нас всегда удивляло, почему из широких щелей между бревнами не бьет фонтаном вода, хотя они работали, словно могучие мехи, качая влажный воздух.

Пять суток шторм чередовался с крепким ветром, море вспахивали глубокие борозды, полные водяной пыли, сорванной с гребней бурлящих серо-голубых валов, словно сплюснутых могучими порывами ветра. Наконец среди туч появились синие просветы, а затем зловещие черные тучи и вовсе уступили место вечно побеждающему синему небу, шторм прошел дальше. На память о себе он оставил поломанное весло и лопнувший парус; гуары оборва-

ли канаты снизу и болтались между бревнами. Но сами мы и весь наш груз были в полной сохранности.

Два шторма заметно расшатали плот. Большая нагрузка на крутых волнах растянула канаты, а непрерывное трение заставило их глубоко врезаться в бальсовую древесину. Мы были рады, что последовали инкским образцам, а не воспользовались стальным тросом, который в шторм попросту перепилил бы все бревна. И возьми мы для основы высушенную бальсу с максимальной плавучестью, плот давно затонул бы под нами, пропитавшись морской водой. А так сок свежесрубленных стволов играл роль пропитки, которая не пускала воду внутрь. Правда, крепления настолько ослабли, что приходилось следить, как бы нога не угодила в щель между бревнами, где ее вполне могло раздавить, когда бревна сталкивались с огромной силой. На носу и на корме, где не было настила, приходилось пружинить ногами, когда мы стояли на двух соседних бревнах. К тому же на корме обросшие влажной зеленью бревна были скользкими, как листья банана. И хотя мы протоптали тропку, а для рулевого положили широкую доску, не так-то просто было устоять на ногах под ударами волн. Один из девяти стволов-великанов с левого борта день и ночь глухо бился о поперечины. И отчаянно скрипели канаты в месте скрещения мачт, которые опирались каждая на свое бревно и все время качались не в лад.

Кормовое весло мы скрепили длинными шинами из твердого мангрового дерева, а Эрик и Бенгт выступили в роли парусных мастеров. И вот уже голова Кон-Тики опять решительно смотрит в сторону Полинезии, и руль приплясывает на присмиривших волнах. Только гуары не хотели работать, как прежде. Ведь нижние крепления лопнули, поэтому гуары не могли противостоять напору воды и болтались под плотом туда-сюда. Добраться до канатов снизу было невозможно, они совсем обросли. Сняв палубный настил, мы обнаружили, что из главных канатов, скрепляющих основу, лишь три не выдержали, да и то их перетерло неудачно уложенным грузом. Сразу было видно, что бревна впитали изрядно воды, зато груз в целом

убавился, и выходило примерно так на так. Мы уже израсходовали большую часть провианта и пресной воды, а радисты, кроме того, заметно сократили запас сухих батареек.

Подводя итоги после шторма, мы заключили, что плот не утонет и не рассыплется на отрезке, который еще отделял нас от островов. Теперь нас больше всего занимала совсем другая проблема: каким будет финиш нашего путешествия?

«Кон-Тики» будет упорно пробиваться на запад, пока не боднет носом скалу или что-нибудь еще, что преградит нам путь. Но плавание можно считать законченным лишь после того, как вся команда благополучно высадится на один из многочисленных полинезийских островов.

Пока что невозможно было сказать, где именно плот пристанет к суше. Мы находились одинаково далеко от Маркизского архипелага и от островов Туамоту и вполне могли пройти между ними, не увидев ни того, ни другого. Ближайший из Маркизских островов был в трехстах морских милях на северо-запад, ближайший из группы Туамоту — в трехстах милях на юго-запад, а ветер и течение в основном держались западного направления.

Между прочим, на северо-западе ближе всех был Фату-Хива, тот самый лесистый горный островок, на берегу которого, живя в свайной хижине, я услышал яркие рассказы старика о главном боге его племени — Тики. Если «Кон-Тики» прибьет к этому берегу, я встречу немало знакомых, но старик вряд ли будет среди них. Он, наверное, давно покинул этот мир, в душе надеясь увидеть самого Тики. Да, если нас понесет к Маркизскому архипелагу, мои друзья убедятся, что там от острова до острова довольно далеко и волны с ревом разбиваются об отвесные скалы, вся надежда на узкие долины, заканчивающиеся тесными бухтами.

Если же мы пойдем к Туамоту, там острова густо рассыпаны на большой площади. Правда, этот архипелаг еще называют Низкие, или Опасные, острова, потому что он весь сложен из кораллов, представляя собой коварные рифы и поросшие пальмами атоллы, которые возвыша-

ются всего на два-три метра над поверхностью моря. Кольцевые рифы ограждают барьером каждый атолл, затрудняя судоходство в этой области. Но хотя атоллы Туамоту сооружены коралловыми полипами, а Маркизские острова представляют собою потухшие вулканы, оба архипелага населяет один и тот же полинезийский народ, тут и там вожди считают Тики родоначальником.

Уже третьего июля, когда до Полинезии была еще тысяча миль, природа подсказала нам, как она некогда подсказывала первым выходцам из Перу, что впереди в океане где-то лежит суша. Покинув берег Перу, мы наблюдали небольшие стаи фрегатов, пока не ушли примерно на тысячу морских миль от материка. Около 100° западной долготы они исчезли, и после этого мы встречали качурок. И вот третьего июля, у 125° западной долготы, снова появились фрегаты. С этого дня мы часто их видели, когда высоко в небе, а когда над гребнями волн, где они перехватывали летучих рыбок, спасающихся от корифен. Эти фрегаты прилетели не из Америки, оставшейся у нас далеко за кормой, их дом был где-то впереди.

Шестнадцатого июля природа послала нам еще более яркое свидетельство: мы выловили девятифутовую акулу, а та отпрыгнула большую непереваренную морскую звезду, которую недавно подобрала у какого-то берега.

А на следующий день нас навестили гости прямо из Полинезии. Торжественная минута — две крупные олуши появились над горизонтом на западе и вскоре очутились над нашей мачтой. Сделали несколько кругов, потом сложили свои полутораметровые крылья и закачались на воде рядом с плотом. Тотчас подскочили любопытные корифены и заматались вокруг плавающих птиц, однако ни одна из сторон не задевала другую. Первые живые посланцы как бы желали нам «добро пожаловать» в Полинезию. Вечером олуши не улетели, они остались отдыхать на море, и после полуночи мы слышали их хриплые крики, когда они парили вокруг мачты.

Летучая рыба, которую мы теперь собирали на палубе, принадлежала уже к другому, куда более крупному виду,

знакомому мне по той поре, когда я ловил рыбу вместе с островитянами у берегов Фату-Хивы.

Трое суток несло нас к этому острову, но тут подул сильный норд-ост, и мы повернули в сторону атоллов Туамоту. Плот вышел из Южного экваториального течения, и сразу в мире течений начался ералаш. Сегодня они есть, завтра невесть куда пропали. Течения напоминали невидимые реки, разветвляющиеся в океане. Как течение посильнее, смотришь — и волна покруче, и температура воды на градус пониже. О его направлении и силе мы могли также судить по разнице между счислимой и действительной позицией нашего плота, ежедневно определяемой Эриком.

На самом пороге Полинезии ветер вдруг спал, передав нас слабому течению, которое, к нашему ужасу, держало курс на Антарктиду. Правда, мертвого штиля не было не только в этот раз, но и вообще за все плавание, а при слабом ветре мы ставили паруса, чтобы использовать малейшее дуновение. Не было дня, когда бы нас несло обратно к Америке, и самый маленький суточный переход составлял девять морских миль (около семнадцати километров), средняя же скорость была сорок две с половиной морской мили (семьдесят восемь с половиной километров) в сутки.

Но совесть не позволила пассату совсем бросить нас на финише. Он снова заступил на вахту и принялся подталкивать разболтанный плот, который готовился к завершающему броску в незнакомой части света.

С каждым днем росло количество морских птиц, бесцельно круживших над нашим плотом. Однажды вечером, когда солнце готовилось нырнуть в море, мы заметили, что птицы вокруг сильно прибавили ходу. Они спешили на запад, не замечая ни нас, ни летучих рыб. С верхушки мачты мы убедились, что, пройдя над нами, птицы дальше летят одним курсом. То ли им сверху было видно что-то, чего мы не могли разглядеть, то ли они просто следовали инстинкту. Во всяком случае, они целеустремленно летели к ближайшему острову, к своим гнездам.

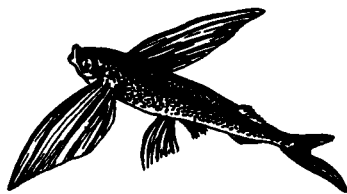
Мы повернули кормовое весло, чтобы плот шел туда же, куда исчезали птицы. И после того как стемнело, мы

слышали отставших, которые шли под звездным небом тем же курсом, что и плот. Ночь выдалась чудесная, в третий раз после нашего старта была почти полная луна.

На следующий день в воздухе над нами стало еще больше птиц, но на этот раз нам не надо было дожидаться вечера, чтобы они указали путь, это сделало за них появившееся над горизонтом неподвижно стоящее облако. Остальные облака легкими хлопьями возникали на небе на востоке, увлекаемые пассатом, пересекали небосвод и исчезали за краем моря на западе. Так вели себя пассатные облака, когда я познакомился с ними на Фату-Хиве, и ту же картину мы день и ночь наблюдали в небе над «Кон-Тики». А одинокое облако над горизонтом на юго-западе не трогалось с места, торчало, будто столб пара, пропуская мимо пассатные. По-латыни такие неподвижные облака называются кумулюнимбус. Полинезийцы этого не знали, зато они знали, что под такими облаками находится суша. Тропическое солнце раскаляет песок, получается восходящий поток горячего влажного воздуха, который, достигнув более холодных слоев атмосферы, конденсируется.

Мы правили на это облако, пока оно не скрылось после заката. Ветер был ровный, и с закрепленным рулем «Кон-Тики», как всегда в хорошую погоду, сам держал курс. Теперь задачей вахтенного было сидеть, сколько хватит выдержки, на истертой до блеска дощечке на мачте, высматривая признаки земли.

Всю ночь в воздухе над нами стоял оглушительный птичий крик. И с неба светила почти полная луна.

Глава седьмая

ВСТРЕЧА С ПОЛИНЕЗИЕЙ

Первая встреча с землей. — Нас относит от Пука-Пуки. — Праздник у рифа Ангатау. — У врат рая. — Первые полинезийцы. — Новая команда «Кон-Тики». — Кнют получает увольнение на берег. — Неравная схватка. — Нас опять относит в море. — Опасные воды. — От Такуме до Рароиа. — Нас несет к чертовой мельнице. — Во власти прибоя. — Крушение. — На коралловом рифе. — Мы находим необитаемый остров.

В ночь на тридцатое июля на «Кон-Тики» царило какое-то особенное настроение. Возможно, неумолчный гомон морских птиц вызвал у нас ощущение, что назревает что-то необычное. Три месяца мы, кроме шума моря, слышали только монотонный, безжизненный скрип канатов, после этого многоголосый птичий хор казался таким земным и пылким. И луна, плясавшая вокруг впередсмотрящего на мачте, выглядела небывало большой и круглой. Глядя на нее, мы представляли себе пальмовые кроны и

тропическую романтику; луна не была такой желтой, когда свет ее падал на холодных рыб в пустынном океане.

В шесть утра Бенгт покинул наблюдательный пункт, разбудил Германа и лег спать. Когда Герман полез на скрипучую, шаткую мачту, уже светало. А десять минут спустя он скатился вниз по веревочному трапу и дернул меня за ногу.

— Вставай, погляди на свой остров!

Лицо его сияло, и я выскочил на палубу, а за мной — Бенгт, который еще не успел по-настоящему заснуть. Один за другим мы вскарабкались на мачту. Кругом метались птицы. В воде отражалась сине-фиолетовая мгла — след отступающей ночи, но восточный горизонт весь зарделся, и румяное зарево быстро росло, а на юго-востоке на багровом фоне зари протянулась слабая тень, будто начерченная синим карандашом.

Земля! Остров! Мы пожирали его глазами, потом растормошили остальных членов экипажа, они ошалело выскочили из хижины и завертели головами в разные стороны, словно ожидая, что плот сейчас врежется в берег. Голосистые морские птицы перекинули в небе мост к далекому острову, который все яснее вырисовывался на горизонте по мере того, как заря из красной становилась золотой.

Нам сразу бросилось в глаза, что остров лежит не там, где он должен быть. Но острова не дрейфуют, значит, плот ночью попал в течение, идущее на север. Одного взгляда на море было достаточно, чтобы по ходу волн убедиться, что этот шанс уже упущен. Отсюда ветер не позволит нам пробиться к острову. Известно, в архипелаге Туамоту хватает сильных местных течений, которые сплошь и рядом меняют направление, столкнувшись с суши, да еще на них влияют мощные приливы и отливы, устремляющиеся через рифы и лагуны.

Мы переложили руль, хотя отлично знали, что это ни к чему. В половине седьмого солнце вынырнуло из моря и, как всегда в тропиках, пошло прямо вверх. До острова теперь было несколько морских миль, над горизонтом словно ползла полоска леса. Деревья сплошной стеной выстро-

ились вдоль узкого светлого бережка, такого плоского, что он поминутно пропадал за волнами. По вычислениям Эрика, это был Пука-Пука, первый из островов Туамоту. Лодка 1940 года, обе наши карты и наблюдения Эрика совсем по-разному указывали координаты острова, но других островов по соседству не было, а потому не приходилось сомневаться в том, что это в самом деле Пука-Пука.

Никто на борту не давал волю своим чувствам. Развернув парус и переложив руль, мы молча смотрели, кто с мачты, кто с палубы, на эту землю, которая вдруг появилась на горизонте среди могучего, необозримого океана. Наконец-то перед нами было наглядное доказательство, что мы все эти месяцы продвигались вперед, а не просто качались вверх и вниз в центре одного и того же водного диска. Все мы были очень довольны, что достигли Полинезии, но все-таки было чуточку досадно, что манящий остров недосягаем, наш долгий дрейф на запад продолжается.

Сразу после восхода солнца над деревьями в левой части острова поднялся к небу столб черного дыма. Мы смотрели на него и представляли себе, как люди на Пука-Пуке, проснувшись, готовят завтрак. Никто из нас тогда не подозревал, что островитяне заметили плот и дым был сигналом приглашения пристать к берегу. Около семи часов наши просоленные ноздри уловили слабый запах горящих сучьев борао. Я сразу вспомнил костер на берегу Фату-Хивы... Еще через полчаса к нам донесся аромат сырых дров и леса. Остров уходил назад, и ветер приносил его дыхание. Мы с Германом минут пятнадцать висели на мачте, упиваясь запахом листьев и трав. Да, это Полинезия, чудесное благоухание плодородной земли после девяноста трех суток среди волн, во власти соленого ветра. Бенгт уже храпел в своем спальном мешке, Эрик и Торстейн, лежа в хижине, предались размышлениям, а Кнют выбежал на палубу понюхать запах листьев, потом опять брался за дневник.

В половине десятого Пука-Пука канул в воду за кормой, но с мачты мы еще до половины одиннадцатого видели на горизонте синеватую полосу. Наконец и она исчезла,

только застывший в небе кумулюнимбус говорил, где лежит Пука-Пука. Птицы отстали. Им больше нравилась наветренная сторона острова: вечером, набив живот, возвращаешься домой с попутным ветром. Заметно поредели ряды корифен, гораздо меньше лоцманов стало под плотом.

Ночью Бенгт заявил, что соскучился по столу и стульям, дескать, уже все бока протер, читая лежа. А вообще-то он был даже рад, что мы промахнулись на этот раз, ему еще осталось прочитать три книги. Торстейну вдруг захотелось яблока, а я проснулся среди ночи оттого, что ощутил чудесный запах котлет с луком. Увы, это была всего-навсего чья-то грязная рубаха.

На следующее утро мы увидели над горизонтом сразу два облака, словно два паровозных дымка. На карте мы прочли названия островов — Фангахина и Ангатау. При господствующем ветре Ангатау нас больше устраивал, и мы взяли курс на него. Закрепили весло и наслаждались привольем и покоем тихоокеанских просторов. В хорошую погоду жизнь на бамбуковой палубе «Кон-Тики» была так хороша! И мы жадно впитывали впечатления, сознавая, что так или иначе путешествию скоро конец.

Трое суток мы держали курс на облако над Ангатау, погода стояла великолепная, рулевое весло само вело плот, и течения не строили нам никаких козней. Утром четвертого дня, сменив Германа, который нес вахту с четырех до шести, Торстейн услышал от него, что в лунном свете на горизонте можно различить что-то вроде низкого острова. Тут и солнце взошло, и Торстейн разбудил нас криком:

— Земля прямо по курсу!

Мы выскочили наружу и бросились поднимать флаги. Первым, на корме, — норвежский, за ним, на мачте, — французский: ведь мы подходили к французской колонии. Дальше последовали все остальные флаги из нашей коллекции — американский, перуанский, шведский, британский, не говоря уже о лихо развевавшемся на свежем ветру флаге Клуба исследователей. Сразу было видно, что «Кон-Тики» принарядился к празднику. В самом деле, остров был расположен идеально, прямо по нашему

курсу и лишь немногим дальше, чем Пука-Пука четыре дня назад. Солнце у нас за спиной быстро поднималось вверх, и мы увидели зеленый отсвет в мглистом небе над островом. Это было отражение тихой, мелководной лагуны за барьерным рифом. Некоторые атоллы дают такое отражение на высоте в тысячи метров, и первобытные мореплаватели знали об их присутствии задолго до того, как остров показывался на горизонте.

Около десяти часов мы сами взялись за руль, надо было решать, к какой части острова править. Уже можно было различить кроны отдельных деревьев; на фоне густой, темной листвы выделялись освещенные солнцем стволы.

Мы знали, что где-то между нами и берегом притаился под водой коварный риф, подстерегающий все, что несет течением к невинному островку. Риф подставлял ножку катящим с востока могучим валам, они поднимались на дыбы, теряли равновесие и, рокоча, обрушивались на острые зубцы. Сколько судов было затянута яростными струями и разбито вдребезги о рифы Туамоту!

Но с моря эту волчью яму не было видно. Идя по ветру, мы видели только покатые лоснящиеся скаты волн, уходящих к острову. Сам барьерный риф и бурлящая вокруг него чертова мельница были скрыты от нас чередой высоких валов. Зато справа и слева от острова, у северной и южной оконечностей, которые мы видели, так сказать, в профиль, море в нескольких сотнях метрах от берега кипело и пенилось.

Мы взяли курс по касательной к беснующимся бурунам у южной оконечности острова. Расчет был такой: дойдя туда, либо поплывем дальше вдоль барьерного рифа, пока не окажемся с подветренной стороны, либо еще раньше на мелком месте остановим дрейф самодельным якорем и будем ждать, пока переменится ветер и остров нас прикроет.

Около двенадцати часов мы увидели в бинокль, что растительность острова состоит из молодых зеленых кокосовых пальм, вздымающих плотно сомкнутые кроны над пышным волнистым кустарником. На берегу лежали на светлом песке огромные глыбы кораллового известня-

ка. И никаких признаков жизни, если не считать парящих над пальмами белых птиц.

К двум часам мы приблизились уже настолько, что пошли вдоль острова совсем близко от коварного кольцевого рифа. Рокот прибоя напоминал гул водопада, а потом стало похоже, что с правого берега, в нескольких сотнях метрах от нас, мчится невероятной длины курьерский поезд. И мы видели, как высоко над гребнями изогнувшихся волн взлетают белые брызги.

На руле стояли два человека, но бамбуковая хижина не позволяла им увидеть, что происходит впереди. Ответственный за навигацию Эрик забрался на кухонный ящик и руководил рулевыми. Дело в том, что мы решили идти возможно ближе к опасному рифу. С мачты наблюдатель упорно высматривал проход или щель, сквозь которую можно было бы юркнуть. Течение шло вдоль рифа и не грозило нам никакими каверзами. Разболтанные гуары позволяли отклоняться до 20° от ветра, тоже направленного вдоль рифа.

Эрик вел плот зигзагами, приближаясь к рифу, насколько позволял прибой, а мы с Германом сели в резиновую лодку и пошли на длинном буксире. И когда плот делал вираж к острову, нас увлекало волнами так близко к рокочущему рифу, что мы видели падающую бутылочно-зеленую стену воды. Отступая, волны обнажали риф, словно баррикаду из ржаво-красной железной руды. Насколько хватает глаз, нигде не видно прохода или хотя бы щели. Тут Эрик разворачивал парус, выбирая левый и потравливая правый шкоты, рулевые переключивали весло, и «Кон-Тики» выходил из опасной зоны до следующего галса.

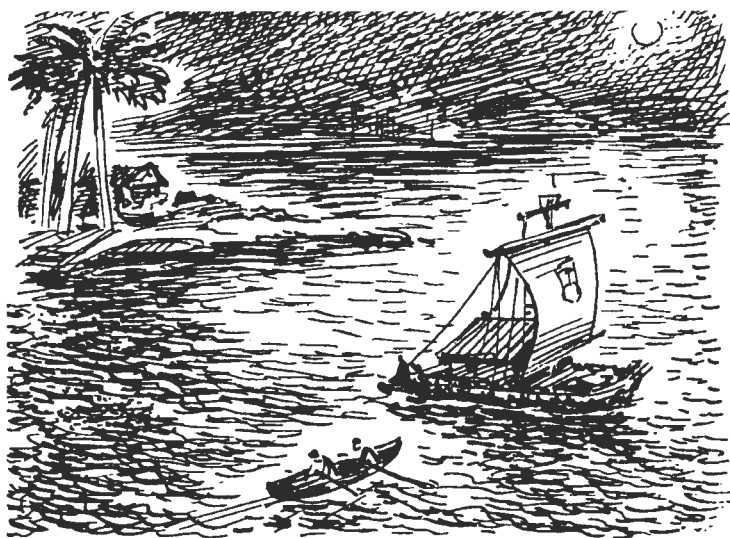
Каждый раз, когда «Кон-Тики», зайдя к рифу, делал поворот, у нас с Германом душа уходила в пятки, потому что мы чувствовали, как возрастает ярость волн. И каждый раз нам казалось, что Эрик переборщил, не вывести ему «Кон-Тики» — прибой понесет плот на свирепый красный риф. Но Эрик уверенно совершал маневр, и «Кон-Тики» благополучно уходил в море, подальше от коварных щупалец прибоя. И все время мы продвигались

вперед, причем настолько близко от берега, что могли разглядеть каждую мелочь. Увы, кипящий «крепостной ров» делал эту райскую красоту недосыгаемой для нас.

Часов около трех пальмовая роща расступилась, и в широкий просвет мы увидели голубое зеркало лагуны. Но барьерный риф все так же стоял плотной стеной, зловеще скаля кроваво-красные клыки. Прохода не было, а там и роща опять сомкнулась; мы продолжали идти вдоль острова, подгоняемые ветром. Дальше просветы следовали один за другим, позволяя заглянуть в сердце атолла, где, будто тихое лесное озеро, простерлась изумительная сверкающая лагуна, окаймленная светлыми пляжами и гибкими кокосовыми пальмами. Восхитительный зеленый островок образовал широкое песчаное кольцо вокруг манящей лагуны; в свою очередь, остров был окружен ржаво-красным рифом, который играл роль меча, охраняющего врата в царство небесное.

Целый день мы шли зигзагами вдоль Ангатау, и до прелестей его было рукой подать. Солнечные лучи ласкали пальмовую рощу, остров был олицетворением радости и счастья. Мы уже настолько отработали свой маневр, что Эрик достал гитару и, надев широкополую перуанскую шляпу, начал распевать чувствительные полинезийские мелодии. Тем временем Бенгт подал вкусный обед. Мы раскололи кокосовый орех из перуанского запаса и выпили его сок в честь свежих орехов на пальмах за рифом. Покой, который излучали ярко-зеленые, прочно вросшие в землю пальмы, парящие над кронами белые птицы, тихая гладь лагуны, мягкий песчаный бережок и свирепость красного рифа, наполняющего воздух канонадой и барабанным боем, — все это производило сильнейшее впечатление на нашу шестерку мореплавателей. Впечатление на всю жизнь... Да, вне сомнения, мы подошли к цели: более типичного полинезийского острова не придумать. Независимо от того, удастся ли нам сегодня причалить, мы достигли Полинезии, необозримый океан остался позади.

Так уж вышло, что этот праздничный день у берегов Ангатау был девяносто седьмым днем нашего плавания.

Девяносто семь суток — срок, который мы наметили в Нью-Йорке как минимальный, при абсолютно идеальных условиях, чтобы достичь ближайших островов Полинезии.

Около пяти часов мы увидели на берегу между деревьями две хижины с крышами из пальмовых листьев. Но дыма не было видно, вообще никаких признаков жизни.

В половине шестого мы снова подошли к рифу. Осталось немного до западной оконечности острова, надо было еще раз напоследок осмотреть барьер: нет ли прохода. Солнце склонилось так низко, что слепило глаза, но все-таки там, где волны разбивались о риф в нескольких сотнях метров от последнего мыса, можно было различить в воздухе небольшую радугу. А мыс выступал силуэтом на фоне неба. Мы заметили на берегу по соседству гроздь каких-то черных пятен. Вдруг одно пятно медленно двинулось к воде, а еще несколько ринулись к лесу. Люди! Мы прижались поближе к рифу, ветер ослаб, и было похоже, что плот скоро окажется с подветренной стороны острова. Вот спускают на воду лодку, двое садятся в нее и гребут там, за рифом. Пройдя немного вдоль коралловой гряды, они повернули лодку, она вошла в проход и, взлетая на гребнях, направилась к нам.

Так вот он где, долгожданный проход, вот она — наша единственная надежда! Между стволами мы теперь видели уже всю деревню. Но тени от деревьев стали заметно длиннее...

Гребцы приветственно помахали нам, мы поспешили ответить тем же, и они прибавили ход. Лодка представляла собой полинезийский аутригер, и два смуглых гребца в трусах и майках работали веслами. Как-то мы объяснимся? На плоту только я знал несколько слов на маркизском диалекте. Конечно, я жил на Фату-Хиве, но в Скандинавии не больно-то попрактикуешься в полинезийском языке.

Поэтому мы облегченно вздохнули, когда, причалив к плоту, гребцы вскочили на бревна и один из них, широко улыбаясь, подал нам руку с приветственным возгласом:

— Гуд найт!

— Гуд найт, — удивленно ответил я. — Ду ю спик инглиш?

Он опять улыбнулся и кивнул:

— Гуд найт, гуд найт.

Этим исчерпывалось его знание иностранных языков, которое явно производило огромное впечатление на второго, более робкого островитянина — он стоял сзади и с восхищенной улыбкой глядел на своего просвещенного друга.

— Ангатау? — спросил я, указывая на остров.

— Х'ангатау, — подтвердил туземец.

Эрик гордо кивнул. Он оказался прав, верно определил по солнцу, где мы находимся.

Я собрался с духом:

— Маимаи хее иута.

Если я правильно запомнил, чему меня учили на Фату-Хиве, это означало: «Хотеть идти к берегу».

Они дружно указали на неразличимый с плота проход в рифе, и мы переложили руль — попытаем счастья. В ту же минуту подул порывистый ветер со стороны острова. Над лагуной повисла дождевая тучка. Ветер норовил отогнать нас от рифа, и тут выяснилось, что «Кон-Тики» недостаточно слушается руля, чтобы выйти к проходу. Мы швырнули в воду якорь, но конец оказался коротким. На-

до браться за весла, да поживей, пока ветер не взялся за нас всерьез. Я предложил весла и островитянам, которые наслаждались полученными от нас сигаретами. Однако они затрясли в ответ головой и снова показали на проход с явным недоумением на лице. Я показал знаком, что надо всем грести, и повторил: «Хотеть — идти — к берегу!» Тогда просвещенный полинезиец нагнулся и покрутил в воздухе правой рукой, сопровождая этот жест звуком:

— Брррррррр!..

Ну конечно, предлагает нам запустить мотор. Они решили, что находятся на борту необычного судна с глубокой осадкой. Мы провели их на корму, чтобы они могли на ощупь убедиться, что там одни бревна — ни корпуса, ни винта. Побросав от изумления сигареты, туземцы заняли место у борта, и вот уже по четыре человека с каждой стороны орудуют веслами. В это время солнце отвесно ушло в море за мысом, и порывы ветра с острова стали заметно чувствительнее. Мы явно не двигались с места. Туземцы прыгнули обратно в лодку и исчезли. Смеркалось, и мы отчаянно гребли вшестером, чтобы нас не унесло опять в море.

Тьма уже поглотила остров, когда за рифом показались четыре лодки. И вот на плоту целый отряд полинезийцев, здороваются, получают сигареты. С такими опытными помощниками мы не пропадем, они не дадут ветру унести плот в море, сегодня вечером быть нам на берегу!

Мы живо впрягли все четыре аутригера в плот, и они раскинулись веером впереди, будто собачья упряжка. Кнют прыгнул в надувную лодку и занял место вожака, а мы сидели у бортов «Кон-Тики» и работали веслами. И начался поединок с восточным ветром.

Луна еще не взошла, стоял кромешный мрак, и дул свежий ветер. На берегу жители деревни натаскали хворосту и разожгли большой костер, чтобы указать нам направление на проход. Рокот прибоя отдавался во тьме, словно гул водопада, и поначалу сила звука росла.

Мы не могли видеть свою артель буксировщиков, но слышали, как они, не жалея глоток, подбадривают себя

воинственными песнями. Кнют старался не отставать, в перерыве между полинезийскими куплетами мы слышали его одинокий голос, распеваящий «Вперед, отважные». Чтобы хаос был полным, мы на плоту затянули «Том Барунз бэби хэд э пимпл он хиз ноуз» («У крошки Тома Брауна был прыщик на носу»). Смеясь и распевая, белые и коричневые навалились на весла.

Настроение было отменное. Девяносто семь суток. Мы в Полинезии. Сегодня вечером в деревне будет праздник. Жители кричали и ликовали. Гости на Ангатау появлялись только раз в год, когда с Таити приходила шхуна за копррой. Да, сегодня у костра на берегу будет весело!

Но этот проклятый ветер не уступал. Мы налегали на весла так, что суставы ныли. И не давали ветру снести плот, но костер не приближался, и прибой ревел, как прежде. Постепенно пение смолкло. Все притихли, занятые греблей. Костер не двигался, только покачивался в лад подбрасывающим нас волнам. Часы показывали девять, поединок длился уже три часа. И вот нас мало-помалу начинает сносить. Мы выдохлись.

Нам удалось втолковать островитянам, что нужны еще люди. Они ответили, что людей-то на берегу хватает, а вот лодок больше на острове нет.

Из темноты показался Кнют. Ему пришла в голову идея: можно подвезти несколько мужчин с берега на надувной лодке. В крайнем случае человек пять-шесть поместятся.

Я возразил, что это слишком рискованно. Кнют не знает здешних вод, ему ни за что не выйти к проходу в такую тьму. Тогда он предложил взять с собой предводителя, пусть покажет дорогу. Мне и эта мысль не очень-то пришлась по душе, ведь им еще никогда не доводилось форсировать опасный узкий проход на неповоротливой надувной лодке. Поэтому я попросил Кнюта пригласить предводителя, который сидел на одном из аутригеров. Послушаем, что он скажет. Было очевидно, что снос остановить нам не под силу.

Кнют ушел во тьму за предводителем. Ждем — ни Кнюта, ни предводителя. Мы покричали и услышали в ответ нестройные возгласы гребцов. Кнют словно в воду

канул. И мы поняли, что в спешке и неразберихе Кнют все перепутал, пошел вместе с островитянами к берегу. Теперь кричи не кричи, не услышит он ничего за оглушительным рокотом прибоя на рифе.

Мы живо отыскивали сигнальный фонарь, один из членов экипажа взобрался на мачту и стал передавать азбукой Морзе: «Вернись. Вернись».

Но никто не возвращался.

Два человека выбыли, третий сидел с фонарем на мачте, и плот начало сносить сильнее; и ведь мы крепко устали. Стоило бросить в воду несколько щепочек, и было видно, что плот медленно, но верно идет не туда, куда нам надо. Костер казался все меньше, и прибой ревел уже не так грозно. И чем дальше мы выходили из-под прикрытия леса, тем сильнее был напор неутомимого восточного ветра. Старый знакомый, вот так он дул и в открытом море. И мы поняли, что поединок проигран. Нас несло в океан. Но весла бросать никак нельзя, надо, сколько хватит сил, грести, тормозить снос, пока Кнют не вернулся на борт.

Прошло пять минут. Десять минут. Полчаса. Костер стал совсем маленьким, порой он вовсе исчезал, когда мы съезжали в ложбины между волнами. Прибой все глуше рокотал вдалеке. Показалась луна, мы разглядели ее сверкающий диск за пальмами на берегу, но небо было мглистое, наполовину затянутое тучами.

Мы слышали, как островитяне совещаются, потом один аутригер вдруг отдал конец и скрылся. Гребцы на остальных трех лодках подустали и оробели, они уже не могли работать в полную силу. «Кон-Тики» уходил в открытое море.

Оставшиеся три буксирных конца ослабли, лодки со стуком уткнулись в борт. Один из полинезийцев перебрался на плот и, тряхнув головой, спокойно произнес:

— Июта. (К берегу.)

Он озабоченно посмотрел на костер, который подолгу пропадал за валами, лишь иногда мелькая вдали, словно искра. Мы быстро удалялись. Шум прибоя заглох, только море плескалось, как прежде, да скрипели на разные голоса канаты.

Мы щедро одарили наших помощников сигаретами, и я поспешно написал записку, чтобы они передали ее Кнюту, если разыщут его. «Попроси, чтобы двое подбросили тебя на аутригере, лодку возьмите на буксир. Ни в коем случае не выходи один на лодке».

Мы рассудили, что дружелюбные островитяне привезут Кнюта на аутригере, если только посчитают безопасным выходить сейчас в море. А не посчитают, тогда со стороны Кнюта было бы безумием в одиночку выходить в океан с надувной лодкой, вдогонку за непокорным плотом.

Островитяне взяли записку и исчезли в ночи. Напоследок мы услышали, как звонкий голос крикнул:

— Гуд найт!

Менее поднаторевшие в иностранных языках одобрительно что-то пробурчали, затем все посторонние звуки смолкли, будто тысяча морских миль отделяла нас от ближайшей суши.

Грести вчетвером при полном ветре в открытом море было бесполезно, но сигналить с мачты мы не переставали. Передавать «вернись» мы уже не решались, просто включали и выключали фонарь через равные промежутки времени. Царил кромешный мрак, луна лишь изредка проглядывала между тучами. Не иначе над нами навис ангатауский кумулюнимбус.

В десять вечера мы окончательно потеряли надежду вновь увидеть Кнюта. Сидя на краю плота, молча пожевали галеты. И все время по очереди слали световые сигналы с мачты, такой одинокой и голой без широкого паруса с головой Кон-Тики.

Мы были готовы сигналить всю ночь, покуда не станет ясно, где Кнют. Мы не допускали мысли, что его могло накрыть прибоем. Кнют всегда выходил сухим из воды, будь то тяжелая вода или буруны, и, конечно, он жив. Но уж очень это нелепо, если он останется с полинезийцами на уединенном острове в Тихом океане. Совсем глупо. После такого плавания только понюхать земли, высадить человека в глухом уголке Полинезии, а самим пойти дальше... Не успели первые полинезийцы ступить на

борт, как им пришлось уносить ноги, чтобы не оказаться жертвами безудержного стремления «Кон-Тики» на запад. Черт те что. И канаты скрипели как-то особенно нудно. Никто из нас не помышлял о сне.

Часы показывали половину одиннадцатого. Бенгт спускался с качающейся мачты, отсидев свое. Вдруг мы вздрогнули. Из темноты к нам явственно донеслись чьи-то голоса. Вот опять. Полинезийская речь. Мы закричали «эгей!» что было мочи. В ночи отдалось ответное «эгей!», и мы узнали голос Кнютя! От радости мы были готовы, как говорится, съесть собственную шляпу, усталость прошла, мрачное настроение разрядилось. Подумавшись, нас отнесло от Ангатау — в океане полно других островов. Теперь эта неутомная девятка бальсовых бревен может дрейфовать куда угодно, была бы наша шестерка в полном составе на борту.

Прыгая через валы, из мрака вынырнули три аутригера, и Кнют первым выскочил на палубу старого доброго «Кон-Тики», за ним последовали шесть полинезийцев. Долго беседовать было некогда, надо поскорей вручить подарки, чтобы они могли пуститься в опасный путь обратно на остров. Не видя ни огней, ни берега — даже звезды едва можно было различить, — гребцы могли руководствоваться только ветром и волнами, идти против них, пока не покажется костер. Мы щедро вознаградили их съестным, сигаретами и другими подарками, и они горячо пожали нам руки на прощанье.

Островитяне явно беспокоились за нас, жестами они дали понять, что на западе нас подстерегает грозный риф. Предводитель со слезами на глазах поцеловал меня в щеку, да так горячо, что я мысленно поблагодарил судьбу за свою пышную бороду. Затем они вернулись в лодки, и мы снова остались одни на плоту, в полном составе.

Предоставив «Кон-Тики» дрейфовать как ему заблагорассудится, мы слушали рассказ Кнютя.

Неправильно истолковав мое распоряжение, Кнют взял к себе в надувную лодку предводителя гребцов и пошел с ним к берегу. Полинезиец сам работал веслами, ве-

дя лодку к проходу в рифе. Вдруг Кнют, к своему удивлению, увидел сигналы с «Кон-Тики», предлагающие ему вернуться. Жестом он показал гребцу, что надо поворачивать, но тот не подчинился. Кнют сам ухватился за весла, но полинезиец оттолкнул его руки. Затевать потасовку рядом с ревушим во мраке рифом было нелепо. Они вприпрыжку прошли сквозь проход и продолжали идти уже под прикрытием рифа, пока волна их не посадила на глыбу коралла на берегу. Множество рук тотчас подхватило резиновую лодку и оттащило ее подальше от воды, и Кнют очутился под пальмами, окруженный толпой островитян, тараторивших что-то на непонятном для него языке. Смуглые босые мужчины, женщины и дети всех возрастов обступили гостя, щупали его рубашку, штаны. На них тоже была европейская одежда, но старая, изношенная. Белых на острове не было.

Кнют обратился к самым крепким парням, жестами пригласил их выйти с ним на лодке. Тут появился какой-то толстый здоровяк, не иначе вождь, потому что на нем была старая форменная фуражка и говорил он громко и властно. Все расступились, пропуская его. Кнют толковал по-норвежски и по-английски, что ему нужны люди, надо добраться до плота, пока нас не унесло совсем. Но вождь его не понимал и только улыбался в ответ. Как Кнют ни возражал, гомонящая толпа увлекла его за собой в деревню. Здесь его встретили собаки, свиньи и куры; очаровательные молодые полинезийки поднесли ему свежие фрукты. Островитяне явно задумали потрафить Кнюту, но он не поддавался ни на какие соблазны, с грустью думая об уходящем на запад «Кон-Тики». Понять их было нетрудно. Они истосковались по людям из внешнего мира, и они знали, что у белого человека на судне есть всякая всячина. Нужно только задержать Кнюта, тогда и мы причалим к берегу со своим необычным судном. Белые ни за что не бросят своего товарища на таком уединенном островке, как Ангатау.

После всяких приключений Кнюту удалось все-таки настоять на своем, и сквозь толпу почитателей и почита-

тельниц он начал протискиваться к надувной лодке. На международном языке жестов он втолковал островитянам, что должен непременно возвратиться на это странное судно, которое почему-то упорно стремилось дальше.

Тогда полинезийцы пустились на хитрость и знаками показали Кнюту, будто мы уже идем к берегу за мысом. Кнют растерялся, однако тут послышались громкие голоса у костра, в который женщины и ребятишки непрерывно подбрасывали хворост. Это вернулись три аутригера, и гребцы передали Кнюту нашу записку. Отчаянное положение! В записке говорилось, чтобы он не выходил один в море, а островитяне наотрез отказывались проводить его.

Разгорелся шумный и жаркий спор. Видевшие плот отлично понимали, что удерживать Кнюта, чтобы привлечь остальных, нет смысла. В конце концов Кнют посулами и угрозами убедил гребцов помочь ему догнать «Кон-Тики». И с надувной лодкой на буксире они ушли в тропическую ночь. А возле затухающего костра стояла притихшая толпа, провожая взглядом своего светловолового друга, который исчез так же внезапно, как появился.

Выйдя в море, провожатые Кнюта заметили с гребней мигание нашего фонаря. Узкие, стройные полинезийские челны с островным противовесом для устойчивости ножом резали волну, и все-таки Кнюту казалось, что прошла вечность, прежде чем он снова ступил на толстые бревна «Кон-Тики».

— Что, хорошо на берегу? — завистливо спросил Торстейн.

— Еще как! Ты бы видел, какие там девушки! — поддразнил его Кнют.

Мы не стали поднимать парус, весла тоже оставили в покое, забрались в хижину и уснули как убитые.

Трое суток мы шли дальше, не видя никаких признаков суши.

Нас несло прямо на грозные рифы Такуме и Рароиа, которые выстроили на нашем пути барьер длиной в семьдесят—восемьдесят километров. Мы делали все, чтобы обойти с севера эти коварные гряды, и нам казалось, что

это удастся, пока вахтенный ночью не ворвался в хижину с криком: «Подъем!»

Ветер переменялся. Он гнал плот на риф Такуме. Шел дождь, видимость была равна нулю. А до рифа оставалось совсем немного. Тут же мы устроили совет. Дело шло о жизни и смерти. Теперь нечего было и думать о том, чтобы обогнуть риф с севера, оставалось попытаться сделать это с юга. И, переложив парус и руль, мы легли на рискованный курс, подгоняемые неустойчивым северным ветром. Если опять подует с востока, прежде чем мы минуем восьмидесятикилометровый фасад рифов, нам уже не спастись от ярости прибоя.

На случай аварии был разработан план, как себя вести. Во что бы то ни стало надо удержаться на плоту. На мачту не влезать, оттуда нас стряхнет, как перезревшие плоды, будем изо всех сил цепляться за штаги, когда плот захлестнет волнами. Резиновую лодку положили на палубе, а в нее погрузили и покрепче привязали маленькую герметичную радиостанцию, немного провианта, фляги с пресной водой и аптечку. Если при форсировании рифа мы останемся без снаряжения, этот аварийный запас вынесет на берег независимо от нас. На корме «Кон-Тики» мы укрепили длинный канат с поплавком: его тоже выбросит, и мы попробуем подтянуться к берегу, если плот застрянет на рифе. После совета мы снова улеглись спать, оставив под дождем рулевого на вахте.

Пока держался северный ветер, мы медленно, но верно дрейфовали на юг мимо притаившегося за горизонтом кораллового рифа. Но однажды под вечер ветер стих, а вернулся он уже с востока. По расчетам Эрика, нас снесло на юг так далеко, что появилась надежда обойти южную оконечность рифа Рароиа. А там попытаемся зайти сзади и укрыться с подветренной стороны, пока нас не отнесло дальше, к другим рифам.

Когда спустилась ночь, мы отметили сотые сутки своего пребывания в океане.

Среди ночи я проснулся от какого-то тревожного предчувствия. Волны вели себя как-то странно — «Кон-Тики»

шел не так, как обычно в таких же условиях. Мы научились сразу улавливать перемену, если бревна начинали колыхаться по-другому. Подумав, что сказывается откат от встречи волн с приближающимся берегом, я поминутно выходил и карабкался на мачту. Океан, один океан кругом. Но уснуть я уже не смог. Время тянулось очень медленно.

На рассвете, часов около шести, Торстейн, дежуривший на мачте, скатился вниз и сказал, что прямо по курсу вдали видно цепочку островков с пальмами. Первым делом мы переложили руль так, чтобы идти возможно южнее. Судя по всему, Торстейн увидел коралловые островки, которые выстроились в круг за рифом Рароиа, будто бусы в ожерелье. Значит, нас опять подхватило течение, идущее на север.

К половине восьмого вдоль всего горизонта на западе открылась гирлянда островов. Самые южные из них лежали прямо на носу, остальные тянулись справа, теряясь вдалеке на севере. До ближайших островов оставалось четыре-пять морских миль.

Одного взгляда с макушки мачты было довольно, чтобы убедиться: хотя нос плота и смотрел на крайний южный островок гирлянды, боковой снос был настолько силен, что мы шли не прямо, а наискосок, в сторону рифа. Будь наши гуары в порядке, мы еще могли бы попытаться обойти грядку. А нырнуть и укрепить вихляющиеся доски новыми растяжками мы не смели: возле самого плота увивались акулы.

Стало очевидно, что нам осталось плыть на «Кон-Тики» от силы часа два. За это время надо было подготовиться к неминуемому крушению на рифе. Каждому было сказано, что делать в решающую минуту, каждый точно знал свои обязанности, чтобы не метаться и не мешать друг другу, когда все будут решать секунды. «Кон-Тики» переваливал через волны, вверх-вниз, и ветер упорно тащил нас к барьерному рифу. Не оставалось никакого сомнения, что частая неровная волна вызвана откатом валов, которые попусту колотятся о коралловую грядку.

Мы не спускали парус, еще надеялись, что удастся обогнуть риф. Приближаясь бортом к нему, мы увидели, как гирлянда островков смыкается с торчащей из моря

рванной грядой, похожей на мол, на котором бурлила белая пена и высоко вверх взлетали кипящие каскады.

Кольцевой риф Рароиа напоминает овал с поперечником в сорок километров, его длинная сторона обращена на восток, откуда мы приближались вместе с волнами. Ширина самого барьера всего несколько сот метров, а за ним тянется цепочка идилических островков, окруживших тихую лагуну.

Не очень-то приятно было смотреть, как голубые валы Тихого океана разбиваются вдребезги впереди с обеих сторон, сколько хватает глаз. Я знал, что нас ожидает, уже бывал на Туамоту — стоял в безопасности на берегу и любовался грозным зрелищем на востоке, где могучий океанский прибой обрушивался на барьерный риф. На юге из-за горизонта появлялись все новые рифы и острова. Видно, мы очутились перед самым фасадом коралловой стены.

На борту «Кон-Тики» шли последние сборы. Все ценные для нас предметы внесли в хижину и прочно привязали. Документы и записи уложили в непромокаемые мешочки вместе с фотопленкой и другими вещами, боящимися воды. Хижину накрыли парусиной, которую укрепили прочными растяжками. Когда стало ясно, что столкновения никак не избежать, мы подняли палубный настил и секачами перерубили крепления гуар. Мы основательно помучились, вытягивая доски — они густо обросли морскими уточками. Зато без них плот сидел не так глубоко, мог легче перевалить через риф. Без гуар, с убранным парусом плот совсем развернулся боком и превратился в игрушку ветра и волн.

Привязав самый длинный конец к самодельному якорю, мы закрепили его за колено мачты, опирающееся на левый борт. Когда бросим якорь, «Кон-Тики» войдет в прибой кормой вперед. Сделали мы его из пустых канистр, набитых израсходованными батареями и прочим тяжелым утилем, и кусков мангрового дерева.

Приказ номер первый (и последний) гласил: «Держаться за плот!» Что бы ни случилось, надо было оставаться на плоту, пусть девять могучих бревен принимают

на себя удары рифа. С нас довольно предстоящего поединка с валами. Прыгнешь за борт — окажешься во власти прибоя, и пойдет тебя швырять на острые зубья. Резиновую лодку круглые волны опрокинут, и если мы в нее влезем, она с таким грузом будет разорвана в клочья о риф. А бревна рано или поздно вынесет на берег, и нас вместе с ними, если сумеем удержаться на плоту.

Я велел также всем обуться, впервые за сто суток, а также приготовить спасательные жилеты. Правда, от жилетов мы не ждали особой пользы, ведь если свалишься за борт, тебя разобьет о кораллы раньше, чем ты утонешь. Время еще позволяло взять свои паспорта и поделить оставшиеся доллары. Вообще мы не могли еще пожаловаться на нехватку времени.

Потянулись напряженные часы. Нас неумолимо несло боком все ближе и ближе к рифу. На борту царило подчеркнутое спокойствие, мы молча передвигались по палубе, каждый был занят своим делом. Серьезное выражение лиц... говорило, что никто не обманывается насчет того, что нам предстоит. А отсутствие нервозности свидетельствовало, что все успели проникнуться доверием к плоту. Если он одолел океан, то как-нибудь сумеет доставить нас живыми на берег.

В хижине громоздились картонки с провиантом и прочий груз. Торстейн с трудом втиснулся в радиоугол и включил передатчик. Восемь тысяч километров отделяли нас от нашей базы в Кальяо и военно-морского училища, с которым все время держали связь; еще больше было до коротковолновиков в США. Но вышло так, что накануне нам удалось связаться с опытным радиолобителем на острове Раротонга в архипелаге Кука, и вразрез с обычным порядком был назначен дополнительный сеанс на утро. И вот теперь, когда волны несли нас к рифу, Торстейн взялся за ключ и начал вызывать Раротонгу.

В 8.15 в вахтенном журнале «Кон-Тики» появилась запись:

«Медленно приближаемся к суше. Право по борту можно простым глазом различить отдельные деревья на берегу».

8.45:

«Ветер опять переменялся не в нашу пользу, у нас нет надежды обойти риф. Никакой нервозности на борту, идут торопливые приготовления. На рифе перед нами виднеется что-то похожее на остов разбитого парусника, но, может быть, это просто куча плавника».

9.45:

«Ветер несет нас к предпоследнему острову за рифом. Ясно видим весь коралловый риф, белый с красными пятнами кольцевой барьер, чуть выдающийся над водой и окаймляющий все острова. Вдоль всего рифа взлетают в воздух бурлящие волны прибою. Сейчас Бенгт подает сытный горячий завтрак — последний перед великим испытанием! Да, это разбитое судно лежит там, на рифе. Мы подошли уже так близко, что различаем контуры других островов за прикрытой рифом блестящей гладью лагуны».

Глухой рокот прибою надвигался все ближе, весь риф гудел, и казалось, это звучит неистовая барабанная дробь, предвещающая волнующий финиш «Кон-Тики».

9.50:

«Подошли очень близко. Дрейфуем вдоль рифа. Осталось всего несколько сот метров. Торстейн держит связь с радистом на Раротонге. У нас все готово. Пора убирать вахтенный журнал. Настроение у всех бодрое, нам будет нелегко, но *мы справимся!*»

Спустя несколько минут якорь пошел в воду и лег на грунт, после чего «Кон-Тики» развернулся кормой к прибою. Так мы продержались несколько драгоценных минут, пока Торстейн лихорадочно стучал ключом. Раротонга отозвалась. Прибой громыхал, волны дыбились. На палубе кипела работа, и Торстейн наконец передал свое сообщение. Он предупредил, что нас несет на риф Рароиа. И попросил Раротонгу каждый час слушать на этой же частоте. Если мы будем молчать больше тридцати шести часов, пусть известит норвежское посольство в Вашингтоне. Торстейн закончил словами: «O. K. 50 yards left. Here we go. Good-bye». («Вас понял. Осталось 50 ярдов. Связь кончаем. До свидания.») Потом он

выключил станцию, Кнют спрятал бумаги, и оба живо выбрались на палубу. Якорь уже не держал.

Все сильнее ярились волны, разделенные глубокими ложбинами, плот бросало вверх и вниз, вверх и вниз, с каждым разом выше и выше.

Опять прозвучала команда:

— Держаться, не думать о грузе, только держаться!

Бушующие каскады были так близко, что мы уже не слышали ровного гула. Теперь до нас доносился раздельный грохот всякий раз, когда ближайший вал обрушивался на риф.

Все стояли наготове, и каждый держался за ту растяжку, которая ему казалась надежнее. Лишь Эрик в последнюю минуту полез в хижину, у него остался невыполненным один пункт программы — он еще не нашел своих ботинок!

На корме никого не было, ведь удар должен был прийти на нее. К тому же толстые штаги, соединяющие топ-мачты с кормой, нельзя было считать надежными. Если мачта рухнет, они повиснут над рифом. Герман, Бенгт и Торстейн влезли на ящики перед хижинной; Герман взялся за растяжки, идущие от конька крыши, остальные двое уцепились за фалы, спадающие с топа мачты. Мы с Кнютом избрали топ-штаг: если и мачту и хижину смочет за борт, рассуждали мы, штаг, ведущий к носу, все равно ляжет на плот, ведь волны теперь накатывались с носа.

Убедившись, что плот захвачен прибоем, мы обрубили якорный конец — и началось. Могучий вал вырос под нами и поднял «Кон-Тики» вверх. Настала решающая минута, мы шли верхом на гребне с такой скоростью, что разболтанный плот трещал по всем швам. От волнения кровь бурлила в жилах. Помню, стремясь дать выход своим чувствам, я не придумал ничего лучшего, как взмахнуть рукой и изо всех сил закричать «ура!». Мои друзья, несомненно, решили, что я свихнулся, но отозвались улыбкой. Ух как лихо мы неслись вперед! Пробил час боевого крещения «Кон-Тики», все будет хорошо!

Но победный восторг вскоре поумерился. Позади нас зеленой стеклянной горой вздыбилась новая волна, мы

покатились вниз, а она нависла над нами; я увидел высоко вверху ее гребень и в ту же секунду ощутил сильнейший толчок, меня поглотила вода. Волна напирала с неимоверной силой, я весь напрягся, а в голове была одна мысль: держаться, держаться. Скорее руки и ноги оторвутся, чем мозг даст им команду отпустить, зная, чем это кончится. Но вот водяная гора перевалила через меня, свирепая хватка ослабла. Бешеный вал с оглушительным ревом покотился дальше, и я увидел рядом с собой сжавшегося в комочек Кнюта. Сзади огромная волна казалась серой и почти плоской, она прошла над крышей, схлынула, и я увидел прильнувшую к крыше тройку.

Плот еще не дошел до рифа.

Я поспешил покрепче зацепиться руками и ногами за штаг. Кнют отпустил трос и прыжком очутился на ящичках: там хижина принимала часть напора на себя. Ребята прокричали мне что-то ободряющее, в ту же секунду на нас пошла новая зеленая гора. Выкрикнув предупреждение, я сжался и весь напрягся. И снова кругом ад крошечный, и снова «Кон-Тики» исчез под водой. Могучий океан всей грудью навалился на маленького человека. Вторая волна схлынула, за ней точно так же прошла третья.

Вдруг я услышал торжествующий голос Кнюта, который теперь висел на веревочном трапе:

— А плот-то не поддается!

Да, три волны смогли только чуть наклонить двойную мачту и хижину. Мы снова ощутили свое превосходство над стихиями, и воодушевление прибавило нам сил.

Тут вырос новый вал, выше всех прежних, я опять крикнул ребятам: «Берегись!» — постарался залезть повыше и покрепче ухватиться за штаг. И вот уже меня поглотила высоченная зеленая стена, метров на восемь, по оценке моих товарищей, и от того места, где я исчез в воде, до бурлящего гребня было не меньше пяти метров. Затем вал захлестнул их тоже, и каждый думал лишь об одном: держаться, держаться, держаться...

Должно быть, тут-то мы и наскочили на риф. Я чувствовал только, как штаг провисает, поддаваясь толчкам, но откуда идут толчки, сверху или снизу, мне было не разобрать.

Поединок с волной длился всего несколько секунд, но он требовал усилий, на которые человек обычно не способен. Видно, в нашем организме есть не только мышечная сила. Я решил: если мне суждено умереть, умру в этой позе, обвязавшись узлом вокруг штага. Грохочущий вал прокатился дальше, ушел, и нам открылось страшное зрелище. «Кон-Тики» преобразился как по волшебству. Судна, с которым мы свыклись за много недель плавания в океане, не было больше, наш уютный мирок в два счета превратился в развалину.

Я видел на борту лишь одного человека. Он лежал ничком поперек крыши, раскинув руки в стороны, а хижина сложилась, будто карточный домик, в сторону заднего правого угла. В безжизненной фигуре я узнал Германа. Больше никого... Твердая как железо мачта с правого борта переломилась, словно спичка, при падении верхняя часть ее врезалась в крышу хижины, и теперь все мачтовое устройство завалилось вправо. На корме развернуло колоду с уключиной, поперечина треснула, весло разлетелось вдребезги. Толстенные сосновые доски носового бортика волна сокрушила, будто фанеру, палуба была сорвана и вместе с ящиками, канистрами, брезентом и другим грузом прилипла, словно мокрая бумага, к передней стене хижины. Всюду торчали обломки бамбука, концы рваных канатов — словом, полный хаос.

Я похолодел от страха. Какой толк, что я удержался? Стоит потерять на финише хотя бы одного человека, и все будет испорчено, а после последнего удара видно пока одного лишь Германа. В эту минуту возле борта показалась скрюченная фигура Торстейна. Цепляясь за штаги, будто обезьяна, он выбрался на бревна и влез на груды обломков перед хижиной. Тут и Герман, продолжая лежать, повернул голову и изобразил ободряющую улыбку. Я крикнул: «Где остальные?» — и услышал спокойный голос Бенгта: «Все на плоту». Они лежали, держась за канаты, за баррикадой, которую образовал сорванный валом палубный настил.

Все это произошло за те секунды, когда «Кон-Тики» вместе с волной отступал от шипящего рифа — навстречу

новой волне. В последний раз я что было мочи рывкнул: «Держись!» — и сам показал пример. Держась за штаги, я на две-три бесконечно долгие секунды канул в ревущую стремнину. Все, больше сил нет. Я увидел, что концы бревен бодают крутой уступ в коралловой гряде и никак не могут перевалить через нее. Затем нас снова потащило назад. Я видел также своих товарищей, распластавшихся поперек крыши, но никто из нас уже не улыбался. Из-за бамбуковой плетенки донесся бесстрастный голос:

— Так не пойдет!

И мной тоже овладело отчаяние. Верхушка мачты все ниже склонялась над водой у правого борта, а вместе с ослабевшим штагом и я повис над морем. Еще волна. Когда она прошла, я ощущал смертельную усталость и думал только о том, как бы перебраться на бревна и залечь за баррикадой. Вода схлынула, отступила, и я впервые увидел обнажившийся красный узловатый риф под нами. А Торстейн стоял, пригнувшись, на блестящих влажных кораллах и держал свисающие с мачты концы. Кнют было подался к корме, но я крикнул, что надо оставаться на плоту, и Торстейн, которого смыло за борт, кошачьим прыжком вернулся на бревна.

Еще две или три волны навалились на нас, но уже не так неистово. Смутно помню, как набегала и отступала пенящаяся вода и как я все ниже опускался к красному рифу, через который волны тащили плот. Потом до нас стали долетать только брызги да пена, и я перелез на плот, где ребята уже собрались на его наиболее устойчивой и безопасной стороне, надежно опиравшейся на риф.

Вдруг Кнют присел и, держа лежавший наготове лить, прыгнул на край рифа. Пока волна откатывала, он пробежал вброд метров тридцать и спокойно остановился. Очередная волна, шипя, ринулась следом, выдохлась и широким потоком скатилась обратно с плоской поверхности рифа.

В это время из сплющенной хижины выбрался Эрик — обутый. Сидели бы мы вместе с ним, отделались бы куда легче. Хижину не смыло, она просто легла под парусиной, и Эрик удобно лежал среди груза, слыша грохот при-

боя и видя, как прогибаются упавшие бамбуковые стены. Бенгт получил легкое сотрясение мозга, когда сломалась мачта, но сумел забраться в хижину к Эрику. Нам бы всем там укрыться, да кто же знал, что бамбуковая плетенка, найтовы и бальса так крепко будут держаться друг за друга и устоят против напора воды.

Эрик стоял наготове на корме и, как только волна отступила, тоже прыгнул на риф. За ним последовал Герман, потом Бенгт. Каждая волна закатывала бревна подальше на коралловую грядку, и, когда очередь дошла до нас с Торстейном, плот уже так далеко забрался на риф, что не было причин покидать его. И мы все принялись спасать груз.

Коварный уступ, по которому плот взбирался на риф, остался метрах в двадцати позади нас. Это оттуда одна за другой катили разбившиеся волны. Коралловые полипы потрудились, соорудили такой высокий барьер, что только гребни волн переваливали через него в изобилующую рыбой лагуну. Здесь начинался подлинный мир кораллов, начинались сказочные формы и краски.

Далеко на рифе ребята обнаружили полузатопленную резиновую лодку. Вылив воду, они подтащили ее обратно к разбитому плоту и нагрузили самым драгоценным снаряжением в дополнение к радиостанции, провианту и флягам с пресной водой. Все это мы отбуксировали подальше от прибоя и сложили на торчащей над рифом здоровенной глыбе. Потом пошли за новой партией груза. Лучше не мешкать, а то начнутся приливы да отливы, кто его знает, что нас тогда ждет.

В мелкой воде на рифе лежало что-то блестящее и сверкало в солнечных лучах. Мы пошли туда и с удивлением увидели две пустые консервные банки. Неожиданная находка, а еще больше нас поразило, что банки были совсем новые, недавно вскрытые, с надписью «Ананас» и другим текстом, совпадающим с надписью на военных пайках, которые мы получили на испытание от квартирмейстера. Оказалось, это наши банки, выброшенные за борт во время последнего завтрака на «Кон-Тики». Они ненамного опередили нас.

Узловатая, зазубренная поверхность кораллового рифа была испещрена промоинами, и вода стояла где по колено, где по грудь. Кораллы, водоросли, морские анемоны придавали рифу вид цветника с окаменевшими мхами, кактусами и красными, желтыми и белыми цветками. Все краски спектра были представлены здесь кораллами и водорослями, моллюсками и червями, юркими рыбами невиданной расцветки. В самых глубоких промоинах к нам в кристально чистой воде подкрадывались небольшие, с метр, акулы. Впрочем, довольно было шлепнуть ладонью по воде, чтобы они бросились наутек.

Там, где потерпел крушение «Кон-Тики», кругом были одни только лужицы да коралловые плиты, а тихая голубая лагуна начиналась дальше. Наступил час отлива, и все новые кораллы появлялись из воды вокруг нас, а неустанно ревуший прибой как бы спустился этажом ниже. Мы могли лишь гадать, что тут будет твориться в разгар прилива. Надо было уходить.

Риф тянулся на север и на юг, будто наполовину врытый в землю крепостной вал. Далеко на юге лежал длинный, густо поросший пальмами остров. А к северу от нас, в каких-нибудь метрах, был другой, совсем крохотный островок. На фоне неба топорщились пальмовые кроны, а к прикрытой рифом мирной лагуне сбегали белые как снег песчаные берега, и островок напоминал корзину с пышным букетом или рай в миниатюре.

Его мы и выбрали.

Герман стоял рядом со мной, вся его бородатая физиономия сияла. Не говоря ни слова, он со счастливой улыбкой протянул мне руку.

«Кон-Тики» все еще лежал на краю рифа, где его обдавали пенистые струи. Развалина, но развалина заслуженная. Волны сокрушили настил и надстройку, но девять бальсовых бревен из киведского леса в Эквадоре уцелели. Они спасли нам жизнь. Море смыло часть груза, однако то, что мы убрали в каюту, было в полной сохранности. Мы забрали с плота все, что представляло какую-то ценность для нас, и перенесли на здоровенную глыбу подальше от воды.

Прыгая с бревен на риф, я поймал себя на том, что мне недостает лоцманов, которые обычно сновали перед носом плота. Могучие бревна лежали на кораллах, где воды было от силы на двадцать сантиметров, и под носом извивались коричневые черви. Лоцманы исчезли. Корифены исчезли. Вместо них среди бревен мелькали любопытные рыбы, плоские, яркие, как павлин, с хвостом в виде шлейфа. Мы пришли в новый мир. Юханнеса не было в его норке. Знать, нашел себе здесь другое убежище.

Я еще раз окинул взглядом разбитый плот и заметил крохотную пальмочку в сплюсненной корзине. Она поднималась на полметра из глазка в кокосовом орехе, свесив вниз два корешка. Держа в руке орех, я пошел вброд к островку. Неподалеку от меня весело шагал Кнют, зажав под мышкой модель «Кон-Тики», в которую он вложил немало труда. Мы обогнали нашего несравненного завхоза Бенгта. Согнувшись в три погибели, с шишкой на лбу, купая бороду в воде, он толкал перед собой ящик, который убегал от него всякий раз, когда через риф в лагуну вливались свежие струи. Бенгт гордо приоткрыл крышку — это был наш кухонный ящик, с примусом и кастрюлями, в полной сохранности.

Никогда мне не забыть, как мы шли через риф к райскому островку. Дойдя до солнечного пляжа, я сбросил ботинки, и пальцы ног погрузились в сухой горячий песок. Вид следов, нарушивших нетронутую песчаную полоску перед пальмами, доставлял мне наслаждение. Я продолжал идти к центру островка, и зеленые кроны сомкнулись над моей головой. На пальцах висели незрелые кокосовые орехи, пышный кустарник был осыпан белоснежными цветами, которые источали сладкое, пьянящее благоухание. Возле самых плеч безбоязненно парили две морские ласточки — белые и легкие, словно два облачка. Маленькие ящерки разбегались во все стороны, но главными обитателями острова были здоровенные алые раки-отшельники, которые бродили повсюду, спрятав нежное брюшко в краденые раковины величиной с яйцо.

В приливе чувств я опустил на колени и погрузил руки в горячий песок.

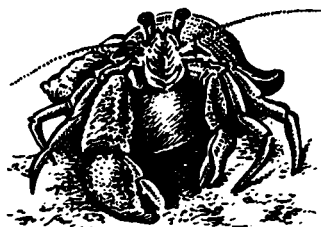
Плавание окончено, и все живы. Нас прибило к необитаемому полинезийскому островку. И что за остров! Подошел Торстейн, сбросил с плеч мешок и растянулся навзничь на песке, любуясь пальмовыми кронами и бесшумно парящими в воздухе невесомыми белыми птицами. Вот уже вся наша шестерка распласталась на земле. Неугомонный Герман влез на небольшую пальму и сорвал гроздь здоровенных зеленых орехов. Срубив секачами мягкие макушки, мы стали жадно глотать самый чудесный и самый освежающий напиток в мире — сладкое, холодное молоко незрелого кокосового ореха. А с рифа доносился ровный рокот барабанов, бессменный караул охранял подступы к раю.

— Чистилище оказалось сыроватым, — подвел итог Бенгт. — Но царство небесное я себе примерно так и представлял.

Мы сладко потягивались и улыбались летящим на запад пассатным облачкам. Мы больше не плыли покорно за ними, все — лежим на неподвижном, твердом островке. В Полинезии...

Лежим, отдыхаем, а вдоль всего горизонта взад и вперед катится тяжелый поезд — прибор.

Бенгт был прав: мы попали в царство небесное.

Глава восьмая

В ГОСТЯХ У ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Робинзоада. — Боимся, что нас спасут. — Все в порядке, «Кон-Тики»!.. — Следы других кораблекрушений. — Необитаемые острова. — Схватка с морским угрем. — Нас находят. — Привидение на рифе. — Посол к вождю. — Вождь навещает нас. — «Кон-Тики» — старый знакомец! — Потоп. — Плот-вездеход. — Вчетвером на острове. — Раройцы забирают нас. — Встреча в деревне. — Предки из страны восходящего солнца. — Праздник. — Лечение по радио. — Мы получаем королевские имена. — Еще одно кораблекрушение. — «Тамара» спасает «Маоаз». — Курс на Таити. — Свидание на пристани. — Королевская жизнь. — Шесть венков.

Островок был необитаемый. Его размер — от силы два метра в поперечнике — позволил нам быстро исследовать пальмовую рощу и все пляжи. Высота над лагуной нигде не превышала двух метров.

В пальмовых кронах у нас над головой висели большие гроздья зеленых орехов — природных термосов, защищающих от тропического солнца холодное кокосовое молоко; в ближайшие недели нам не грозила смерть от жажды. Кроме того, на пальмах были также спелые орехи, остров кишел раками-отшельниками, а лагуна — всевозможной рыбой. Словом, полное благополучие.

На северном берегу мы нашли занесенный песком старый некрашенный деревянный крест. Отсюда была видна кромка рифа с разбитым кораблем, мимо которого мы прошли, прежде чем сами потерпели крушение. Еще дальше на север голубели метелки пальм следующего острова. А ближайшим нашим соседом был зеленый остров на юге. На нем не было видно никаких признаков жизни, но нас пока это не волновало.

Появился прихрамывающий Робинзон-Хессельберг, в громадной соломенной шляпе и с целой охапкой шевелящихся раков-отшельников. Кнют подпалил хворост, и вот уже мы уписываем вареных раков, запивая их кокосовым молоком и какао.

— Ну что, ребята, каково быть на суше? — улыбаясь, осведомился Кнют.

Из всей шестерки ему одному довелось раньше побывать на берегу. Тут же Кнюта качнуло, и он вылил полкастрюли горячей воды на ноги Бенгта. После ста суток на плоту все мы в первый день не очень твердо стояли на ногах и то и дело машинально пружинили коленями, хотя никаких волн, естественно, не было.

Когда Бенгт начал раздавать посуду, Эрик хитро ухмыльнулся. Я сразу вспомнил, как я после завтрака по привычке наклонился через борт и принялся тщательно отмывать свою миску, а Эрик, поглядев на риф, отложил свой прибор и сказал: «Что-то сегодня неохота посуду мыть». Теперь его миска, извлеченная из кухонного ящика, сияла не хуже моей.

Закусив и хорошенько отдохнув, мы занялись отсыревшей радиоаппаратурой. Торстейну и Кнюту нужно было спешить выйти в эфир, пока радиолобитель из Раротонги не передал всему свету печальную весть о нашей гибели.

Большая часть аппаратуры уже лежала на берегу, но тут какой-то ящик на рифе привлек внимание Бенгта, он ухватился за него — и подпрыгнул в воздух. Ударило током, значит, ящик из комплекта радиостанции! Радисты принялись разбирать, переключать и опять собирать, а мы тем временем устраивали лагерь.

Забрав с плота тяжелый промокший парус, мы вытащили его на берег и растянули между двумя пальмами над площадкой, обращенной к лагуне. Колья сделали из выброшенных волнами бамбуковых жердей. Цветущий кустарник, насыщающий воздух упоительным ароматом, образовал три стены, а с четвертой стороны открывался вид на зеркальную гладь лагуны. Чудесное место. Посмеиваясь от удовольствия, мы отбросили в сторону торчащие из песка ветки коралла и сделали себе постели из пальмовых листьев. До темноты у нас было готово уютное гнездышко, и сверху над нами висела большая бородатая физиономия доброго старого Кон-Тики. Он уже не пыхтел, раздуваемый восточным ветром, а неподвижно смотрел на звезды над Полинезией.

Кругом на кустах лежали мокрые флаги и спальные мешки, на песке сушилось прочее имущество. Еще один день на этом солнечном острове, и все отлично просушится. Радистам тоже пришлось сдать до следующего дня, чтобы солнце могло как следует прогреть аппаратуру. Мы сдернули с кустов спальные мешки и улеглись, споря, чей мешок суше. Победил Бенгт, его мешок не хлюпал, когда владелец ворочался.

Проснувшись наутро вместе с солнцем, мы увидели, что парус провис под тяжестью кристально чистой дождевой воды. Бенгт собрал драгоценную влагу, потом отправился к лагуне и принялся вылавливать причудливых рыб, которых заманивал в канавы в песке.

Герман утром жаловался на возобновившуюся боль в шее и спине — память об ушибе, полученном в Лиме, а к Эрику вернулся его радикулит. Вообще же встреча с рифом прошла для нас на диво благополучно, мы отделались мелкими царапинами, если не считать Бенгта, который получил легкое сотрясение мозга, когда обломок

мачты ударил его по лбу. Правда, сам я выглядел довольно своеобразно, руки и ноги сплошь в синяках после объятий со штагом.

Во всяком случае, никто не устоял против соблазна искупаться перед завтраком в прозрачной внутренней лагуна. Кстати, лагуна была огромная. Вдали от берега пассат морщил ее синюю поверхность, а еще дальше с трудом различались голубеющие островки, обозначающие изгиб кольцевого рифа. Но на подветренной стороне нашего островка пассат тихо шелестел в метелках пальмовых крон, заставляя их покачиваться, а зеркало лагуны повторяло каждое движение. Горько-соленая вода была настолько чиста и прозрачна, что мы, пlying в трех метрах над коралловым дном с пестрым рыбьим населением, боялись задеть его и врезаться. Да, то был подлинно сказочный мир. Температура воды — в самый раз, воздух — сухой и горячий от солнца. Но долго купаться мы не могли. Раротонга ждала вестей.

На коралловых плитах в лучах тропического солнца сушились катушки и прочие части, Торстейн и Кнют орудовали паяльником и отверткой. Шли часы, и мы все больше волновались. Бросив остальные дела, окружили радистов: может быть, сумеем чем-нибудь помочь? До десяти вечера мы должны выйти в эфир, не то, как истекнут условленные тридцать шесть часов, радиолюбитель на Раротонге начнет вызывать спасателей.

Полдень, вечер, вот и солнце зашло. Только бы наш корреспондент набрался терпения. Семь часов, восемь, девять... Наши нервы были на пределе. Передатчик молчал, но приемник типа NC-173 начал оживать, в нижней части шкалы звучала слабая музыка. Любительский диапазон еще был нем, однако звук подбирался к нему все ближе. Было похоже, что какая-то из катушек постепенно подсыхает с одного конца. А передатчик упорно хранил безмолвие, искры говорили о замыканиях в схеме.

Осталось меньше часа. Отчаявшись наладить основной передатчик, мы снова взялись за портативную военную рацию. Ее тоже за день испробовали не раз и не два, но без толку. Может быть, теперь просохла. Аккумулято-

ры все до одного были испорчены, мы получали ток от маленького ручного генератора. Крутить было тяжело, и мы четверо, неквалифицированная рабочая сила, сменялись на этой шарманке.

Тридцать шестой час истекал. Помню, кто-то шепотом отсчитывал — семь минут, пять... Потом никто уже не глядел на часы. Передатчик словно воды в рот набрал, зато приемник потрескивал все ближе к нужной частоте. Вдруг «задышала» волна нашего приятеля на Раротонге, мы разобрали, что у него идет разговор с Таити. Нам удалось записать отрывок его послания: «... Ни одного самолета по эту сторону Самоа. Я абсолютно уверен...»

И опять все стихло. Нет, это невыносимо. Что там происходит? Неужели выслали самолеты и спасательные отряды? Наверно, в эфире сейчас тесно от радиограмм.

Двое радистов лихорадочно трудились. Пот катил с них градом, не хуже, чем с нас, «шарманщиков». Мало-помалу в антенну передатчика пошел ток, и Торстейн ликующе показал на стрелку прибора, которая медленно ползла вверх, когда он нажимал ключ. Вот оно!

Мы крутили как сумасшедшие, а Торстейн вызывал Раротонгу. Не отвечает. Еще раз. Передатчик наконец ожил, а Раротонга нас не слышит! Мы стали взывать к Галу и Фрэнку в Лос-Анджелесе, к военно-морскому училищу в Лиме — никто нас не слышал.

Тогда Торстейн выбил CQ, иначе говоря, обратился ко всем, кто в это время слушал на нашей волне.

Это помогло. Чей-то слабый голос в эфире неторопливо вызвал нас. Мы поспешили откликнуться, дескать, слышим. И снова неторопливо:

«Меня зовут Пауль, живу в Колорадо, как звать тебя, где живешь?»

Значит, радиолобитель. Мы крутили, а Торстейн отбил ключом:

«Здесь «Кон-Тики», нас прибило к необитаемому острову в Тихом океане».

Но Пауль нам не поверил. Решил, что его разыгрывает какой-нибудь коротковолновик с соседней улицы, и не стал даже отвечать. Мы рвали на себе волосы от отчаяния.

Сидим под звездами на безлюдном острове, а нам не хотят верить!

Торстейн не унимался, опять взял ключ и принялся передавать: «Все в порядке», «Все в порядке», «Все в порядке». Надо же как-то остановить всю эту махину, пока спасатели не вышли в океан на поиски.

И вдруг в приемнике чуть слышно:

«Что же ты расшумелся, если все в порядке?»

И все, опять в эфире тишина.

Хоть бейся головой о пальмы, пока все орехи не свалят-ся. Один Бог ведает, что бы мы откололи, если бы нас вдруг не услышали сразу и Раротонга, и старина Гал. Гарольд клялся, что, поймав наконец позывные LI2B, от радости пустил слезу. Тотчас дали отбой тревоге. И вот мы снова наедине с собой на своем островке. Вся шестерка повалилась в изнеможении на постели из пальмовых листьев.

На следующий день мы только отдыхали и наслаждались жизнью. Кто купался, кто ловил на рифе невиданных тварей, а самые энергичные благоустраивали лагерь. На мысе, против которого выбросило на риф наш «Кон-Тики», мы на опушке роши вырыли ямку, выстлали ее листьями и посадили проросший орех из Перу. Рядом выложили из кораллов пирамидку, и вместе они указывали на точку, где застрял плот.

Правда, за ночь «Кон-Тики» еще подвинулся, теперь он лежал в лужах между коралловыми глыбами, далеко от края рифа.

После горячих песочных ванн Эрик и Герман почувствовали себя превосходно и захотели совершить поход вдоль рифа на юг, в расчете попасть на большой остров. Я предупредил их, чтобы остерегались не столько акул, сколько мурен, и они сунули за пояс длинные ножи. В коралловых рифах обитает свирепый угорь с длинными ядовитыми зубами, которые способны отхватить ногу человеку. Угорь нападает молниеносно, и полинезийцы, не робеющие перед акулой, страшно его боятся.

Большую часть пути Эрик с Германом шли вброд, но кое-где риф прорезали глубокие желоба, их надо было пе-

ресекать вплавь. Друзья благополучно добрались до острова. Он тянулся на юг под прикрытием рифа — длинный, узкий, между солнечными пляжами зажата полоска пальмовой рощи. Эрик и Герман дошли до южной оконечности. Белопенный риф простирался дальше, к другим островам. Ребята нашли на берегу остатки большого корабля, расколовшегося на две части. Это был старый испанский четырехмачтовый парусник, который вез куда-то железнодорожные рельсы. Ржавые рельсы были раскиданы по всему рифу. На обратном пути наши разведчики осмотрели другой берег, но и тут на песке не было ничьих следов.

Возвращаясь по рифу, они то и дело спугивали экзотических рыб и пытались их поймать. А в одном месте друзья сами вдруг подверглись атаке. В прозрачной воде они увидели идущих на них восемь здоровенных мурен и живо выбрались на большую коралловую глыбу. Скользкие гадины извивались вокруг глыбы, огромные, толщиной в ногу, с маленькой головой, злыми змеиными глазками и острыми, как шило, зубами в дюйм длиной. Пустив в ход ножи, ребята сумели отрубить голову одной мурене и ранить другую. Кровь тотчас привлекла молодых синих акул, и, пока они расправлялись с искалеченными муренами, Герман и Эрик спрыгнули с глыбы и улизнули.

В тот же день, идя вброд по рифу возле нашего острова, я вдруг почувствовал, как кто-то схватил мертвой хваткой мою ногу. Это был спрут. Не очень большой, всего около метра, но до чего же противно было ощущать холодное прикосновение щупалец и глядеть в злые глазки на багровом мешке с изогнутым клювом. Я изо всех сил дернул ногой, но спрут не отпускал. Видно, его привлек бинт у меня на ноге. Рывками я направился к берегу, волоча за собой отвратительную тварь. Лишь когда я достиг суши, он выпустил меня и медленно отступил на мелководье, вытянув щупальца и глядя на берег — дескать, только сунься. Я обстрелял его обломками коралла, и он поспешил исчезнуть.

Все наши приключения на рифе были всего лишь приправой к райской жизни на островке. Но ведь нельзя же

оставаться здесь навсегда, пора было подумать и о том, как вернуться в цивилизованный мир. За неделю «Кон-Тики» пробрался уже на середину рифа, где и осел на сухом месте. Пробиваясь в лагуну, могучие бревна сокрушили на своем пути немало кораллов, но теперь плот прочно застрял, и сколько мы его ни тянули, ни толкали, все было напрасно. Нам бы затащить его в лагуну, а там можно починить мачту и снасти, чтобы пересечь по ветру внутреннюю лагуну и посмотреть, что делается на той стороне. Если есть здесь обитаемые острова, то их надо искать у западного горизонта, где барьерный риф смотрит под ветер.

Шли дни.

А однажды утром примчался один из наших и сказал, что в лагуне показался белый парус. Мы забрались на пальмы и в самом деле увидели крохотную точку, удивительно белую на опалово-синем фоне воды. Точно, там кто-то плывет под парусом. Было видно, как он идет галсами. Потом показался второй парус.

Время шло, и паруса приближались. Они держали курс на наш остров. Мы подняли на пальме французский флаг и размахивали норвежским, привязав его к длинному шесту. Вот уже один парус приблизился настолько, что можно разглядеть лодку — это был полинезийский аутригер с усовершенствованным парусным вооружением. С лодки на нас смотрели два смуглых человека. Мы помахали им. Они замахали в ответ, и аутригер врезался носом в песок у берега.

— Иа ора на, — приветствовали мы по-полинезийски.

— Иа ора на, — дружно ответили островитяне, один из них прыгнул в воду и пошел к нам, увлекая за собой лодку.

Тела коричневые, а одежда европейская. Правда, оба были босиком, зато в самодельных соломенных шляпах от солнца. Они вышли на берег как-то неуверенно, но, когда мы с улыбкой поздоровались с ними за руку, они тоже обнажили сверкающие зубы в улыбке, которая была красноречивее всяких слов.

Наше полинезийское приветствие ввело их в заблуждение точно так же, как были обмануты мы, когда житель Ангатау встретил нас возгласом «гуд найт». И они успели

произнести короткую речь, прежде чем до них дошло, что мы по-полинезийски ни в зуб ногой. Тогда они смолкли и, дружелюбно улыбаясь, показали на вторую лодку, которая приближалась к острову.

В ней сидело трое, они вышли на берег, поздоровались, и оказалось, что один из них кое-как изъясняется по-французски. Мы узнали, что на одном из островов за лагуной есть деревня и ее жители несколько дней назад ночью заметили наш костер. Но так как в рифе Рароиа есть лишь один проход и этот проход находится как раз напротив деревни, никто не может незамеченным попасть на острова. И старики, понятное дело, решили, что люди непричастны к этому свету над рифом на востоке, дескать, там завелась нечистая сила. Естественно, проверить эту догадку никому не захотелось. А тут еще волны принесли из-за лагуны доску с какими-то письменами. Два раройца, которые побывали на Таити и там научились грамоте, разобрали черные письмена и прочли слово «Тики». После этого не приходилось сомневаться, что на рифе водятся призраки, ведь Тики — об этом каждый знал — был родоначальником их племени. Но потом из-за лагуны приплыл хлеб в герметической упаковке, какао, сигареты, даже ящик со старым башмаком. Сразу всем стало ясно, что в восточной части рифа произошло кораблекрушение, и вождь отправил две лодки спасать уцелевших, которые жгли костры на острове.

Поощряемый своими товарищами, островитянин спросил нас, почему на выловленной ими доске было написано «Тики». Мы объяснили, что все наше снаряжение помечено «Кон-Тики», потому что так называется судно, на котором мы приплыли.

Наши новые друзья немало удивились, услышав, что вся команда спаслась и что лежащая на рифе сплюснутая развалина и есть наше судно. Они хотели тут же переправить нас в деревню. Мы поблагодарили и отказались, мол, останемся здесь, пока не стащим «Кон-Тики» с рифа. Полинезийцы с ужасом посмотрели на разбитый плот: неужели мы рассчитываем, что он еще поплывет!

И толмач с жаром сказал, что мы должны последовать за ними — так велел вождь, они просто не смеют возвращаться без нас.

И мы решили, что один из команды поедет посланником от нас к вождю, а потом вернется и расскажет нам про тот остров. Нам не хотелось оставлять плот на рифе, и нельзя было бросать наше имущество. Бенгт отправился с раройцами. Аутригеры столкнули с мели, и ветер быстро увлек их на запад.

На следующий день на горизонте появилась целая стая белых парусов. Не иначе раройцы мобилизовали все плавающие средства, чтобы перевезти нас.

Эскадра зигзагами приближалась к острову, и вскоре мы разглядели на первой лодке среди смуглых фигур нашего Бенгта, который махал нам шляпой. Он крикнул, что привез самого вождя, и мы выстроились в шеренгу на берегу для встречи.

Бенгт важно представил нас вождю. Тот сказал, что его имя Тепиураиарии Териифаатау, но можно говорить просто Тека. Мы предпочли звать его Текой.

Вождь Тека был высокий стройный полинезиец с умнейшими глазами. Человек знатный, он происходил из старого королевского рода на Таити и сам правил островами Рароиа и Такуме. В школе на Таити он научился говорить по-французски, читать и писать. Он знал, что столица Норвегии — Христиания, и спросил, незнаком ли я с Бингом Кросби. Потом Тека рассказал, что за последние десять лет на Рароиа заходило только три иностранных судна, зато несколько раз в год приходит шхуна с Таити, она привозит различные потребительские товары в обмен на копру. Раройцы давно уже ждут ее, она может появиться со дня на день.

Бенгт доложил, что на Рароиа нет ни школ, ни радио, ни белых людей, но сто двадцать полинезийцев, составляющих население деревни, приняли все меры, чтобы нам было у них хорошо, и готовят нам роскошный прием.

Первым делом вождь попросил показать ему судно, которое доставило нас в сохранности на риф. Сопрово-

даемые свитой, мы зашагали вброд к «Кон-Тики». Вдруг наши новые друзья остановились и громко что-то закричали. С этого места были ясно видны бревна нашего плота, и один из раройцев воскликнул:

— Какой же это корабль, это паэ-паэ!

— Паэ-паэ! — подхватили все остальные.

Они галопом пересекли риф и вскарабкались на «Кон-Тики». Словно восхищенные дети, облазили весь плот, ощупывая бревна, циновки, снасти. Вождь был взволнован не меньше других. Вернувшись к нам, он повторял, испытующе глядя на нас:

— «Тики» не корабль, это паэ-паэ!

«Паэ-паэ» означает по-полинезийски «плот» и «помост», а на острове Пасхи этим словом называют также местные лодки. Вождь рассказал, что сейчас паэ-паэ нет, но старики помнят посвященные им древние предания. Могучие бальсовые бревна привели в шумный восторг раройцев, но снасти вызвали у них презрительную гримасу. Мол, такие канаты долго не выдержат действия солнца и морской воды. С гордостью показали они нам снасти на своих аутригерах, сделанные из кокосового волокна: до пяти лет служат.

Возвратившись на островок, мы нарекли его именем фенуа Кон-Тики — остров Кон-Тики. Это название все могли выговорить, а вот наши короткие скандинавские имена оказались для раройцев крепким орешком. И они страшно обрадовались, когда я сказал, что меня можно звать Тераи Матеата — так меня нарек вождь Таити, когда я был там в первый раз.

Раройцы принесли из лодок кур, яйца, хлебные плоды; другие в это время били острогами рыбу в лагуне. И вот уже около лагерного костра пир горой. Мы рассказывали про наши приключения в океане, а историю о встрече с китовой акулой нам пришлось повторять снова и снова. И каждый раз, когда дело доходило до того, как Эрик вонзил ей в череп гарпун, они дружно ахали. Раройцы легко опознавали рыб по нашим зарисовкам и сразу говорили нам их полинезийские названия. Только китовая акула и *Gempylus* оказались им совершенно неизвестными.

Вечером мы включили радио, чем доставили великую радость всей компании. Особенно им пришлось по вкусу церковная музыка. Но вот мы неожиданно для себя поймали настоящую полинезийскую мелодию, ее передавала какая-то американская станция. И самые жизнерадостные из наших новых друзей начали извиваться, подняв руки над головой, а затем и остальные принялись отплясывать хюлу-хюлу. Когда спустилась ночь, все устроились вокруг костра на берегу. Прошедший день был для раройцев таким же событием, как для нас.

Проснувшись на следующее утро, мы увидели, что они уже жарят только что наловленную рыбу, а для утоления жажды стояло шесть кокосовых орехов со срезанными макушками.

В этот день риф ревел грознее обычного, ветер прибавил, и на рифе за разбитым плотом высоко в воздух взлетали брызги.

— Сегодня «Тики» придет в лагуну, — сказал вождь. — Начинается прилив.

Около одиннадцати часов вода устремилась мимо нас, заполняя лагуну, словно большой чан. Море наступало по всей окружности острова. Потом начался настоящий потоп. Вал шел за валом, подминая под себя риф. Мощный поток вдоль обеих сторон острова переносил здоровенные глыбы коралла, смывал широкие отмели, таявшие, как сахар, и намывал другие. Подплыли обломки, а там и весь «Кон-Тики» зашевелился. Мы поспешили отнести наше имущество подальше от берега, чтобы прилив его не смыл. Скоро на рифе над водой остались торчать лишь самые высокие бугры, а пляжи плоского островка совсем затопило, и волны уже лизали траву. Жуткое зрелище. Казалось, весь океан ополчился против нас. «Кон-Тики» развернулся кругом и поплыл, но потом опять застрял на кораллах.

Раройцы бросились в воду. Где вплавь, где вброд, перебираясь с отмели на отмель, они добрались до плота. Кнют и Эрик следовали за ними. На плоту лежал наготове конец, и, как только «Кон-Тики», опрокинув последнюю глыбу на своем пути, снялся с рифа, наши помощники попрыгали в воду и попытались притормозить. Они

не знали нашего «Кон-Тики», не ведали силу порыва, не удержимо влекущего его на запад. Плот поволок их за собой, с ходу миновал последний участок рифа и вошел в лагуну. Очутившись на более спокойной воде, он как бы растерялся и стал прикидывать, какие возможности ему открылись. Прежде чем он успел направиться к выходу из лагуны, раройцы уже обмотали конец вокруг пальмы. И «Кон-Тики», связанный, что называется, по рукам и ногам, остался в лагуне. Наше судно-вездеход одолело баррикаду и проникло во внутренние воды Рароиа.

Под воинственные крики, твердя зажигательное «ке-ке-те-хуру-хуру», мы общими силами подтянули «Кон-Тики» к берегу его тезки. Прилив больше чем на метр превзошел обычную отметку, и мы уже решили, что весь остров исчезнет под водой, но тут потоп прекратился.

Волны в лагуне курчавились барашками, и утлые, черпающие воду челны не могли взять много груза. А раройцы спешили домой, и Бенгт с Германом отправились вместе с ними, чтобы оказать врачебную помощь мальчику, который лежал при смерти в деревне. У него был карбункул на голове, а в нашей аптечке нашелся пенициллин.

Весь следующий день мы провели вчетвером на своем острове Кон-Тики. Восточный ветер так разгулялся, что полинезийцы не могли идти через испещренную мелями и острыми кораллами лагуну. И опять был очень сильный прилив.

Наутро ветер улегся. Нырнув под «Кон-Тики», мы убедились, что бревна целы, хотя риф и снял с них стружку толщиной в дюйм-два. Канаты так глубоко вгрызлись в дерево, что лишь в четырех местах их перерезало кораллами. Мы принялись наводить на борту порядок. Выпрямили сложившуюся гармошкой каюту, починили мачту, и наше гордое судно приобрело более достойный вид.

Попозже вдали опять показались паруса, раройцы пришли за нами и оставшимся грузом. Герман и Бенгт рассказали, что в деревне готовится большое торжество. Когда мы туда приплывем, нужно оставаться в лодках, пока сам вождь не подаст нам знак.

Свежий ветер увлек нас через лагуну, ширина которой здесь была около десяти километров. С печалью смотрели мы, как машут нам, прощаясь, пальмы острова Кон-Тики. И вот уже они затерялись вдали, среди цепочки островков вдоль восточного барьера. А впереди выросли другие острова, покрупнее. Мы увидели мол перед одним из них, а между пальмами вился дымок над крышами хижин.

Но деревня будто вымерла, не видно ни души. Что они затеяли? Наконец мы разглядели на берегу, возле кораллового мола, фигуры двоих людей: один — длинный и тощий, другой — плечистый и толстый, как бочка. Причалив к берегу, мы поздоровались с ними. Это были вождь Тека и его заместитель Тупухоэ, радушная улыбка которого тотчас покорила нас. Тека был дипломат и мудрец, а Тупухоэ — истинное дитя природы, на редкость жизнерадостный, крепкий и веселый. Могучее сложение, гордая осанка — именно таким и представляешь себе настоящего полинезийского вождя. Он и был вождем первоначально, потом постепенно выдвинулся Тека, который умел говорить по-французски и знал счет и грамоту, так что он мог постоять за интересы деревни, когда с Таити приходила шхуна за копррой.

Тека объяснил, что нам надлежит строем пройти к деревенскому дому собраний. И как только все высадились на берег, мы важно зашагали в деревню, Герман — впереди с привязанным к гарпунному древку флагом, за ним оба вождя и я между ними.

Сразу бросалось в глаза, что раройцы торгуют с Таити — в деревне было вдоволь и досок, и гофрированной жести. Рядом с живописными старинными хижинами из корявых жердей и пальмовых листьев стояли сколоченные из досок домишки. Новая вместительная постройка поодаль оказалась тем самым домом собраний, в котором мы должны были разместиться. Следом за нашим знаменосцем мы вошли внутрь через маленькую заднюю дверь и вышли наружу на широкое крыльцо перед фасадом. И на площадке перед домом увидели все население деревни — старых и малых, женщин и мужчин. У них был чрезвычай-

но серьезный вид, даже наши веселые приятели с острова Кон-Тики не подавали виду, что узнают нас.

Как только мы выстроились на крыльце, раройцы дружно грянули... «Марсельезу»! Запевалой был вождь, который знал слова, и в общем получилось здорово, хотя некоторым старушкам было трудно поспевать. Чувствовалось, что они немало порепетировали. Возле крыльца подняли французский и норвежский флаги, на этом официальный прием закончился, и вождь Тека отошел в сторону, дальше роль церемониймейстера взял на себя толстяк Тупухоэ. Он поднял знак, и толпа опять запела, на этот раз куда стройнее, потому что и слова и музыку раройцы сочинили сами, а уж что-что — родную хюлу они петь умели. Трогательно простая мелодия была такой волнующей, что мы слушали как замороженные, глядя на великий океан. Несколько человек запевали, остальные хором подхватывали припев. Музыкальная тема слегка варьировалась, но текст повторялся: «Здравствуйте, Теки Тераи Матеата с товарищами, прибывшие из-за океана на паэ-паэ к нам на Рароиа, здравствуйте, и да продлится ваше пребывание у нас, и пусть у нас будут общие воспоминания, чтобы мы всегда были вместе, даже когда вы уедете в дальние страны. Здравствуйте».

Мы уговорили их спеть еще раз. Мало-помалу скованность прошла, и раройцы заметно ожили. Тупухоэ попросил меня рассказать людям, почему мы пересекли океан на паэ-паэ, дескать, это всем хочется знать. Можно говорить по-французски, Тека переведет.

Хотя мои слушатели не получили образования, они все отлично понимали. Я рассказал, что мне уже пришлось побывать среди их соплеменников на полинезийских островах и в тот раз я услышал об их первом вожде, Тики, который привел сюда, на острова, их предков из неведомо где лежащей таинственной страны. А между тем в далекой стране Перу, объяснил я, некогда правил великий вождь по имени Тики. Народ называл его Кон-Тики, или Солнце-Тики, потому что он вел свое происхождение от Солнца. Тики покинул свою родину на больших паэ-

паэ, потому-то мы шестеро и решили, что он и есть тот самый Тики, который давным-давно приплыл на эти острова. А так как никто не верил, что паэ-паэ мог пересечь океан, мы сами вышли из Перу на паэ-паэ, и вот мы здесь, значит, это все-таки возможно!

Как только Тека перевел мой короткий доклад, Тупухоэ сорвался с места, выскочил вперед и с жаром что-то начал говорить по-полинезийски, размахивая руками и указывая то на небо, то на нас, причем он все время твердил имя Тики. Я ничего не мог разобрать в этой скороговорке, но толпа жадно глотала каждое слово, явно захваченная его речью. Тека даже слегка растерялся, когда дело дошло до перевода.

По словам Тупухоэ, его отец, и дед, и родители деда рассказывали о Тики, что он был их первый вождь, а теперь живет на небе. Но потом пришли белые и заявили, что предания предков ложь. Мол, никакого Тики никогда не было. И на небе его не может быть, там-де живет Иегова, а Тики языческий бог, в него верить больше нельзя. Но вот сегодня из-за океана сюда приплыли мы шестеро и первыми среди белых признали, что их предки говорили правду. Тики жил, существовал на самом деле, а потом умер и попал на небо.

Я испугался, как бы из-за меня все труды миссионеров не пошли насмарку, и поспешил объяснить, что Тики, конечно, существовал, это точно, и умер в свое время, но где он сегодня, на небе или в аду, о том ведает один Иегова, потому что он и впрямь живет на небе, а Тики был смертным человеком, хотя и могущественным вождем, вроде Теки и Тупухоэ, может быть, даже еще могущественнее.

Раройцы с радостью и удовольствием выслушали мои слова; судя по одобрителному гулу и кивкам, такое объяснение их явно устраивало. Тики в самом деле существовал — это самое главное. Если он попал в ад, заключил Тупухоэ, тем хуже для него, зато у ныне живущих больше надежд свидеться с ним!

Три старика протиснулись вперед, чтобы поздороваться с нами за руку. Сразу было ясно, что это они донесли

до наших дней предания о Тики. И точно, вождь отметил одного из них, который знал множество старинных сказаний и исторических песен. Я спросил старика, нет ли в преданиях хотя бы намек, с какой стороны приплыл Тики. Нет, никто из них не помнил ничего такого. Впрочем, поразмыслив как следует, самый старый заметил, что Тики привез с собой одного своего близкого родственника по имени Мауи, а в песне о Мауи говорится, что он прибыл на острова из Пура, то есть из края, где восходит солнце. Но если Мауи приплыл из Пура, продолжал старец, то и Тики, очевидно, был оттуда, ну а наша шестерка уж точно прибыла на паэ-паэ из Пура.

Я сказал раройцам, что на уединенном острове Мангарева, лежащем ближе к острову Пасхи, люди никогда не строили лодок, а вплоть до наших дней пользовались большими паэ-паэ. Это было новостью для стариков, зато они знали, что их предки тоже ходили на больших паэ-паэ, но они со временем вышли из употребления, осталось только название да легенды о паэ-паэ. Давным-давно, добавил старейший, паэ-паэ называли еще ронго-ронго, но теперь это слово забыто. А в древних сказаниях упоминаются ронго-ронго.

Интересное слово! Ибо Ронго (на некоторых островах произносится «Лоно») — имя одного из самых славных родоначальников полинезийцев. Предания подчеркивают, что он был белым и светловолосым. Когда капитан Кук впервые прибыл на Гавайи, островитяне встретили его с расprostертыми объятиями, решив, что это не кто иной, как их белый сородич Ронго после долгого отсутствия вернулся из родины предков на таком большом парусном корабле. А на Пасхе словом «ронго-ронго» называют загадочные письмена, секрет которых был утерян, когда умерли последние «длинноухие», владеющие этой письменностью.

Старики могли без конца говорить о Тики и ронго-ронго, а молодых интересовала китовая акула и наше плавание через океан. Но нас ждало угощение, к тому же Теке надоело быть переводчиком.

Все жители деревни подходили по очереди поздороваться с нами. Мужчины чуть не выдергивали нам руку из плеча, бормоча «иа орана», девушки выходили с лукавинкой во взгляде и смущенной улыбкой, старухи тараторили, хихикали и с любопытством разглядывали наши бороды и кожу. И все относились к нам так дружелюбно, что вавилонская смесь языков не могла служить помехой. Скажут нам что-нибудь непонятное по-полинезийски, мы отвечаем по-норвежски и вместе хохочем. Раньше всего мы запомнили слово «нравится», а так как при этом достаточно было показать на то, что вам нравилось, и вы тотчас получали желаемое, все было чрезвычайно просто. Если же, произнося «нравится», сморщиться — это означало «не нравится». Этим запасом слов вполне можно было обойтись.

Как только мы познакомились со всеми ста двадцатью семью жителями деревни, для обоих вождей и нашей шестерки был накрыт длинный стол, и девушки начали подавать всякие лакомые блюда. Пока одни накрывали, другие принесли венки — большие повесили нам на шею, маленькие надели на голову. Цветы упоительно благоухали и приятно освежали кожу. И вот начался пир по случаю встречи, пир, который кончился, лишь когда мы покинули остров. От одного вида такого угощения у нас слюнки потекли. Стол ломился под тяжестью жареных поросят, цыплят, уток, свежих омаров, полинезийских рыбных блюд, хлебных плодов, папайи и кокосового молока. Мы набросились на угощение, а раройцы для нашего увеселения пели песни, и девушки танцевали вокруг стола.

Ребята чувствовали себя отлично, и, наверно, у нас был потешный вид, когда мы, увенчанные цветами, тряся длинными бородами, расправлялись с кушаньями. Вожди не меньше нашего наслаждались жизнью.

После трапезы началось роскошное представление. Раройцы решили показать нам все свои танцы. Нас и вождей рассадили в первом ряду «партера», затем вышли два гитариста и, присев на корточках, забренчали настоящие полинезийские мелодии. В кольце зрителей, которые пели, тоже сидя на корточках, появились, вращая бедрами, танцоры в два ряда — женщины в шуршащих

юбках из пальмовых листьев и мужчины. Запевала веселая пылкая толстуха, у которой была только одна рука: вторую отхватила акула. Поначалу танцоры нервничали, держались как-то принужденно, но, убедившись, что гостям с паэ-паэ по душе старинные полинезийские пляски, повели себя проще. В ряды танцоров встало несколько человек постарше, они превосходно владели ритмом и искусно исполняли танцы, несомненно ставшие редкостью. И чем ниже склонялось солнце, тем более темпераментной становилась пляска и росло ликование зрителей. Нас уже не воспринимали как чужих, мы стали своими и веселились со всеми заодно. Программе не было конца, один захватывающий номер сменялся другим. Вот группа молодых мужчин села в плотный круг у наших ног. По знаку Тупухоэ они принялись отбивать такт ладонями по земле. Сперва медленно, потом все быстрее и стройнее, и вдруг к ним присоединился барабанщик, который колотил двумя палками по выдолбленной сухой колоде, извлекая из нее резкий, сильный звук. Наконец ритм достиг нужного накала, и зазвучала песня, а затем в кругу внезапно появилась девушка с венком на шее и цветком за ухом. Босые ступни и согнутые колени задавали ритм, бедра вращались, и руки извивались над головой — словом, настоящий полинезийский танец. Она великолепно танцевала, и все принялись отбивать такт кулаками.

Еще одна девушка вбежала в круг, за ней третья. Они двигались поразительно гибко, в безупречном ритме, скользя, будто тени, друг около друга. Глухие удары о землю, звонкая барабанная дробь и песенное сопровождение наращивали темп, и танец становился все стремительнее. Зрители старательно подпевали и хлопали в лад.

Древняя Полинезия ожила перед нами. Мерцали звезды, мерно качались пальмы. Долгую теплую ночь наполнило благоухание цветов и пение цикад. Тупухоэ, сияя всем лицом, хлопнул меня по плечу.

— Маитаи? — спросил он.

— Э, маитаи, — ответил я.

— Маитаи? — повторил он, обращаясь к остальным.

— Маитаи, — дружно отозвались они, и никто не морщился.

— Маитаи, — кивнул Тупухоэ, показывая на себя: ему тоже нравился праздник.

Даже Тека был доволен. И он сказал нам, что впервые белые видят пляски жителей Рароиа. Все быстрее, быстрее мелькали барабанные палочки и хлопающие ладони, от них не отставали песня и танец. Одна из танцовщиц остановилась перед Германом и, продолжая плясать, протянула к нему извивающиеся руки. Герман усмехнулся в бороду, не зная, как реагировать.

— Принимай вызов, — прошептал я, — ты ведь хорошо танцуешь.

И к неописуемому восторгу толпы Герман вошел в круг, слегка присел и начал извиваться, как того требует хюла. Бурное ликование! Скоро Бенгт и Торстейн тоже пошли плясать. Не жалея пота, они старались не отстать от бешеного ритма. Но вот стук барабана перерос в сплошной гул, три солистки, трепеща как осиновый лист, опустили на землю, и тотчас барабан смолк.

Выступление моих друзей вызвало всеобщий восторг, и настроение публики поднялось еще выше.

Следующим был исполнен танец птиц — один из древнейших ритуалов Рароиа. Мужчины и женщины двигались в два ряда, изображая две стаи птиц. Дирижер танца, который носил звание вождя птиц, исполнял замысловатые движения, но в самом танце не участвовал. Когда номер кончился, Тупухоэ объяснил, что он был исполнен в честь плота и будет теперь повторен, но уже со мной в роли дирижера. Я успел подметить, что главной задачей дирижера было издавать дикие вопли и скакать вприсядку, вращая бедрами и размахивая руками над головой, а потом, надвинув на лоб венок, смело вышел на сцену. Глядя на мои коленца, старина Тупухоэ от хохота чуть не упал со скамейки. Музыкальное сопровождение было не ахти какое, так как хор и оркестр хохотали не меньше вождя.

После этого все пошли танцевать, и стар и мал. Барабанщик со своим ансамблем снова заиграли вихревую хюлу-хюлу. Первыми в круг вошли девушки и задали бе-

шенный ритм, затем стали по очереди приглашать нас; остальные сами, без приглашения, присоединялись к танцу, часто-часто подпрыгивая и извиваясь.

Один Эрик сидел как вкопанный. Сырость и ветер на плоту вызвали к жизни его старый радикулит, и теперь он важно восседал на скамейке, дымя трубкой, будто старый шкипер. Тщетно девушки пытались заманить его в круг. В широченных штанах из овчины, которые выручали его ночью в холодном течении Гумбольдта, голый по пояс и с окладистой бородой, он был вылитый Робинзон Крузо. Юные красавицы и так и этак его улещивали — все напрасно. Увенчанный цветами Эрик знай себе с серьезным видом попыхивал трубкой.

Но тут в круг вышла рослая мускулистая матрона. Она кое-как изобразила несколько па хюлы и решительно подошла к Эрику. Он испуганно воззрился на нее, но амазонка с обольстительной улыбкой схватила его за руку и сдернула со скамейки. Чудесные штаны Эрика были надеты мехом внутрь, и сзади из дыры выглядывал белый клочок, вроде заячьего хвоста. Держа в одной руке трубку, а другой прижимая больное место, Эрик нехотя побрел за дамой. Когда он запрыгал под музыку, ему пришлось отпустить штаны, чтобы поймать спадающий с головы венок, однако тут же он опять схватился за штаны: они поехали вниз под собственной тяжестью. Ковыляющая перед ним толстуха представляла собой не менее потешное зрелище, и мы хохотали как сумасшедшие. И вот уже все бросили танцевать, хохочут, так что пальмы трясутся. Только Эрик с партнершей-тяжеловесом продолжали грациозно подскакивать, пока хохот не сморил хор и оркестр.

Праздник продолжался, и только на рассвете нам дали передышку, но сперва пришлось еще раз пожать руку каждому из ста двадцати семи жителей поселка. Это повторялось каждое утро и каждый вечер, сколько мы жили на острове.

В деревне удалось наскрести для нас шесть кроватей, которые расставили в ряд в доме собраний, и мы уснули на них, будто гномы из сказки, с висящими в изголовье венками.

На следующий день шестилетнему мальчугану, у которого был карбункул на голове, стало совсем плохо. Температура поднялась почти до сорока двух, и опухоль на макушке, в кулак величиной, беспощадно нарывала. Еще несколько нарывов поменьше было у него на пальцах ног.

Тека сказал, что эта болезнь сгубила у них уже немало детей и, если среди нас нет врача, дни мальчугана сочтены. У нас был с собой пенициллин в таблетках, но мы не знали, сколько можно дать ребенку. Если малыш умрет во время лечения, это может плохо кончиться для нас.

Кнют и Торстейн вытащили радиостанцию и натянули между самыми высокими пальмами направленную антенну. Вечером они снова связались с нашими заочными друзьями в Лос-Анджелесе — Галом и Фрэнком. Фрэнк позвал врача, и мы отстучали ключом симптомы болезни, а также что есть в нашей аптечке. Фрэнк передал нам ответ врача, и мы среди ночи отправились в хижину к маленькому Хаумате, который метался в жару, окруженный причитающими раройцами: там, наверное, полдеревни собралось.

Герман и Кнют занялись врачеванием, на долю остальных выпала нелегкая обязанность сдерживать натиск родичей. Мать мальчугана пришла в ужас, когда мы явились с ножом в руках и потребовали кипятку. Обрив больного наголо, мы вскрыли нарыв. Гной бил фонтаном, и мы едва успевали выгонять из хижины прорвавшихся жителей. Да, невеселая история. Очистив и продезинфицировав гнойник, мы обмотали голову мальчугана бинтами и начали курс пенициллина. Двое суток он получал таблетки через каждые четыре часа. Температура упорно держалась, и мы продолжали выкачивать гной, а вечером брали радиоконсультацию у врача в Лос-Анджелесе. Наконец температура резко упала, вместо гноя пошла сукровица, и мальчик сразу повеселел, только поспевай показывать ему картинки из странного мира белых людей, с автомобилями, коровами и многоэтажными домами.

Через неделю Хаумата уже играл на берегу с другими детьми, правда, с забинтованной головой, но и повязку мы скоро сняли.

После такого успеха к нам повалили больные. У всех болели зубы и живот, да и нарывов хватало. Мы направляли пациентов к доктору Кнюту и доктору Герману, которые прописывали диету и щедрой рукой раздавали пилюли и мази. Кое-кто поправился, и никому не стало хуже, а когда аптечка опустела, мы принялись успешно пользоваться страдающих истерией старух овсянкой и густым какао.

Прошло несколько дней, и празднества вылились в новое торжество. Нам предстояло пройти посвящение в граждан Рароиа и получить полинезийские имена. Даже мое второе имя, Тераи Матеата, не годилось. Пусть меня так зовут на Таити, но не здесь.

Посреди площади поставили шесть скамеечек для нас, и раройцы собрались заблаговременно, чтобы занять места получше. Тека с важным видом сидел вместе со всеми. Он, конечно, вождь, но, когда дело касалось древних ритуалов, бразды правления переходили к Тупухоэ.

Молчаливые и серьезные, все терпеливо ждали. И вот, опираясь на суковатую палку, торжественно, не спеша идет плечистый, тучный Тупухоэ. Это был другой, серьезный Тупухоэ. Словно погруженный в глубокую думу, он подошел и остановился перед нами — прирожденный вождь, великолепный оратор и артист.

Указывая своей палкой поочередно на запевал, барабанщиков и дирижеров танца, Тупухоэ негромко и сдержанно отдал им краткие распоряжения. Потом опять повернул к нам выразительное смуглое лицо и вдруг широко раскрыл свои глаза, так что огромные белки засверкали вперегонки с зубами. Поднял палку и начал сыпать старинными заклинаниями, причем его понимали только старики, потому что он говорил на древнем, забытом наречии.

Затем Тупухоэ рассказал (Тека переводил), что первого короля, который поселился на этом острове, звали Тикароа, и Тикароа правил всем атоллом, сколько он тянется с севера на юг и с востока на запад, а также до самого неба.

Под звуки старинной песни о короле Тикароа Тупухоэ положил мне на грудь свою могучую длань и возвестил, что нарекает меня именем Вароа Тикароа — Дух Тикароа.

Когда смолкла песня, наступила очередь Германа и Бенгта. Их тоже коснулась смуглая ручища вождя, и один получил имя Тупухоэ-Итетахуа, а второй — Топакино. Так звали двух древних героев, которые вышли на бой с морским чудовищем у входа в лагуну Рароиа и убили его.

Барабанщик выбил бешеную дробь, и вперед выскочили два крепыша в набедренных повязках, с длинными копьями в каждой руке. Начался марш на месте, они поднимали колени до самой груди и угрожающе потрясали копьями, вращая головой из стороны в сторону. Новый всплеск барабана, танцоры высоко подпрыгнули, и начался удивительно совершенный по ритму воинственный танец, настоящий балет. Танец, изображавший схватку героев с морским чудовищем, длился недолго. Новая песня, новый ритуал, и Торстейн получил имя Мароаке в честь одного из древних королей деревни. Эрика и Кнюта окрестили Тане-Матарау и Тефаунуи — так звали двух знаменитых героев-мореплавателей. Сопровождавший их крещение длинный рассказ исполнялся речитативом в головокружительном темпе. Эта бешеная скороговорка призвана была одновременно поразить и позабавить слушателей.

И вот ритуал окончен, снова среди полинезийцев Рароиа появились белые вожди. Вышли в два ряда танцоры и танцовщицы в лубяных юбках и с лубяными коронами на головах. Приплясывая, они приблизились к нам и надели на нас свои короны. Вокруг пояса нам обвязали шуршащие юбки, и праздник продолжался.

Среди ночи обвешанные венками радисты связались с коротковолновником на Раротонге и приняли от него послание для нас с Таити. Губернатор Французской Океании тепло приветствовал нашу шестерку.

По команде из Парижа он поручил правительственной шхуне «Тамара» забрать нас и доставить на Таити, так что нам не надо было ждать, когда появится торговая шхуна. Таити — центр французских колоний в Тихом океане, через него шло все сообщение с внешним миром. Только там могли мы попасть на рейсовый теплоход, чтобы вернуться к себе на родину.

Праздник на Рароиа шел своим чередом. Но вот однажды ночью с моря донеслись странные звуки, и наблюдатели доложили, что у входа в лагуну остановилось судно. Мы бегом пересекли пальмовую рощу и выскочили к морю с подветренной стороны острова. Отсюда открывался вид на запад, где прибой был куда слабее, чем с той стороны, откуда мы пришли на плоту.

У самого входа в лагуну светились судовые огни. Ночь была ясная, звездная, и мы разглядели контуры широкой двухмачтовой шхуны. Может, это и есть шхуна губернатора? Но почему она не заходит?

Островитяне о чем-то взволнованно говорили. Наконец и мы рассмотрели, в чем дело: судно накренилось, грозя совсем опрокинуться на бок. Напоролось на притаившийся под водой риф.

Торстейн посигналил фонарем:

«Как называется судно?»

«Маоаз», — передали в ответ.

Так звали торговую шхуну, которая скупала копру на островах. Теперь она направлялась на Рароиа. Капитан и его команда были полинезийцы и знали наперечет все рифы, но в темноте их подвело коварное течение. Хорошо еще, что сторона подветренная и море спокойное. Впрочем, выходящих из лагуны струй следовало остерегаться. «Маоаз» кренилась все сильнее, и команда перешла в спасательную лодку. Привязав к верушкам мачт крепкие канаты, они отвезли концы на берег и обмотали вокруг пальм, не давая шхуне опрокинуться. Потом с помощью других тросов впрягли лодку в судно, чтобы попробовать, как начнется прилив, стащить «Маоаз» с рифа. Тем временем раройцы спустили на воду все аутригеры и принялись спасать груз. На борту было девяносто тонн драгоценной копры. Партию за партией они перевезли все мешки на сушу.

Прилив приподнял «Маоаз», но недостаточно — судно начало биться о кораллы, и появилась пробоина в днище. И когда рассвело, стало видно, что положение только ухудшилось. Команда оказалась бессильной, разве ста-

щишь с рифа стопятидесятитонную шхуну, располагая только спасательной лодкой и аутригерами. Беда... Если будет и дальше так биться, весь корпус развалится. А как разгуляется море, подхватит шхуну прибой и разнесет вдребезги о барьерный риф.

И радио нет. Правда, у нас был передатчик, но пока с Таити придет спасательное судно, «Маоаз» уже превратится в развалину. И тем не менее вторично за месяц добыча ускользнула от рифа Рароиа.

В полдень на западном горизонте показалась «Тамара». Ее выслали за нами, и команда изрядно удивилась, увидев вместо плота беспомощно бьющуюся на рифе шхуну.

На «Тамаре» находился французский администратор архипелагов Туамоту и Тубуаи, месье Фредерик Анн, которому губернатор поручил встретить нас. На борту были еще два француза — кинооператор и радист; капитан и вся команда были полинезийцы. Месье Анн родился на Таити и хорошо знал морское дело. Он принял на себя командование «Тамарой» на радость капитану, который был только рад избавиться от ответственности в столь опасных водах. Держась в сторонке от лабиринта подводных камней и коварных течений, месье Анн подал толстые тросы на «Маоаз» и начал маневрировать. От него требовалось немалое искусство, потому что приливно-отливные течения грозили затащить на риф обе шхуны.

В прилив «Маоаз» снялась с рифа, и «Тамара» отвела ее на глубину. Но сквозь пробоины в днище хлестала вода, и пришлось поспешно буксировать «Маоаз» в лагуну, где было помельче. Трое суток шхуна стояла у деревни, грозя вот-вот затонуть. Помпы работали день и ночь, и лучшие ловцы жемчуга из местных, вооружившись свинцовыми заплатами и гвоздями, заделали самые большие щели, так что «Маоаз» могла в сопровождении «Тамары» своим ходом добраться до верфи на Таити.

После того как «Маоаз» подготовили к переходу, месье Анн провел «Тамару» между отмелями через лагуну к острову Кон-Тики. Взяв плот на буксир, он пошел к выходу из раройской лагуны. «Маоаз» двинулась следом, чтобы

команда, если в пути откроется сильная течь, могла перейти на «Тамару».

До чего же грустно было расставаться с Рароиа! Островитяне, стар и млад, пришли на мол, от которого отчалила шлюпка, и пели полюбившиеся нам песни.

Среди толпы выделялась могучая фигура Тупухоэ, который держал за руку маленького Хаумату. Мальчик плакал, да и по щекам могущественного вождя катились слезы. Наверное, не было на берегу человека, который бы не проследился, но они продолжали петь и играть, и мы слушали, пока звуки не потонули в реве прибоя на барьерном рифе.

Раройцы проводили песней шестерых друзей, мы оставили на берегу сто двадцать семь верных товарищей. Молча выстроившись у фальшборта, мы смотрели на остров, пока мол не растворился среди пальм, а пальмы не ушли за горизонт. Но еще долго в ушах звучала необычная музыка: «...И пусть у нас будут общие воспоминания, чтобы мы всегда были вместе, даже когда вы уедете в дальние страны. Здравствуйте...»

Через четыре дня из моря вдали вынырнул Таити. Но не гирлянду зеленых метелок увидели мы на этот раз, а суровые, дикие скалы и рвущуюся к нему голубую вершину с венком из косматых облаков.

Когда мы приблизились, на синих склонах проступили зеленые пятна. Пышная тропическая растительность скатывалась вниз по ржаво-красным обрывам и глинистым косогорам в опускающиеся к морю глубокие ущелья и долины. И уж когда осталось совсем немного до берега, мы разглядели стройные пальмы, они густо росли рядом в долинах и вдоль всего побережья, за золотистой полоской пляжа. Таити обязан своим рождением вулканам. Но они потухли, и коралловые полипы оградили остров барьерным рифом, не давая океану разрушить его.

Рано утром мы через проход в рифе вошли в гавань Папезте. Сквозь листву могучих деревьев и пальмовые кроны проглядывали шпили церковей и красные черепичные крыши. Папезте — столица Таити и единственный город во всей Французской Океании. Город радости, ре-

зиденция властей и узел всего транспорта в восточной части Тихого океана.

На пристани сплошной живописной стеной стоял народ. На Таити все новости распространяются с быстротой ветра, и каждому хотелось посмотреть на паэ-паэ, который пришел в Полинезию из Америки.

«Кон-Тики» отвели почетное место возле набережной, и бургомистр Папэте произнес приветственную речь, а совсем юная полинезийка преподнесла нам огромный венок из диких цветов от Полинезийского общества. Потом девушки повесили благоухающие белые венки на шею каждому из нас. Добро пожаловать на Таити, жемчужину Полинезии!

Я искал взглядом моего крестного отца Териероо, предводителя семнадцати вождей Таити. Вот он! Высокий, тучный, такой же живой, как прежде, Териероо вышел вперед и, широко улыбаясь, крикнул: «Тераи Матеата!» Он постарел, но сохранил величественную осанку.

— Долго ты заставил себя ждать, — улыбнулся вождь. — Зато приехал с добром. Поистине твой паэ-паэ доставил на Таити голубое небо (тераи матеата), ведь теперь мы знаем, откуда пришли наши предки.

Состоялся прием у губернатора, потом был праздничный обед в муниципалитете, а затем на нас посыпались приглашения со всех концов гостеприимного острова.

В памятной мне долине Папено вождь Териероо устроил большой праздник, как в старые добрые времена. И так как Рароиа — одно, а Таити — совсем другое, опять состоялись крестины, мои товарищи получили имена таитянских вождей.

Мы жили беспечно под синим небом с белыми облаками. Купались в лагуне, лазали по горам и танцевали хюлу на траве под пальмами. Дни складывались в недели, а недели грозили сложиться в месяцы, прежде чем придет судно, которое доставит нас домой, где каждого ждали дела.

И вдруг из Норвегии сообщили, что Ларс Кристенсен велел пароходу «Тур I» по пути с Самоа зайти на Таити, чтобы переправить членов экспедиции в Америку.

Рано утром четырехтысячетонное норвежское судно вошло в гавань Папэте, и французский военный корабль отбуксировал «Кон-Тики» к борту его соотечественника-великана, который опустил громадную железную руку и поднял меньшого брата на палубу. Над побережьем раскатились мощные гудки пароходной сирены. Толпы людей, коричневых и белых, заполнили набережную Папэте и хлынули на борт парохода с прощальными подарками и цветами. Стоя у поручней, мы вытягивали шею, словно жирафы, силясь высвободить подбородок из венков.

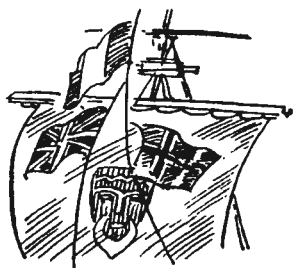
— Если хотите вернуться на Таити, — крикнул вождь Териероо, когда прозвучал последний гудок, — бросьте в лагуну венок, как только отчалите!

Отданы швартовы, зарокотала машина, винт принялся перемешивать зеленую воду, и мы боком, медленно отошли от пристани.

И вот уже красные крыши пропали за пальмами, пальмы растворились в синеве горного склона, а гора беззвучно канула в Тихий океан.

В синем море плескались волны. Но теперь мы не могли до них дотянуться. В голубом небе плыли белые пасмурные облака. Но нам было не по пути с ними. Мы шли наперекор стихиям. Возвращались к XX столетию, и до него еще было далеко-далеко.

Мы стояли на палубе, все живы-здоровы, а в лагуне Таити тихие волны снова и снова прибывали к отлогому берегу шесть белых венков.

Содержание

В поисках рая

<i>К российским читателям</i>	7
<i>Глава первая. В солнечную страну</i>	8
<i>Глава вторая. На коралловых островах Туамоту</i>	28
<i>Глава третья. Уединенные островки</i>	36
<i>Глава четвертая. В бамбуковой хижине на земле древних каннибалов</i>	50
<i>Глава пятая. Нет жизни полинезийцам в краю изобилия</i>	64
<i>Глава шестая. Мы нарушаем табу</i>	85
<i>Глава седьмая. За кулисами пальм</i>	98
<i>Глава восьмая. На Хива-Оа</i>	117
<i>Глава девятая. В безлюдной долине каннибалов</i>	141

Экспедиция «Кон-Тики»

<i>Глава первая. Теория</i>	167
<i>Глава вторая. Рождение экспедиции</i>	180
<i>Глава третья. В Южную Америку</i>	202
<i>Глава четвертая. Через Тихий океан. I</i>	232
<i>Глава пятая. На полпути</i>	256
<i>Глава шестая. Через Тихий океан. II</i>	287
<i>Глава седьмая. Встреча с Полинезией</i>	324
<i>Глава восьмая. В гостях у полинезийцев</i>	353

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, ул. Суцеевский вал, д. 49

Издательство «Армада-пресс»

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптовое-розничную продажу книг производит

Торговый дом «Школьник» по адресу:

Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А (м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76

Хейердал Т.

- X 35 Экспедиция «Кон-Тики»: В поисках рая; Экспедиция «Кон-Тики» / Пер. с норвеж. Л.Л. Жданова; Худож. В.Э. Брагинский. — М.: Армада-пресс, 2001. — 384 с.: ил. — (Вокруг света).

ISBN 5-309-00245-6

«В поисках рая» — первая книга известного норвежского исследователя Тура Хейердала. На Маркизских островах он впервые встречает каменные изваяния и плиты с загадочными рисунками, и у него зарождается интерес к тайне заселения Полинезии. Огромный материал, собранный ученым за десять лет, приводит его к убеждению о существовавших в древности связях между Южной Америкой и Полинезией. Чтобы подтвердить свою теорию, Тур Хейердал с пятью товарищами отправляется в опасное плавание на бальсовом плоту из Перу в Полинезию. Свои приключения знаменитый путешественник описал в увлекательной книге «Экспедиция «Кон-Тики».

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Нор)-44я5

РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Литературно-художественное издание

Зеленая серия
Вокруг света

Тур Хейердал

ЭКСПЕДИЦИЯ «КОН-ТИКИ»

В поисках рая
Экспедиция «Кон-Тики»

Заведующая редакцией
М. Л. Жданова
Ответственный редактор
Л. В. Лобанова
Художественный редактор
Т. В. Новикова
Техническое редактирование
Н. А. Торгашова
Компьютерная верстка
Е. Ю. Ерохина
Корректор
М. В. Макарова

Подписано в печать 30.07.01. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4110122.

ООО «Армада-пресс»
109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д. 5, стр. 1
Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»
ООО «Дрофа»
127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49
Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98

По вопросам приобретения продукции
издательства «Армада-пресс» обращаться по адресу:
127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Нижполнграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Тур Хейердал – норвежский путешественник, археолог и этнограф. Многие годы своей жизни он посвятил изучению происхождения первых обитателей Полинезии и поиску доказательств культурных контактов между древними цивилизациями. Для этой цели в 1947 году он совершил свое знаменитое путешествие-эксперимент на бальсовом плоту «Кон-Тики» из Южной Америки через Тихий океан до берегов Полинезии.

